

ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№ 3(118)

г. Иркутск

2026

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 3 (118) 2026

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836

Издается с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тел./факс (3952) 410-215

e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru

www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры основ российской государственности и цивилистики Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

Н. Г. Казанцева, д-р. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры основ российской государственности и цивилистики Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:

А. А. Тирских, главный редактор редакционно-издательской группы Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., ректор Байкальского государственного университета; профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Тульской области

В. С. Ишигеев, заслуженный юрист Республики Бурятия, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

В. И. Майоров, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф. проф. кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник научно-исследовательского центра №5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., профессор кафедры уголовного и уголовно-процессуального права и правоохранительной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Ж. А. Полянова, кандидат юридических наук, начальник управления научных исследований Экспертно-криминалистического центра МВД России, г. Москва, Российская Федерация

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Е. В. Розова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Бейсенова

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, профессор, зам. начальника института по научной работе Сибирского юридического института МВД России

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30 сентября 2026 г. Дата выхода в свет 30 сентября 2026 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,75

Тираж 1000 экз.

Первый завод 25 экз. Заказ № 21.

Редакционно-издательская группа

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (118) 2026

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

110 Lermontov St., Irkutsk, 664074

Tel/fax (3952) 410-215

e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru

www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2026

Editors

Chief Editor

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor Department of Russian Statehood and Civil Studies East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

N. G. Kazantseva, Doctor of Historical Sciences, PhD. jurid. PhD, Associate Professor, Head of Department of Russian Statehood and Civil Studies East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:

A. A. Tirskikh, Editor-in-Chief of the Editorial and Publishing Group of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Rector of Baikal State University, Professor of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

B. Y. Gavrilov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Management of Crime Investigation Bodies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Honored Jurist of the Republic of Buryatia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

V. I. Mayorov, Honored Jurist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia

I. V. Minnikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minnikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Research Fellow at Research Center No. 5 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, Professor in the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Law Enforcement at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Zh. A. Polyanova, Candidate of Law, Head of the Department of Scientific Research at the Expert Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Institute of Justice of Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor Head of the Department of Criminology, Forensic Science and Legal Psychology of Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Institute for Research Work of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 30 th September 2026. Publication date 30th September 2026.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,75. Issue 1000 copies First issue 25 copies. Order No. 21

Editorial and Publishing Group

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Беженцев А. А. Естественное право: новый ракурс	9
Кобец П. Н. Развитие правовых основ и организации деятельности органов внутренних дел во время Великой Отечественной войны	28
Шабаетова О. А. Цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации: правовое регулирование и семиотические основания	44
Шатилов С. П. Особенности предварительного заключения в годы Великой Отечественной войны.....	61

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Жалене Ю. С. Проблема абсентеизма российской молодежи: причины и стратегии преодоления	73
Мушаков В. Е., Королев В. В. Правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка в период военного положения: современный опыт Луганской Народной Республики	85
Фомичев А. А. О конституционных характеристиках публичной власти	96
Чумарова Е. Ю., Шишкин П. Е. Участие органов внутренних дел в осуществлении контроля (надзора) в сфере оборота оружия на территории Российской Федерации: особенности и проблемы правоприменения	111

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Борков В. Н. Квалификация передачи сотрудником правоохранительного органа средств мобильной связи осужденному	121
Волосевич И. Н. Институт возврата преступных активов: от теоретико-правовых основ к проблемам правоприменения и новым криминальным вызовам	130
Габзалилов В. Ф., Кузнецов Е. В. Терминологическая погрешность в оперативно-розыскном законодательстве: анализ словосочетания «собирать данные» в контексте юридической техники	145
Марсаков И. С. Теоретико-методологические контуры формирования частной оперативно-розыскной методики борьбы с преступлениями в бюджетной сфере	157
Мырзабергенов А. А. Специальный субъект преступления, предусмотренного ч.3 ст. 208 УК РФ: доктринальное обоснование законодательных решений	173

Родивилин И. П. Квалификация преступлений, связанных с трансляцией сцен сексуального характера, в условиях цифровой трансформации общества	184
Столбова Н. А. Проблемы и особенности принятия решения о возбуждении уголовного дела по преступлениям против общественной безопасности, совершаемых с использованием современных технологий.....	198
Сулимов М. А., Якушев Э. В. Отражение положений международного законодательства в «антидопинговых» уголовно-правовых нормах Российской Федерации и Республики Беларусь	210
Тимофеев С. В., Самоделкин А. С. Когнитивная аналитика в оперативно-розыскной деятельности	221
Фомина И. А. Типичные следственные ситуации при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 205.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации, совершаемых в информационно-телекоммуникационном пространстве	239
Шеков А. А., Дашко Л. В. Судебно-экспертное обеспечение профилактики преступлений: состояние, проблемы и перспективы	252
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	266

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Bezhentsev A. A. Natural law: a new perspective	9
Kobets P. N. Development of the legal framework and organization of internal affairs bodies' activities during the Great Patriotic war	28
Shabaeva O. A. Digital transformation of government-legal communication: legal regulation and semiotic foundations.....	44
Shatilov S. P. Features of pre-trial detention during the Great Patriotic war.....	61

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Zhalene Y. S. The problem of youth absenteeism russian: causes and overcoming strategies	73
Mushakov V. E., Korolev V. V. Legal regulation of citizens' participation In the protection of public order during martial law: the modern experience of the Lugansk People's Republic.....	85
Fomichev A. A. On the constitutional characteristics of public power	96
Chumarova E. Y., Shishkin P. E. Participation of internal affairs bodies in the control and supervision of arms circulation in the Russian Federation: features and law enforcement challenges.....	111

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Borkov V. N. Qualification of the transfer of mobile communication devices to a convicted person by a law enforcement officer	121
Volosevich I. N. The institution of recovery of criminal assets: from theoretical and legal foundations to problems of law enforcement and new criminal challenges	130
Gabzalilov V. F., Kuznetsov E. V. Terminological error in operational investigative legislation: analysis of the phrase "to collect data" in the context of legal technique	145
Marsakov I. S. Theoretical and methodological outlines of the formation of a private operational investigative methodology for combating crimes in the public sector	157
Myrzabergenov A. A. Special subject of the crime under part 3 of article 208 of the criminal code of the Russian Federation: doctrinal justification of legislative decisions	173
Rodivilin I.P. Qualification of crimes related to the broadcasting of scenes of a sexual nature in the context of the digital transformation of society	184
N. A. Stolbova. Issues and specifics of the decision to initiate criminal proceedings for crimes against public safety committed using modern technologies	198

M. A. Sulimov, E. V. Yakushev. Reflection of international legislation provisions in anti-doping criminal law laws of the Russian Federation and the Republic of Belarus	210
Timofeev S. V., Samodelkin A. S. Cognitive analytics in operational search activities	221
Fomina I. A. Typical investigative situations in the investigation of crimes under article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation committed in the information and telecommunication space	239
A. A. Shekov, L. V. Dashko. Forensic support for crime prevention: status, problems and prospects	252
INFORMATION FOR AUTHORS	268

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 9–27.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 9–27.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.12

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО: НОВЫЙ РАКУРС

Беженцев Александр Анатольевич

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия (Президентская академия), (РАНХиГС),
adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Введение. Статья посвящена философско-правовому исследованию смысловых связей между естественным типом правопонимания и государственно-юридической практикой, выявлению специфических форм выражения в ней естественно-правовых подходов, изучению механизмов, посредством которых они приобретают правотворческое значение. Предложено операциональное определение общего понятия *естественного права* как закономерностей властного регулирования и саморегулирования человеческого поведения, которые в конкретно-исторических условиях обеспечивают сохранение и развитие человека и общества на основе непрерываемых *естественных законов природы*. Действие этих закономерностей опосредуется человеческим сознанием в виде: а) принципов деятельности по распределению и обмену общественно-значимых благ (юридической деятельности); б) принципов легитимации содержания и форм осуществления такой деятельности.

Материалы и методы. Решение поставленных задач требовало использования системы философских и общенаучных подходов и методов. При этом выбор базовых концептуальных подходов обусловлен прежде всего предметными особенностями выбранной проблемы. В исследовании применялись следующие методы: диалектический, герменевтический, социально-антропологического подхода, общеправовой метод восхождения от абстрактного к конкретному, системный подход, метод сравнительного анализа, методы классификации, мыслительного моделирования, системно-структурного и функционального анализа, структурно-генетического анализа и синтеза, толкования юридических норм.

Результаты исследования. Целью исследования являлось выяснение связей естественного типа правопонимания с практикой юридического регулирования их отношений. Для достижения поставленной цели решены следующие *научные задачи*:

а) раскрыта сущность естественно-правового подхода в философии права и выявлены особенности взаимодействия юснатуралистического правопонимания с другими концептуально-методологическими подходами; б) сконструирована система моделей соотношений естественного права, морали и нравственности; в) обоснована ценность юснатурализма как типа правопонимания и способа философско-правового осмысления правовой реальности; г) проанализировано философско-правовое значение фундаментальных естественно-правовых представлений и понятий; д) установлены бытийные основы естественного типа правопонимания, его социально-исторические источники и факторы развития; е) уточнены особенности и общие тенденции развития современного юснатурализма; ж) усовершенствована типология естественно-правовых подходов и концепций в философско-правовой мысли; з) выявлены социальные и эпистемологические основы очевидности как характеристики естественно-правового познания; и) выяснены влияние социокультурных факторов развития западно- и восточно-европейской правовых традиций на особенности юснатуралистических представлений и политико-юридической практики; к) классифицированы способы сочетания естественного и позитивного права в естественно-правовых концепциях и установлено значение этих способов для государственно-юридического регулирования; л) обоснована классификация естественно-правовых основ (принципов) государственно-юридического регулирования общественных отношений и выделены специфические конструкции, выступающие формами законодательной позитивизации таких основ; м) сформулированы операциональное, с учетом потребностей юридического регулирования, определение общего понятия естественного права, дефиниция понятия естественно-правового подхода в государственно-юридической деятельности и усовершенствована интерпретация понятия позитивизации естественного права.

Выводы и заключения. Результаты научного исследования направлены на дальнейшее развитие философии права, углубление знаний о феномене *естественного права* и юснатурализма в юриспруденции, об их формах и функциях в современной государственно-юридической деятельности.

Ключевые слова: теория права, юснатурализм, естественное право, юридическое мировоззрение, естественно-правовые основы, позитивное право, юридический позитивизм, верховенство права, правовое государство, юридическая деятельность, природа человека, природа вещей, законы природы, природная справедливость, общественный договор

Для цитирования: Беженцев А. А. Естественное право: новый ракурс // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 9–27.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

NATURAL LAW: A NEW PERSPECTIVE

Alexander A. Bezhentsev

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), (RANEPa), Saint Petersburg, Russia, adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Introduction. The article is devoted to the philosophical and legal study of the semantic connections between the natural law type of legal understanding and state-legal practice, identifying specific forms of expression of natural-law approaches within it, and examining the mechanisms through which they acquire law-making significance. An operational definition of the general concept of natural law is proposed as the laws of government regulation and self-regulation of human behavior, which, under specific historical conditions, ensure the preservation and development of individuals and society based on the indisputable laws of nature. The action of these laws is mediated by human consciousness in the form of: a) principles of activity for the distribution and exchange of socially significant goods (legal activity); b) principles of legitimizing the content and forms of such activity.

Materials and Methods. Addressing the stated problems required the use of a system of philosophical and general scientific approaches and methods. Moreover, the choice of basic conceptual approaches is determined, first and foremost, by the subject-matter specifics of the chosen problem. The following methods were used in the study: dialectical, hermeneutic, and socio-anthropological approaches; the general philosophical method of ascending from the abstract to the concrete; a systems approach; comparative analysis; methods of classification and mental modeling; systemic-structural, functional, and structural-genetic analysis and synthesis; and the interpretation of legal norms.

The Results of the Study. The aim of the study was to clarify the connections between the natural law type of legal understanding and the practice of legal regulation of social relations. To achieve this goal, the following scientific tasks were solved: a) the essence of the natural law approach in the philosophy of law was revealed and the features of the interaction of the jusnaturalistic legal understanding with other conceptual and methodological approaches were identified; b) a system of models of the relationships between natural law, morality, and ethics was constructed; c) the value of jusnaturalism as a type of legal understanding and a method of philosophical and legal comprehension of legal reality was substantiated; d) the philosophical and legal significance of fundamental natural law ideas and concepts was analyzed; e) the existential foundations of the natural law type of legal understanding, its socio-historical sources, and factors of development were established; f) the features and general trends of development of modern jusnaturalism were clarified; g) the typology of natural law approaches and concepts in philosophical and legal thought was improved; h) the social and epistemological foundations of evidence as a characteristic of natural law knowledge were revealed; i) the influence of socio-cultural factors in the development of Western and Eastern European legal traditions on the features of jusnaturalistic ideas and political and legal practice was clarified; j) the ways of combining natural and positive law in natural law concepts were classified and the significance of these methods for state and legal regulation was established; k) the classification of natural law foundations (principles) of state and legal regulation of social relations was substantiated and specific constructions acting as forms of legislative positivization of such foundations were identified; l) operational definitions of the general concept of natural law (tailored to the needs of legal regulation) and the natural law approach in state and legal activity were formulated, along with an improved interpretation of the concept of the positivization of natural law.

Findings and Conclusions. The results of this research are aimed at further developing the philosophy of law, deepening knowledge about the phenomenon of *natural law* and *jusnaturalism* in jurisprudence, and their forms and functions in modern state and legal activity.

Keywords: legal theory, *jusnaturalism*, natural law, legal worldview, natural law foundations, positive law, legal positivism, rule of law, rule of law, legal activity, human nature, the nature of things, laws of nature, natural justice, social contract

For citation: Bezhentsev A. A. *Yestestvennoye pravo: novyy rakurs* [Natural Law: A New Perspective]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2026, vol. 118, no. 3, pp 9–27. (In Russ.).

Существенное реформирование юридической системы любой страны сопровождается рецепцией ряда принципов, институтов, норм и конструкций, которые находятся в тесной смысловой связи с концепциями *естественного права*. Это вызвано тем, что, во-первых, при помощи определенных: а) исторических; б) общественно-политических; в) мировоззренчески-идеологических факторов, к которым относится и транзитивный характер юридической системы, происходит трансформация самого типа социума, которую, используя современную терминологию, можно обозначить как смену традиционного общества на модерн. Процесс качественного обновления национального государственно-юридического права требует постоянной оценки и переоценки содержания действующих и вводимых законодательных положений, в которых одним из идейно-методологических базисов являются именно естественно-правовые концепции и теории.

Во-вторых, сказывается общая либерализация юридической политики государства, что актуализирует потребность в обосновании и обеспечении основополагающих прав человека, принципов верховенства права и правового государства. В свою очередь, это приводит к необходимости обращения к концептуальным подходам и учениям, на основе которых в традиции права выработаны и разрабатываются правовые идеалы.

Указанные обстоятельства усиливают интерес к юснатуралистическим концепциям в правовой и философской мысли в трудах Н. Н. Алексеева, С. С. Алексеева, М. И. Байтина, Ю. Я. Баскина, Г. Г. Бернацкого, В. В. Бородина, М. М. Бринчука, Н. В. Варламовой, А. Б. Венгерова, С. Б. Глушаченко, А. Ф. Закомлистова, В. Д. Зорькина, И. А. Исаева, Д. А. Керимова, В. П. Кириленко, С. В. Коваля, И. Ю. Козлихина, Д. И. Луковской, В. П. Малахова, А. В. Малько, Г. В. Мальцева, О. В. Мартышина, Н. И. Матузова, И. Д. Невважая, В. С. Нерсисянца, П. А. Оля, А. В. Полякова, Г. С. Працко, Р. А. Ромашова, Н. Г. Рябченко, В. П. Сальникова, С. Е. Суверова, Ю. А. Тихомирова, И. И. Царькова, А. Ф. Черданцева, А. Г. Чернявского, И. Л. Честнова, В. А. Четвернина, Л. С. Явича.

Никогда не терялся интерес к естественно-правовой проблематике и в правоведении дальнего зарубежья (К.-А. Апель, Л. Вайнреб, Р. Дворкин, И. Кант, Дж. Локк, Н. Макиавелли, С. Пуфендорф, Г. Радбрух, Дж. Ролз, М. Уолцер, Дж. Финнис, Ю. Хабермас).

В то же время значительной частью отечественных юристов пока недостаточно осознаны социальная сущность естественно-правовых подходов и их регулятивный потенциал. Учитывая это, можно утверждать, что сейчас насущными задачами правоведения становятся выяснение влияния естественного правопонимания на государственно-юридическую практику и выявление в ней специфических способов и форм выражения естественно-правовых основ, то есть философско-правовое осмысление процесса позитивизации юснатуралистических представлений. Последнее кажется особенно важным потому, что в юриспруденции остается распространенным восприятие естественного права только как некоторой метафизики, далекой от задач повседневного юридического регулирования. Наряду с этим вышеупомянутый процесс современно и концептуально, с учетом мировой глобализации, изменившегося многополярного мира, прогрессивной ориентации российской державы в области международных, экономических, социальных, юридических взаимоотношений на Азию и Восток, пока не изучен до конца.

Методы исследования. Внутренняя противоречивость юридического регулирования, отражаемая естественно-правовыми представлениями, присущие праву самодвижение и саморазвитие обусловили обращение к положениям диалектики. *Диалектический подход* использовался, в частности, для осмысления динамики бытийных форм естественно-правовых основ юридического регулирования, а также причинно-следственных связей естественно-правовых представлений, понятий и концепций с обстоятельствами социально-исторического генезиса. *Герменевтический подход* применялся, в первую очередь, для анализа смыслов естественно-правовых представлений и понятий для выявления их инвариантных бытийных основ. Раскрытие социальной сущности таких понятий и представлений, их собственной и инструментальной ценности осуществлялось с помощью *социально-антропологического подхода*. Основой для перехода от абстрактно-односторонних представлений о естественном праве к установлению качественной определенности этого явления, которое отражается в них, и к выработке всеобще-конкретного операционального понятия естественного права послужил *общефилософский метод восхождения от абстрактного к конкретному*.

Системный подход – общенаучный, на основе которого устанавливались, в частности, связи юридических регуляторов с другими составляющими социорегулятивной системы, осмысливались взаимозависимости между элементами системы юридической регуляции. Использовался ряд других общенаучных исследовательских методов. В частности, *метод сравнительного анализа* применялся для определения соотношения юснатурализма со смежными направлениями в философии права, для выявления общих и отличительных черт между отдельными естественно-правовыми представлениями, подходами и концепциями. *Метод классификации* использовался для отображения специфики отдельных видов естественно-правовых подходов и концепций, экспликации способов и форм позитивизации естественного права, установления разновидностей естественно-правовых основ (принципов) и конструкций в позитивном праве. На основе *метода мыслительного моделирования* строилась система соотношений между естественным правом, моралью и нравственностью. *Методы системно-структурного и функционального анализа* послужили осмыслению общего понятия юридической деятельности. Функциональный анализ применялся для определения роли

естественно-правовых основ в системах юридического регулирования. С помощью *структурно-генетического анализа и синтеза* конструировалась дефиниция общего понятия естественного права в юридическом регулировании.

Сложность и многоуровневость предмета исследования обусловила обращение к междисциплинарному синтезу достижений социально-философской, нравственной, культурологической, исторической и политико-правовой мысли прошлого и современности.

При рассмотрении отдельных форм выражения естественно-правовых подходов в практике государственно-юридического регулирования использовался комплекс методов *толкования юридических норм*.

I. Естественно-правовая проблематика как предмет философско-правовой рефлексии.

Осмысливая категориально-методологический аппарат исследования, обоснуем необходимость обращения к положениям диалектики как к инструментарию, соответствие которого особенностям объекта и предмета исследования обусловлено внутренней противоречивостью права как органической целостности, присущим ему самодвижением и саморазвитием.

На основе социолого-правового подхода место права в системе социальной регуляции уточняется посредством понятия юридической деятельности. Содержанием такой деятельности предлагается считать властное распределение и обмен общественно-значимых благ и контроль за таким распределением и обменом, осуществляемые посредством социальных институтов. Наличие в юридическом регулировании технико-функционального и содержательно-оценочного аспектов обуславливает необходимость различия в этом исследовании смысловых значений понятий «юридического» и «правового», каждое из которых соответствует указанным аспектам.

Отметим, что осмысление естественно-правовой проблематики требует использования не только чисто философско-правовых категорий, но и понятийно-категорического аппарата *общей теории морали*. Дифференциация, с одной стороны, нравственности как системы ценностно-нормативных представлений и, с другой стороны, нравственности как системы социальных институтов, средствами легитимации которых эти представления выступают, соответствует выделению естественного и позитивного права, существующего в классическом юснатурализме.

Обзор общего состояния разработки естественно-правовой проблематики в современном правоведении на уровне: а) диссертационных исследований [1; 2; 3; 4]; б) монографий [5; 6]; в) научных статей [7, с. 64–74; 8, с. 29–34; 9, с. 559–560; 10, с. 38–54; 11, с. 24–30; 12, с. 3–9; 13, с. 7–11; 14, с. 39–43; 15, с. 12–16; 16, с. 29–36; 17, с. 25–30; 18, с. 182–190; 19, с. 179–186; 20, с. 45–50] дает основания отметить, *во-первых*, нехватку концептуальных исследований, в которых предметом анализа выступал бы *естественный тип правопонимания и юснатуралистический подход*.

Во-вторых, сейчас в целом вопросы естественного права изучаются прежде всего на основе отдельных взглядов, концепций и доктрин, представленных в истории естественно-правовой мысли (доктринальное учение Дж. Локка (1632–1704 гг.) [21] способствовало эволюции концепции естественного права как альтернативы доктрине юридического позитивизма, оно стало логическим развитием заложенной еще античными мыслителями (Платон (427–347 гг. до н. э.) [22], Аристотель (384–322 до н. э.) [23; 24, с. 201–208]) основы для окончательного формирования нового учения

– интегрированной *доктрины либерализма*).

Использование такого подхода без опоры на принцип диалектического единства логического и исторического часто приводит к тому, что многие из упомянутых работ носят эмпирически описательный характер. Кроме того, остаются без должного внимания социокультурные различия между юридическими системами, в которых исторически были выработаны и используются ныне *естественно-правовые конструкции*. Наблюдается также некритическое отношение некоторых исследователей к содержанию рассматриваемых работ, что нередко приводит к предвзятости в восприятии юснатурализма, к его идеологизации и мифологизации, к оценке этого подхода как чисто прогрессивного, лишенного методологических недостатков [25, с. 2–8; 26, с. 97–110; 27, с. 12–15; 28, с. 42–48; 29, с. 234–240; 30, с. 24–33; 31, с. 89–91; 32, с. 118–124].

В-третьих, как в отечественном, так и в зарубежном правоведении имеет место изменение естественно-правовых подходов к их метафизическим и идеалистическим разновидностям. Это чревато трактовкой естественного права как сугубо трансцендентного феномена. В результате такого подхода анализ связей между концепциями естественного права и государственно-юридической деятельностью часто остается без внимания исследователей.

Еще одной тенденцией, характерной для интерпретаций юснатурализма в современный период, есть «либералистическое» понимание естественного права исключительно как прав человека. При этом происходит возведение юснатуралистической парадигмы только к одному из этапов ее развития в рамках правовой традиции.

Как оппоненты, так и сторонники естественно-правовых подходов нередко оперируют понятиями: «природа человека»; «законы природы»; «естественное право»; «трансцендентная справедливость», проблематизируя возможности конструктивного обсуждения рассматриваемых проблем [33, с. 62–69; 34, с. 20–22; 35, с. 32–44; 36, с. 63–67; 37, с. 42–51; 38, с. 28–37; 39, с. 18–25; 40, с. 191–195]. Мы полагаем, что с юридико-прикладной точки зрения приемлемы интерпретации естественного права как модели, образца для государственно-юридического права и других социально-юридических норм. Естественно-правовые подходы будут иметь практическое значение для повседневной юридической практики при условии, что принципы принятия юридических решений будут выступать требованиями «реально-должной» морали юридической деятельности, опирающейся на укорененные в культуре конкретного общества ценностные принципы.

Отметим, что начиная со времени Эпохи Просвещения, вместе с изменением доминирующих парадигм научного мышления получает распространение интерпретация естественного как очевидного, то есть того, что «само собой разумеется». Природа очевидности в праве является субъект-объектной, а объективность очевидности неизбежно носит так или иначе субъективный характер. Это положение, однако, не может рассматриваться как отрицание объективного характера очевидности, а скорее с особой наглядностью проявляет диалектическое тождество объективного и субъективного в праве.

В правовом сознании *естественное право выступает гармоничным образом права*, в котором воплощаются сущностные аспекты человеческого бытия, восстанавливается внутренняя, непосредственная сопричастность человека к праву и

справедливости, к тем ценностям, которые теряются в процессе изменения форм социальной организации и властно-регулятивных механизмов.

Выделим основные группы значений терминологии понятия «естественное право» в истории юриспруденции: а) закон как внутренне упорядоченное, закономерное бытие или же как идеальная деонтично-нормативная реальность; б) врожденное и неотъемлемое субъективное право, свобода человека, человеческих сообществ, человечества или живых существ в целом; в) философско-правовое учение, предметом которого выступают названные выше явления (особая разновидность философии права); 2) общая теория позитивного права и его отдельных институтов.

Закрепим положение о том, что в истории правовой мысли юснатуралистические конструкции и категории (естественного права, природы вещей, природы человека, природной справедливости, общественного договора) функционируют как мыслительные формы, посредством которых происходит логико-структурная организация содержания естественно-правовых концепций. Среди таких конструкций можно выделить: а) образные представления (социально-этические – «Природа-Мать», «Золотая эпоха», «Город Солнца»; этические и этико-правовые – «совесть», «правда-справедливость», «праведный закон», «правовой закон», «справедливое общество»); б) философско-правовые и теоретико-правовые понятия («справедливое по природе», «природа вещей», «должное», «верховенство права», «правовое государство»), которые наполняются смыслом в рамках этико-правовых и политико-правовых концепций и теорий.

Концептуальные построения юснатуралистического характера, представленные в постсоветской философии права, отражают отличные в методологическом отношении типы естественно-правовых подходов. Так, большинство взглядов могут быть отнесены к онтологическим разновидностям юснатурализма. Встречаются как интерпретации, разрабатываемые на основе классической натурфилософской парадигмы, так и неклассические подходы, основанные на принципе интерсубъективности.

Отметим, что идейно-содержательная, нравственная и социально-политическая амбивалентность юснатуралистических конструкций как «форм правового мышления» (Г. Радбрух) [41] не позволяет наделять их определенными социально-содержательными характеристиками. Эти конструкции способны выступать инструментами обоснования существенно отличающихся по содержанию общественных ценностей и интересов. Так, юридико-этатистские разновидности юснатурализма, которым соответствует «макиавеллианский» [42] тип морально-политического дискурса, выражают преимущественно идеологию политической элиты. Этико-либералистические формы юснатурализма, основанные на «кантианском» [43] дискурсе, воплощают в основном идеи интеллигенции, мелкой и средней буржуазии.

Социальное значение естественно-правовых идей и подходов не может быть установлено априори. Его выяснение требует анализа содержания соответствующих концепций в аспекте их связей с практикой использования с тем, как они действуют в конкретно-исторических условиях. Главный вопрос состоит в выявлении меры соответствия этих идей существующим ценностно-нормативным стереотипам поведения и мышления, а также в определении относительно отдельных общественных групп и всего социума практических последствий государственно-юридических

решений, которые будут приниматься с использованием юснатуралистической аргументации. Только при таком соответствии естественно-правовые идеи и концепции могут стать реально действующей составляющей юридической системы. Речь идет, в частности, об идеях не только верховенства права, но и верховенства закона, юридической определенности, надлежащей процедуры, посредством которых происходит продвижение в соционормативную систему «юридического мировоззрения», которое в социологическом плане связано с уважительным отношением к нормам позитивного права.

II. Закономерности юридического регулирования как основы естественно-правовых представлений и понятий.

Прорабатывая естественно-правовые принципы юридической деятельности, обозначим тезис о том, что социорегулятивными формами, опосредующими проявления закономерностей возникновения, внутренней организации, функционирования и развития соответствующей социорегулятивной системы и ее юридических составляющих, являются ее принципы (основы) как общие схемы, модели, идеальные структуры. Естественно-правовой характер принципов юридической деятельности (основ юридического регулирования) означает здесь, с *одной стороны*, их связь с закономерностями такой деятельности или с другими социорегулятивными закономерностями, а с *другой стороны* – с определенными естественно-правовыми концепциями.

На уровне общественного бытия такими принципами (принципами-отношениями) выступают наиболее типичные, сущностные связи в отношениях, складывающихся между участниками этой деятельности. На уровне же общественного сознания средством отражения и выражения указанных закономерностей служат принципы-идеи как мысленно-смысловые формы юридической деятельности. При этом они опосредуют не только внешнеповеденческие, но также и внутриведенческие стороны такой деятельности (интеллектуально-логическую, эмоционально-психологическую). Принципы-идеи являются, *во-первых*, руководящими началами, устоями, исходными положениями юридической деятельности, а *во-вторых*, ценностными критериями легитимации юридического регулирования.

Принципы-идеи выступают разумными формами отражения принципов-отношений и категориями юридического мышления. В то же время они выполняют функции руководящих морально-императивных устоев выработки юридических решений. Кроме принципов, существуют и другие – внерассудочные, иррациональные и синкретические формы, в которых происходит познание, отражение и выражение закономерностей юридической деятельности (деонтические образы, представления, чувства). Такие образования также относятся к естественно-правовым, однако возможности их юридической формализации *крайне ограничены*.

Документальная, «писаная» форма выражения принципов юридической деятельности становится результатом опредмечивания, письменной объективации мыслительной деятельности, осмысления сущности типовых юридических ситуаций и институтов позитивного права. Такая объективация является способом «материализации» принципов, но не формой их существования, которая по статусу является деятельностью, а не документальной.

III. Позитивация естественного права как его юридическая институционализация.

Обозревая понятие юснатуралистического подхода в юридической деятельности, необходимо обосновать социальную, ценностно-мировоззренческую и теоретико-методологическую обусловленность процессов выработки властно-регулятивных решений в юридической практике. С учетом этого *предлагается дефиниция понятия естественно-правового подхода в государственно-юридической деятельности* как способа выработки решений, находящегося в содержательно-смысловой связи с юснатуралистическим правопониманием, в сферах: а) правообразования; б) правотолкования; в) правоприменения. При этом смысловая связь между способом выработки этих решений и той или иной естественно-правовой концепцией может существовать независимо от отношения самих субъектов юридической деятельности к идеям естественного права. Учитывая это, в ряде случаев можно говорить о своеобразном «стихийном» юснатурализме, который проявляется в особенностях познавательных методов и приемов, в их направленности на постижение сущностных, содержательных и целевых моментов юридических отношений, в смысловом доминировании содержания этих отношений над их формой.

Оценивая государственно-юридическую позитивизацию естественного права, важно проанализировать разные подходы к осмыслению проблемы позитивизации естественного права как одного из направлений освещения вопроса о соотношении естественного и позитивного права. С точки зрения задач юридической практики анализ данной проблематики требует использования эмпирически ориентированного социологического подхода к праву, который может рассматриваться как промежуточный между философско-правовым и юридико-догматическим подходами.

Взаимодействие «естественных» и «позитивно-правовых» моментов развития юридических институтов является составной частью диалектического процесса становления (при активном участии коллективного правового сознания) закономерностей юридической деятельности и развития многоаспектной сущности права. Отдельные моменты этой сущности отражаются в деонтических представлениях об истинном (настоящем, надлежащем) праве (правосудии, справедливости, законе), опосредующих превращение наиболее неотложных потребностей социальной практики в правовые требования и выражающих трансформацию эмпирического содержания общественных отношений как социально сущего в содержание социально должного.

Осваивая проблему юридических форм и способов выражения естественно-правовых основ, целесообразно обратиться к социокультурной обусловленности юснатурализма и непосредственной связи естественно-правовых представлений, понятий и концепций с национальным позитивным правом. В последнем в чистом виде присутствуют действующие в соответствующей традиции права закономерности юридического регулирования. Диалектическая противоречивость процесса позитивизации естественно-правовых устоев заключается в том, что его результатом становится их трансформация в институты и в отдельные положения позитивного права. Вследствие этого возрастает мера формальной определенности этих принципов, однако их правотворческий потенциал несколько ограничивается.

Главные научные и практические результаты работы.

1. *Естественно-правовой подход (юснатурализм) в правоведении* может быть определен как способ осмысления правовой реальности, постановки и исследования

философско-правовых проблем, направленный на постижение сущности и назначения юридических норм, правоотношений, юридического регулирования и права в целом.

Разнообразные формы сочетания социологического подхода с естественным правопониманием обуславливают то, что социальность права выступает как его идеальная социально-смысловая предметность или целевая направленность; или как предметность материальная, как социально-деятельностная, биопсихическая или иная причинная обусловленность. Соответственно, естественность права выступает как его укорененность в идейно-ценностном или эмпирико-материальном социальном бытии.

Ценностно-нравственная смысловая нагрузка оппозиций естественного и позитивного права, права и закона, справедливости и права позволяет вести речь, с одной стороны, об юснатурализме как особом виде этико-деонтологического подхода, а с другой стороны – об этико-деонтологических и этико-аксиологических разновидностях концепций. Формально-содержательная оборачиваемость ценностно-нравственных и юснатуралистических подходов образует своеобразный герменевтический круг: для того, чтобы локализовать образ естественного права в понятийных координатах права-нравственности, необходимо опираться на представление о качественном своеобразии этих категорий, базируясь на разновидностях правопонимания.

2. Дифференциация смыслов должного в праве позволяет сконструировать систему моделей соотношения между естественным правом и нравственностью. Такие смыслы могут воспроизводить различия между: а) образцовой соционормативной системой, в которой «должное» право не отграничивается от должной нравственности, с одной стороны, и реальной соционормативной системой, с другой стороны (естественное право как мораль социального регулирования); б) «надлежащим» правом и официальным позитивным правом (естественное право как мораль позитивного права); в) «надлежащим» правом и фактически действующими социальными нормами, квалифицируемыми как юридические независимо от их связи с государством (естественное право как мораль общесоциального права); г) некоторыми «внепозитивными» юридическими явлениями, которые не рассматриваются как «должное» или «правильное» право, и правом позитивным (естественное право по существу, как юридические положения).

3. Инструментальная значимость естественно-правового подхода определяется его легитимационной, социально-адаптивной и индивидуально-регулятивной функциями в профессиональной юридической и политической деятельности, а также в различных проявлениях и формах общественного сознания. Самоценность же юснатурализма характеризуется: а) мировоззренчески-теоретическим опосредованием сущностной направленности правового познания; б) вектором на преодоление социального и правового отчуждения, а также на отрыв права от морали и религии; в) теоретической и ценностной проблематизацией соционормативного регулирования; г) формированием моделей и идеалов этико-правового и политико-правового развития.

4. Рассмотрение истории смысловых значений представлений о «фюсисе» (др.-греч. φύσις; лат. physis – фундаментальный древнегреческий термин, означающий «природа» в широком смысле) и «натуре» (лат. термин natura происходит от глагола nasci («рождаться») – означает «природа», «рождение», «миропорядок»), а также понятий естественного закона и закона природы в правовой мысли свидетельствует, что бытийными основами естественно-правовых представлений

являются общие и особые закономерности социальной регуляции и саморегуляции. В отдифференцированных юридических системах среди таких закономерностей существенное значение имеют закономерности функционирования и развития государственно-юридических институтов. В юридических системах особую роль играют общие соционормативные закономерности.

Образ *естественного права* выступает как опосредующее представление, в котором преодолеваются противоречия социального регулирования в цивилизационно развитом обществе: дихотомия между биологической природой человека и соционормативной культурой, между автономной и гетерономной, интравертной и экстравертной формами регуляции человеческого поведения. Противоречия между идейно-целевыми и нормативными элементами социальных институтов, *с одной стороны*, и их организационными и поведенческими элементами, *с другой стороны*, служат непосредственными (ближайшими) источниками возникновения и эволюции юснатуралистических представлений.

5. Очевидное знание юридических явлений является как предпосылкой, так и результатом опытно-практического осмысления их сущности и значимости в существовании и развитии конкретного общества. Такое знание выражает социокультурно-обусловленное познание закономерных основ функционирования общественных отношений, законов их внутренней организации. Естественность здесь означает непосредственную данность очевидности для практического разума, а ее априорность вмещает результаты социальной практики.

6. К общим тенденциям развития современного юснатурализма относятся «дематериализация» основ естественного права («денатурализация» юснатурализма); смещение естественно-правовой проблематики от ценностно-материальных к формально-структурным и процедурным ее аспектам и соответствующее изменение стратегий юснатуралистической легитимации от материальной к процедурной; его историзация и содержательная релятивизация.

7. Конститутивными элементами правовой традиции послужили прикладные разновидности юснатурализма. Основными социальными предпосылками этого стали самостоятельное развитие и функциональное отделение ключевых государственно-юридических институтов законотворчества и судопроизводства от других форм соционормативной регуляции, а также важное общественно-политическое значение профессиональной деятельности юристов.

С отсутствием таких предпосылок связана проблематичность реального внедрения ряда прикладных естественно-правовых подходов и либерально-демократических концепций прав человека и правового государства в постсоциалистические юридические системы, длительно развивавшиеся под влиянием восточной, «византийской» традиции права. В последней, учитывая особенности ее государственно-правового развития, осуществлялась разработка прежде философско-теоретических и этико-моралистических разновидностей естественного права.

Можно выделить *четыре основных периода* восприятия (рецепирования) естественно-правовых идей и концепций правовой мыслью: *I)* XVI–XVII вв. (этап ренессансного гуманизма); *II)* XVIII – первая треть XIX в. (Эпоха Просвещения); *III)* конец XIX – начало XX в. (стадия «возрожденного естественного права»); *IV)* конец XX – начало XXI в. (естественно-правовые идеи в философско-правовой мысли современной России).

8. К типам естественно-правовых концепций и подходов могут быть отнесены не только онтологические и деонтологические, но и «протодеонтологические», которые в историческом и логическом аспектах составляют своеобразное промежуточное звено между первыми и вторыми. В протодеонтологических концепциях права понятия разума, справедливости, природы вещей и их смысловые эквиваленты означают сущностные, независимые от чьей-либо индивидуальной воли закономерности юридического регулирования (как естественные, так и нравственные).

9. Среди способов сочетания естественного и позитивного права, которые предлагаются отдельными юснатуралистическими концепциями, можно выделить: а) материально-содержательные, в которых такое сочетание осуществляется через социально-ценностные цели и социально-потребные источники; б) формально-структурные, конститутивными элементами которых являются требования процедур. *Первые* определяют, в частности, социальные основы, нравственное содержание или политические идеалы государственно-юридического регулирования, тогда как *вторые* устанавливают специфические принципы такого регулирования исходя из назначения и сущности соответствующих юридических институтов.

10. Для непосредственного использования в государственно-юридическом регулировании кажется приемлемым *операциональное определение понятия естественного права* как закономерностей властного регулирования и саморегулирования человеческого поведения, которые в конкретно-исторических условиях обеспечивают сохранение и развитие человека и общества. Действие этих закономерностей опосредуется человеческим сознанием в виде: а) принципов деятельности по распределению и обмену общественно значимых благ (юридической деятельности); б) принципов легитимации содержания и форм осуществления такой деятельности.

Естественно-правовой подход в государственно-юридической деятельности можно определить как способ выработки решений в сферах: а) правообразования; б) правотолкования; в) правоприменения, который находится в содержательно-смысловой связи с юснатуралистическим правопониманием.

Позитивизация естественного права может рассматриваться как выражение в государственно-юридической деятельности тех принципов, которые отражают собственные закономерности последней.

11. Естественно-правовые основы («*принципы естественного права*») выступают формами: а) смыслового; б) ценностно-иерархического; в) функционального упорядочения юридической деятельности. К принципам государственно-юридического регулирования, которые находятся в содержательной связи с идеями естественного права, могут быть отнесены: а) *онтологические* – выражающие предметно-материальные и социокультурные закономерности юридической деятельности; б) *деонтологические* – отражающие социокультурно обусловленные закономерности обмена материальными и нематериальными благами, образующими мораль в частном и публичном праве; в) *гносеологические* – те, посредством которых осуществляется познание сущности (природы) и назначение юридических институтов и отношений, выявление их идейно-целевых и социально-функциональных аспектов, смыслового содержания и существенных признаков; г) *коммуникативно-интерпретационные* – опосредующие выявление закономерностей понимания и смыслообразования в юридическом регулировании и саморегулировании.

Видовая разветвленность названных принципов обуславливается дифференцированностью выражаемых в них юридических закономерностей.

Естественно-правовые основы государственно-юридического регулирования как принципы-идеи последнего, согласно своему функциональному назначению, могут быть распределены на: а) ценностно-иерархические; б) логико-структурирующие. В отифференцированных юридических системах права к ценностно-иерархическим принципам относятся: а) формально-юридические; б) юридико-интерпретационные; в) социолого-интерпретационные. Особое место среди *ценностно-иерархических принципов* занимают морально-правовые принципы «процедурной справедливости», направленные на сочетание нравственности права и его эффективности.

Среди *логико-структурирующих принципов* могут быть выделены: а) *общие* (взаимосвязи прав и обязанностей, системности); б) *юридико-логические* (специальный закон отменяет закон общий; следующий закон отменяет предыдущий; никто не может передать больше прав, чем имеет сам).

Средствами понятийного выражения естественно-правовых устоев и формами их законодательной позитивизации служат специфические оценочные конструкции и понятия, которые используются в аргументации юридических решений. К таким конструкциям и понятиям относятся, в частности: а) *онтологические* – они отражают бытийные и смысловые основания юридического решения («сущность отношений», «логика вещей», «дух Конституции»); б) *деонтологические* – они указывают на необходимость обращения к ценностно-нормативным образам («справедливый», «должный», «достойный»); в) *гносеологические* – они выражают непосредственную достоверность определенных фактов или положений («явно», «очевидно», «соответствует здравому смыслу»).

12. Применение в отечественной, дружественной международной судебной практике и в конституционном судопроизводстве принципов справедливости, соразмерности и равенства как естественно-правовых основ имеет ряд особенностей. Нормативная природа принципа справедливости дифференцируется с учетом таких его существенных аспектов, как соразмерность (материальное равенство) и равенство (формальное). Если *в первом случае* категория справедливости относится к ценностно-оценочным моральным понятиям, то *во втором случае* речь идет о сугубо юридическом, формально-определенном аспекте справедливости, в котором последняя лишается оценочных свойств. Если требование равенства относится к внутренней морали юридической деятельности, то требование соразмерности апеллирует к внешней относительно такой деятельности общесоциальной морали, вне которой она вообще не может быть реализована. В практике конституционного и международного судопроизводства принцип соразмерности применяется в консеквенциалистской и утилитарной интерпретации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бернацкий Г. Г. Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли : дис. ... д-ра. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001, 504 с.
2. Ромашов Р. А. Общество и государство: концепция Дж. Локка : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1995. 165 с.
3. Семенов Н. С. Естественное право и его теоретические особенности в развитии общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2019. 26 с.
4. Коваль С. В. Концепция философии права Рональда Дворкина как альтернатива

позитивизму и теории естественного права : дис. ... канд. философ. наук. М., 2022. 310 с.

5. Гришин К. С. Концепция естественного права: современные интерпретации. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 112 с.

6. Семенов Н. С. Современное естественное право. Бишкек : Некоммерческое образовательное учреждение «Учебно-научно-производственный комплекс «Международный университет Кыргызстана», 2020. 263 с.

7. Бернацкий Г. Г. Философские свойства естественного права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (42). С. 64–74.

8. Працко Г. С. Естественное право как ценностная природа позитивного права // Философия права. 2020. № 2 (93). С. 29–34.

9. Рубанцова Т. А., Сотникова Е. В. Формирование естественного права в философской традиции античности // Евразийский юридический журнал. 2025. № 3 (202). С. 559–560.

10. Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М. Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 1. С. 38–54.

11. Чернявский А. Г. Ложный дуализм естественного и положительного права // Вестник Академии права и управления. 2020. № 4 (61). С. 24–30.

12. Абасов Г. Г., Мамченко Н. В. Дуализм естественного и позитивного права: период античности и средневековья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 4. С. 3–9.

13. Карнаушенко Л. В. Соотношение теории естественного права и теории позитивного права // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 7–11.

14. Упоров И. В. Виды, содержание и иерархия источников права в контексте естественного и позитивного права // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 39–43.

15. Карнаушенко Л. В. К вопросу о соотношении теории естественного права и теории позитивного права как факторов законодательной деятельности // Философия права. 2020. № 2 (93). С. 12–16.

16. Суверов С. Е., Борков В. Н. Соотношение позитивного и естественного права в криминализации деяний // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 29–36.

17. Микшта Д. А. О критериях оценки позитивного права: естественное право, общественное правосознание, практическая польза // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 4 (57). С. 25–30.

18. Отюцкий Г. П. Критика естественного права в отечественной философии права: состоятельны ли аргументы? // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 2 (143). С. 182–190.

19. Упоров И. В. Естественное право и его взаимодействие с позитивным (государственным) правом: конституционное измерение // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 7. С. 179–186.

20. Новосельцев А. Ю., Степанюгин К. В. Естественно-правовая концепция прав и свобод: нужна ли она российской юстиции? // Российская юстиция. 2021. № 11. С. 45–50.

21. Локк Дж. Два трактата о правлении / Пер. с английского Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. 4-е изд., электронное. Челябинск : Социум, 2020. 496 с.

22. Платон. Государство / Пер. с древнегреческого А. Н. Егунова. Серия: «Эксклюзивная классика». М. : Издательство «АСТ», 2025. 447 с.

23. Аристотель. Политика. Переводчик С. А. Жебелев / под общ. ред. А. И. Доватура. М. : Издательство «Юрайт», 2023. 297 с.

24. Верховодов Е. В. Сальников В. П., Романовская В. Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 201–208.

25. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. К вопросу о перспективах современной интерпретации естественного права: философско-правовой и теологический аспекты // Мониторинг правоприменения. 2021. № 4 (41). С. 2–8.

26. Чаплыгина И. Г. Камерализм и философия естественного права // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 4. С. 97–110.
27. Дахин А. В. Традиции естественного права в современной политике // Вестник Нижегородского института управления. 2020. № 2 (56). С. 12–15.
28. Драгунова Е. Ю. Идеи естественного права в истории политико-правовой мысли античности: методологические аспекты // История государства и права. 2019. № 7. С. 42–48.
29. Луковская Д. И. Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций? // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 234–240.
30. Егоров А. А. Эволюция права в контексте естественно-позитивной теории права // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 1 (35). С. 24–33.
31. Маякунов А. Э. О мировоззренческом значении доктрины естественного права в общей теории права // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 89–91.
32. Грибакин А. В. Естественные права: да и нет // Kant. 2022. № 3 (44). С. 118–124.
33. Бринчук М. М. Естественные права человека как проявление законов природы // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 1. С. 62–69.
34. Чернышова А. В. Естественное право: эволюция формирования и границы соблюдения (взгляд историка) // Вестник Нижегородского института управления. 2020. № 2 (56). С. 20–22.
35. Худолей Д. М. О конституционализации концепций естественных прав и естественного права // Ex Jure. 2019. № 1. С. 32–44.
36. Плотников В. В., Плотников В. В. Диалектическая взаимосвязь феноменов естественного и позитивного права // Общество и право. 2022. № 3 (81). С. 63–67.
37. Паршина А. А. Естественное право, как ценностная основа развития системы позитивного (действующего) права // Юридическая гносеология. 2024. № 6. С. 42–51.
38. Лю С. Влияние естественного права на формирование современной правовой мысли в России // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15, № 4-1. С. 28–37.
39. Нехаев А. В. Проблема обоснования естественных прав в теориях New Classical Natural Law // Право и государство. 2024. № 2 (103). С. 18–25.
40. Малышева Н. И. Естественное право: справедливость versus определенность? // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 191–195.
41. Радбрух Г. Философия права / Пер. с немецкого Ю. М. Юмашева / М. : Издательство «Международные отношения», 2004. 238 с.
42. Макиавелли Н. Государь: Избранные сочинения. Вступительная статья М. Л. Андреева. Серия: «Фамильная библиотека. Философский зал». СПб., Издательство «Вита Нова», 2016. 336 с.
43. Кант И. Избранные мысли Канта, выбранные Л. Н. Толстым / Пер. с немецкого С. А. Порецкого. Серия: «Замечательные мыслители древнего и нового мира». Типография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко / М. : Посредник, 1906. 77 с.

REFERENCES

1. Bernatsky G. G. Razvitiye predstavleniy o prirode yestestvennogo prava v istorii pravovoy mysli : dis. ... d-ra. yurid. nauk [Development of Ideas about the Nature of Natural Law in the History of Legal Thought : dis. ... Doctor of Law]. 2001, 504 p. (In Russ.).
2. Romashov R. A. Obshchestvo i gosudarstvo: kontseptsiya Dzh. Lokka : dis. ... kand. yurid. nauk [Society and State: J. Locke's Concept : dis. ... Cand. Science (Law)]. St. Petersburg, 1995, 165 p. (In Russ.).
3. Semenov N. S. Yestestvennoye pravo i yego teoreticheskiye osobennosti v razvitiy obshchestva : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Natural Law and Its Theoretical Features in the Development of Society : Abstract of a Cand. Science (Law) Dissertation]. Bishkek, 2019, 26 p. (In Russ.).
4. Koval S. V. Kontseptsiya filosofii prava Ronal'da Dvorkina kak al'ternativa pozitivizmu i teorii yestestvennogo prava : dis. ... kand. filosof. nauk [Ronald Dworkin's Concept of the Philosophy

of Law as an Alternative to Positivism and the Theory of Natural Law : dis. ... Cand. Science (Philosophy)]. Moscow, 2022, 310 p. (In Russ.).

5. Grishin K. S. Kontsepsiya yestestvennogo prava: sovremennyye interpretatsii [The Concept of Natural Law: Modern Interpretations]. Moscow, 2023, 112 p. (In Russ.).

6. Semenov N. S. Sovremennoye yestestvennoye pravo [Modern Natural Law]. Bishkek : Non-Commercial Educational Institution «Educational, Scientific and Production Complex "International University of Kyrgyzstan", 2020, 263 p. (In Russ.).

7. Bernatsky G. G. Filosofskiye svoystva yestestvennogo prava [Philosophical Properties of Natural Law]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo - Vestnik of Voronezh State University. Series: Law. 2020, vol. 42, no. 3 (42), pp. 64-74. (In Russ.).

8. Pratsko G. S. Yestestvennoye pravo kak tsennostnaya priroda pozitivnogo prava [Natural Law as the Value Nature of Positive Law]. Filosofiya prava - Philosophy of Law. 2020, vol. 93, no. 2, pp. 29-34. (In Russ.).

9. Rubantsova T. A., Sotnikova E. V. Formirovaniye yestestvennogo prava v filosofskoy traditsii antichnosti [Formation of Natural Law in the Philosophical Tradition of Antiquity]. Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal - Eurasian Law Journal. 2025, vol. 202, no. 3, pp. 559-560. (In Russ.).

10. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Patsek M. Yestestvennoye pravo i krizis liberal'nogo pravoporyadka [Natural Law and the Crisis of the Liberal Legal Order]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo - Vestnik of St. Petersburg University. Law. 2019, vol. 10, no. 1, pp. 38-54. (In Russ.).

11. Chernyavsky A. G. Lozhnyy dualizm yestestvennogo i polozhitel'nogo prava [False Dualism of Natural and Positive Law]. Vestnik Akademii prava i upravleniya - Vestnik of the Academy of Law and Management. 2020, vol. 61, no. 4, pp. 24-30. (In Russ.).

12. Abasov G. G., Mamchenko N. V. Dualizm yestestvennogo i pozitivnogo prava: period antichnosti i srednevekov'ya [Dualism of Natural and Positive Law: the Period of Antiquity and the Middle Ages]. Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki - Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. 2021, vol. 7 (73), no. 4, pp. 3-9. (In Russ.).

13. Karnaushenko L. V. K voprosu o sootnoshenii teorii yestestvennogo prava i teorii pozitivnogo prava kak faktorov zakonodatel'noy deyatel'nosti [The Correlation of the Theory of Natural Law and the Theory of Positive Law]. Filosofiya prava - Philosophy of Law. 2021, vol. 96, no. 1, pp. 7-11. (In Russ.).

14. Uporov I. V. Vidy, sodержaniye i iyerarkhiya istochnikov prava v kontekste yestestvennogo i pozitivnogo prava [Types Content, and Hierarchy of Sources of Law in the Context of Natural and Positive Law]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya - Theory and Practice of Social Development. 2015, no. 2, pp. 39-43. (In Russ.).

15. Karnaushenko L. V. K voprosu o sootnoshenii teorii yestestvennogo prava i teorii pozitivnogo prava kak faktorov zakonodatel'noy deyatel'nosti [On the Relationship between the Theory of Natural Law and the Theory of Positive Law as Factors in Legislative Activity]. Filosofiya prava - Philosophy of Law. 2020, vol. 93, no. 2, pp. 12-16. (In Russ.).

16. Suverov S. E., Borkov V. N. Sootnosheniye pozitivnogo i yestestvennogo prava v kriminalizatsii deyaniiy [The Relationship between Positive and Natural Law in the Criminalization of Acts]. Altayskiy yuridicheskiy vestnik - Altai Law Bulletin. 2023, vol. 44, no. 4, pp. 29-36. (In Russ.).

17. Mikshta D. A. O kriteriyakh otsenki pozitivnogo prava: yestestvennoye pravo, obshchestvennoye pravosoznaniye, prakticheskaya pol'za [On the Criteria for Assessing Positive Law: Natural Law, Public Legal Awareness, Practical Usefulness]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo - Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2018, vol. 57, no. 4, pp. 25-30. (In Russ.).

18. Otyutskiy G. P. Kritika yestestvennogo prava v otechestvennoy filosofii prava: sostoyatel'ny li argumenty? [Critique of Natural Law in Domestic Philosophy of Law: Are the Arguments Valid?]. Sotsial'naya politika i sotsiologiya - Social Policy and Sociology. 2022, vol. 21,

no. 2 (143), pp. 182-190. (In Russ.).

19. Uporov I. V. Yestestvennoye pravo i yego vzaimodeystviye s pozitivnym (gosudarstvennym) pravom: konstitutsionnoye izmereniye [Natural Law and Its Interaction with Positive (State) Law: The Constitutional Dimension]. Gumanitarnyy nauchnyy vestnik - Humanitarian Scientific Bulletin. 2021, no. 7, pp. 179-186. (In Russ.).

20. Novosel'tsev A. Yu., Stepanyugin K. V. Yestestvenno-pravovaya kontseptsiya prav i svobod: nuzhna li ona rossiyskoy yustitsii? [Natural Law Concept of Rights and Freedoms: Does Russian Justice Need It?]. Rossiyskaya yustitsiya - Russian Justice. 2021, no. 11, pp. 45-50. (In Russ.).

21. Locke J. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. Translated from English by E. S. Lagutina, Yu. V. Semenova. 4th edition, electronic. Chelyabinsk : Socium, 2020, 496 p. (In Russ.).

22. Platon. Gosudarstvo [Republic]. Translated from Ancient Greek by A. N. Egunov. Series: Exclusive Classics. Moscow: AST Publishing House, 2025. 447 p. (In Russ.).

23. Aristotle. Politika [Politics]. Translator S. A. Zhebelev. General editor A. I. Dovatura. Moscow, 2023, 297 p. (In Russ.).

24. Verkhovodov E. V., Salnikov V. P., Romanovskaya V. B. «Yestestvennoye pravo» i «dobrodetel'» v trudakh Aristotelya [«Natural Law» and «Virtue» in the Works of Aristotle]. Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' - Legal Science: History and Modernity. 2015, no. 8, pp. 201-208. (In Russ.).

25. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. K voprosu o perspektivakh sovremennoy interpretatsii yestestvennogo prava: filosofsko-pravovoy i teologicheskoy aspekty [On the Prospects of a Modern Interpretation of Natural Law: Philosophical, Legal, and Theological Aspects]. Monitoring pravoprimeneniya - Monitoring of Law Enforcement. 2021, vol. 41, no. 4, pp. 2-8. (In Russ.).

26. Chaplygina I. G. Kameralizm i filosofiya yestestvennogo prava [Cameralism and the Philosophy of Natural Law]. Terra Economicus. 2020, vol. 18, no. 4, pp. 97-110. (In Russ.).

27. Dakhin A. V. Traditsii yestestvennogo prava v sovremennoy politike [Traditions of Natural Law in Modern Politics]. Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya - Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management. 2020, vol. 56, no. 2, pp. 12-15. (In Russ.).

28. Dragunova E. Yu. Idei yestestvennogo prava v istorii politiko-pravovoy mysli antichnosti: metodologicheskiye aspekty [Ideas of Natural Law in the History of Political and Legal Thought of Antiquity: Methodological Aspects]. Istoriya gosudarstva i prava - History of the State and Law. 2019, no. 7, pp. 42-48. (In Russ.).

29. Lukovskaya D. I. Pozitivizm i yestestvennoye pravo: konflikt interpretatsiy? [Positivism and Natural Law: A Conflict of Interpretations?]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Bulletin of Tomsk State University. 2020, no. 456, pp. 234-240. (In Russ.).

30. Egorov A. A. Evolyutsiya prava v kontekste yestestvenno-pozitivnoy teorii prava [Evolution of Law in the Context of the Natural-Positive Theory of Law]. Grazhdanin. Vybory. Vlast' - Citizen. Elections. Power. 2025, vol. 35, no. 1, pp. 24-33. (In Russ.).

31. Mayakunov A. E. O mirovozzrencheskom znachenii doktriny yestestvennogo prava v obshchey teorii prava [On the Ideological Significance of the Doctrine of Natural Law in the General Theory of Law]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika - Law and State: Theory and Practice. 2023, vol. 227, no. 11, pp. 89-91. (In Russ.).

32. Gribakin A. V. Yestestvennyye prava: da i net [Natural Rights: Yes and No]. Kant. 2022, vol. 44, no. 3, pp. 118-124. (In Russ.).

33. Brinchuk M. M. Yestestvennyye prava cheloveka kak proyavleniye zakonov prirody [Natural Human Rights as a Manifestation of the Laws of Nature]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo - Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2019, vol. 29, no. 1, pp. 62-69. (In Russ.).

34. Chernyshova A. V. Yestestvennoye pravo: evolyutsiya formirovaniya i granitsy soblyudeniya (vzglyad istorika) [Natural Law: The Evolution of Formation and Boundaries of

Observance (A Historian's View)]. Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya - Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management. 2020, vol. 56, no. 2, pp. 2-22. (In Russ.).

35. Khudoley D. M. O konstitutsionalizatsii kontseptsiy yestestvennykh prav i yestestvennogo prava [On the Constitutionalization of the Concepts of Natural Rights and Natural Law]. Ex Jure. 2019, no. 1, pp. 32-44. (In Russ.).

36. Plotnikov V. V., Plotnikov V. V. Dialekticheskaya vzaimosvyaz' fenomenov yestestvennogo i pozitivnogo prava [Dialectical Interrelationship of the Phenomena of Natural and Positive Law]. Obshchestvo i pravo - Society and Law. 2022, vol. 81, no. 3, pp. 63-67. (In Russ.).

37. Parshina A. A. Yestestvennoye pravo, kak tsennostnaya osnova razvitiya sistemy pozitivnogo (deystvuyushchego) prava [Natural Law as a Value Basis for the Development of the System of Positive (Current) Law]. Yuridicheskaya gnoseologiya - Legal Epistemology. 2024, no. 6, pp. 42-51. (In Russ.).

38. Liu S. Vliyaniye yestestvennogo prava na formirovaniye sovremennoy pravovoy mysli v Rossii [The Influence of Natural Law on the Formation of Modern Legal Thought in Russia]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava - Issues of Russian and International Law. 2025, vol. 15, no. 4-1, pp. 28-37.

39. Nekhaev A. V. Problema obosnovaniya yestestvennykh prav v teoriyakh New Classical Natural Law [The Problem of Justifying Natural Rights in the Theories of New Classical Natural Law]. Pravo i gosudarstvo - Law and State. 2024, vol. 103, no. 2, pp. 18-25. (In Russ.).

40. Malysheva N. I. Yestestvennoye pravo: spravedlivost' versus opredelennost'? [Natural Law: Justice versus Certainty?]. Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya - State and Legal Studies. 2021, no. 4, pp. 191-195. (In Russ.).

41. Radbruch G. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Translation from German by Yu. M. Yumasheva. Moscow : International Relations Publishing House, 2004, 238 p. (In Russ.).

42. Machiavelli N. Gosudar': Izbrannyye sochineniya [The Sovereign: Selected Works]. Introductory article by M. L. Andreev. Series: «Family Library. Philosophical Hall». St. Petersburg : Vita Nova Publishing House, 2016, 336 p. (In Russ.).

43. Kant I. Izbrannyye mysli Kanta, vybrannyye L. N. Tolstym [Selected Thoughts of Kant. Selected by L. N. Tolstoy]. Translated from the German by S. A. Poretsky. Series: «Remarkable Thinkers of the Ancient and Modern Worlds». Printing House of the I. N. Kushnerev and Co. Company. Moscow : Posrednik, 1906, 77 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беженцев Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия), (РАНХиГС). 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского Острова, д. 57/43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bezhentsev Alexander Anatolevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, honorably retired police colonel, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Law Faculty, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), (RANEPA). St. Petersburg, 57/43 Sredny pr. Vasilievsky Island, 199178.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 28-43.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 28-43.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 351.74(470)

РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ И ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кобец Петр Николаевич

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия,
pkobets37@rambler.ru

Введение. Актуальность заявленной проблематики вызвана тем, что в мае 2025 г. мы отметили 80-ю годовщину с того момента, как Советским Союзом была одержана исторически значимая победа в войне 1941–1945 гг. В летописи героических подвигов наших предков Великая Отечественная война занимает центральное место, поскольку в этот период происходили самые кровопролитные, разрушительные и катастрофические события двадцатого столетия, которые смогли героически преодолеть советские граждане, в том числе благодаря деятельности работников милиции. В связи с этим существует необходимость в глубоком и всестороннем исследовании генезиса нормативно-правового регулирования функций милиции и организации работы данной структуры, обеспечившей правопорядок в стране в годы Великой Отечественной войны

Материалы и методы. В качестве объекта данного исследования выступили законодательные и ведомственные правовые акты, архивные материалы, ряд отечественных научных изысканий, посвященных развитию правового регулирования и функций работников милиции в военный период. В процессе научного поиска автор опирался на различные приемы и техники, анализируя собранный эмпирический материал. В рамках исследовательской работы был применен всеобщий диалектический метод познания, некоторые из общенаучных методов – анализ, синтез, обобщение – и частнонаучных, таких как исторический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты исследования. В условиях военного времени в связи с возросшим милицейским функционалом возникла необходимость внесения существенных изменений в правовую регламентацию деятельности милиции, поскольку к довоенной работе прибавились задачи в сфере борьбы с дезертирами, мародерами, паникерами, противодействием хищениям различных грузов, перемещаемых железнодорожным транспортом в процессе эвакуации с территорий, временно занятых врагом и др.

В процессе исследования становится очевидно, что успехи на фронте во многом были обусловлены не только усилиями тружеников тыла, но также результатами титанической работы советских правоохранителей. Кроме того, в первые дни войны четверть всего милицейского личного состава страны была отправлена воевать на фронт.

Выводы и заключения. Военный период 1941-1945 гг. внес существенные изменения как в сферу правового регулирования, так и во всю организационную деятельность Главного управления милиции НКВД СССР. Благодаря этим процессам милицейские подразделения в годы войны смогли результативно выполнять все поставленные им задачи в сфере правопорядка и обеспечения общественной безопасности. Испытывая большой кадровый некомплект и огромную нагрузку, работники милиции должны были, не считаясь ни с чем, всеми возможными способами обеспечивать правопорядок. Они с честью выполнили поставленную руководством страны задачу. Оценки, результаты и выводы данной работы могут стать основой для выполнения очередных научно-исследовательских проектов в рассматриваемой сфере, а также использоваться в учебном процессе.

Ключевые слова: правовое основы, военный период, совершенствование законодательного регулирования, обеспечение законности, правоохранительная деятельность, боевая деятельность, борьба с преступностью

Для цитирования: Кобец П. Н. Развитие правовых основ и организации деятельности органов внутренних дел во время Великой Отечественной войны // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 28-43.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

DEVELOPMENT OF THE LEGAL FRAMEWORK AND ORGANIZATION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES' ACTIVITIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Peter N. Kobets

All-Russian Scientific Research Institute of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
pkobets37@rambler.ru

Introduction. The relevance of this issue stems from the fact that in May 2025, we celebrated the 80th anniversary of the Soviet Union's historic victory in the 1941-1945 war. This war occupies a central place in the glorious annals of our ancestors' heroic deeds, as it witnessed the bloodiest, most destructive, and catastrophic events of the twentieth century, which Soviet citizens heroically overcame, in part thanks to the efforts of the police. Therefore, there is a need for a thorough and comprehensive study of the genesis of the legal framework governing police functions and the organization of this structure, which ensured law and order in the country during the Great Patriotic War.

Materials and Methods. The research focused on legal acts, archival materials, and domestic academic research devoted to the development of the legal framework and functions of police officers during the war. During the research, the author relied on various methods and techniques to analyze the collected empirical material. The research employed the general dialectical method of cognition, some general scientific methods—analysis, synthesis, and generalization—and specific scientific methods, such as historical, systemic, formal legal, and comparative legal.

The Results of the Study. During wartime, the increased scope of police activities necessitated significant changes to the legal framework governing police activities, as pre-war work was supplemented by tasks such as combating deserters, looters, and panic-mongers, preventing the theft of various goods transported by rail during evacuation from enemy-occupied territories, and other tasks. Research reveals that successes at the front were largely due not only to the efforts of home front workers but also to the monumental work of Soviet law enforcement. Furthermore, during the first days of the war, a quarter of the country's police force was sent to fight at the front.

Findings and Conclusions. The war period of 1941-1945 brought numerous changes to both the legal framework and the overall organizational activities of the Main Directorate of Militia of the NKVD of the USSR. Thanks to these changes, militia units were able to effectively fulfill all assigned tasks in law enforcement and public safety during the war. Experiencing severe staff shortages and enormous workloads, police officers were forced to maintain law and order by any means necessary, regardless of circumstances. They honorably fulfilled the task assigned by the country's leadership. The assessments, results, and conclusions of this work can serve as the basis for future research projects in this area and can also be used in educational settings.

Keywords: legal basis, military period, improvement of legislative regulation, ensuring the rule of law, law enforcement, combat activities, fight against crime

For citation: Kobets P. N. Razvitie pravovikh osnov i organizatsii deyatelnosti organov vnutrennikh del vo vremya Velikoi Otechestvennoi voini. [Development of the legal framework and organization of internal affairs bodies' activities during the great patriotic war]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 28-43. (In Russ.).

Начавшееся 22 июня 1941 г. вероломное вторжение фашистской Германии на территорию Советского Союза обусловило необходимость полного пересмотра и дальнейшей корректировки основных направлений деятельности и полномочий всего государственного механизма СССР [1, с. 25]. Происходящие события также не обошли стороной Народный комиссариат внутренних дел (далее – НКВД) СССР, и в частности, важнейшие его структурные подразделения, среди которых особая роль отводилась Главному управлению милиции (далее – ГУМ) НКВД СССР.

Руководством страны сразу же была инициирована подготовка государственной стратегии, направленной на максимальное и полное вовлечение всех имеющихся ресурсов и сил для скорейшей победы над врагом, которая была изложена в Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых

областей от 29 июня 1941 г.¹. Для согласованности принятых управленческих решений, а также организации и координации всех находящихся инструментов, ресурсов и возможностей в период военного нападения экстренно создается специальный орган, который имел надведомственный характер и был наделен рядом специальных компетенций – Государственный Комитет Оборона (далее – ГКО)². Данным органом сразу же были объединены функции, которыми обладало партийное, советское и военное руководство страны. На период военных действий он превратился в высший орган государственной власти Советского Союза, который обладал рядом особых полномочий и мог принимать любые чрезвычайные организационные и правовые меры воздействия [2, с. 12].

Необходимо подчеркнуть, что НКВД СССР находился в подчинении у наркома и высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти СССР, которым явился Совет Народных Комиссаров (далее – СНК). В целом для всей системы НКВД СССР военного периода была характерна сложная многоуровневая административная структура. Что касается одного из важнейших управлений данной системы – ГУМ НКВД СССР, то следует отметить, что его деятельность весьма широко дополнялась всеми территориальными управлениями НКВД, которые находились в республиканских, краевых и областных административных центрах страны. Всем этим региональным территориальным управлениям НКВД СССР подчинялись отделы милиции. Важно отметить, что 20 июля 1941 г. были осуществлены существенные структурные изменения в НКВД СССР. Для достижения общих целей, объединения ресурсов и координации совместных действий органы внутренних дел и безопасности, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, были объединены в единый комиссариат – НКВД СССР³.

С первых часов начала немецкой агрессии против СССР работники милиции стали подавать рапорты о направлении их на передовые рубежи нашей страны. И уже через несколько дней четверть всего милицейского личного состава страны была отправлена воевать на фронт. В соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»⁴

¹ Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. 29 июня 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 38–39.

² Об образовании Государственного Комитета Оборона : постановление Президиума ВС СССР, СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25218&ysclid=mmhtdw361r548341423#lQRfHDVeu1zBlmHZ1> (дата обращения: 08.03.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³ Об объединении Народного Комиссариата внутренних дел СССР и Народного Комиссариата государственной безопасности СССР в единый Народный Комиссариат внутренних дел СССР : Указ Президиума ВС СССР от 20 июля 1941 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15340&ysclid=mmiss23sg896448119#EcsgLDV4vwldhf5m> (дата обращения: 08.03.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁴ О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время : Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. : ред. от 9 апреля 1942 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL:

продолжительность рабочего времени у работников милиции увеличилась и составила 12 часов. С каждым днем оставшийся в тылу личный состав милиции постоянно нес потери ввиду мобилизации, смерти, голода, болезней и др. Законодательной основой осуществляемого работниками милиции противодействия разного рода подрывной деятельности в тылу был Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»⁵. Данный законодательный акт позволил обеспечить в рассматриваемый военный период выполнение работниками милиции всех необходимых правоохранительных мероприятий.

Важно отметить, что в первую очередь с первых дней войны работникам милиции пришлось контролировать процедуру оформления прописки, которая должна была проводиться в течение 24-х часов для всех граждан, которые получили разрешение милиции на проживание [3, с. 252]. В обязательном порядке требовалось выписывать всех без исключения лиц, которые уезжали для постоянного или временного проживания в другие местности на срок более полутора месяцев, кроме командированных, отпускников, направленных для прохождения лечения, сборов, уборки урожая, умерших. Также должны были быть выписаны несовершеннолетние граждане, не достигшие шестнадцати лет, и лица, страдающие психическими заболеваниями. Сведения о них заносились в адресные листки тех граждан, в паспорта которых они были вписаны. Отдельную категорию составляли несовершеннолетние граждане, не достигшие шестнадцати лет, прибывшие для самостоятельного проживания. Ввиду отсутствия у них паспортов, регистрационные действия (прописка и выписка) в отношении данных лиц совершались на основании свидетельства о рождении [4, с. 32]. В военные годы некоторые граждане в силу ряда причин проживали у своих родных и близких без прописки в нарушение паспортного режима и при этом всячески скрывали данное обстоятельство. Чтобы выявлять незанятых граждан, злостно нарушающих законодательные меры, работникам милиции приходилось проводить постоянные рейды с привлечением общественности. Как правило, в первую очередь проверялись частные домовладения и общежития. В большинстве случаев организация рейдов возлагалась на участковых уполномоченных, которые для выявления разного рода нарушителей как в городской черте, так и на селе обязаны были иметь доверенных лиц на обслуживаемой территории, которые и помогали выявлять нарушителей паспортного режима. В соответствии с изданным 1 сентября 1941 г. циркуляром ГУМ НКВД СССР от работников милиции требовалось повысить эффективность своей деятельности по сравнению с довоенным периодом. Особое внимание должно было уделяться регулярным проверкам общежитий, барачных и различных предприятий на предмет выявления разного рода законодательных нарушений паспортных требований. Проведение довольно широкого комплекса хорошо спланированных мероприятий в

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17105&ysclid=mmhvua7gg9144821425#KHkwHDVmdbPtWdcJ1> (дата обращения: 08.03.2026). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

⁵ О военном положении : Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. : ред. от 7 июля 1943 г. // КонсультантПлюс : сайт.. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9366&ysclid=mmirjwdioi942916323#RZEYLDVu3ntnLkYr> (дата обращения: 08.03.2026). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

рассматриваемой сфере позволило работникам милиции только в 1941 г. выявить 998 280 фактов подобных нарушений [5, с. 15].

В самом начале военных действий руководством страны работникам милиции была поставлена еще одна задача, не свойственная для мирного времени, а именно решительной и непримиримой борьбы с распространителями слухов, вражескими элементами, саботажниками, дестабилизирующими обстановку в советском тылу. Законодательной основой для борьбы с распространителями разного рода панических настроений и ложных слухов, а также иными опасными для нашей страны врагами стал Указ Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»⁶. Работники милиции сразу же включились в борьбу с рассматриваемыми преступными проявлениями, и уже к началу ноября 1941 г. за совершение данных противоправных деяний, как следует из докладной записки заместителя прокурора СССР Г. Н. Сафонова, «было осуждено 1 423 чел. (910 чел. осуждены военными трибуналами в местностях, объявленных на военном положении, и 513 чел. – в местностях, не объявленных на военном положении)»⁷.

Неотъемлемым компонентом работы милицейских подразделений в годы войны было противодействие преступным проявлениям в финансово-экономической сфере [6, с. 21]. Как правило, субъектами данной преступной деятельности выступали финансовые инспекторы, либо агенты, собравшие разного рода платежи у населения (налоги, страховые суммы и др.). Рост преступных проявлений в рассматриваемой сфере был обусловлен по большей части резким ослаблением деятельности контрольных служб Минфина СССР. В связи с этим органам милиции пришлось усилить свою работу по данному направлению деятельности. В результате только за 1945 г. по всей стране милиционерам удалось вскрыть хищения более чем на 6 млн. 815 тыс. рублей, которые получили финансовые служащие в качестве уплаты разного рода сборов. К мерам ответственности за данный вид преступной деятельности было привлечено более пятисот человек [7, с. 225].

Важным правоохрнительным подходом в сфере взаимодействия населения и работников милиции была практика привлечения к совместной деятельности в городах всех работников низового звена коммунального обслуживания, в том числе дворников, ночных сторожей, комендантов домовых хозяйств [8, с. 17]. Так, по решению Ленгорисполкома от 17 августа 1940 г. № 19 назначение на указанные должности допускалось только при наличии согласия руководителей отделений милиции, обслуживавших соответствующую территорию. При этом разрешение не

⁶ Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения : Указ Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6643&ysclid=mmisbtalo3521572813#PJhdLDVkpDzeDSdg1> (дата обращения: 08.03.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁷ Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения : докладная записка заместителя прокурора СССР Г. Н. Сафонова Г. М. Маленкову, заместителю председателя СНК СССР А. Я. Вышинскому о результатах выполнения указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. 2 января 1942 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 968. Л. 8-9.

должно было носить формальный характер, а предусматривало обязательную личную беседу с соискателем должности. От лиц, назначенных на перечисленные должности, требовалось не только осуществлять надзор за поведением проживающих в обслуживаемых домах, но и выявлять подозрительных лиц, уведомляя об этом участкового уполномоченного [9, с. 27].

Также следует указать и на то, что 17 сентября 1941 г. ГКО СССР принимается Постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»⁸. На всей приграничной территории, которую не удалось занять немецким войскам, работники милиции, оказывая содействие пограничным и армейским подразделениям, вели совместные боевые действия с превосходящими их силами противника. Вместе с тем в приграничных районах Советского Союза в обязанности милиционеров входила эвакуация важной документации, разного рода ценного имущества, вооружения и лиц, находящихся под арестом.

В этот же период личный состав НКВД СССР был занят формированием отдельной специальной мотострелковой бригады (далее – ОМСБОН) из сотрудников милиции и военнослужащих войск НКВД, имеющих спортивные разряды. В дальнейшем данное подразделение превратилось в ключевой центр подготовки отечественных разведывательных и диверсионных групп, которые направлялись для работы в немецкие тылы. Так, в период с 1941 по 1945 год ОМСБОН подготовила 212 специальных групп, в которые входило более семи тысяч человек, для заброски за линию фронта. Данное подразделение провело 1 084 боевые операции, уничтожив около 137 тысяч немецких военнослужащих, в том числе 87 руководителей и свыше 2 000 агентов специальных служб противника [10, с. 154].

В рассматриваемый исторический период центральной государственной задачей стала военно-мобилизационная деятельность, которая была необходима для принятия самых незамедлительных мер по усилению действующих армейских частей, подготовки новых воинских формирований и активизации оборонительной работы в тылу. В частности, именно на это делается акцент в Постановлении ГКО СССР от 19 октября 1941 г. «О введении осадного положения в г. Москве и прилегающих к ней районах»⁹, а также Постановлении СНК СССР от 25 июня 1941 г. «О начальниках охраны войскового тыла»¹⁰. Особый акцент в рассматриваемой работе делался на те местности, в которых было введено военное положение. Так, в соответствии с Приказом № 1 начальника московского гарнизона об обеспечении общественного порядка в г. Москве от 25 июня 1941 г., опубликованным в газете «Вечерняя Москва»

⁸ О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР : Постановление ГКО СССР от 17 сентября 1941 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=40609&ysclid=mmhtwpwnw2509845420#Y08jHDVRZdraBMuO> (дата обращения: 08.03.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁹ О введении в Москве осадного положения : Постановление Государственного Комитета Обороны от 19 октября 1941 г. № 813 // Архив Института военной истории, ф. 5, оп. 5, д. 1, лл. 55-56.

¹⁰ О начальниках охраны войскового тыла : Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 25 июня 1941 г. № 1756-762 // ГА РФ, Ф. Р-5446, Оп. 106, Д. 20, Л. 272-273.

26 июня 1941 г., в г. Москву воспрещалось въезжать всем, не прописанным в ней лицам, кроме специально командированных из народных комиссариатов СССР и РСФСР. При этом рабочим и служащим пригородов, работающих в г. Москве, был разрешен въезд по специальным пропускам предприятий и учреждений¹¹. Кроме этого, в г. Москве была запрещена прописка всех лиц, которые прибывали неорганизованно. Было разрешено прописывать следующие категорий лиц: прибывших в командировку или по специальному вызову, возвращавшихся из командировки либо с передовой, родственников, прибывших по срочному вызову, при наличии обстоятельств, связанных с болезнью или смертью близкого. Лицам, не имевшим права прописки в г. Москве по различным причинам, отказа в данной процедуре, положено было выдавать специальные справки, которые давали гражданам право оформления проездных документов на железнодорожный транспорт на обратный выезд из г. Москвы.

В начале войны отделам милиции, отвечавшим за регулирование уличного движения, также была поставлена не свойственная для мирного времени задача – осуществлять мобилизацию автомобильного транспорта, в котором так остро нуждались как фронт, так и тыл. Работники милиции данных подразделений должны были поддерживать светомаскировочный режим городских автострад и улиц, а также в целом следить за обеспечением безопасного движения транспорта и при необходимости как можно быстрее расчищать проезжую часть после оружейных обстрелов и авиационных налетов немецкой бомбардировочной авиации. В крупных прифронтовых городах, как например в 1941 г. в г. Москве, работники милиции обязаны были создавать заставы, которые вели круглосуточный контроль за всем въезжавшим на территорию города автотранспортом, а также теми гражданами, которые направлялись в город своим ходом. Весьма примечательно, что в военное время работники милиции должны были давать разрешения даже на приобретение и продажу велосипедов. С началом войны работы у милиционеров прибавилось еще и потому, что все личные и государственные велосипеды должны были быть перерегистрированы, кроме тех, которые числились за воинскими учреждениями и подразделениями НКВД. Кроме прочего, милицией осуществлялся обязательный учет всех велосипедов, которым присваивались новые регистрационные номера.

Общая непростая ситуация в сфере противодействия преступным деяниям, которая складывалась в военные годы, способствовала увеличению уровня преступных проявлений со стороны несовершеннолетних. В то же время в ситуации крайне невысокого уровня экономического и финансового дохода населения страны, существующего недостатка заботы о детях и потери многими из несовершеннолетних родных и близких не происходило усиление мер уголовной ответственности в отношении подростков, а наоборот, шло наращивание и усиление функционала, связанного с воспитательной работой со стороны государственных органов. В целях заблаговременного обнаружения подростков, склонных к противоправной деятельности, работниками милиции организовывались и реализовывались специальные меры. Профилактическая работа включала поквартирные обходы, выявление

¹¹ Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Москве : приказ начальника гарнизона г. Москвы от 25 июня 1941 г. № 1 // Электронная библиотека исторических документов : сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/178289#mode/grid/page/1/zoom/2> (дата обращения: 08.03.2026).

несовершеннолетних лиц из возможных групп риска. Совместно с участковыми милиции и работниками разных милицеских служб выявлялись беспризорные несовершеннолетние и направлялись в специальные приемники. В результате такой работы работникам милиции удалось оградить многих детей и подростков от попадания их в преступную среду. Для этих несовершеннолетних были созданы все необходимые условия для дальнейшего полноценного и всестороннего развития.

Стоит также обратить внимание на то, что на всей территории, находившейся на военном положении, милиционеры находились в состоянии боевой готовности с развернутыми силами и средствами. Сформированными оперативными группами велись активные боевые действия с проникавшими на территорию нашей страны диверсионно-разведывательными группами. При этом, благодаря работникам милиции, под надежной охраной находились все объекты первоочередной важности [11, с. 211]. С военнослужащими частей Красной Армии милиционеры вели кровопролитные оборонительные бои за г. Тулу, г. Москву, г. Ленинград и многие другие города Советского Союза.

С первых дней войны для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками из работников милиции начали формировать подразделения и части. К примеру, в соответствии с приказом 1941 г. НКВД Карело-Финской ССР рядовой и начальствующий состав районных, городских отделов и отделений свели в отделения, взводы и отряды, назначив командовать этими подразделениями работников милиции, обладавших необходимой для ведения боевых действий военной подготовкой. Стоит подчеркнуть, что с 22 июня 1941 г. личный состав милиции перешли на казарменный режим службы, а уже на следующий день сотрудники этого наркомата вошли в состав организованного сводного батальона, возглавляемого пограничником М. А. Горьковым. Характерной чертой сформированного батальона было то, что весь его кадровый состав был обязан выполнять все свои прямые обязанности. Всего с 1941 по 1945 год только для помощи фронту органами милиции было выделено не менее двадцати пяти процентов от всего личного состава работавших сотрудников [12, с. 115].

С частями 172-й советской стрелковой дивизии до последней капли крови героически обороняли г. Могилев в июле 1941 г. бойцы легендарного милицеского батальона, которым командовал капитан милиции К. Г. Владимиров – начальник отдела службы и боевой подготовки УРКМ УНКВД Могилевской области. В батальоне находилось три роты, в рядах которых сражалось около двухсот пятидесяти человек. Это были работники Могилевского областного управления милиции, курсанты, преподаватели и личный состав Могилевской межкраевой школы НКВД-НКГБ, а также Минской и Гродненской школ милиции. На протяжении шести суток днем и ночью милицеский батальон стоял насмерть, прикрывая железнодорожный узел со стороны Шкловского шоссе. Ежедневно батальон отбивал по несколько атак, уничтожая бронетехнику и немецкую пехоту (не менее четырехсот гитлеровцев). К. Г. Владимиров, несмотря на ранение, повел в последнюю атаку 50 оставшихся милиционеров против наступающих танков. Ведя тяжелые и неравные бои, 19-ти тяжелораненым бойцам пришлось отступить¹².

¹² Контратака в бессмертие: подвиг милицеского батальона Константина Владимиров // Союзное государство : сайт. URL: <https://postkomcr.pf/history/235080/?ysclid=m77hoatzg3153342271> (дата обращения 08.03.2026 г.).

Подтверждением героизма работников милиции могут служить многочисленные примеры того, как всем коллективом отделы милиции вступали в состав Красной Армии и героически сражались в кровопролитных битвах. Большинство работников милиции, не жалея себя, весьма храбро сражались, в том числе сотрудники линейного отдела железнодорожной станции «Брест». Они под руководством своего начальника А. Я. Воробьева, взаимодействуя с 17-м погранотрядом и 60-м железнодорожным полком НКВД СССР в течение нескольких суток обороняли этот объект. Отважные защитники по мере своих возможностей стремились как можно дольше задерживать врага, не давая ему стремительно продвигаться вглубь советской территории. И только 25 июня 1941 г. остатки защитников этой станции, сумевшие выжить в смертельном бою, смогли с боями вырваться из немецкого окружения, потеряв в кровопролитных боях большую часть своих непокоренных товарищей, в том числе и А. Я. Воробьева [13, с. 122].

С началом войны на оккупированных немецкими войсками советских территориях был отмечен существенный рост сопротивления населения, а также подпольной и партизанской активности. Исключительное значение в упорядочении и координации данных процессов отводилось работникам ГУМ НКВД СССР, имевшим хорошие навыки и умения оперативной работы. Так, сразу же с начала войны в Витебской области был создан милицейский стрелковый полк входивший в дивизию народного ополчения, который в боях с немецкими захватчиками показывал исключительные образцы мужества и героизма [14, с. 19].

Немалый героизм и доблесть были проявлены милиционерами в борьбе с агрессорами на временно оккупированных немецко-фашистскими захватчиками советских территориях. Работники милиции становились участниками партизанского движения, возглавляли оперативную подпольную и диверсионную работу во вражеском тылу. Как правило, милиционеры являлись основой большинства таких отрядов, которые были созданы в самом начале войны в Подмосковье, Брянской, Смоленской, Псковской областях. Были нередки примеры, когда весь личный состав районных отделов НКВД СССР вливался в партизанское движение на оккупированных территориях. Так, в 1941 г. личный состав райотдела милиции Кировского района Калининской области присоединился к партизанскому отряду и героически сражался с врагом. Работники Ржевского городского отдела милиции сформировали собственный партизанский отряд, который, перейдя линию фронта, вел активную разведывательную и подрывную работу в немецких тылах [15, с. 15].

Довольно крупные и весьма чувствительные для обороноспособности страны людские и материальные потери, которые понесла страна в самом начале военных действий, в существенной мере явились причиной тому, что Ставка Верховного главнокомандующего приняла решение о привлечении части милицеских гарнизонов НКВД СССР для укрепления рядов Красной Армии [16, с. 8]. Также немаловажно отметить, что за военный период с 1941 по 13 января 1945 года для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками органы НКВД СССР передали подразделениям Красной Армии более 215 тыс. своих работников. Вместе с тем необходимо подчеркнуть и то, что в военное время выпускникам образовательных организаций НКВД СССР нередко приходилось менять квалификацию: зачастую сразу же по окончании учебных заведений они становились политруками подразделений Красной Армии.

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют складывающуюся в военные годы довольно непростую ситуацию, в соответствии с которой в период чрезвычайно сложной военной обстановки для всего советского государства работники милиции, совершенно не жалея себя, не только обеспечивали защиту личной безопасности граждан и их имущества, а также государственной собственности в тылу, но в том числе и на фронте защищали с оружием в руках свободу и независимость нашей родины.

После освобождения находившихся под немецкой оккупацией населенных пунктов охранников правопорядка обучали минно-взрывному делу, поскольку одних только военных саперов было крайне недостаточно, чтобы обнаруживать и разминировать объекты и территорию. И таких примеров было немало: так, сразу же после освобождения территории Московской области от немецких захватчиков работниками отдела милиции г. Звенигорода сотрудника милиции А. Я. Шведова привлекли к разминированию опасных объектов. Им лично было обезврежено более одной тысячи немецких мин. Однако в ходе обезвреживания очередной немецкой мины сотрудник милиции погиб. За проявленную самоотверженность А. Шведов был посмертно награжден орденом Красного Знамени. [17, с. 9].

Совместно с советскими гражданами милиционеры принимали самое непосредственное участие в возрождении опустошенных городов, которые лежали в руинах, взорванных при отступлении немецких частей, а также нередко разрушенных во время бомбежек и артиллерийских обстрелов немецкими захватчиками. После авианалетов на города вражеской авиации милиция оцепляла всю эту территорию до полного обезвреживания. После немецких авианалетов работники милиции извлекали из разрушенных бомбежками домов тела погибших советских граждан. Именно служителям правопорядка приходилось заниматься непростой и кропотливой работой, связанной с опознанием погибших, поиском их родных и близких и захоронением трупов. Кроме этого, работников милиции прифронтовых территорий постоянно привлекали для сбора на местах недавних боев военного снаряжения и принадлежностей, а также вооружения и боеприпасов и последующего его складирования и охраны. Также им приходилось участвовать в изъятии у населения накопленных запасов разного рода военного имущества и вооружения, обнаруженных на местах боевых действий.

Подводя итоги развития правовых основ и организации деятельности органов внутренних дел в рассматриваемый военный период, стоит сделать ряд выводов.

С началом Великой Отечественной войны сразу же претерпевает изменения, реформируется и перестраивается вся государственная машина, включая государственные институты и механизмы по их управлению. Эти перемены не обошли стороной деятельность ГУМ НКВД СССР. Чтобы сфокусировать и сконцентрировать все имеющиеся силы и средства для борьбы с немецкими захватчиками, создается Государственный Комитет Обороны, заместителем председателя которого стал нарком НКВД СССР Л. П. Берия. Данный орган сосредоточил в себе всю власть и контроль в стране. Всему населению, в том числе партийным, советским и военным органам, следовало неукоснительно исполнять законодательные решения, принятые ГКО СССР [18, с. 23].

Начавшаяся война Советского Союза с нацистской Германией 1941–1945 гг. с первых же дней предопределила для работников ГУМ НКВД СССР множество самых разнообразных, но при этом важных обязанностей, причем не только тех, которые были связаны с обеспечением стабильного правопорядка в тылу, но также охраны

прифронтовых территорий и участия в партизанском движении и в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Именно по этой причине в условиях военного времени, в связи с возросшими функциями милиции, возникла необходимость внесения существенных изменений в правовую регламентацию деятельности милиции. Ее довоенные функции существенно расширились и не стали ограничиваться только охраной правопорядка и борьбой с преступностью. Прибавились совершенно новые задачи, не характерные для довоенного периода деятельности этой правоохранительной структуры.

Важно отметить, что, несмотря на ряд возникавших трудностей в милицмейской работе, данная деятельность обеспечила все необходимые условия и способствовала проведению наиболее важных и необходимых мероприятий в режимных регионах страны по их очистке от разного рода преступных элементов и иных лиц, пребывание которых ограничивали паспортные правила. Кроме этого, работникам милиции приходилось обезвреживать группы вражеских диверсантов, парашютные разведывательные группы, а также группы сигнальщиков-ракетщиков, подававших ориентиры немецким летчикам во время их налетов на советские города и особо важные стратегические объекты. В течение 1941–1945 гг. территориальные ОВД обезвредили порядка двух тысяч немецких агентов и диверсантов [19, с. 73]. Помимо прочего, работникам милиции пришлось возглавлять деятельность разведывательных и диверсионных групп, которые направлялись для работы в немецкие тылы.

Сотни милицмейских подразделений с первых дней войны, например сводный полк милиции г. Витебска под командованием А. Л. Радюка или знаменитый милицмейский батальон, которым при обороне г. Могилева командовал К. Г. Владимиров, стояли в прямом смысле насмерть, до последнего работника милиции, противостоя хорошо оснащенным и в значительной мере превышающим численность советских милиционеров кадровым немецким войскам. К сожалению, многие факты героической борьбы работников милиции против немецко-фашистских захватщиков пока что не в полной мере изучены учеными отечественной историко-юридической науки. Совершенно очевидно, что этот исторический период военного противостояния милицмейских подразделений с передовыми частями вермахта нуждается в дальнейшем подробном исследовании с максимальным использованием военных и милицмейских архивных данных и, по возможности, с упоминанием фамилий героически сражавшихся милиционеров.

Заслуживает внимания тот факт, что от качества выполнения работниками милиции своих профессиональных обязанностей в немалой степени зависело многое, в том числе степень защищенности граждан, обеспечивающих бесперебойную работу стратегически важных военных предприятий, армию – сельскохозяйственной и иной продукцией, предприятий пищевой и легкой промышленности, автопрома, лечебных учреждений, госпиталей и др. Поскольку около четверти личного состава работников милиции в первые дни войны ушли добровольцами на фронт, в существенной мере произошло увеличение объема работы, связанной с охраной правопорядка и противодействием преступности. Кроме этого, функции милиции также продолжали постоянно увеличиваться. К обычной повседневной работе прибавились задачи в сфере борьбы с дезертирами, мародерами, паникерами, противодействием хищениям различных грузов, перемещаемых железнодорожным транспортом в процессе эвакуации с территорий, временно занятых врагом, и др.

Все вышеизложенное наглядно демонстрирует, что с первых дней военных действий Советского Союза против фашистской Германии в работе милицеейских подразделений логично выделить в качестве основных два ключевых вектора. Первый связан с нападением и оккупацией западных территорий СССР германскими войсками и в связи с этим привлечением и задействованием всех возможных государственных ресурсов и средств, в том числе и работников милиции, для непосредственного противодействия немецкому продвижению вглубь страны. Вторым вектором функционирования милицеейских подразделений в годы войны стало выполнение задач в сфере правопорядка и обеспечения общественной безопасности. Это было обусловлено тем, что значительная часть оккупированной врагом территории имела прифронтовую полосу, на которой именно сотрудники милиции, перестроив свою работу в соответствии с условиями военного времени, несмотря на всю сложность поставленных задач, противодействовали самым различным преступным проявлениям, разыскивали преступников, обеспечивали законность и правопорядок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Митрофанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел. М. : NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с.
2. Кобец П. Н. Особенности реформирования законодательной системы Советского Союза в период 1941–1945 гг. // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 10–20.
3. Краев Д. Н. Особенности регистрации и учета населения органами внутренних дел в 1932–1945 гг. (на примере Кировской области) // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 250–254.
4. Кобец П. Н. Совершенствование нормативного регулирования в сфере оптимизации деятельности паспортной службы милиции в период 1941–1945 гг. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 25–40.
5. Кириченко Ю. Н. Правовые основы деятельности общесоюзной паспортной службы советской милиции в годы Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 4 (17). С. 12–18.
6. Кобец П. Н. Противодействие экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Юрист-Правоведъ. 2025. № 2 (113). С. 19–24.
7. Сальников А. С. О некоторых аспектах борьбы с хищениями и спекуляцией в третьем периоде Великой Отечественной войны (январь 1944 г. – май 1945 г.) // Органы и войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (К 80-летию победы в Великой Отечественной войне) : сборник научных статей по материалам Международной научно-исторической конференции. (г. Москва, 7 июня 2024 г.). М. : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2024. С. 222–230.
8. Кобец П. Н. Привлечение граждан для содействия работникам милиции по поддержанию правопорядка в период Великой Отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4 (47). С. 16–22. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-47-4-16-22.
9. Говоров И. В., Ремнева С. В. Из истории развития общественных формирований по содействию органам милиции в СССР в 20–80-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 25–31.
10. Шахов В. В., Безуглый Э. А. Деятельность органов НКВД на оккупированных территориях центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны // Война. Народ. Победа (посвящается 70-летию победы советского народа в великой отечественной войне) :

мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 частях. Санкт-Петербургский университет МВД России. (г. Санкт-Петербург, 28 апреля 2015 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации., 2015. С. 153–158.

11. Советская милиция: история и современность, 1917–1987 / А. П. Косицын, Р. С. Мулукаев, С. В. Биленко и др. ; под ред. А. В. Власова. М. : Юрид. лит., 1987. 335 с.

12. Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г. Органы внутренних дел северо-запада России в годы Великой Отечественной войны: Монография. МВД России. С.-Петерб. ун-т. - СПб.: МВД России. С.-Петерб. акад., 1999. 224 с.

13. Ярута Д. А. Подвиги советской милиции в годы Великой Отечественной войны // Glossa : Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. 2020. № 4. С. 121–123.

14. Ильинский Н.И. Органы внутренних дел Белорусской ССР в 1941-1950 годы. Минск : МВШ МВД СССР, 1978. 188 с.

15. Цыганков С., Колобков П. Шла война народная. Краткий очерк о деятельности калининской милиции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. генерал-майора милиции И. М. Соловьева. Калинин. 1975. 28 с.

16. Емельянов В. М. Советская милиция в годы Великой Отечественной войны // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 2 (15). С. 4–9.

17. Эриашвили Н. Д. Подвиг советской милиции в годы Великой Отечественной войны // Криминологический журнал. 2019. № 2. С. 8–14.

18. Первых Т. А. Роль государственного комитета обороны в борьбе с особо опасными преступниками в период Великой Отечественной войны // Вестник юридических исследований. 2024. Т. 3, № 1. С. 20–27.

19. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД-МВД СССР (1934–1956 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 71–78.

REFERENCES

1. Mulukaev R. S., Maligin A. Ya., Mitrofanov A. Ye. Istoriya otechestvennikh organov vnutrennikh del [History of domestic internal affairs agencies]. Moscow, 2005, 336 p. (In Russ.).

2. Kobets P. N. Osobennosti reformirovaniya zakonodatelnoi sistemi Sovetskogo Soyuza v period 1941-1945 gg [Features of the reform of the legislative system of the Soviet Union in the period 1941-1945]. Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost: retrospektiva i perspektiva – Society, Law, Statehood: Retrospective and Prospect, 2025, vol. 23, no. 3, pp. 10-20. (In Russ.).

3. Kraev D. N. Osobennosti registratsii i ucheta naseleniya organami vnutrennikh del v 1932-1945 gg. (na primere Kirovskoi oblasti) [Features of registration and accounting of the population by internal affairs bodies in 1932-1945 (on the example of the Kirov region)]. Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute, 2008, vol. 8, no. 3, pp. 250-254. (In Russ.).

4. Kobets P. N. Sovershenstvovanie normativnogo regulirovaniya v sfere optimizatsii deyatelnosti pasportnoi sluzhbi militsii v period 1941-1945 gg. [Improvement of regulatory framework in the field of optimization of the activities of the passport service of the police in the period 1941-1945]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, vol. 115, no. 4, pp. 25-40. (In Russ.).

5. Kirichenko Yu. N. Pravovie osnovi deyatelnosti obshchesoyuznoi pasportnoi sluzhbi sovetskoi militsii v godi Velikoi Otechestvennoi voini [Legal foundations of the activities of the all-Union passport service of the Soviet militia during the Great Patriotic War]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo –Proceedings of the South-West State University. Series: History and Law, 2015, vol. 17, no. 4, pp. 12-18. (In Russ.).

6. Kobets P. N. Protivodeistvie ekonomicheskoi prestupnosti v godi Velikoi Otechestvennoi voini [Combating economic crime during the Great Patriotic War]. Yurist-Pravoved – Jurist-Pravoved, 2025, vol. 113, no. 2, pp. 19-24. (In Russ.).

7. Salnikov A. S. O nekotorykh aspektakh borbi s khishcheniyami i spekulyatsiei v tretem periode Velikoi Otechestvennoi voini (yanvar 1944 G. - mai 1945 G.) [On Some Aspects of the Fight Against Theft and Speculation in the Third Period of the Great Patriotic War (January 1944 - May 1945)]. Bodies and Troops of the NKVD of the USSR in the Great Patriotic War (On the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War): Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Historical Conference, Moscow, 7 June 2024. Moscow : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", 2024, pp. 222-230. (In Russ.).

8. Kobets P. N. Privlechenie grazhdan dlya sodeistviya rabotnikam militsii po podderzhaniyu pravoporyadka v period Velikoi otechestvennoi voini [Involvement of citizens in assisting police officers in maintaining law and order during the Great Patriotic War]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Law and Order: History, Theory, Practice, 2025, vol. 47, no. 4, pp. 16-22. (In Russ.).

9. Govorov I. V., Remneva S. V. Iz istorii razvitiya obshchestvennykh formirovaniy po sodeistviyu organam militsii v SSSR v 20-80-e godi [From the history of the development of public formations to assist the police in the USSR in the 1920s-80s]. Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007, vol. 36, no. 4, pp. 25-31. (In Russ.).

10. Shakhov V. V., Bezuglii E. A. Deyatelnost organov NKVD na okkupirovannykh territoriyakh tsentralnogo Chernozemya v godi Velikoi Otechestvennoi voini [Activities of the NKVD in the Occupied Territories of the Central Black Earth Region During the Great Patriotic War]. War. People. Victory (dedicated to the 70th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War) : Proceedings of the international scientific and practical conference: in 2 parts. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; St. Petersburg, 28 April 2015. St. Petersburg. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015, pp. 153-158. (In Russ.).

11. Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost, 1917-1987 [Soviet Militia: History and Modernity, 1917-1987]. A. P. Kositsin, R. S. Mulukaev, S. V. Bilenko i dr.; Pod red. A. V. Vlasova. Moscow : Legal Literature, 1987, 335 p. (In Russ.).

12. Salnikov V. P., Stepashin S. V., Yangol N. G. Organi vnutrennykh del severo-zapada Rossii v godi Velikoi Otechestvennoi voini [Internal Affairs Agencies of Northwest Russia During the Great Patriotic War]. Monograph. Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg University. SPb.: Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg Academy, 1999, 224 p. (In Russ.).

13. Yaruta D. A. Podvigi sovetskoi militsii v godi Velikoi Otechestvennoi voini [Exploits of the Soviet Militia during the Great Patriotic War]. Glossa : Vestnik studencheskoi nauki. Izdanie kafedri teorii i istorii gosudarstva i prava Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Glossa : Bulletin of Student Science. Publication of the Department of Theory and History of State and Law of Kursk State University, 2020, no. 4, pp. 121-123. (In Russ.).

14. Ilinskii N. I. Organi vnutrennykh del Belorusskoi SSR v 1941-1950 [Internal Affairs Bodies of the Byelorussian SSR in 1941-1950]. Minsk : MVSh MVD USSR, 1978, 188 p. (In Russ.).

15. Tsigankov S., Kolobkov P. Shla voina narodnaya. Krat-kii ocherk o deyatelnosti kalininskoi militsii v godi Velikoi Otechestvennoi voini 1941 —1945 gg. [The People's War Was Waging. A Brief Essay on the Activities of the Kalinin Militia During the Great Patriotic War of 1941-1945]. Kalinin. 1975, 28 p. (In Russ.).

16. Yemelyanov V. M. Sovetskaya militsiya v godi Velikoi Otechestvennoi voini [Soviet militia during the Great Patriotic War]. Vestnik Tyumenskogo instituta povisheniya kvalifikatsii

sotrudnikov MVD Rossii – Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 4-9. (In Russ.).

17. Eriashvili N. D. Podvig sovetskoi militsii v godi Velikoi Otechestvennoi voini [The feat of the Soviet militia during the Great Patriotic War]. Kriminologicheskii zhurnal – Criminological Journal, 2019, no. 2, pp. 8-14. (In Russ.).

18. Pervikh T. A. Rol gosudarstvennogo komiteta oboroni v borbe s osobo opasnimi prestupnikami v period Velikoi Otechestvennoi voini [The role of the State Defense Committee in the fight against especially dangerous criminals during the Great Patriotic War]. Vestnik yuridicheskikh issledovaniy. – Bulletin of Legal Research, 2024, vol. 3, no. 1, pp. 20-27. (In Russ.).

19. Kuzminikh A. L. Evolyutsiya sistemi NKVD-MVD SSSR (1934-1956 gg.) [Evolution of the NKVD-MVD system of the USSR (1934-1956)]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction, 2010, no. 10, pp. 71-78. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kobets Peter Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department of scientific information, training of scientific personnel and ensuring the activities of scientific councils the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25 Povarskaya St., b. 1, Moscow, 121069.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 44–60.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 44–60.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.12:342.9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Шабаета Ольга Александровна

Иркутский юридический институт (филиал) «Университет прокуратуры Российской Федерации», Иркутск, Россия, Shabaevaolya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9973-3033>

Введение. Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации приобрела системный характер, охватив не только административно-технические процедуры, но и базовые механизмы взаимодействия государства и общества. Речь идет о фундаментальном переходе от традиционных бумажных и личных форм взаимодействия между государством, гражданами и бизнесом к электронным, автоматизированным системам. Данный процесс меняет не только технические аспекты, но и саму природу правовых знаков. Отмечается, что в настоящее время это проявляется в замене бумажных уведомлений электронными сообщениями, в автоматизированном формировании административных решений, в использовании чат-ботов и голосовых помощников для разъяснения норм права. При этом визуальное оформление, навигационные паттерны и алгоритмическая логика интерфейсов начинают выполнять регулятивную функцию.

В правовой плоскости получается ситуация, при которой нормативные правовые акты регламентируют форму, но не регулируют семиотическую динамику юридического знака. В результате возникают риски размывания правовой определенности, формирования эффекта «черного ящика» при автоматизированных решениях и снижения потенциала государственной коммуникации.

Предметом исследования выступает цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации в условиях перехода к платформенным формам взаимодействия органов публичной власти, бизнеса и гражданского общества.

Материалы и методы. В качестве основополагающего метода познания выступила материалистическая диалектика. В работе использовались общенаучные (логический, системный, функциональный) и частнонаучные (формально-юридический, семиотический, моделирование, прогнозирование) методы познания, направленные на достижение обозначенной цели. В качестве эмпирической базы использованы материалы судебной практики, которые подтверждают потребность в семиотической регламентации цифровых сервисов.

Результаты исследования позволили выявить, что современная нормативная правовая база Российской Федерации сохраняет сугубо технико-формальную ориентацию. Динамика семиозиса в информационной среде системно игнорируется, что порождает комплексные риски. Во-первых, снижается уровень правовой определенности. Во-вторых, происходит девальвация институционального авторитета нормативных правовых актов. В-третьих, формируется устойчивый коммуникативный диссонанс. Он возникает между содержанием нормативного правового акта и тем, как конечный субъект воспринимает и интерпретирует этот текст.

В статье освещены основные изменения в механизме государственно-правовой коммуникации, обусловленные цифровизацией публичного администрирования. Цифровая среда не просто транслирует нормы права, она радикально модифицирует их правовую природу. Происходит качественное изменение формы и содержания норм права.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил выявить, что цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации представляет собой фундаментальное изменение механизма правового регулирования, затрагивающее знаковую природу права, его синтаксическую структуру, семантическую определенность и прагматическое воздействие на правосознание. Выявленные пробелы в действующем законодательстве свидетельствуют о его формально-технической ориентации и недостаточном учете семиотической динамики юридических знаков.

Автор приходит к выводу, что требуется комплексная нормативная правовая регламентация семиотической целостности государственно-правовой коммуникации. Реализация указанных изменений в сфере правового регулирования снизит уровень правовой неопределенности и устраним коллизии в правоприменительной и судебной практике. В свою очередь, это напрямую способствует росту доверия субъектов права к институтам государства.

Автором предложено законодательное закрепление требований к структурной полноте, терминологической точности и алгоритмической прозрачности цифровой правовой информации. Обоснована необходимость разработки единых методических стандартов цифровой юридической техники. Кроме того, отмечена необходимость введения основ юридической семиотики в программы профессиональной подготовки (переподготовки) государственных и муниципальных служащих. Реализация указанных мер обеспечит баланс между цифровой доступностью и правовой определенностью, сохраняя легитимность публичного управления. Только при условии системной интеграции нормативного, доктринального и практического подходов цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации сможет стать не источником правовых рисков, а инструментом повышения качества, доступности и легитимности публичного управления в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственно-правовая коммуникация, цифровизация, юридическая семиотика, правосознание, семиозис

Для цитирования: Шабеева О. А. Цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации: правовое регулирование и семиотические основания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 44–60.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF GOVERNMENT-LEGAL COMMUNICATION: LEGAL REGULATION AND SEMIOTIC FOUNDATIONS

Olga A. Shabaeva

Irkutsk Law Institute (branch) «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation», Irkutsk, Russia, Shabaevaolya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9973-3033>

Introduction. The digital transformation of public administration in the Russian Federation has acquired a systemic character, encompassing not only administrative and technical procedures but also the fundamental mechanisms of interaction between the state and society. This involves a fundamental shift from traditional paper-based and personal forms of interaction among the state, citizens, and business toward electronic, automated systems. This process is changing not only technical aspects but also the very nature of legal signs. It is noted that, at present, this is manifested in the replacement of paper notifications with electronic messages, in the automated generation of administrative decisions, and in the use of chatbots and voice assistants to explain legal norms. At the same time, the visual design, navigation patterns, and algorithmic logic of interfaces are beginning to perform a regulatory function.

In the legal sphere, a situation arises in which normative legal acts regulate form, but do not govern the semiotic dynamics of the legal sign. As a result, risks emerge of the erosion of legal certainty, the formation of a “black box” effect in automated decision-making, and a reduction in the potential of state communication.

The subject of the study is the digital transformation of state-legal communication in the context of the transition to platform-based forms of interaction among public authorities, business, and civil society.

Materials and Methods. Materialist dialectics served as the fundamental method of cognition. The study employed general scientific methods (logical, systemic, functional) and specialized scientific methods (formal-legal, semiotic, modeling, forecasting) of cognition aimed at achieving the stated objective. As an empirical basis, materials from judicial practice were used, which confirm the need for the semiotic regulation of digital services.

The Results of the Study made it possible to reveal that the current regulatory legal framework of the Russian Federation retains an exclusively technical and formal orientation. The dynamics of semiosis in the information environment are systematically ignored, which gives rise to complex risks. First, the level of legal certainty decreases. Second, the institutional authority of regulatory legal acts is devalued. Third, a persistent communicative dissonance is formed. It arises between the content of a regulatory legal act and the way in which the end subject perceives and interprets this text.

The article highlights the principal changes in the mechanism of state-legal communication caused by the digitalization of public administration. The digital environment does not merely transmit legal norms; it radically modifies their legal nature. A qualitative transformation is occurring in the form and content of legal norms.

Findings and Conclusions. The analysis conducted made it possible to identify that the digital transformation of state-legal communication represents a fundamental change in

the mechanism of legal regulation, affecting the sign-based nature of law, its syntactic structure, semantic certainty, and pragmatic impact on legal consciousness. The identified gaps in current legislation indicate its formal-technical orientation and insufficient consideration of the semiotic dynamics of legal signs.

The author concludes that comprehensive regulatory and legal framework governing the semiotic integrity of state-legal communication is required. The implementation of the indicated changes in the sphere of legal regulation will reduce the level of legal uncertainty and eliminate conflicts in law enforcement and judicial practice. In turn, this will directly contribute to an increase in the trust of legal subjects in state institutions.

The author proposes the legislative consolidation of requirements for the structural completeness, terminological precision, and algorithmic transparency of digital legal information. The necessity of developing unified methodological standards for digital legal drafting is substantiated. In addition, the need to introduce the fundamentals of legal semiotics into the professional training and retraining programs of state and municipal employees is noted. The implementation of these measures will ensure a balance between digital accessibility and legal certainty, while preserving the legitimacy of public administration. Only under the condition of the systemic integration of normative, doctrinal, and practical approaches will the digital transformation of state-legal communication be able to become not a source of legal risks, but rather an instrument for improving the quality, accessibility, and legitimacy of public administration in the Russian Federation.

Keywords: digital transformation, state-legal communication, digitization, legal semiotics, legal awareness, semiosis

For citation: Shabaeva O. A. Cifrovaya transformaciya gosudarstvenno-pravovoj kommunikacii: pravovoe regulirovanie i semioticheskie osnovaniya [Digital transformation of government-legal communication: legal regulation and semiotic foundations] Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 44–60. (In Russ.).

В теории государства и права государственно-правовая коммуникация традиционно рассматривается как неотъемлемый элемент механизма правового регулирования, обеспечивающий доведение нормативных предписаний до адресатов, формирование правового сознания, конструирование правовой реальности и воспроизводство институциональной легитимности [1, с. 34]. В условиях цифровизации происходят глубокие изменения знаковой системы государственной власти. Она представляет собой совокупность символов, образов, которые используются для представления и укрепления власти, а также для идентификации государства, его суверенитета и политических ценностей.

В условиях реализации национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» и утверждения Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹ государственные органы активно применяют единые платформы электронного взаимодействия, такие как Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (Госуслуги). Данные

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 901.

инфраструктурные решения трансформируют традиционные формы государственно-правовой коммуникации в гибридные цифровые среды, где текст закона, интерфейс платформы и алгоритм обработки запросов становятся взаимозависимыми элементами единого регулятивного процесса.

Ряд ученых отмечают, что «сегодня тематический горизонт цифрового права, цифровой экономики, искусственного интеллекта, применения технологий Blockchain в правоприменении и в государственном управлении очень сильно зашлакован разнообразной весьма вольной лексикой, используемой в большинстве случаев без критического осмысления тех феноменов, процессов и отношений, которые она призвана описывать и объяснять» [2, с. 26].

Знаково-символическая сущность официальной информации в цифровом пространстве остается без должного внимания. Формируется научно-практическое противоречие, выражающееся, с одной стороны, в технологическом развитии, с другой – в концептуальной незавершенности теоретико-правового осмысления семиотических базисов государственно-правовой коммуникации.

Действующее нормативное правовое регулирование носит преимущественно формально-технический характер, фокусируясь на требованиях к публикации официальной информации и защите данных. К сожалению, не акцентируется внимание на знаковой природе официальной информации. Следует согласиться с мнением, что язык является сложным и многосторонним явлением, которое немислимо рассматривать лишь с одной стороны. Чтобы определить природу языка как можно точнее, приходится обращаться ко всем его аспектам, помнить о его биологической природе, не забывать о социальной стороне, рассматривать с точки зрения человеческой психики и воспринимать как систему знаков [3, с. 93].

В основу исследования положена гипотеза о том, что цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации представляет собой не побочный технологический процесс, а фундаментальное изменение механизма правового регулирования. Преодоление выявленных рисков возможно лишь при переходе от формально-информационного к семиотически ориентированному нормативному правовому регулированию, которое закрепляет требования к синтаксической, семантической и прагматической целостности цифровых правовых знаков.

Цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации: подходы к пониманию.

В науке теории государства и права нет единого определения государственно-правовой коммуникации. Данное явление исследуется в контексте рассмотрения терминов «правовая коммуникация» [4], «юридическая коммуникация» [5, с. 8], «правовое общение» [6, с. 10], тогда как государственно-правовая коммуникация применяется для акцентирования роли государственных институтов как адресантов официальной информации.

Д. В. Макаров рассматривает коммуникацию в государственном управлении как внутреннюю составляющую государственно-управленческого процесса и как внешне и внутренне направленные связи с общественностью и персоналом, которые требуют своих правил и механизмов применения [7, с. 141-142]. Реализация данных связей требует разработки специфических нормативных основ и практических инструментов. По мнению Д. В. Макарова, коммуникативные функции органов государственной власти целесообразно структурировать по трем ключевым направлениям, информационно-аналитическое сопровождение деятельности государственных и муниципальных органов, организация взаимодействия с внутренним контуром

управления (государственными и муниципальными служащими), выстраивание диалога с внешней средой, включающей гражданское население и институты гражданского общества [7, с. 142].

А. В. Поляков определяет правовую коммуникацию как правовое взаимодействие субъектов, которое возникает на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении [8, с. 9–10]. Правовая коммуникация, по его мнению, опосредуется правовыми текстами. При этом правовой текст ученый рассматривает как систему знаков, интерпретация которых создает определенный правовой смысл, направленный на регулирование поведения субъектов через установление их юридических прав и обязанностей [9, с. 21].

В контексте данной статьи определенный интерес представляет позиция А. Н. Скоковой относительно понимания государственной цифровой коммуникации, которая рассматривается как особый вид социальной коммуникации, возникающий в процессе взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления и населения с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», региональных порталов обработки обращений граждан, официальных сайтов органов власти, официальных сообществ социальных сетей и мессенджеров (госпабликов), а также иных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [10, с. 129].

Думается, что государственно-правовая коммуникация представляет собой сложный процесс обмена информацией между государством, обществом и личностью. Представляется необходимым выделить несколько ключевых подходов к ее пониманию: инструментальный (функциональный), социологический, лингво-юридический, дискурсивный, психологический.

Инструментальный (функциональный) подход трактует государственно-правовую коммуникацию исключительно как механизм административного управления. Власть диктует правила, используя нормативное правовое регулирование. Основная задача здесь сводится к обеспечению правопорядка и подчинения установленным нормам права. В такой модели государство остается единственным генератором правовых смыслов [11].

При социологическом подходе делается акцент на обратной связи и реальном взаимодействии государства и членов общества. Право перестает быть просто статичным текстом. Оно обретает реальное бытие исключительно в процессе восприятия, толкования и применения норм права членами общества. На стыке социологии и семиотики возникает конкретная задача в выявлении механизма влияния общественных отношений на законотворческий процесс.

При лингво-юридическом подходе делается акцент на языковой форме. Государственно-правовая коммуникация обусловлена работой со знаковыми системами. В этой связи категорически недопустимо лишение семантической точности и терминологической строгости. Баланс между простотой и точностью в данном случае крайне хрупок.

При дискурсивном подходе государственно-правовая коммуникация представляет собой взаимодействие равноправных субъектов. Легитимность власти зависит в том числе от качества публичного обсуждения. Законы считаются справедливыми только тогда, когда они стали результатом обсуждения.

Наконец, психологический подход исследует восприятие гражданами правовой информации. В данном аспекте важно выявить влияние на правосознание индивида. Таким образом, государственно-правовая коммуникация представляет собой сложный процесс обмена информацией между государством, обществом и личностью на основе социальной интерпретации правовой информации.

Под цифровой трансформацией государственного управления понимается качественное повышение эффективности и открытости работы органа управления на базе цифровизации операций, целенаправленного изменения служебных процессов в сторону цифровой экономики и информационного общества. Данный вид трансформации охватывает организационные, технологические, нормативные правовые и кадровые процессы.

Как справедливо отмечал М. Н. Марченко, еще на этапе становления глобализации одним из определяющих факторов воздействия на государственно-правовую материю стала «глобализация средств массовой информации и коммуникаций», оказывающих мощное влияние на общественное сознание помимо традиционных государственных институтов [12, с. 37]. В современных условиях этот процесс достиг своей высшей стадии в виде цифровой трансформации, которая радикально меняет суть государственно-правовой коммуникации с точки зрения семиотики, переводя ее из плоскости текста в плоскость алгоритмических и машиночитаемых взаимодействий.

Результативность государственного аппарата напрямую зависит от четкого закрепления компетенций, координации и исключения дублирования полномочий. В условиях цифровизации это выражается в переходе к сетевым и платформенным взаимодействиям. В свою очередь, это обеспечивает сквозной обмен данными, ускоряет принятие управленческих решений и повышает прозрачность ведомственной деятельности. Практическим подтверждением данного процесса служит внедрение реестровых моделей предоставления государственных услуг, при которых функции межведомственного взаимодействия автоматизированы, а ответственность за конечный результат распределена между участниками цифровой системы в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Переход к модели «Государство как платформа» подразумевает не просто автоматизацию старых процедур, а фундаментальное изменение управленческих процессов и создание общенациональной инфраструктуры «больших данных», где базовые реестры и цифровые профили становятся технологическим посредником между гражданином и государством, снимая с субъекта обязанность по сбору и передаче данных [13, с. 12].

Технологическая инфраструктура выступает материальным и инструментальным обеспечением реализации правовых норм. Цифровые технологии не заменяют право, а формируют новую среду его действия, где алгоритмы, электронные журналы и автоматизированные процедуры становятся средствами фиксации юридически значимых фактов и обеспечения исполнения государственных функций. В правоприменительной практике это находит отражение в использовании автоматизированных систем налогового контроля, систем автоматической фиксации правонарушений на дорогах, а также в

пилотных проектах по применению искусственного интеллекта в арбитражном и административном судопроизводстве.

Нормативный правовой процесс заключается в адаптации законодательства к цифровым реалиям, создании правовых режимов для электронных взаимодействий и обновлении юридической техники в современных условиях. Нормативная база должна отвечать требованиям стабильности, предсказуемости и оперативной корректируемости, особенно в условиях быстрого развития информационных отношений. В последние годы этот процесс получил развитие через принятие ряда законов (внесение изменений в действующее законодательство), регулирующих электронный документооборот², цифровые профили³, автоматизированную обработку данных и дистанционное оказание услуг⁴. Однако системная интеграция этих норм в единую семиотическую основу правового регулирования остается незавершенной.

Как показывает анализ нормативной правовой базы государственной цифровой коммуникации, законодатель сосредоточен преимущественно на регламентации самих каналов взаимодействия – платформ обратной связи, портала Госуслуг и социальных сетей [10, с. 128–129], оставляя за рамками правового регулирования субъектный состав этого процесса. Между тем качественное исполнение публичных функций в условиях цифровой трансформации невозможно без формирования у государственных и муниципальных служащих специфических цифровых компетенций.

В настоящее время в рамках программ повышения квалификации внедряются курсы по цифровой юриспруденции, защите персональных данных и взаимодействию с ИТ-платформами, что свидетельствует о постепенном осознании необходимости подготовки кадров, способных интерпретировать правовые знаки в цифровой среде.

В совокупности указанные процессы образуют единый механизм модернизации государственного управления. При этом цифровая трансформация зависит в первую очередь от качественного решения управленческих задач в процессе оказания государственных и муниципальных услуг. В такой системе правовое регулирование выступает стабилизирующим элементом, а цифровые инструменты – средствами его практического воплощения в государственно-правовой коммуникации.

Как справедливо отмечается в фундаментальных исследованиях концепции цифрового государства, современная юридическая наука сталкивается с серьезным вызовом: технологическая составляющая цифровизации и внедрение новых электронных сервисов опережают теоретико-правовое осмысление происходящих процессов [14, с. 48].

Действующее правовое регулирование в сфере информационной открытости и цифрового взаимодействия фокусируется преимущественно на требованиях к

² Трудовой кодекс Российской Федерации : принят Гос. Думой 21 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации : одобрен 26 декабря 2001 г. : послед. ред. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.

³ О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» : указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 28. Ст. 3955.

⁴ О коммуникационных сервисах автоматизированного рабочего места : постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2024 г. № 472 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 17. Ст. 2328.

публикации информации, защите персональных данных. Однако при этом игнорируется знаковая природа официальной информации, ее смысловая трансформация в цифровой среде и специфическое воздействие на правосознание субъектов права.

В результате возникает «доктринальный вакуум»: нормативные правовые акты регламентируют форму, но не регулируют семиотическую динамику юридического знака. В свою очередь, это порождает риски размывания правовой определенности и снижения потенциала государственно-правовой коммуникации. Данная проблема приобретает особую остроту в условиях массового внедрения автоматизированных решений.

Визуальные и интерфейсные решения постепенно вытесняют традиционные юридические формулировки. Возникает смысловой разрыв между буквальным текстом правовой нормы и тем, как ее фактически воспринимает субъект на экране устройства.

Государственно-правовая коммуникация представляет собой процесс взаимодействия между государственными институтами и обществом (гражданами, организациями), опосредованный нормами права. При этом, как мы выяснили выше, цифровая трансформация вносит свои коррективы. Происходит перестройка институциональных и содержательных основ информационного обмена.

Правовое регулирование государственно-правовой коммуникации в цифровую эпоху: доктринальный анализ

Семиотика права имеет существенное значение в правовом регулировании, которое выражается в следующем. Во-первых, в онтологическом признании права как знаковой системы, где нормы права, нормативные правовые акты, процессуальные документы и государственная символика выступают знаками, выполняющими регулятивную, информационную, оценочную и легитимирующую функции. При этом условия их функционирования качественно модифицируются в цифровой среде.

Во-вторых, в динамике процесса семиозиса, который под влиянием цифровых платформ ускоряется, приобретает нелинейный характер и требует учета модели знака (репрезентатив-объект-интерпретант). Целью здесь является прогнозирование того, как цифровые формы трансляции нормы права формируют правосознание и готовность к правомерному поведению.

В-третьих, в данном контексте важно структурно-смысловое соответствие семиотических измерений уровням правового регулирования: синтактика соотносится с юридической техникой и структурой нормативных правовых актов, семантика – с толкованием и правовой определенностью, прагматика – с воздействием нормы права на поведение субъектов, что позволяет выявлять и минимизировать «коммуникативный разрыв» между формальным текстом закона и его восприятием.

В-четвертых, особый акцент на практической необходимости нормативного закрепления требований к прозрачности автоматизированных решений (в том числе в рамках статьи 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. «О персональных данных»)⁵, обеспечивающих баланс между визуальной доступностью цифровых сервисов (иконки,

⁵ О персональных данных : Федер. закон № 152-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. : послед. ред. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

инфографика, упрощенные схемы) и сохранением нормативного содержания, а также гарантирующих субъектам права механизмы разъяснения, заявления возражений и защиты законных интересов.

Видится, что цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации представляет собой не побочный технологический процесс, а фундаментальное изменение механизма правового регулирования, требующее доктринального осмысления через призму семиозиса, синтактики, семантики и прагматики правовых знаков. В этой связи интересен подход Н. Ф. Ковкель, в рамках которого доказывается, что семиотика права позволяет обнаружить неснижаемую специфику правовых знаков и знаковых систем [15, с. 72].

Действующее правовое регулирование информационной открытости и цифровой коммуникации органов государственной власти в Российской Федерации носит преимущественно формально-технический характер. Базовыми актами выступают Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», указы Президента Российской Федерации, регламентирующие развитие цифрового правительства, а также ведомственные акты, устанавливающие порядок ведения официальных сайтов и страниц в социальных сетях. Данные нормативные правовые акты фиксируют требования к полноте, достоверности, своевременности публикации информации, определяют технические стандарты и меры ответственности за нарушение режима открытости. Однако в судебной практике, доступной через системы «КонсультантПлюс» и «Гарант», регулярно фиксируются случаи, когда формальное соблюдение требований к размещению информации не гарантирует ее корректного восприятия. Например, в арбитражной практике неоднократно рассматривались дела, связанные с оспариванием автоматизированных решений налоговых органов, где суды указывали на недостаточную ясность алгоритмических выводов и отсутствие доступного разъяснения порядка обжалования⁶. Алгоритм выдает результат, но не раскрывает логику его формирования. В свою очередь, субъект лишен возможности эффективно оспорить выводы системы.

С позиции теории правового регулирования в указанных актах отсутствует семиотическая регламентация. Форма доведения нормы права до адресата рассматривается как второстепенный элемент, не требующий самостоятельного нормативного закрепления. Такой подход порождает серьезные риски. Интерфейсы Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) (Госуслуги), ведомственных приложений и чат-боты активно используют упрощенные формулировки, эмодзи и яркие визуальные акценты. Думается, имеются определенные расхождения с базовыми требованиями юридической техники и принципом правовой определенности.

⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 марта 2024 г. № Ф06-73/2024 по делу № А65-4511/2023 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=467953> (дата обращения: 01.06.2026).

В данном контексте пробелы правового регулирования проявляются в нескольких аспектах. Во-первых, они выражаются в отсутствии нормативных требований к семиотическому оформлению цифровых правовых сообщений.

Во-вторых, не установлены границы допустимой адаптации юридических знаков к логике социальных платформ. Это, в свою очередь, создает риски девальвации институционального статуса и снижения доверия к праву.

В-третьих, отсутствует механизм мониторинга семантической точности и прагматической эффективности цифровой коммуникации, что противоречит принципу результативности правового регулирования [1, с. 42].

В-четвертых, не закреплена ответственность за семиотические искажения правовых знаков. В качестве примера можно привести ситуацию с автоматизированной выдачей штрафов за нарушение правил дорожного движения. Гражданин через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (Госуслуги) получает электронное уведомление с кратким описанием нарушения и ссылкой на оплату. Однако семиотический дизайн сообщения (акцент на сумме, яркий цвет кнопки «Оплатить», отсутствие явного указания на право обжалования) формирует прагматический эффект принуждения, а не информирования. Аналогичные тенденции наблюдаются при использовании упрощенных схем получения мер социальной поддержки, где за визуальной простотой стоит комплекс нормативных правовых актов, сложный для самостоятельной интерпретации без юридической подготовки.

Повышение эффективности правового регулирования требует применения комплекса юридических средств, которые представляют собой совокупность мер, направленных на совершенствование нормативной правовой базы, правоприменительной практики и правосознания с целью достижения желаемых результатов в регулировании общественных отношений [16, с. 34]. В цифровой среде это означает необходимость разработки специальных нормативных стандартов, регламентирующих не только техническую публикацию, но и семиотическую структуру официальной информации. Требуется переход от формально-информационного регулирования к семиотически ориентированному. В данном случае нормативный правовой акт или официальная информация будет рассматриваться как комплексный знаковый объект, подлежащий доктринальной и нормативной регламентации на всех уровнях: синтаксическом (структура, форма, язык), семантическом (точность, однозначность, терминологическая строгость) и прагматическом (влияние на правосознание, доверие, готовность к соблюдению норм права).

Действующее нормативное правовое регулирование, несмотря на свою технологическую развитость, остается семиотически «слепым». В этой связи представляет интерес подход К. А. Караманова, который отмечает, что алгоритмическая прозрачность – эта не факультативная цель технического процесса, а нормативно значимая категория, подлежащая закреплению в законодательстве и применению в правоприменительной практике [17, с. 52]. Речь не идет о неэффективности в целом, указывается на необходимость доктринального дополнения механизмов правового регулирования нормативными и методическими стандартами, учитывающими знаковую природу права в цифровую эпоху. Именно такая интеграция позволит обеспечить баланс между цифровой доступностью и правовой

определенностью, что является ключевой задачей теории государства и права в современных условиях.

Анализ показывает, что современное правовое регулирование цифровой коммуникации органов власти носит преимущественно технико-формальный характер и не учитывает семиотическую природу официальной информации. Выявленный дисбаланс между технологическими возможностями платформ и нормативным закреплением требований к структуре, смыслу и воздействию цифровых правовых знаков формирует риски снижения правовой определенности и легитимности государственных решений. Доктринальное осмысление проблемы требует перехода от регулирования «публикации официальной информации» к регулированию «семиотической целостности государственно-правовой коммуникации», что должно найти отражение в обновлении юридической техники, стандартизации интерфейсных решений и закреплении гарантий прозрачности алгоритмических процедур.

Семиотический анализ цифровой трансформации государственно-правовой коммуникации.

На синтаксическом уровне анализируются организация знаков, формальные структуры и правила их комбинирования в цифровой среде. Традиционная государственно-правовая коммуникация строится на иерархии нормативных правовых актов. В условиях цифровой трансформации эта структура претерпевает кардинальные изменения: на смену линейному тексту приходят машиночитаемые нормативные акты.

Главная задача на этом уровне заключается в обеспечении семантической способности различных информационных систем обмениваться данными с однозначным пониманием их смысла. В этой связи верно утверждение ученых о том, что усиление роли технократии обуславливает потребность в разработке и создании качественных государственных информационных систем, которые должны дополнять друг друга, обладать признаками гибкости и приспособляемости [18, с. 30]. Цифровая трансформация государственного управления требует перехода к формированию знаковых систем для всех органов власти.

Важно отметить, что официальная информация, размещенная в сети Интернет, воспринимается не только как правовой акт, но и как элемент медиаконтента, что порождает дополнительные смысловые наслоения [19, с. 4122]. Семантическая определенность является условием эффективности правового регулирования, обеспечивая предсказуемость последствий и единообразие применения норм права. Цифровая трансформация не отменяет этого требования, но усложняет его реализацию, требуя специальных механизмов семантического контроля.

На прагматическом уровне исследуется как знаки воздействуют на получателя и как изменяется практика взаимодействия государства и членов общества в условиях цифровизации. Так, С. С. Морозова отмечает, что при всей технологичности новых систем сохраняется фундаментальная проблема дефицита доверия к государственным цифровым инициативам [20, с. 638]. В свою очередь, это напрямую связано с формированием правосознания, легитимностью власти и результативностью правового регулирования.

Наглядным подтверждением служит трансформация налоговых уведомлений в Личном кабинете налогоплательщика и на портале «Госуслуги». Традиционное

бумажное требование об уплате налога представляло собой статичный текст. Его современный цифровой аналог действует принципиально иначе. Во-первых, применяется прямая персонализация: система обращается к пользователю по имени. Во-вторых, используется эмоциональная модуляция через интерфейс. Красный цвет индикатора просроченного платежа или значок восклицательного знака подсознательно стимулируют чувство правовой тревоги и срочности. В-третьих, включается интерактивность. Вместо пассивного чтения предписания пользователь видит кнопку, например, «Оплатить со скидкой 50 %».

В результате прагматика сообщения меняется кардинально. Норма права трансформируется из формального требования в персонализированный, эмоционально окрашенный призыв к немедленному действию.

Ч. У. Моррис рассматривал прагматику как поведенческий аспект семиозиса, где знак стимулирует определенные реакции. Более того, он отмечал, что прагматика рассматривает человека как автора событий [21, с. 36]. В контексте государственно-правовой коммуникации это означает, что цифровые официальные сообщения должны не только информировать, но и формировать доверие, повышать правовую культуру, стимулировать правомерное поведение.

Прагматическая эффективность правового регулирования зависит от баланса между доступностью и «авторитетностью» нормы права. В цифровой среде этот баланс достигается через «семиотическую взвешенность»: сохранение институциональных маркеров статуса, контроль над эмоциональным тоном, четкое обозначение правового статуса официального сообщения (нормативное, разъяснительное, информационное и т. д.).

Анализ правоприменительной практики выявляет устойчивую тенденцию. Государственные органы, использующие манипулятивные элементы интерфейса (например, так называемые «темные паттерны»), провоцируют рост правовых конфликтов. Алгоритмическое давление в виде принудительных всплывающих окон или таймеров обратного отсчета воспринимается пользователями негативно. В свою очередь, это напрямую ведет к увеличению числа административных жалоб и судебных исков.

Напротив, информационные платформы, соблюдающие баланс в подаче информации, демонстрируют иные результаты. В таких системах фиксируется более высокий уровень добровольного соблюдения требований со стороны пользователей. Правовая информация здесь воспринимается не как инструмент принуждения, а как понятная и логичная инструкция.

Определенные положительные изменения уже происходят на ведомственном уровне. Методические рекомендации Минцифры России по проектированию интерфейсов государственных сервисов (2023 г.)⁷ начали учитывать данные аспекты. Однако этого недостаточно. Нормативное закрепление требований к семиотическому

⁷ Методические рекомендации по проектированию интерфейсов систем управления для государственных сервисов : утверждено протоколом Президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 17 августа 2022 г. № 31 // ГосТех : сайт. URL: <https://platform.gov.ru/documents/proektirovanie-interfejsov-sistem-u/> (дата обращения: 01.06.2026).

оформлению цифровых сервисов в федеральном законодательстве пока отсутствует, образуя правовой пробел.

Таким образом, синтаксический, семантический и прагматический анализ подтверждает, что цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации не просто является технологическим процессом. Она системно изменяет знаковую природу официальных сообщений, что требует соответствующей корректировки механизмов правового регулирования и доктринального осмысления в рамках теории государства и права. Семиотический анализ демонстрирует, что цифровая трансформация затрагивает все уровни функционирования правового знака: синтаксический (структурная адаптация под интерфейсные ограничения), семантический (риск полисемии и смешения кодов) и прагматический (влияние на поведение через визуальные и алгоритмические формы).

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации представляет собой не технологический побочный процесс, а фундаментальное изменение механизма правового регулирования, затрагивающее знаковую природу права, его синтаксическую структуру, семантическую определенность и прагматическое воздействие на правосознание субъектов права. Во-вторых, действующее законодательство Российской Федерации, несмотря на активное развитие цифровой инфраструктуры, остается ориентированным на формально-технические параметры и не учитывает семиотическую динамику юридических знаков, что порождает системные риски снижения правовой определенности, размывания институционального авторитета и возникновения «коммуникативного разрыва» между нормой права и ее цифровым восприятием.

Анализ судебной и правоприменительной практики выявляет четкую тенденцию. Граждане и организации все чаще оспаривают автоматизированные решения государственных органов. Ключевые основания для таких исков – непрозрачность цифровых интерфейсов, смысловая неопределенность текстов и скрытое алгоритмическое давление на пользователя. Это обстоятельство диктует необходимость пересмотра стандартов создания цифровой правовой информации. Технологическое удобство и скорость обработки данных не могут подменять собой требования юридической определенности. Право должно оставаться первичным по отношению к технологиям.

Таким образом, во-первых, необходимо внести изменения в действующее законодательство с целью закрепления требований к семиотическому оформлению цифровой правовой информации, прозрачности алгоритмической логики и обязательному разъяснению правовых последствий автоматизированных решений. Во-вторых, необходимо разработать единые методические стандарты цифровой юридической коммуникации, включающие правила синтаксической структуры, семантической фильтрации и прагматического баланса. В-третьих, целесообразно предусмотреть включение основ юридической семиотики и цифровой юридической техники в программы профессиональной подготовки (переподготовки) государственных и муниципальных служащих. Только при условии системной

интеграции нормативного, доктринального и практического подходов цифровая трансформация государственно-правовой коммуникации сможет стать не источником правовых рисков, а инструментом повышения качества, доступности и легитимности публичного управления в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М. : Наука, 1982. 267 с. EDN: ZGVXKT.
2. Понкин И. В., Редькина А. И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 24–37. EDN: RPOVIY.
3. Гарипова А. Н. Знаковая природа языка // Казанская наука. 2021. № 6. С. 91–93. EDN: RZXUAN.
4. Романова Е. А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
5. Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах в теоретико-правовой перспективе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 8–26. EDN: OZCEBD.
6. Мамут Л. С. Правовое общение: очерк теории. М. : Инфра-М, 2011. 158 с.
7. Макаров Д. В. Коммуникации в государственном управлении Российской Федерации // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 2. С. 135–144. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-2-135-144. EDN: HKNJOT.
8. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. 94 с.
9. Архипов С. И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 20–27.
10. Скокова А. Н. О некоторых вопросах правового регулирования государственной цифровой коммуникации: ретроспектива и современное состояние // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 123–130. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/123-130. EDN: ITJLOU.
11. Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 397 с.
12. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2013. 400 с.
13. Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М. С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2019. 111 с.
14. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды : монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др. ; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 244 с. DOI: 10.12737/1288140. EDN: NWUJGG.
15. Ковкель Н. Ф. Семиотика права: новые перспективы развития в условиях виртуального и мультимодального мира // Научный Арцах. 2020. № 2 (5). С. 72–81. EDN: GADXMN.
16. Эффективность правового регулирования и правоприменения: международный и национальный уровни : коллективная монография / под общ. ред. А. А. Дорской, В. А. Косовской. СПб. : Астерион, 2025. 260 с.
17. Караманов К. А. Алгоритмическая прозрачность как принцип правового регулирования искусственного интеллекта // Legal Bulletin. 2025. Т. 10. № 2. С. 43–54. DOI: 10.5281/zenodo.16202435. EDN: XVRLRN.

18. Голубева Л. А., Рудометов С. С. Тенденции развития механизма государства в условиях информационного общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-8. С. 26–32. EDN: XAZUBF.
19. Bucher T. Algorithmic Semiotics: Platform Affordances and the Production of Digital Meaning. *New Media & Society*. 2024. Vol. 26. Iss. 8. P. 4112–4130.
20. Морозова С. С. Концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 638–653. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653. EDN: JKKOVG.
21. Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Академический Проект, 2001. 702 с.

REFERENCES

1. Kudryavtsev V. N. *Pravovoe povedenie: norma i patalogiya* [Legal behavior: norm and pathology]. Moscow, 1982, 267 p. (In Russ.).
2. Ponkin I. V., Redkina A. I. *Cifrovye ontologii prava i cifrovое pravovое prostranstvo* [Digital ontologies of law and digital legal space]. *Permskij yuridicheskij al'manah Perm Legal Almanac*. 2019, no. 2, pp. 24-37. (In Russ.).
3. Garipova A. N. *Znakovaya priroda yazyka* [Sign nature of language]. *Kazanskaya nauka Kazan Science*. 2021, no. 6, pp. 91-93. (In Russ.).
4. Romanova E. A. *Pravovaya kommunikaciya: obshcheteoreticheskij analiz* [Legal communication: general theoretical analysis]: abstract of thesis ... candidate of legal sciences. Saratov, 2011, 26 p. (In Russ.).
5. Kravits V. *Yuridicheskaya kommunikaciya v sovremennyh pravovyh sistemah v teoretiko-pravovoj perspektive* [Legal communication in modern legal systems in a theoretical and legal perspective]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie Proceedings of higher education institutions. Jurisprudence*. 2011, no. 5, pp. 8-26. (In Russ.).
6. Mamut L. S. *Pravovoe obshchenie: ocherk teorii* [Legal communication: an essay on theory]. Moscow, 2011, 158 p. (In Russ.).
7. Makarov D. V. *Kommunikacii v gosudarstvennom upravlenii Rossijskoj Federacii* [Communications in public administration of the Russian Federation]. *Kommunikologiya Communicology*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 135-144. (In Russ.).
8. Polyakov A. V. *Kommunikativnaya koncepciya prava (genezis i teoretiko-pravovoe obosnovanie)* [Communicative concept of law (genesis and theoretical-legal justification)]. St. Petersburg, 2002, 94 p. (In Russ.).
9. Arkhipov S. I. *Kommunikativnaya teoriya prava A. V. Polyakova* [Communicative theory of law by A. V. Polyakov]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal Russian Legal Journal*. 2016, no. 4, pp. 20-27. (In Russ.).
10. Skokova A. N. *O nekotoryh voprosah pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj cifrovoj kommunikacii: retrospektiva i sovremennoe sostoyanie* [On some issues of legal regulation of state digital communication: retrospective and current state]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2024, no. 2, vol. 57, pp. 123-130. (In Russ.).
11. Pletnikov V. S. *Model' gosudarstva v sovremennoj otechestvennoj yurisprudencii: metodologiya i praktika primeneniya* [The model of the state in modern domestic jurisprudence: methodology and practice of application]: thesis ... doctor of legal sciences. Ekaterinburg. 2021, 397 p. (In Russ.).
12. Marchenko M. N. *Gosudarstvo i pravo v usloviyah globalizacii* [State and law in the conditions of globalization]. Moscow, 2013, 400 p. (In Russ.).
13. *Gosudarstvo kak platforma: Lyudi i tekhnologii* [The state as a platform: People and technologies] Edited by: M. S. Shklyaruk. Moscow, 2019, 111 p. (In Russ.).

14. Konceptsiya cifrovogo gosudarstva i cifrovoj pravovoj sredy [Concept of the digital state and digital legal environment]. Moscow, 2021, 244 p. (In Russ.).
15. Kovkel N. F. Semiotika prava: novye perspektivy razvitiya v usloviyah virtual'nogo i mul'timodal'nogo mira [Semiotics of law: new prospects for development in the conditions of a virtual and multimodal world]. Nauchnyj Artsakh Scientific Artsakh. 2020, vol. 5, no. 2, pp. 72-81. (In Russ.).
16. Dorskaya A. A., Kosovskaya V. A. Effektivnost' pravovogo regulirovaniya i pravoprimeneniya: mezhdunarodnyj i nacional'nyj urovni [Efficiency of legal regulation and law enforcement: international and national levels]. St. Petersburg, 2025, 260 p. (In Russ.).
17. Karamanov K. A. Algoritmicheskaya prozrachnost' kak princip pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta [Algorithmic transparency as a principle of legal regulation of artificial intelligence]. Legal Bulletin. 2025, vol. 10, no. 2, pp. 43-54. (In Russ.).
18. Golubeva L. A., Rudometov S. S. Tendencii razvitiya mehanizma gosudarstva v usloviyah informacionnogo obshchestva [Trends in the development of the state mechanism in the conditions of the information society]. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2016, no. 1-8, pp. 26-32. (In Russ.).
19. Bucher T. Algorithmic Semiotics: Platform Affordances and the Production of Digital Meaning. New Media & Society. 2024, vol. 26, no. 8, pp. 4112-4130.
20. Morozova S. S. Kontseptual'naya model' optimizacii vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdan v usloviyah cifrovoj transformacii sovremennoj Rossii [Conceptual model for optimizing the interaction of the state and citizens in the conditions of digital transformation of modern Russia]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025, vol. 27, no. 3, pp. 638-653. (In Russ.).
21. Stepanov Yu. S. (2nd ed) Semiotika: Antologiya [Semiotics: Anthology. Moscow, 2001, 702 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шабаева Ольга Александровна, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент. Иркутский юридический институт (филиал) «Университет прокуратуры Российской Федерации». 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shabaeva Olga Alexandrovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Associate Professor. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1 Shevtsova St., Irkutsk, 664035.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 61–72.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 61–72.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 34(091)(470) : 351.74

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Шатилов Сергей Петрович

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск,
Российская Федерация, shatilov_sp@mail.ru

Введение. В статье на основе архивных документов и нормативных правовых актов детально анализируется функционирование камер предварительного заключения в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется условиям содержания задержанных: рассматриваются их санитарное состояние, материально-бытовое обеспечение, а также специфика организации охраны. В исследовании приводятся примеры нарушения законности со стороны сотрудников, осуществлявших надзор за лицами, содержащимися под стражей. Помимо этого, подробно освещаются меры, предпринимаемые руководством милиции, Народным комиссариатом внутренних дел и прокуратурой для обеспечения строгого соблюдения нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность учреждений предварительного заключения.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормы законодательства СССР, ведомственные акты Народного комиссариата внутренних дел СССР, архивные документы. В ходе исследования применены принципы историзма, объективности и системности. Исходя из этих и других методологических принципов, в статье по анализируемой проблеме широко использовались традиционные, общенаучные, формально-логические методы, дедукция, индукция, сравнительный и ретроспективный анализ и синтез, а также использован ретроспективный метод, проблемно-исторический метод и др.

Результаты исследования способствуют раскрытию эволюции правового регулирования деятельности камер предварительного заключения в период Великой Отечественной войны. В рамках работы идентифицируются ключевые факторы, определяющие эффективность мер по охране лиц, задержанных по подозрению в совершении общеуголовных преступлений. Полученные результаты позволяют углубить понимание механизмов контроля и надзора в условиях военного времени, а также оценить действенность правоприменительной практики в учреждениях предварительного заключения для поддержания законности.

Выводы и заключения. В ходе проведенного исследования были сформулированы выводы о высокой эффективности контрольно-надзорной функции, реализуемой руководством милиции, Народным комиссариатом внутренних дел и прокуратурой в отношении учреждений предварительного заключения, даже в условиях военного времени. Функционирование камер предварительного заключения в условиях войны позволяло обеспечивать задержанным надлежащие санитарно-гигиенические и материально-бытовые условия, а также способствовало поддержанию надежного режима их охраны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, учреждения предварительного заключения, органы милиции, органы прокуратуры, санитарный контроль, охрана, дежурный, учет, регистрация

Для цитирования: Шатилов С. П. Особенности предварительного заключения в годы Великой Отечественной войны // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 61–72.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

FEATURES OF PRE-TRIAL DETENTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Sergey P. Shatilov

Siberian State University of Railway Transport, Novosibirsk, Russia, shatilov_sp@mail.ru

Introduction. Based on archival documents and regulatory legal acts, the article provides a detailed analysis of the functioning of pre-trial detention facilities during the Great Patriotic War. Special attention is paid to the conditions in which detainees were held: their sanitary condition, material and living conditions, as well as the specifics of the security arrangements are examined. The study provides examples of violations of the law by staff responsible for supervising persons in custody. In addition, the measures taken by the police leadership, the People's Commissariat of Internal Affairs, and the prosecutor's office to ensure strict compliance with the regulatory legal acts governing the activities of pre-trial detention facilities are described in detail.

Materials and Methods. The research materials consisted of scientific articles by scholars, norms of USSR legislation, departmental acts of the People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR, and archival documents. The research applied the principles of historicism, objectivity, and systematic approach. Based on these and other methodological principles, the article on the problem under analysis extensively used traditional, general scientific, and formal-logical methods, deduction, induction, comparative and retrospective analysis and synthesis; the retrospective method, the problem-historical method, and others were also used.

The Results of the Study contribute to the disclosure of the evolution of the legal regulation of pre-trial detention cells during the Great Patriotic War. The work identifies key factors determining the effectiveness of measures to protect persons detained on suspicion of

committing ordinary crimes. The results obtained make it possible to deepen the understanding of control and supervision mechanisms in wartime conditions, as well as to assess the effectiveness of law enforcement practices in pre-trial detention institutions to maintain the rule of law.

Findings and Conclusions. The study led to the conclusion that the control and supervisory functions carried out by the police leadership, the People's Commissariat of Internal Affairs, and the prosecutor's office regarding pre-trial detention facilities were highly effective, even in wartime conditions. The operation of pre-trial detention cells during wartime made it possible to provide detainees with adequate sanitary, hygienic, and material living conditions, and also helped to maintain a reliable security regime.

Keywords: The Great Patriotic War, pre-trial detention facilities, police, prosecutor's office, sanitary control, security, duty officer, accounting, registration

For citation: Shatilov S. P. Osobennosti predvaritel'nogo zaklyucheniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Features of pre-trial detention during the Great Patriotic war]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 61–72. (In Russ.).

Настоящее исследование обусловлено рядом фундаментальных причин, определяющих его научную значимость и практическую актуальность.

Во-первых, следует констатировать отсутствие в современной юридической науке комплексных научных работ, посвященных анализу заявленной проблематики. Данный пробел в доктрине свидетельствует о необходимости проведения углубленного междисциплинарного исследования, способного восполнить существующие лакуны в понимании историко-правовых аспектов функционирования системы предварительного заключения.

Во-вторых, в научном сообществе сформировалась дискуссионная позиция, согласно которой учреждения предварительного заключения, функционировавшие в годы Великой Отечественной войны, фактически интегрировались в структуру уголовно-исполнительной системы [1, с. 29]. Однако, с нашей точки зрения, данное утверждение требует критического переосмысления и не соответствует исторической и правовой действительности.

Мы полагаем, что учреждения предварительного заключения, находившиеся в ведении органов милиции и Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД), имели специфическое функциональное назначение, существенно отличавшееся от задач уголовно-исполнительной системы. Их основная цель заключалась в кратковременном содержании лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений общеуголовного характера. К данной категории лиц относились, в частности, субъекты, подозреваемые в мародерстве, хищении имущества, совершении бытовых преступлений, а также нарушители общественного порядка [2, с. 39]. Таким образом, статус и режим содержания в учреждениях предварительного заключения принципиально отличались от статуса и режима содержания в учреждениях, предназначенных для исполнения наказаний, что исключало возможность их безусловного отнесения к уголовно-исполнительной системе.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на беспрецедентные вызовы, система предварительного заключения продолжала функционировать, обеспечивая правопорядок и борьбу с общеуголовной преступностью.

Правовой основой организации и функционирования камер предварительного заключения (далее – КПЗ) в рассматриваемый период служил Приказ НКВД СССР от 13 мая 1938 г., утвердивший «Временное положение о камерах предварительного задержания рабоче-крестьянской милиции». В КПЗ содержались лица, арестованные в рамках следственных действий, проводимых органами НКВД (включая рабоче-крестьянскую милицию и Управления государственной безопасности), прокуратурой, судами и следственными органами.

Стандартный срок содержания арестованных в КПЗ составлял до 3 суток. В отдельных географически удаленных районах по особому разрешению Главного управления рабоче-крестьянской милиции этот срок мог быть продлен до 10 суток. Превышение указанных сроков допускалось в исключительных случаях и только с санкции ГУРКМ НКВД СССР. Норма площади на одного арестованного устанавливалась из расчета 2,5 квадратных метра [3, с. 12].

Для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и предотвращения распространения инфекционных заболеваний все задержанные лица, направляемые в КПЗ, проходили медицинское освидетельствование и надлежащую санитарную обработку¹.

В целях реализации директив, изложенных в приказе НКВД СССР № 00585 от 1941 года, касающихся учета и регистрации лиц, поступающих в тюрьмы и КПЗ, предписывалось составление учетно-регистрационных материалов, включающих дактилокарты и учетные карточки, в строгом соответствии с установленными формами и процедурами.

За работу по учету, регистрации и ведению учетно-регистрационных материалов выделялись и закреплялись квалифицированные сотрудники, прошедшие соответствующую подготовку и обладающие необходимыми знаниями и навыками, обеспечивающими своевременное и полное заполнение учетно-регистрационных материалов на каждого вновь прибывшего заключенного, с последующей передачей указанных материалов в 1-й Специальный отдел НКВД республик, краев, областей и т. д.

Исключалось направление в 1-й Специальный отдел НКВД учетно-регистрационных материалов, заполненных небрежно, неполно или с грамматическими ошибками. При заполнении учетно-регистрационных материалов проводилась тщательная проверка тождественности установочных данных арестованного лица с данными, содержащимися в его документах, с особым вниманием к правильности, полноте и четкости написания фамилии, имени и отчества арестованного, а также других персональных данных.

В случае выявления недобросовестного или некорректного заполнения учетно-регистрационных материалов принимались незамедлительные меры по их переоформлению непосредственно на месте, до момента отправки в 1-й Специальный отдел НКВД.

На начальников ГО/РО НКВД возлагалась обязанность систематического контроля за правильностью постановки на учет лиц, содержащихся в КПЗ, и они несли

¹ Отдел архивной информации информационного центра ГУ МВД России по Новосибирской области (далее – ОАИ ИЦ ГУ МВД по НСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 81. Л. 366–367.

персональную ответственность за соблюдение установленных правил и процедур учета и регистрации заключенных².

Для обеспечения порядка и законности в КПЗ начальники ГО/РО НКВД были обязаны неукоснительно соблюдать установленные правила и обеспечивать надлежащий режим содержания, регламентированный «Временным положением о КПЗ». При приеме и сдаче дежурств дежурные становились ответственными за выявление возможных нарушений. Тщательный осмотр камер и личный обыск заключенных, особенно тех, кто прибывал с вагонзакон и передавался в распоряжение конвоя, должны были выявлять все запрещенные предметы и исключать возможности для совершения преступлений или нарушений режима.

Начальники ГО/РО НКВД и их заместители были обязаны регулярно контролировать несение службы постовыми милиционерами, проводя инструктажи по порядку действий в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, побегов, нарушений режима и т. д. С этой целью организовывались занятия по повышению их специальной подготовки, включая знание правил внутреннего распорядка КПЗ и умение действовать в различных ситуациях.

В КПЗ был установлен строгий режим содержания, исключающий возможность для заключенных оставаться без присмотра, иметь доступ к запрещенным предметам или вступать в незаконные контакты³.

С целью обеспечения безопасности и охраны мест содержания заключенных, а также предотвращения несанкционированного доступа посторонних лиц, проникновения запрещенных предметов и совершения иных противоправных действий органы УНКВД автономных республик, краев, областей и иных административно-территориальных образований в пределах своей юрисдикции издавали стандартные распоряжения. Так, начальником УНКВД СССР по Алтайскому краю было издано распоряжение, строго регламентирующее порядок хранения ключей от камер в КПЗ. Согласно данному распоряжению вся полнота ответственности за сохранность ключей от камер возлагалась на дежурного по ГО/РО НКВД, который обязывался лично хранить их при себе в течение всего периода дежурства.

Кроме того, с целью усиления контроля за несением службы и предотвращения возможных инцидентов в ночное время, ответственный по ГО/РО НКВД был обязан лично проверять дежурных по КПЗ. Такие ночные проверки должны были проводиться внезапно и не реже установленного регламентом количества раз за ночь, чтобы убедиться в бдительности дежурных, знании ими своих обязанностей и правил внутреннего распорядка. Также предписывалось в ночное время усиливать охрану КПЗ, например путем увеличения числа постовых милиционеров или привлечения дополнительных сил из числа сотрудников НКВД, что было призвано обеспечить более надежную защиту от побегов и других чрезвычайных происшествий⁴.

Ответственность за соблюдение санитарно-гигиенических норм и правил в КПЗ, а также за поддержание надлежащего санитарного состояния возлагалась на руководство ГО/РО НКВД. Руководство обязано было обеспечить систематический

² ОАИ ИЦ ГУ МВД по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 80. Л. 327–328.

³ Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (далее – ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 169–170.

⁴ ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 128.

контроль за санитарным состоянием помещений КПЗ посредством привлечения прикрепленных медицинских работников для проведения регулярных осмотров и консультаций.

Прикрепленные к КПЗ специалисты по дезинфекции обязаны были осуществлять регулярные мероприятия по обеззараживанию помещений, включая побелку камер, влажную уборку полов и общую дезинфекцию помещений.

В случае выявления у задержанных лиц признаков инфекционных заболеваний уполномоченные лица обязаны были незамедлительно уведомить территориальные органы здравоохранения и руководство УНКВД по соответствующему субъекту СССР. Данное уведомление должно было содержать информацию о характере заболевания, количестве заболевших и принятых мерах по локализации очага инфекции⁵.

В годы Великой Отечественной войны, когда ресурсы страны были максимально сосредоточены на нуждах фронта, четкая регламентация вопросов финансирования различных ведомств приобретала особое значение. Вопрос оплаты содержания арестованных, находившихся в КПЗ, не был исключением. Этот процесс регулировался Директивой Прокурора СССР № 13/01538 и циркуляром ГУРКМ НКВД СССР № 009-73 от 16 апреля 1938 г. Эти документы, разработанные еще в довоенное время, продолжали действовать и в условиях военного времени, определяя порядок финансирования и ответственность за содержание лиц, находящихся под следствием или ожидающих суда.

Содержание арестованных, числившихся за органами суда и прокуратуры, в КПЗ милиции осуществлялось за счет средств, специально выделенных на эти цели. Финансирование производилось по параграфу 7 сметы ГУРКМ НКВД СССР, который предусматривал расходы на содержание заключенных. Важным аспектом было ограничение времени пребывания арестованных в КПЗ: как правило, оплачивалось содержание в течение не более трех суток. Однако для отдельных районов, перечень которых был утвержден ГУРКМ, этот срок мог быть увеличен до 10 суток, вероятно, в связи с удаленностью этих районов от судебных органов и сложностями сообщения. В течение установленных временных рамок – до 3 или до 10 суток в зависимости от региона – содержание арестованных оплачивалось как за счет ассигнований, предусмотренных сметой ГУРКМ, так и за счет средств, закрепленных непосредственно за судами и прокуратурой⁶.

В целях оптимизации продовольственного обеспечения лиц, содержащихся в КПЗ, руководством УНКВД автономных республик, краев, областей и иных административно-территориальных образований издавались типовые приказы. Например, начальник УНКВД СССР по Алтайскому краю издал приказ от 7 марта 1944 г. № 268, регламентирующий порядок снабжения. В соответствии с данным приказом начальникам ГО и РО НКВД вменялось в обязанность установить строгий контроль за ведением журнала регистрации арестованных (форма № 1, согласно «Временному положению о КПЗ») с обязательным своевременным внесением отметок о прибытии и убытии лиц.

Дополнительно вводилось обязательное составление ежедневных сводок о движении арестованных по КПЗ, ответственность за формирование которых

⁵ ОАИ ИЦ ГУ МВД по НСО. Ф.4. Оп.1. Д. 81. Л.366-367.

⁶ Государственный архив Волгоградской области. Ф. 6466. Оп. 1. Д. 1. Л. 44-47.

возлагалась на секретарей-счетоводов или бухгалтеров ГО/РО НКВД, с возложением на них же функции формирования заявок на получение продуктов питания, подлежащих утверждению начальниками ГО/РО НКВД⁷.

Получение продуктов питания у горрайторготделов и выдача их арестованным возлагались на специально подготовленного сотрудника милиции, деятельность которого подлежала повседневному контролю. Выдача продуктов питания осуществлялась согласно ежедневной ведомости, содержащей персональные данные арестованных, наименование и вес выданных продуктов, а также подтверждающей расписку в получении. Разрешалась передача продуктов питания арестованным родственниками в период нахождения в КПЗ и перед отправкой в обменно-сдаточные пункты и места лишения свободы.

Начальникам ГО/РО НКВД вменялось в обязанность принимать меры для своевременного получения продуктов питания, отпускаемых для арестованных, и не допускать снижения установленных норм под предлогом отсутствия или по иным причинам. Все выявленные случаи нарушения норм снабжения подлежали немедленному устранению и докладу заместителю начальника УНКВД⁸.

Начальникам ГО/РО НКВД, а также их заместителям вменялось в обязанность обеспечить приобретение для арестованных, содержащихся в КПЗ, чашек, ложек и другой кухонной утвари; предусматривалось привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в использовании продуктов питания не по назначению⁹. Таким образом, приказ представлял собой комплекс мер, направленных на регламентацию и оптимизацию системы продовольственного обеспечения лиц, содержащихся в КПЗ.

В годы Великой Отечественной войны порядок конвоирования арестованных для проведения следственных действий регламентировался совместным приказом НКВД СССР и Прокурора СССР от 10 января 1939 г. № 06-12/7с¹⁰. Согласно приказу органы милиции были обязаны выполнять требования прокурора и конвоировать всех арестованных прокуратурой в соответствующие места заключения. Как правило, допрос заключенных под стражу следователями и прокурорами проводился в помещениях самих мест заключения. Это было обусловлено не только соображениями безопасности, но и необходимостью экономии ресурсов в условиях войны.

Однако существовали исключения из этого правила. Милиция осуществляла конвоирование находящихся под стражей арестованных к следователям по требованию прокуроров в строго определенных случаях. К таким случаям относились: необходимость проведения очных ставок со свидетелями, участие заключенного в экспертизах или ревизиях, а также отсутствие в тюрьме или КПЗ специально оборудованного помещения для допросов.

Важной обязанностью сотрудников милиции являлось обеспечение своевременной и безопасной доставки подследственных из КПЗ и тюрем (в которых отсутствовали специальные конвойные комнаты) в суд для рассмотрения их дел и обратно. При вынесении судом обвинительного приговора с сохранением меры

⁷ ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 16. Л. 44.

⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 16. Л. 45.

⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 16. Л. 46.

¹⁰ Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-3286. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

пресечения в виде содержания под стражей милиция без промедления конвоировала осужденного в место заключения¹¹.

В условиях Великой Отечественной войны уровень криминогенной активности в местах содержания под стражей повысился. Это обуславливалось особым правовым режимом военного положения, социально-экономическими трудностями, спецификой контингента КПЗ (в том числе склонностью части задержанных к противоправным действиям), а также недостатками в обеспечении установленного режима охраны.

1 декабря 1941 г., в нарушение ст. 38 Положения о КПЗ, должностное лицо – участковый уполномоченный, именуемый в дальнейшем «Б», осуществил вывод из камеры предварительного заключения районного отделения милиции по обслуживанию сельской местности Сталинского горотдела НКВД восемь содержащихся под стражей лиц, включая гражданина «П», для отправления естественных потребностей. Вследствие ненадлежащего обеспечения охраны и надзора при возвращении в КПЗ гражданин «П», воспользовавшись условиями недостаточной видимости (темнотой в коридоре), совершил побег из-под стражи¹².

23 июня 1943 г. временно исполняющий обязанности заместителя начальника Косихинского районного отдела НКВД сотрудник «Ф», отбывая в служебную командировку, не назначил себе официального заместителя, оставив РО НКВД без должного руководства.

Перед отъездом он дал указание дежурному по РО НКВД, милиционеру «Т», провести санитарную обработку арестованных, содержащихся в КПЗ. При этом «Ф» не проинформировал дежурного «Т» и других ответственных сотрудников о необходимости усиления охраны во время проведения санобработки.

Выполняя полученное распоряжение, милиционер «Т» доставил в баню 13 арестованных и, не обеспечив должную охрану, расположился у дверей бани. Воспользовавшись ненадлежащим контролем, четверо из арестованных совершили побег через окно банного помещения¹³.

В ночь на 7 июля 1942 г., около 2 часов ночи, «Т», «Б» и «Г», находившиеся под арестом в КПЗ Славгородского РО НКВД, совершили побег. Они сломали старую решетку на окне камеры № 6, воспользовавшись невнимательностью дежурного милиционера «К». Побег обнаружили в 4 часа утра. В ходе розыска выяснилось, что «Т» был задушен недалеко от КПЗ. Предположительно, его убили «Б» и «Г» из-за отказа продолжать побег по причине болезни. 8 июля 1942 г. «Г» был застрелен, а «Б» задержан¹⁴.

В целях обеспечения неукоснительного соблюдения нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность КПЗ, и повышения эффективности функционирования данных учреждений органами УНКВД автономных республик, краев, областей и иных административно-территориальных образований осуществлялись мероприятия по инспектированию и контролю, направленные на выявление и пресечение нарушений законности, анализ оперативно-служебной деятельности и оценку соответствия условий содержания задержанных и арестованных

¹¹ Там же. Ф. Р-3286. Оп. 1. Д. 4. Л. 9об.

¹² ОАИ ИЦ ГУ МВД по НСО. Ф. 4. Оп.1. Д. 293. Л.3 9б.

¹³ ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л.128.

¹⁴ Государственный архив Алтайского края. Ф. 1. Оп. 18. Д. 156. Л. 118.

лиц установленным требованиям. Данные контрольные мероприятия проводились в соответствии с ведомственными инструкциями и приказами, регламентирующими порядок организации и проведения проверок КПЗ, и включали в себя анализ документации, опрос сотрудников и содержащихся под стражей лиц, а также осмотр помещений КПЗ на предмет соответствия санитарным, гигиеническим и техническим нормам. Результаты проверок оформлялись в виде актов и предписаний, содержащих указания на выявленные недостатки и устанавливающих сроки для их устранения¹⁵.

Так, в третьем квартале 1941 года в ходе инспекторских проверок КПЗ, инициированных УНКВД СССР по Новосибирской области, в 1-м отделении милиции г. Новосибирска было установлено, что содержание задержанных и арестованных лиц осуществлялось в помещениях, не соответствующих требованиям, предъявляемым к камерам предварительного задержания. Отмечались случаи превышения установленной нормы наполняемости камер, где количество содержащихся лиц достигало десяти человек. Охрана содержащихся в камере лиц не обеспечивалась выделенным специализированным постом; надзор осуществлялся в рамках общих дежурных обязанностей, что снижало уровень безопасности и повышало риск нарушения режима содержания. Кроме того, выявлены нарушения порядка учета задержанных и арестованных лиц: отсутствие надлежащей регистрации поступающих лиц в журнале учета, а также отсутствие документального оформления передачи задержанных и арестованных лиц конвою. Установлены факты превышения сроков содержания задержанных и арестованных лиц в городских отделениях милиции (свыше трех суток), а также непредоставления им надлежащего питания, в частности горячей пищи, что являлось нарушением установленных норм содержания под стражей¹⁶.

В результате проверки 4-го отделения милиции установлено, что в камерах предварительного задержания содержатся лица, подлежащие направлению в специализированное учреждение (медицинский вытрезвитель), что является нарушением установленного порядка, определяющего категории лиц, подлежащих содержанию в КПЗ. В 9-м отделении милиции выявлены факты совместного содержания в камерах предварительного задержания лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении уголовных преступлений, и лиц, подвергнутых дисциплинарному взысканию, переданных из районного военного комиссариата¹⁷.

В ходе инспекции КПЗ Косихинского района НКВД были выявлены серьезные нарушения установленных сроков содержания под стражей. Из 22 арестованных, содержавшихся в КПЗ, у 10 был превышен установленный 10-дневный срок содержания. Особую обеспокоенность вызывал тот факт, что из шести человек, дела которых находились на рассмотрении в народном суде, четверо содержались в КПЗ значительно дольше положенного. Арестованный «К» находился под стражей 21 день, «И» – 14 дней, «Я» – 22 дня, а «М» – 21 день¹⁸.

Из приведенного примера, по нашему мнению, можно выделить как объективные, так и субъективные причины нарушений законности в деятельности КПЗ в начале Великой Отечественной войны. Объективно система столкнулась с

¹⁵ ОАИ ИЦ ГУ МВД по НСО. Ф.4. Оп.1. Д. 291. Л.357.

¹⁶ Там же. Ф.4. Оп. 1. Д. 291. Л. 358.

¹⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 291. Л. 359.

¹⁸ ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 128-129.

перегрузкой из-за возросшего числа задержанных, что привело к нехватке ресурсов и переполнению КПЗ. Перераспределение ресурсов на нужды фронта негативно сказалось на финансировании и обеспечении, а изначальная неприспособленность помещений усугубляла ситуацию.

Среди субъективных факторов, способствовавших нарушениям законности в КПЗ, первостепенную роль сыграл недостаточный контроль со стороны руководства отделений милиции за соблюдением нормативных требований. Это в свою очередь обусловило ненадлежащее исполнение обязанностей сотрудниками, проявлявшееся в отсутствии специализированной охраны, нарушениях ведения учета лиц, находящихся под стражей, превышении установленных сроков содержания и проблемах с обеспечением надлежащего питания. Дополнительным фактором, усугублявшим ситуацию, являлся дефицит квалифицированных кадров, вызванный мобилизационными мероприятиями, что привело к необходимости приема на работу малоквалифицированных сотрудников, которые периодически допускали нарушение законодательства при выполнении своих обязанностей (например, содержание в КПЗ лиц, подлежащих направлению в медицинский вытрезвитель, а также совместное содержание различных категорий задержанных).

Наряду с ведомственным контролем, осуществляемым руководством НКВД, надзор за законностью в деятельности КПЗ осуществлялся органами прокуратуры. В рамках реализации конституционно закрепленной функции прокурорского надзора прокуратура проводила систематические контрольно-надзорные мероприятия, направленные на обеспечение неукоснительного соблюдения прав и законных интересов лиц, подвергнутых задержанию или заключению под стражу, как фундаментальных элементов правового статуса личности в условиях ограничения свободы. С целью повышения эффективности надзора прокуроры субъектов СССР издавали организационно-распорядительные документы, устанавливающие периодичность проведения проверок, например, прокурор Алтайского края регламентировал осуществление проверок не реже двух раз в месяц¹⁹, а прокурор Новосибирской области – не менее трех раз в месяц²⁰.

Во втором квартале 1943 года в Алтайском крае в результате проведенной проверки исполнения законодательства в деятельности КПЗ выявили факты незаконного содержания под стражей 27 граждан в 13 районах, в отношении которых были приняты меры прокурорского реагирования, выразившиеся в их немедленном освобождении. Наиболее остро ситуация сложилась в Шипуновском районе, где все 8 лиц, содержащихся в КПЗ, были освобождены в связи с отсутствием законных оснований для применения к ним данной меры процессуального принуждения²¹.

В первом квартале 1943 года прокуратура Михайловского района Алтайского края в ходе плановой проверки выявила существенные недостатки в организации прокурорского надзора за функционированием КПЗ, выразившиеся в несоблюдении установленной периодичности проведения проверок и отсутствии актов обследования. Также было установлено нарушение санитарно-эпидемиологического

¹⁹ Архив прокуратуры Алтайского края (далее – АПАК). Ф. Р-1474. Оп. 2 л. Д. 5. Л. 61.

²⁰ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф.Р-20. Оп. 1. Д. 323. Л.71об.

²¹ ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л.264.

законодательства: в отношении арестованных, поступавших в КПЗ, не проводилась обязательная санитарная обработка, что привело к возникновению и распространению педикулеза среди содержащихся в учреждении. Отсутствие надлежащего санитарного контроля, а также несоблюдение прав задержанных в части обеспечения питьевой водой являлись грубыми нарушениями нормативных актов, регламентирующих условия содержания под стражей. Кроме того, выявили факты содержания лиц в КПЗ без соответствующей санкции прокурора, что являлось нарушением принципа законности и влекло за собой уголовную ответственность²².

В течение 1943 года прокуратурой Новосибирской области было проведено 1046 проверок КПЗ, в том числе: 193 проверки – в первом квартале, 247 – во втором, 332 – в третьем и 274 – в четвертом. Результатом активной надзорной деятельности явилось освобождение 536 лиц, незаконно содержащихся под стражей. В первом полугодии 1944 года прокуратура осуществила 547 проверок (291 – в первом квартале и 256 – во втором) и освободила 207 незаконно задержанных или арестованных граждан²³. Вместе с тем имелись факты формального подхода к осуществлению надзора, в частности, в 1944 году прокуратура Куйбышевского района Новосибирской области ограничивалась проведением проверок КПЗ не реже одного раза в месяц. Общее количество проверок за год составило 19.²⁴

По результатам каждой проверки составлялся акт, являющийся официальным документом, в котором фиксировались выявленные нарушения законодательства и недостатки в деятельности КПЗ. В случае обнаружения нарушений, связанных с законностью осуществления следственных действий или ненадлежащими условиями содержания заключенных в КПЗ, прокуроры проводили оперативные совещания с сотрудниками ГО/РО НКВД, в рамках которых обсуждались вопросы устранения выявленных нарушений и разрабатывались меры по улучшению условий содержания лиц, находящихся под стражей²⁵.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в период Великой Отечественной войны функционирование системы предварительного заключения осуществлялось преимущественно на основании нормативных правовых актов, разработанных в предвоенные годы. Несмотря на то, что военное время внесло существенные изменения в правоприменительную практику, основные коррективы в организацию и деятельность КПЗ вносились посредством подзаконных актов и ведомственных распоряжений.

Наблюдавшийся в исследуемый период дефицит материально-технических и продовольственных ресурсов, рост преступности оказали значительное негативное влияние на условия содержания в КПЗ. Это выразилось в ухудшении санитарно-гигиенического состояния, дефиците материально-технического обеспечения и несоответствии камер установленным нормам, что, в свою очередь, способствовало увеличению числа случаев побегов.

Тем не менее усилия руководства органов милиции, НКВД и прокуратуры, направленные на контроль за соблюдением законодательства при содержании под

²² АПАК. Ф. Р-1474. Оп. 2 л. Д. 6. Л. 82об.

²³ ГАНО. Ф.Р-20. Оп.1. Д. 323. Л.71об.

²⁴ ГАНО. Ф.Р-20. Оп.1. Д. 327. Л.18.

²⁵ АПАК. Ф. Р-1474. Оп. 2 л. Д. 5. Л. 61.

стражей и обеспечением надежного режима, способствовали выполнению поставленных перед сотрудниками КПЗ задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макеева И. А., Смольяков А. А., Носенков А. П. Исторические и правовые аспекты в развитии российского института содержания под стражей // Закон. Право. Государство. 2019. № 2 (22). С. 26–34.
2. Румянцева В. Г., Шатилов С. П. Понятие правоохранительной функции государства в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2008. № 1. С. 39–40.
3. Суверов Е. В., Малкова Ю. А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937-1953 гг.) : монография ; под общ. ред. Е. В. Суверова. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России. 2012. 80 с.

REFERENCES

1. Suverov E. V., Malkova Yu. A. The system of places of detention in the Altai Territory (1937-1953). Barnaul, 2012, 80 p. (In Russ.).
2. Rumyantseva V. G., Shatilov S. P. The concept of the law enforcement function of the state during the Great Patriotic War. History of the state and law. 2008, no. 1, pp. 39-40. (In Russ.).
3. Makeeva I. A., Smolyakov A. A., Nosenkov A. P. Historical and legal aspects in the development of the Russian institute of detention. Right. The State, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 26-34. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шатилов Сергей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и уголовного права. Сибирский государственный университет путей сообщения. 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shatilov Sergey Petrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law, Faculty of World Economics and Law. Siberian State University of Railway Transport. 191 Dusi Kovalchuk St., Novosibirsk, 630049.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 73–84.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 73–84.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 341.231.14

ПРОБЛЕМА АБСЕНТЕИЗМА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРИЧИНЫ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Жалене Юлия Сергеевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
jaleneyus@icloud.com

Введение. В статье исследуется феномен абсентеизма как устойчивой формы сознательного уклонения молодых граждан от участия в политических, электоральных и гражданско-общественных практиках в современной России. На основе комплексного анализа отечественных и зарубежных источников выделяются три группы детерминант абсентеизма: институциональные (декоративный характер площадок участия, дефицит реальных механизмов влияния), социально-психологические (выученная беспомощность, нехватка навыков публичного действия) и ценностно-мировоззренческие (приоритет частных жизненных стратегий, замещение реального участия онлайн-активностью). Отдельно рассматриваются механизмы семейной трансмиссии абсентеистских установок, феномен «симуляционного участия» и роль медиасреды в формировании политического безразличия молодежи. Проводится сравнительный анализ зарубежного опыта противодействия абсентеизму (Австралия, Финляндия, Германия). Предлагается многоуровневая типология стратегий преодоления, включающая институциональную модернизацию, трансформацию гражданского образования в сторону проектной модели, прагматизацию мотивации участия и гибридную цифровую фасилитацию. Обосновывается конституционно-правовое значение проблемы для обеспечения легитимности государственной власти.

Материалы и методы. В ходе проведения исследования был использован комплексный теоретико-методологический подход, который включает в себя анализ отечественных и зарубежных научных источников, а также данных социологических опросов и мониторинговых исследований по проблеме абсентеизма молодежи. Соответственно, применены методы системного анализа, типологизации, сравнительно-правовой метод и метод контент-анализа медиа- и нормативных материалов.

Результаты исследования. Автор пришел к выводу, что абсентеизм российской молодежи носит системный характер и детерминирован не только институциональными дефектами площадок участия, но и семейной трансмиссией установок, феноменом «симуляционного участия», а также подменой реальной активности цифровыми действиями. Выявлена прямая корреляция между неучастием родителей и аналогичными установками у детей. Отмечено, что формальные молодежные структуры часто не влияют на решения, что провоцирует «эффект обожженного активиста». Сравнительный анализ показал эффективность зарубежных практик, однако их прямой перенос в Россию ограничен контекстуальными условиями.

Выводы и заключения. Проведение исследования позволило представить объективный анализ существующих проблем в изучаемой сфере и наметить пути их решения.

Ключевые слова: абсентеизм, молодежь, политическое участие, гражданское общество, политическая социализация, электоральное поведение

Для цитирования. Жалене Ю. С. Проблема абсентеизма российской молодежи: причины и стратегии преодоления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 73–84.

5.1.2. Public law (State law) sciences

Original article

THE PROBLEM OF YOUTH ABSENTEEISM RUSSIAN: CAUSES AND OVERCOMING STRATEGIES

Yulia S. Zhalene

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
jaleneyus@icloud.com

Introduction. This article examines the phenomenon of absenteeism as a persistent form of conscious avoidance by young citizens from participation in political, electoral, and civic practices in contemporary Russia. Drawing on a comprehensive analysis of domestic and foreign sources, three groups of determinants are identified: institutional (the decorative nature of participation platforms, lack of real influence mechanisms), socio-psychological (learned helplessness, deficit of public action skills), and value-ideological (prioritization of private life strategies, substitution of real participation with online activity). Special attention is given to mechanisms of family transmission of absenteeist attitudes, the phenomenon of "simulated participation," and the role of the media environment in shaping political indifference among youth. A comparative analysis of foreign anti-absenteeism practices (Australia, Finland, Germany) is conducted. A multi-level typology of overcoming strategies is proposed, encompassing institutional modernization, transformation of civic education toward a project-based model, pragmatization of participation motivation, and hybrid digital facilitation. The constitutional and legal significance of the problem for ensuring the legitimacy of state power is substantiated.

Materials and Methods. The study employed a comprehensive theoretical and methodological approach, which included an analysis of domestic and foreign scientific sources, as well as data from sociological surveys and monitoring studies on the issue of youth absenteeism. Accordingly, methods of system analysis, typologization, the comparative legal method, and the content analysis method of media and regulatory materials were applied.

The Results of the Study. The author concluded that absenteeism among Russian youth is systemic in nature and is determined not only by institutional defects in participation platforms, but also by the family transmission of attitudes, the phenomenon of “simulated participation,” and the substitution of real activity with digital actions. A direct correlation has been identified between parents’ non-participation and similar attitudes in their children. It has been noted that formal youth structures often do not influence decisions, which provokes the “burned activist effect.” A comparative analysis has demonstrated the effectiveness of foreign practices, but their direct transfer to Russia is limited by contextual conditions.

Findings and Conclusions. Conducting the study made it possible to present an objective analysis of the existing problems in the field under study and to outline ways to solve them.

Keywords: absenteeism, youth, political participation, civil society, political socialization, electoral behavior

For citation: Zhalene Yu. S. Problema absenteizma rossiiskoi molodezhi: prichiny i strategii preodoleniya [The problem of youth absenteeism Russian: causes and overcoming strategies]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 73–84. (In Russ.).

Современное российское общество сталкивается с устойчивым феноменом отчуждения молодого поколения от политической и общественной жизни. Это явление, получившее в науке название абсентеизм, представляет собой сознательное уклонение молодых людей от участия в выборах, работе общественных организаций, публичных слушаниях, территориальном самоуправлении, волонтерских проектах и иных формах коллективной активности, не связанной с личным заработком или карьерой. Проблема заключается не просто в пассивности молодежи, а в системном воспроизводстве модели поведения, при которой неучастие закрепляется как социальная норма.

Масштабы явления вызывают обоснованную тревогу. Согласно исследованиям 20 % россиян в возрасте от 18 до 30 лет регулярно участвуют в любой публичной активности [1, с. 147]. Остальные либо участвуют эпизодически, либо полностью исключают себя из общественной повестки. Это ведет к разрыву межпоколенческой передачи гражданских ценностей, снижению социального капитала и консервации неэффективных управленческих практик, поскольку власть лишается каналов обратной связи от самой динамичной части общества.

Причины молодежного абсентеизма можно разделить на три группы: институциональные, социально-психологические и ценностно-мировоззренческие [2, с. 10].

Институциональные причины связаны с устройством существующих площадок участия. Молодые люди не видят связи между своей активностью и реальными

решениями. Общественные советы при органах власти часто носят формальный характер. Молодежные парламенты не обладают реальными полномочиями, а результаты выборов воспринимаются как предрешенные. Это формирует устойчивое убеждение в бесполезности любого участия [2, с. 11]. Когда человек приходит на публичные слушания и видит, что все решения уже приняты, или вступает в молодежный парламент и обнаруживает отсутствие влияния на повестку, у него закономерно возникает вопрос: зачем тратить время?

Социально-психологические причины коренятся в дефиците практических навыков публичного действия. Школьное и вузовское образование транслирует знания о правах и процедурах, но не формирует компетенций переговорного процесса, коллективной организации, аргументации запросов к власти [3, с. 170]. Возникает разрыв: абстрактное понимание того, что «быть активным гражданином – хорошо», не подкрепляется умением реально действовать. Молодой человек не знает, как составить обращение в администрацию, как собрать подписи, как организовать соседей для решения общей проблемы. Это порождает выученную беспомощность и желание избегать ситуаций, требующих публичной активности.

Ценностно-мировоззренческие причины являются наиболее специфичными для современной российской молодежи. Исследования фиксируют приоритет частных стратегий жизни: личный успех, карьера, потребление, комфорт ставятся выше любых публичных ценностей [1, с. 148]. Политика и общественная работа воспринимаются как трата времени, не приносящая личной выгоды, а часто и как «грязное дело», к которому успешный человек не должен иметь отношения. Одновременно происходит замещение реального участия онлайн-активностью: лайки, репосты, подписи электронных петиций создают иллюзию вовлеченности без реальных обязательств и временных затрат [3, с. 171]. Молодой человек искренне считает, что «репостнул – помог», хотя такая активность практически не влияет на принятие решений.

Преодоление молодежного абсентеизма требует системного подхода, сочетающего несколько направлений. Пропагандистские кампании и риторика гражданского долга, как показывают исследования, не работают с поколением, выросшим в эпоху индивидуализма [4, с. 275].

Одно из таких направлений связано с институциональными изменениями, а именно с созданием реальных, а не декоративных механизмов влияния. Предлагается законодательно закрепить обязательный учет мнения молодежных советов при принятии муниципальных решений в сферах благоустройства, спорта, культуры и цифровой среды [5, с. 56]. Также необходима практика инициативного бюджетирования, когда молодые жители самостоятельно распределяют небольшие бюджетные суммы на свои проекты [6, с. 20]. Это ломает стереотип «все решено без меня» и дает позитивный опыт результативного действия.

Другое направление касается трансформации гражданского образования. Необходим переход от лекционной модели к проектной. Эффективность показывают кейс-чемпионаты по решению реальных школьных или дворовых проблем, дебаты по локальной повестке, тренинги по переговорам [7, с. 126]. Результатом обучения должно стать не написание реферата, а реальное действие: направленное обращение в администрацию, организованный субботник, установка скамейки во дворе. Критерий успеха здесь – не знание норм, а осуществленное коллективное действие.

Поскольку риторика долга не работает, необходимо связывать публичную активность с личной выгодой. Это могут быть дополнительные баллы к портфолио при поступлении в вуз, зачет стажировки в органах власти как производственной практики, грантовая поддержка инициатив, реализованных через общественные советы [2, с. 12]. Важно легитимизировать «микрופолитику» управление домом, школой, двором как полноценную форму гражданского участия, создавая лестницу активности от простого к сложному. Цифровые платформы (чат-боты для сбора проблем, приложения для локального голосования, краудфандинговые агрегаторы) должны служить для снижения порога входа, а не для замещения офлайн-активности. Принцип цифровой гибридизации таков: первое действие происходит онлайн (сообщение о проблеме, предварительное голосование), а финальное решение принимается офлайн (подписание акта, приемка работы, реальная встреча с представителем власти) [3, с. 172]. Геймификация в виде бейджей и рейтингов допустима как фасилитатор первого шага, но не как самоцель.

Формирование модели политического поведения молодежи происходит не только в институциональной среде школы или вуза, но и в первичных группах социализации, прежде всего в семье. Исследования фиксируют прямую корреляцию между электоральным абсентеизмом родителей и аналогичными установками их детей: в семьях, где взрослые систематически не участвуют в выборах и публичных практиках, вероятность формирования у молодого человека устойчивого паттерна неучастия возрастает в 2–3 раза [1, с. 148]. Этот эффект носит не генетический, а нормативно-подражательный характер: ребенок усваивает отношение к политике как к чему-то далекому, необязательному или даже опасному.

Механизм передачи абсентеизма включает три канала. Первый – прямое инструктирование («не ходи, это бесполезно», «все решено без нас») формирует когнитивный фильтр недоверия [2, с. 10]. Второй – моделирование поведения: ребенок видит, что значимый взрослый не тратит время на общественные дела, и неосознанно копирует эту стратегию как нормальную. Третий – отсутствие рефлексивных обсуждений публичных событий в кругу близких – политическая повестка просто выпадает из повседневной коммуникации [3, с. 170].

Особую роль играет тип родительской занятости. В семьях, где взрослые работают в бюджетной сфере (образование, здравоохранение, муниципальное управление), уровень молодежного абсентеизма ниже, чем в семьях частных предпринимателей и самозанятых [4, с. 275]. Это связано с тем, что родители-бюджетники чаще сталкиваются с формальными требованиями участия (собрания, комиссии, отчетные мероприятия) и неосознанно транслируют хотя бы минимальный паттерн публичной активности. Напротив, самозанятые родители, чья деятельность ориентирована на индивидуальный рыночный успех, демонстрируют более высокий уровень политического отчуждения, передавая его детям в рамках общей установки «государство – помеха, а не партнер» [1, с. 149].

Преодоление семейной передачи абсентеизма требует программ работы не только с детьми, но и с родительским сообществом. Эффективной практикой выступают семейные кейс-чемпионаты по решению локальных проблем (благоустройство школьного двора, организация досугового пространства), где взрослый и ребенок выступают со-актерами [7, с. 126]. Также перспективно включение в школьные

родительские собрания не административных инструктажей, а тренингов по совместному проектированию – это создает зону ближайшего развития для всей семьи.

Одним из наименее очевидных, но наиболее разрушительных факторов молодежного абсентеизма выступает феномен «симуляционного участия», когда формальные площадки вовлеченности существуют, но не оказывают реального влияния на принятие решений. Молодые люди, попробовавшие однажды участвовать в молодежном парламенте, общественном совете или публичных слушаниях, быстро идентифицируют их декоративный характер [5, с. 56]. Результатом становится не просто разочарование, а генерализованное недоверие ко всем формам публичной активности – так называемый «эффект обожженного активиста».

Исследования фиксируют, что после первого неудачного опыта взаимодействия с властью (отписка на обращение, игнорирование инициативы, predetermined голосования) у 68 % молодых людей формируется установка на постоянное избегание любой общественной деятельности [6, с. 18]. Причем этот эффект оказывается сильнее, чем отсутствие опыта как такового. Негативное подкрепление запоминается лучше, чем нейтральный фон. Молодой человек делает вывод: «я пробовал, ничего не изменилось, значит, бесполезно» [2, с. 11].

Особенно остро эта проблема стоит в сфере муниципального управления. Действующие механизмы обратной связи (порталы «Активный гражданин», «Наш город», платформы сбора наказов) часто работают по принципу «черного ящика» – гражданин сообщает о проблеме, но дальнейшая судьба его обращения остается неизвестной. Отсутствие публичной обратной связи по каждому запросу (принято/отклонено/отложено с обоснованием) разрушает базовое условие политического доверия – предсказуемость реакции системы [3, с. 171].

Стратегия преодоления здесь заключается в принудительной транспарентности. Необходимо законодательно закрепить требование публичного ответа с обоснованием любого обращения, полученного через официальные каналы, с копией инициатору [5, с. 57]. Также критически важно внедрение практики «обратного отсчета»: когда молодой человек видит этапы рассмотрения своей идеи (зарегистрировано, направлено в комитет, назначено голосование, отклонено по причине X). Даже отрицательный результат, но прозрачно артикулированный, сохраняет доверие к процедуре [1, с. 150].

Цифровизация всех сфер жизни породила парадоксальный феномен: при росте онлайн-вовлеченности молодежи (электронные петиции, голосования в приложениях, комментарии в госпабликах) реальная публичная активность за пределами экрана продолжает снижаться. Исследователи квалифицируют это как «клик-активизм» – форму активности, при которой минимальное цифровое действие (лайк, репост, подпись в онлайн-форме) замещает и вытесняет более затратные формы участия [3, с. 172].

Механизм подмены работает следующим образом. Совершая простое онлайн-действие, молодой человек получает мгновенное дофаминовое подкрепление (уведомление, лайк, статус «подписал») и испытывает моральное удовлетворение, сравнимое с реальным поступком, но без временных и социальных издержек. Возникает когнитивное искажение «эффект замещения», при котором мозг перестает различать виртуальное и реальное влияние. В итоге молодой человек искренне считает себя активным гражданином, не выходя из дома [7, с. 124].

Особую опасность представляет трансформация электорального поведения. Электронное голосование при всей своей технической эффективности парадоксальным образом усиливает абсентеизм на следующих выборах. Исследования показывают, что избиратели, впервые проголосовавшие онлайн, на 23 % реже приходят на участки в следующий раз, чем те, кто начинал с офлайн-процедуры [4, с. 276]. Причина этого заключается в утрате ритуала: физическое присутствие на участке, живая очередь, получение бюллетеня закрепляют значимость события, тогда как онлайн-клик обесценивает акт голосования до рутинного действия.

Преодоление цифровой иллюзии участия требует стратегии гибридизации, а не отказа от технологий. Принцип таков: первое действие может быть онлайн (сообщение о проблеме, предварительное голосование), но финальное, верифицируемое действие обязательно происходит офлайн (подписание акта, очная встреча, приемка работы) [6, с. 20]. Также необходим редизайн цифровых интерфейсов: вместо бесконечных лайков – обязательные поля с развернутым обоснованием позиции, вместо репостов – кнопка «хочу участвовать в решении», ведущая на календарь реальных событий [1, с. 148].

Государство располагает значительным арсеналом инструментов целенаправленного воздействия на уровень политической активности молодежи. Однако в России государственная молодежная политика исторически ориентирована преимущественно на организационно-досуговую занятость: форумы, конкурсы, волонтерские движения – и значительно реже – на формирование устойчивых навыков политического участия. Исследования показывают, что молодые люди, вовлеченные в формальные молодежные организации при органах власти, лишь в 30 % случаев переносят этот опыт в реальную электоральную активность, тогда как участники неформальных общественных инициатив делают это в два раза чаще [8, с. 393].

Особого внимания заслуживает опыт регионов, где практика молодежного бюджетирования уже внедрена на системной основе. В ряде субъектов Российской Федерации молодые граждане в возрасте от 14 лет получили право участвовать в распределении части муниципального бюджета, направляемой на развитие общественных пространств, спорта и культуры. По данным мониторинга, в муниципалитетах, где такая практика действует более трех лет, явка молодежи на местные выборы оказывается в среднем на 12–15 процентных пунктов выше, чем в сопоставимых территориях без подобного опыта [9, с. 22]. Это убедительно подтверждает тезис о том, что вовлеченность формируется не через убеждение, а через позитивный опыт результативного действия.

Немаловажен и вопрос кадровой преемственности. Молодежные кадровые резервы, существующие при губернаторских и муниципальных администрациях, в большинстве регионов носят декларативный характер: выпускники этих программ крайне редко занимают реальные управленческие позиции. Отсутствие видимых карьерных траекторий из молодежной общественной активности в профессиональную политику усиливает скептицизм и подталкивает молодежь к стратегии уклонения, описанной в исследованиях студенческого абсентеизма [8, с. 396]. Для изменения ситуации необходимо законодательно закрепить квоты представительства молодежи (до 35 лет) в составе совещательных органов при федеральных и региональных властях.

Международный опыт демонстрирует широкое разнообразие подходов к сокращению молодежного абсентеизма. Наиболее радикальным из них является

обязательное голосование, введенное в Австралии, Бельгии и ряде стран Латинской Америки. В Австралии явка устойчиво превышает 90 %, причем обязательность голосования не снижает его осознанности: уровень испорченных бюллетеней остается на уровне 3–5 %, что сопоставимо со странами с добровольным участием. Однако прямой перенос этой модели в российские условия представляется проблематичным: принудительное участие без одновременного повышения качества политической конкуренции рискует сформировать имитационное, а не осознанное гражданское поведение.

Более перспективным для адаптации в России выглядит скандинавский опыт. В Норвегии, Финляндии и Швеции молодежный абсентеизм преодолевается через интеграцию политического участия непосредственно в образовательные программы средней школы: старшеклассники разрабатывают реальные гражданские инициативы, которые рассматриваются муниципальными советами в рамках установленных законом процедур. В Финляндии с 2012 года действует система «молодежного инициативного канала» (nuortenideat.fi), позволяющая гражданам от 13 лет вносить предложения, обязательные для рассмотрения органами власти при наборе 50 голосов поддержки от ровесников. По данным национальных опросов, уже в первые три года работы системы политическая самоэффективность финских подростков (убежденность в способности влиять на решения) выросла на 18 процентных пунктов.

Опыт Германии представляет интерес с точки зрения снижения возрастного ценза. После введения права голосовать с 16 лет на муниципальных выборах в большинстве федеральных земель явка молодежи в возрастной группе 16–17 лет оказалась сопоставимой с явкой 25–35-летних, тогда как до реформы она была значительно ниже. Ключевым объяснением стала «школьная близость» первого голосования: юные избиратели шли на участки вместе с классом, что создавало нормализующий социальный контекст и снижало психологический барьер первого участия. Российская дискуссия о снижении возраста активного избирательного права до 16 лет на муниципальном уровне заслуживает внимания именно в этом контексте [10, с. 60].

Проблема молодежного абсентеизма выходит за рамки сугубо социологического явления и приобретает конституционно-правовое измерение. Легитимность государственной власти в демократическом обществе опирается на реальное участие граждан в формировании органов власти и выработке публичной политики. Систематическое самоисключение молодого поколения из этих процессов ведет к тому, что принимаемые решения отражают интересы лишь части общества, как правило, старших возрастных групп. Исследования в области конституционного права фиксируют устойчивую связь между уровнем молодежного абсентеизма и снижением доверия к базовым государственным институтам: Конституционный суд, парламент, местное самоуправление получают более низкие оценки в группах с высоким абсентеизмом [9, с. 20].

С точки зрения конституционной теории абсентеизм создает ситуацию «дефицита народного суверенитета»: власть формально избирается народом, но реально лишь той его частью, которая сохраняет мотивацию к участию. Данная проблема становится особенно острой на муниципальном уровне, где явка нередко не достигает 20–25 %, что ставит под сомнение представительный характер принимаемых решений. При этом молодежь, не участвовавшая в выборах, тем не менее несет бремя

реализации решений, принятых без ее участия [9, с. 652–653]. Это формирует замкнутый круг отчуждения: неучастие порождает нерелевантные решения, а нерелевантные решения усиливают неучастие.

Правовые механизмы преодоления этого разрыва могут включать как институциональные (квотирование молодежного представительства в выборных органах, снижение возрастного ценза), так и процедурные меры (обязательная молодежная оценка регулирующего воздействия нормативных актов, затрагивающих интересы лиц до 35 лет). Важно, чтобы эти меры носили не символический, а содержательный характер, что представит собой эффективную среду [8, с. 401].

Медиасреда выступает одновременно и фактором воспроизводства абсентеизма, и инструментом его преодоления. Ключевым условием перехода от первого ко второму является не ограничение информационного потока, а его качественная трансформация: замена хаотичной политической «ленты» на структурированный гражданский контент, связанный с конкретными возможностями участия, понятными последствиями и реальными примерами результативного действия. Медиаграмотность как компонент гражданского образования должна быть признана приоритетом государственной молодежной политики наравне с институциональными механизмами вовлечения.

Вместе с тем информационное пространство обладает и мобилизационным потенциалом, который пока слабо задействован для противодействия абсентеизму. Целенаправленное присутствие органов власти в социальных сетях, прозрачная онлайн-коммуникация с молодыми гражданами, открытые стримы заседаний, советов и публичных слушаний способны существенно снизить информационную дистанцию между властью и молодежью. Практика показывает, что молодые люди, вступавшие в прямое онлайн-взаимодействие с представителями местного самоуправления, демонстрируют значительно более высокий уровень электоральной активности, чем те, кто получал информацию о власти исключительно опосредованно – через новостные агрегаторы и репосты.

Существенную роль в воспроизводстве абсентеизма играет характер освещения выборов и деятельности органов власти в медиапространстве. Публикации о нарушениях избирательного процесса, сомнения в подлинности результатов и скандалы вокруг кандидатов формируют у молодежи устойчивый образ политики как «грязного дела», к которому неуместно иметь отношение порядочному человеку. По данным опроса студентов московских вузов, 71 % респондент называет главной причиной неучастия в выборах отсутствие веры в объективность их результатов, а 66,7 % убеждены, что их голос ничего не изменит [11, с. 29–31].

Парадокс заключается в том, что широкий доступ к политической информации не конвертируется в рост участия, а нередко производит обратный эффект. Хаотичный, несистемный информационный поток, характерный для социальных сетей, не позволяет молодым людям выстроить устойчивую политическую картину мира: в условиях конкурирующих нарративов, фейков и манипулятивного контента формируется не информированный гражданин, а дезориентированный потребитель новостей, склонный к нигилизму и политическому безразличию. Исследования фиксируют, что среди молодежи с высоким уровнем потребления политического контента в социальных сетях доля абсентеистов не ниже, а в ряде случаев выше, чем у тех, кто следит за политикой по традиционным каналам.

Информационная среда, в которой формируется политическое сознание современной российской молодежи, кардинально отличается от той, что существовала для предыдущих поколений. Социальные сети и мессенджеры вытеснили традиционные СМИ как основные каналы политической информации: по данным социологических исследований, более 91 % студенческой молодежи получают сведения о политических событиях именно из Интернета, тогда как телевидение и печатные издания занимают второстепенные позиции.

Таким образом, молодежный абсентеизм в России имеет системный характер и детерминирован не только тремя группами факторов, выделенными в начале работы, но также семейной трансмиссией установок, дефицитом прозрачной обратной связи и подменой реального участия цифровой иллюзией. Принуждение и пропаганда не приводят к устойчивым результатам. Преодоление абсентеизма возможно только через комбинацию реальных механизмов влияния на принятие решений, проектного образования, формирующего навыки действия, прагматической увязки публичной активности с личным интересом и цифровой фасилитации, снижающей транзакционные издержки участия. Цифровая среда – не панацея и не враг, но мощный амбивалентный инструмент. Без сознательного проектирования, блокирующего иллюзию участия, цифровизация рискует закрепить абсентеизм как новую нормальность, где молодой человек «активен» ровно настолько, насколько позволяет экран, и не делает ни шага дальше. Без реализации всех указанных мер абсентеизм будет закрепляться как устойчивая норма поведения, что ведет к консервации патерналистской модели политической культуры с доминированием пассивного подданства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Самокаева В. В. Проблема абсентеизма в современной России // Оригинальные исследования. 2024. Т. 14. № 11. С. 145–150.
2. Беляева О. В. Абсентеизм в России и способы его преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 9–13.
3. Емельянова Я. И., Бондарева А. С. Причины абсентеизма и пути его преодоления в России // Права человека: история, теория, практика : восьмая Всерос. науч.-практ. конф. : сб. науч. ст. (г. Курск, 20 ноября 2019 г.). Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 169–172.
4. Павлова А. С. Абсентеизм: причины и пути решения // Взаимодействие государства и гражданского общества при введении специальных мер в сфере экономики : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 28–29 октября 2022 г.). Москва : Московский гуманитарный университет, 2022. С. 274–277.
5. Михайлова А. С. Пути преодоления абсентеизма в России // Школа права : сб. науч. ст. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2024. С. 55–58.
6. Доценко А. С., Р. Н. Муру. Абсентеизм в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы науки и практики. 2022. № 1 (26). С. 15–23.
7. Корука А. Я., Тарасов А. С. Специфика молодежного абсентизма в современной России // Социально-психологическое знание в контексте цивилизационного кризиса : мат-лы Междунар. науч.-практ. и науч.-метод. конф. (г. Белгород, 30 марта 2023 г.). Белгород :

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2023. С. 121–130.

8. Соколов А. В., Фролов А. А., Бабаджанян П. А. Уклонение студенческой молодежи от общественно-политической активности: причины, формы и способы вовлечения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №. 2. С. 389–405.

9. Авцинова Г. И., Бурда М. А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 4 (44). С. 649–655.

10. Граф И. В., Жаромских Д. Г. Правовые способы преодоления абсентеизма в зарубежных странах // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. №. 2. С. 54–60.

11. Баляев С. И., Щурякова Е. С. Политическое участие и истоки абсентеизма у молодежи // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2024. №. 2 (25). С. 24–32.

REFERENCE

1. Samokayeva V. V. Problema absenteizma v sovremennoy Rossii [The problem of absenteeism in modern Russia]. Original'nyye issledovaniya [Original research], 2024, vol. 14, no. 11, pp. 145-150. (In Russ.).

2. Belyayeva O. V. Absenteizm v Rossii i sposoby yego preodoleniya [Absenteeism in Russia and ways to overcome it]. Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova - Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 2020, vol. 88, no. 3, pp. 9-13. (In Russ.).

3. Yemel'yanova Ya. I., Bondareva A. S. [Causes of absenteeism and ways to overcome it in Russia]. Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika: vos'maya Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: sbornik nauchnykh statey [Human Rights: History, Theory, Practice: Eighth All-Russian Scientific and Practical Conference : A Collection of Scientific Articles]. Kursk, 2019, pp. 169-172. (In Russ.).

4. Pavlova A. S. [Absenteeism: Causes and Solutions]. Vzaimodeystviye gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva pri vvedenii spetsial'nykh mer v sfere ekonomiki: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Interaction between the state and civil society in the introduction of special measures in the economic sphere: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2022, pp. 274-277. (In Russ.).

5. Mikhaylova A. S. Puti preodoleniya absenteizma v Rossii [Ways to overcome absenteeism in Russia]. Shkola prava: Sbornik nauchnykh statey [Law School: Collection of Scientific Articles]. Velikiy Novgorod, 2024, pp. 55-58. (In Russ.).

6. Dotsenko A. S., Muru R. N. Absenteizm v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Absenteeism in Russia and abroad]. Aktual'nyye problemy nauki i praktiki - Current issues of science and practice. 2022, vol. 26, no. 1, pp. 15-23. (In Russ.).

7. Koruka A. Ya., Tarasov A. S. [The specifics of youth absintheism in modern Russia]. Sotsial'no-psikhologicheskoye znaniye v kontekste tsivilizatsionnogo krizisa: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy i nauchno-metodicheskoy konferentsii [Social and psychological knowledge in the context of a civilizational crisis: Proceedings of the International Scientific-Practical and Scientific-Methodological Conference]. Belgorod, 2023, pp. 121-130. (In Russ.).

8. Sokolov A.V., Frolov A. A., Babajanyan P. A. Student youth's avoidance of socio-political activity: causes, forms and methods of involvement [Avoidance of student youth from socio-political activity: reasons, forms and methods of involvement]. Bulletin of the Peoples' Friendship

University of Russia. Series: Political Science, 2024, vol. 26, no. 2, pp. 389-405. (In Russ.).

9. Avtsinova G. I., Burda M. A. Molodezhnaya politika sovremennoy Rossii: absenteizm i politicheskiy protest [Youth Policy in Contemporary Russia: Absenteeism and Political Protest]. Voprosy politologii, 2019, vol. 9, no. 4 (44), pp. 649-655. (In Russ.).

10. Graf I. V., Zharomskikh D. G. Pravovyye sposoby preodoleniya absenteizma v zarubezhnykh stranakh [Legal ways to overcome absenteeism in foreign countries]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta - Vestnik of Tyumen State University, 2008, no. 2. pp. 54-60. (In Russ.).

11. Balyayev S. I., Shchuryakova Ye. S. Politicheskoye uchastiye i istoki absenteizma u molodezhi [Current issues of science and practice]. Gumanitarnyye i politiko-pravovyye issledovaniya, 2024, vol. 25, no. 2, pp. 24-32. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жалене Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России. 680020, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Zhalene Yulia Sergeevna, Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 85–95.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 85–95.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 351.75

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Мушаков Виталий Евгеньевич¹, Королев Василий Васильевич²

¹Омская академия МВД России, Омск, Россия, mushakov.2018@mail.ru

²Прокуратура Артемовского района, Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация, korolev_vasiliy@rambler.ru

Введение. Присоединение новых территорий как разновидность государственных территориальных трансформаций влечет наступление целого ряда последствий, затрагивающих многие сферы общественной жизни. После присоединения зарубежных территорий особую актуальность представляет вопрос их интеграции в правовое пространство принимающего государства. Задачей последнего выступает соблюдение баланса между двумя основными принципами: правовой унификацией и правовой преемственностью как учета специфики исторических, культурных и иных особенностей присоединенной территории. Сфера охраны общественного порядка в Луганской Народной Республике, регулирование которой основано на законодательстве Российской Федерации, не является исключением, поскольку подлежит унификации с аналогичной сферой в Российской Федерации с учетом результатов переходного периода правовой адаптации и действующего в настоящее время особого правового режима – военного положения. Кроме того, публично-правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка развивается в правотворческой деятельности органов законодательной власти Луганской Народной Республики и не лишено проблем, решение которых требует повышенного исследовательского внимания.

Материалы и методы. Нормативную правовую основу настоящего исследования составили положения законодательства Российской Федерации, в том числе нормативные правовые акты Луганской Народной Республики, об участии граждан в охране общественного порядка, а также о военном положении. В качестве материалов исследования использованы сведения, представленные правоохранительными органами г. Луганска Луганской Народной Республики.

Методологическую основу исследования составили общенаучный диалектический метод, логические методы, методы сравнения, описания и обобщения, а также частнонаучные формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Результаты исследования. В рамках прошедшего переходного периода правовой интеграции присоединенных территорий федеральное законодательство Российской Федерации в сфере участия граждан в охране общественного порядка не получило реализации в правоприменительной деятельности, что вызвано формально-юридическими и институциональными проблемами. Установлено, что граждане Луганской Народной Республики лишены возможности участия в охране общественного порядка путем создания и организации деятельности народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности.

Выводы и заключения. Правовое урегулирование инициативной деятельности граждан Луганской Народной Республики по регистрации народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности выступает важнейшим направлением правовой интеграции присоединенных территорий в единое правовое пространство Российской Федерации.

В целях окончательного формирования правовой основы участия граждан в охране общественного порядка на территории Луганской Народной Республики требуется ускоренное развитие муниципальной правовой базы, касающейся участия граждан в охране общественного порядка, в соответствии с требованиями республиканского и федерального законодательства Российской Федерации. В рамках установленных территориальных границ органам местного самоуправления Луганской Народной Республики при оперативном взаимодействии с республиканскими органами государственной власти следует направить правотворческие усилия на принятие муниципальных правовых актов, регламентирующих рассматриваемую сферу.

Ключевые слова: правовая интеграция, участие граждан в охране общественного порядка, присоединенные территории, Луганская Народная Республика, народные дружины, военное положение

Для цитирования: Мушаков В. Е., Королев В. В. Правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка в период военного положения: современный опыт Луганской Народной Республики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 85–95.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

LEGAL REGULATION OF CITIZENS' PARTICIPATION IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER DURING MARTIAL LAW: THE MODERN EXPERIENCE OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

Vitaly E. Mushakov¹, Vasily V. Korolev²

¹Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, mushakov.2018@mail.ru

²Prosecutor's Office of the Artyomovskiy District of Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia, korolev_vasiliyy@rambler.ru

Introduction. The annexation of new territories as a type of state territorial transformations entails a number of consequences affecting many spheres of public life. After the annexation of foreign territories, the issue of their integration into the legal space of the host State

is of particular relevance. The task of the latter is to maintain a balance between two basic principles: legal unification and legal continuity, as well as taking into account the specifics of the historical, cultural and other features of the annexed territory. The sphere of public order protection in the Luhansk People's Republic, whose regulation is based on the legislation of the Russian Federation, is no exception, since it is subject to unification with a similar sphere in the Russian Federation, taking into account the results of the transitional period of legal adaptation and the special legal regime currently in force – martial law. In addition, public law regulation of citizens' participation in the protection of public order is developing in the law-making activities of the legislative authorities of the Luhansk People's Republic and is not without problems, the solution of which requires increased research attention.

Materials and Methods. The normative legal basis of this study consists of the provisions of the legislation of the Russian Federation, including the normative legal acts of the Lugansk People's Republic, on the participation of citizens in the protection of public order, as well as martial law. The information provided by the law enforcement agencies of Lugansk, Luhansk People's Republic, was used as research materials.

The methodological basis of the research was made up of the general scientific dialectical method, logical methods, methods of comparison, description and generalization, as well as private scientific formal legal and comparative legal research methods.

The Results of the Study. As part of the past transitional period of legal integration of the annexed territories, the federal legislation of the Russian Federation in the field of citizen participation in the protection of public order has not been implemented in law enforcement activities, which is caused by formal legal and institutional problems. It has been established that citizens of the Luhansk People's Republic are deprived of the opportunity to participate in the protection of public order by creating and organizing the activities of people's squads and law enforcement-oriented public associations.

Findings and Conclusions. The legal regulation of the initiative activities of citizens of the Luhansk People's Republic for the registration of people's squads and law enforcement-oriented public associations is the most important direction for the legal integration of the annexed territories into the unified legal space of the Russian Federation.

In order to finalize the legal basis for the participation of citizens in the protection of public order in the territory of the Luhansk People's Republic, accelerated development of the municipal legal framework regarding the participation of citizens in the protection of public order is required in accordance with the requirements of the republican and federal legislation of the Russian Federation. Within the established territorial boundaries, the local self-government bodies of the Luhansk People's Republic, in operational cooperation with the republican state authorities, should direct law-making efforts towards the adoption of municipal legal acts regulating the area under consideration.

Keywords: legal integration, participation of citizens in the protection of public order, annexed territories, Lugansk People's Republic, people's squads, martial law

For citation: Mushakov V. E., Korolev V. V. Pravovoe regulirovanie uchastiya grazhdan v okhrane obshchestvennogo poryadka v period voennogo polozheniya: sovremennyyi opyt Luganskoi Narodnoi Respubliki [Legal regulation of citizens' participation in the protection of public order during martial law: the modern experience of the Lugansk People's Republic]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 85–95. (In Russ.).

Договором между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой (далее – ЛНР) от 30 сентября 2022 г.¹ и принятием Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ² ознаменовано присоединение Луганской Народной Республики к Российской Федерации в качестве нового самостоятельного субъекта Российской Федерации. Воссоединение государств как юридический факт влечет изменение правовых подходов к регламентации различных сфер общественной жизни на присоединенных территориях.

В соответствии со ст. 36 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ с 1 января 2026 г. прекратил действие переходный период, в рамках которого должны быть урегулированы вопросы интеграции ЛНР в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, а также в систему органов государственной власти Российской Федерации. Следовательно, пришло время подводить итоги.

В процессе правовой интеграции органы публичной власти Российской Федерации нацелены на обеспечение баланса между двумя фундаментальными правовыми принципами: унификацией нормативного правового регулирования на территории всего государства и сохранением правовой преемственности, предполагающей уважение к историческим, социально-экономическим, культурным, этническим и иным сложившимся особенностям присоединенной территории. Об активности работы в обозначенном направлении подчеркивается в юридической литературе. Как отмечает А. А. Коноплянко, «обеспечение оптимального соотношения между преемственностью и унификацией достижимо посредством применения разных режимов правового регулирования, учитывающих специфику присоединенной территории» [1, с. 44].

Н. В. Шереметьева резюмирует: «В новых регионах России осуществляется активная работа, направленная на интеграцию субъектов в единое культурное, образовательное, политическое и экономическое пространство» [2, с. 123].

Е. С. Аничкин отмечает, что правовая и институциональная интеграция ДНР и ЛНР с Российской Федерацией обусловлена общественно-политической обстановкой в республиках, переходным этапом формирования государственности, а также отличается спецификой содержания в сравнении с иными субъектами Российской Федерации, главным образом в вопросах организации и деятельности публичной власти на новоприсоединенных территориях [3, с. 8].

Сложный, длительный и многогранный процесс интеграции новых субъектов Российской Федерации в единое правовое пространство основан на слаженной работе

¹ Договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта: договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой от 30 сентября 2022 г. // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210030002> (дата обращения: 12.03.2026).

² О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики : Федер. конституционный закон № 6-ФКЗ : одобрен Гос. Думой 3 октября 2022 г. : одобрен Советом Федерации 4 октября 2022 г. : послед. ред. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48367> (дата обращения: 12.03.2026).

органов публичной власти различных уровней по применению единого федерального законодательства Российской Федерации и правовой адаптации граждан присоединенных территорий к новой законодательной базе.

Законодательная регламентация участия граждан в деятельности по обеспечению общественного порядка на территории ЛНР также подлежит приведению в соответствие с федеральной правовой системой. К сожалению, в юридической литературе, посвященной правоохранительной деятельности в ЛНР, данному процессу не уделяется должного внимания. Так, российские правоведы указывают на необходимость разработки отдельной республиканской Программы профилактики преступлений и правонарушений [4], целесообразность создания специальных подразделений полиции по борьбе с наркоторговлей и экономической преступностью на освобожденных территориях [5, с. 64]; определяют направления противодействия экономической преступности в ЛНР со стороны действующих органов внутренних дел [6, с. 169], весомую роль федеральных органов исполнительной власти и Вооруженных сил Российской Федерации по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на территориях ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей [7, с. 342–343]; исследуют историко-правовые особенности становления и развития полиции ДНР и ЛНР, а также ее интеграцию в структуры МВД России [8] и др. Таким образом, сфера правового регулирования участия граждан в охране общественного порядка на новых территориях лишена должного исследовательского внимания.

Процесс правовой интеграции в рассматриваемой сфере, очевидно, должен учитывать специфику переходного периода, а также действующий в ЛНР специальный правовой режим военного положения³. В условиях военного положения особую значимость приобретает задача поэтапного, системного, практико-ориентированного и научно обоснованного внедрения федеральных правовых норм в сложившуюся с 2014 года и ныне действующую на территории ЛНР систему регулирования сферы добровольного участия граждан в охране общественного порядка. Данный процесс отличается сложностью, поскольку требует значимых кадровых, временных, материально-технических и иных ресурсов. В конечном итоге такой подход позволяет не только обеспечить единообразие правоприменения на всей территории Российской Федерации, но и избежать правовых коллизий, которые могут возникнуть при механическом и ускоренном перенесении правовых норм без учета локальных особенностей новых территорий.

Переходный же период, действовавший с 30 сентября 2022 г. по 1 января 2026 г., предполагал сохранение отдельных правовых институтов, ранее применявшихся на территории ЛНР, при одновременной адаптации субъектов правоприменения (органов внутренних дел, органов прокуратуры, судейского корпуса, общественных объединений и др.) к новым нормативным требованиям. Военное положение усиливает значимость рассматриваемой адаптации, поскольку режим повышенного уровня внешней военной угрозы со стороны Вооруженных сил Украины предъявляет к

³ О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002> (дата обращения: 12.03.2026).

российским правоохранительным органам дополнительные требования в части, касающейся оперативного реагирования на осложнение криминогенной обстановки, расширения их компетенции, взаимодействия с военными структурами и гражданами.

Участие граждан в охране общественного порядка на территории ЛНР является важным направлением поддержания законности и правопорядка, а также оказания содействия органам публичной власти в реализации их функций на новых территориях. Привлечение населения к решению задач по борьбе с противоправным поведением в общественных местах является современной концепцией партнерства институтов гражданского общества и государства. П. Н. Кобец подчеркивает, что «налаживание прочных контактов между полицейскими и представителями гражданского общества становится важным условием правоохранительной составляющей» [9, с. 148]. Особенно важно данное направление в период формирования российской государственности в ЛНР, когда доверие общественности к органам публичной власти напрямую влияет на эффективность работы последних.

Более того, военное положение характеризуется расширением спектра угроз внутренней безопасности: от незаконной военной угрозы диверсионно-разведывательных групп Вооруженных сил Украины и атак БПЛА до роста числа преступлений, связанных с миграцией населения, незаконным оборотом оружия, боеприпасов и др. В подобных условиях военнослужащие Вооруженных сил Российской Федерации, сотрудники Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и органов внутренних дел Российской Федерации испытывают повышенную нагрузку, что объективно требует расширения системы вспомогательных ресурсов, включая организованные формы участия граждан в охране общественного порядка. Неслучайно в ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»⁴ усиление охраны общественного порядка относится к мерам, применяемым на территории, на которой введено военное положение.

Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»⁵ (далее – Федеральный закон № 44) установлено, что граждане, в целях участия в деятельности по охране общественного порядка, вправе создавать народные дружины и общественные объединения правоохранительной направленности (ст. 7). Указанные формирования создаются и координируются органами публичной власти регионального уровня. Так, граждане ЛНР вправе создать народные дружины. Для этого необходимо пройти установленный порядок регистрации общественного объединения в Министерстве юстиции ЛНР, уведомить орган местного самоуправления соответствующего муниципального образования и территориальный орган внутренних дел, освоить программу обучения под руководством МВД России по ЛНР. После соблюдения установленного порядка

⁴ О военном положении : Федер. конституционный закон № 1-ФКЗ : одобрен Гос. Думой 27 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 16 января 2002 г. : послед. ред. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17804> (дата обращения: 12.03.2026).

⁵ Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 02 апреля 2014 г. № 44-ФЗ : принят Гос. Думой 21 марта 2014 г. : одобрен Советом Федерации 26 марта 2014 г. : послед. ред. // Президент России : офиц. сайт.. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38272> (дата обращения: 12.03.2026).

граждане вправе приступить к осуществлению охраны общественного порядка совместно с сотрудниками территориальных подразделений полиции. Данные о действующих народных дружинах и общественных объединениях правоохранительной направленности хранятся в региональном реестре МВД по ЛНР.

Согласно положениям гл. 2 Федерального закона № 44 основными направлениями участия граждан в охране общественного порядка выступают:

1) содействие органам внутренних дел и иным правоохранительным органам (информирование правоохранительных органов о правонарушениях и угрозах общественному порядку, участие в охране общественного порядка по приглашению правоохранительных органов или организаторов публичных мероприятий);

2) участие в мероприятиях по поиску без вести пропавших лиц;

3) внештатное сотрудничество с полицией;

4) участие в предупреждении и пресечении правонарушений;

4) распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах и др.

Народные дружинники наделены расширенным перечнем прав и обязанностей, установленных ст. 17, 19 и 18 Федерального закона № 44, соответственно.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 44 законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а также муниципальные нормативные правовые акты являются правовой основой участия граждан в охране общественного порядка. Закон ЛНР от 14 февраля 2025 г. № 133-І «Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Луганской Народной Республики»⁶ (далее – Закон ЛНР № 133-І) во многом дублирует положения Федерального закона № 44 применительно к территории ЛНР. Специфика участия граждан в охране общественного порядка, вызванная действием режима военного положения в ЛНР, заключается в том, что в ст. 3 Законе ЛНР № 133-І не упоминаются такие возможные направления их деятельности, как:

– участие в мероприятиях по охране общественного порядка по приглашению органов внутренних дел (полиции) и иных правоохранительных органов;

– участие в охране общественного порядка при проведении спортивных, культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий по приглашению их организаторов;

– участие в мероприятиях по поиску без вести пропавших лиц.

Очевидно, исключение данных типовых форм участия граждан в охране правопорядка продиктовано повышенным уровнем опасности для их жизни и здоровья в период военного положения. Охрана правопорядка в общественных местах – прерогатива силовых структур правоохранительных органов и Вооруженных сил Российской Федерации. В данных условиях наиболее предпочтительны формы негласного содействия граждан в поддержании охраны общественного порядка (внештатное сотрудничество с полицией), а также информативного участия

⁶ Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Луганской Народной Республики : Закон Луганской Народной Республики от 14 февраля 2025 г. № 133-І : принят Народным Советом Луганской Народной Республики 13 февраля 2025 г. // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8100202502140002> (дата обращения: 12.03.2026).

(распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах, информирование правоохранительных органов о правонарушениях и угрозах общественному порядку).

В ст. 7 Закона ЛНР № 133-І предусмотрены компенсации, выплачиваемые из республиканского бюджета народным дружинникам и внештатным сотрудникам полиции при гибели и получении вреда здоровью в связи с участием в охране общественного порядка, что также подчеркивает специфику военного положения.

Ценность регионального правового акта, действие которого подкрепляется принятием муниципальных правовых актов, заключается не только в неукоснительном следовании федеральным правовым нормам и учете местной специфики, но и в первую очередь в реальности его применения.

Как показывает правоприменительная практика, на территории ЛНР возникают проблемы создания народных дружин, вызванные несогласованностью правотворческой деятельности республиканских и муниципальных властей. Так, по сведениям, представленным территориальным органом внутренних дел Артемовского района г. Луганска ЛНР, в июле 2025 г. инициативной группой из восьми граждан проведено собрание о создании добровольной народной дружины⁷ на территории соответствующего муниципального образования, принят устав данного общественного объединения, определен командир дружины и подано заявление в адрес руководителя территориального ОВД о внесении дружины в реестр народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности ЛНР. Указанная инициатива в настоящее время является единственной.

Представленное выше заявление по подведомственности было передано на рассмотрение местной администрации ЛНР, которая в октябре 2025 г. ответила отказом в регистрации добровольной народной дружины, ссылаясь на обстоятельства правового характера. Дело в том, что к указанному моменту границы административных территориальных единиц муниципальных образований не были приведены в полное соответствие с требованиями законодательства Российской Федерации. Как отмечает А. В. Жилиев, внешние (специфика украинского наследия в построении местного самоуправления) и внутренние (проблемы длительной незавершенной муниципальной реформы в России) причины сказываются на эффективности правовой интеграции новых регионов в сфере местного самоуправления [10, с. 156–157].

С принятием Закона Луганской Народной Республики от 4 декабря 2025 г. № 220-І «О внесении изменений в Закон Луганской Народной Республики «Об образовании на территории Луганской Народной Республики городских округов и муниципальных округов, установлении их границ» указанное выше правовое препятствие для регистрации народной дружины было устранено⁸.

⁷ Сведения представлены по запросу прокуратуры Артемовского района г. Луганска Луганской Народной Республики.

⁸ О внесении изменений в Закон Луганской Народной Республики «Об образовании на территории Луганской Народной Республики городских округов и муниципальных округов, установлении их границ» : Закон Луганской Народной Республики от 4 декабря 2025 г. № 220-І. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8100202512050001?index=1> (дата обращения: 12.03.2026).

Региональные законодательные изменения правового механизма регистрации народных дружин в ЛНР, казалось бы, должны были получить окончательное оформление. Однако, как следует из ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 44, границы территории, на которой может быть создана народная дружина, устанавливаются представительным органом соответствующего муниципального образования. В ч. 1 ст. 3 Закона ЛНР № 133-I подтверждается, что граждане, изъявившие желание в охране общественного порядка, могут в границах муниципальных образований ЛНР (городских или муниципальных округов) создавать народные дружины. Кроме этого, нормативными правовыми источниками, регулирующими участие граждан в охране общественного порядка, помимо прочего, являются муниципальные правовые акты (ст. 3 Федерального закона № 44, ч. 7 ст. 3 Закона ЛНР № 133-I). Таким образом, установление границ муниципальных округов республиканскими властями недостаточно для того, чтобы положения Закона ЛНР № 133-I получили реализацию – требуется развитая муниципальная правовая база в данной сфере.

Возвращаясь к ранее упомянутой инициативе граждан ЛНР о создании народной дружины, добавим, что она так и не увенчалась успехом. Органы местного самоуправления, ссылаясь на все еще проводимую разработку отдельных муниципальных правовых актов, регулирующих создание и деятельность народных дружин на территории муниципального образования, в том числе по вопросу определения границ территории, в пределах которых народные дружины вправе охранять общественный порядок, в марте 2026 г. отказали в регистрации общественного объединения.

Представленный пример иллюстрирует несовершенство законодательной регламентации участия граждан в охране общественного порядка на территории ЛНР, что вызвано длительностью приведения региональной и муниципальной правовых баз в соответствие с федеральной, а также недостаточной оперативностью взаимодействия органов публичной власти различных уровней на присоединенных территориях. Отсутствие необходимых правотворческих усилий на уровне муниципалитетов приводит де-факто к недейственности Федерального закона № 44 и Закона ЛНР № 133-I. Как итог, добровольная инициативная деятельность граждан ЛНР в правоохранительной сфере сталкивается с препятствиями формально-юридического и институционального характера.

Таким образом, развитие законодательства ЛНР, направленного на обеспечение участия граждан ЛНР в деятельности народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, выступает важнейшим направлением правовой интеграции присоединенных территорий в единое правовое пространство Российской Федерации.

В условиях военного положения как специального правового режима, сопряженного с повышенной опасностью для жизни и здоровья граждан, допустимыми формами их участия в охране общественного порядка являются внештатное сотрудничество с полицией, информирование правоохранительных органов о правонарушениях и угрозах общественному порядку, распространение правовых знаний, разъяснения норм поведения в общественных местах и т. д.

В целях окончательного формирования правовой регламентации участия граждан в охране общественного порядка на территории ЛНР требуется ускоренное развитие

муниципальной правовой базы ЛНР, касающейся этой сферы, в соответствии с требованиями республиканского и федерального законодательства Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коноплянко А. А. Понятие и цели территориальных государственных изменений в контексте современного международного права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 42–48.
2. Шереметьева Н. В. Процесс интеграции новых территорий в российское культурное пространство // Общество. Среда. Развитие. 2024. № 1. С. 121–124.
3. Аничкин Е. С. Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики: характерные черты правовой и институциональной интеграции // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 3. С. 4–9.
4. Галецкий В. С. К вопросу о необходимости разработки и реализации государственной программы субъекта Российской Федерации по предупреждению преступлений для Донецкой Народной Республики // Евразийская адвокатура. 2023. № 1. С. 90–94.
5. Мифтахов Р. Л., Белоусов А. И. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в новых субъектах Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. № 3. С. 62–66.
6. Харада Г. И. Роль подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в борьбе с преступлениями экономической направленности в агропромышленном комплексе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. № 3. С. 164–171.
7. Кремёнов И. Н., Сигитов И. Н. Особенности охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в период проведения специальной военной операции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 11. С. 341–345.
8. Кислухин, В. А. Полиция Донецкой и Луганской народных Республик в деятельности по обеспечению законности и правопорядка на территории Донбасса // История, теория, практика российского права. 2023. № 16. С. 127–140.
9. Кобец П. Н. Основные направления развития партнерских отношений полиции и общества в сфере противодействия преступности // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 4. С. 148–153.
10. Жиляев А. В. Проблемные аспекты формирования местного самоуправления в новых субъектах Российской Федерации (на примере Херсонской области) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 2. С. 156–161.

REFERENCES

1. Konoplyanko A. A. Ponyatie i celi territorial'ny`x gosudarstvennykh izmenenij v kontekste sovremennogo mezhdunarodnogo prava [The concept and objectives of territorial state changes in the context of modern international law]. Electronic supplement to the Russian Law Journal - Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2025, no. 2, pp. 42-48. (In Russ.).
2. Sheremet`eva N. V. Process integracii novyx territorij v rossijskoe kul`turnoe prostranstvo [The process of integration of new territories into the Russian cultural space]. Society. Environment. Development. - Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2024, no. 1, pp. 121-124. (In Russ.).
3. Anichkin E. S. Prinyatie v Rossijskuyu Federaciyu i obrazovanie v ee sostave Doneczkoj Narodnoj Respubliki i Luganskoj Narodnoj Respubliki: xarakterny`e cherty` pravovoj i institucionnoj integracii [Admission to the Russian Federation and the formation within it of the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic: characteristic features of legal and institutional integration]. Russian-Asian Legal Journal - Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. 2023, no. 3, pp. 4-9. (In Russ.).

4. Galeczkij V. S. K voprosu o neobxodimosti razrabotki i realizacii gosudarstvennoj programmy` sub`ekta Rossijskoj Federacii po preduprezhdeniyu prestuplenij dlya Doneczkoj Narodnoj Respubliki [On the issue of the need to develop and implement a state program of the subject of the Russian Federation for the prevention of crimes for the Donetsk People's Republic]. Eurasian Advocacy - Evrazijskaya advokatura. 2023, no. 1, pp. 90-94. (In Russ.).

5. Miftaxov R. L., Belousov A. I. Administrativno-pravovoe obespechenie nacional`noj bezopasnosti v novyx sub`ektax Rossijskoj Federacii [Administrative and legal support of national security in the new subjects of the Russian Federation]. Legal Bulletin of the Dagestan State University - Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023, no. 3, pp. 62-66. (In Russ.).

6. Xarada G. I. Rol` podrazdelenij ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii v bor`be s prestupleniyami ekonomicheskoy napravlenosti v agropromyshlennom komplekse [The Role of Economic Security and Anti-Corruption Units in Combating Economic Crimes in the Agro-Industrial Complex]. Legal Bulletin of the Dagestan State University - Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025, no. 3, pp. 164-171. (In Russ.).

7. Kremyonov I. N., Sigitov I. N. Osobennosti ohrany obshhestvennogo poryadka i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti v period provedeniya special`noj voennoj operacii [Features of maintaining public order and ensuring public safety during a special military operation]. Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk- International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025, no. 11, pp. 341-345. (In Russ.).

8. Kisluxin, V. A. Policiya Doneczkoj i Luganskoj narodnyx Respublik v deyatel`nosti po obespecheniyu zakonnosti i pravoporyadka na territorii Donbassa [Police of the Donetsk and Luhansk People's Republics in activities to ensure law and order in the territory of Donbass]. Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava- History, theory, practice of Russian law. 2023, no. 16, pp. 127-140.

9. Kobecz P. N. Osnovny`e napravleniya razvitiya partnerskix otnoshenij policii i obshhestva v sfere protivodejstviya prestupnosti [Main directions for the development of partnerships between the police and society in the field of combating crime]. Yurist - Pravoved. 2024, no. 4, pp. 148-153. (In Russ.).

10. Zhilyaev A. V. Problemny`e aspekty` formirovaniya mestnogo samoupravleniya v novyx sub`ektax Rossijskoj Federacii (na primere Xersonskoj oblasti) [Problematic aspects of the formation of local self-government in new subjects of the Russian Federation (on the example of the Kherson region)]. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia - Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2024, vol. 30, no. 2, pp. 156-161. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мушаков Виталий Евгеньевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7.

Королев Василий Васильевич, прокурор Артемовского района г. Луганска Луганской Народной Республики, советник юстиции, г. Луганск. 291016, г. Луганск, ул. Ленина, 105.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mushakov Vitaly Evgenievich, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Internal Affairs Activities in Special Conditions. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 7 Komarova Avenue, Omsk, 644092.

Korolev Vasily Vasilievich, Prosecutor of the Artyomovsk District of Lugansk, Lugansk People's Republic, Justice Counsellor. 105 Lenin St., Lugansk, 291016.

Статья поступила в редакцию 30.06.2026; одобрена после рецензирования 27.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 30.06.2026; approved after reviewing 27.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 96–110.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 96–110.

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342

О КОНСТИТУЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Фомичев Андрей Андреевич

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Российская Федерация, andry2453@yandex.ru

Введение: Публичная власть – это фундаментальное явление общественной жизни. В различных формах и видах она присутствует на всех этапах развития социальных объединений. В настоящее время публичная власть вступила в новую фазу эволюции, что обусловлено обретением ею конституционных характеристик, как непосредственно, так и косвенно связанных с произошедшими в Российской Федерации конституционно-правовыми преобразованиями. Несмотря на свое значение, данный вопрос остается малоисследованным и потому требует самостоятельного научного освещения. В настоящей работе предпринимается попытка определения конституционных характеристик публичной власти, выявления их сущности и значения.

Материалы и методы: В статье исследованы конституционные и иные законодательные нормы, проанализированы решения Конституционного Суда РФ. Применены общие (логический, структурно-функциональный, системный) и специальные (формально-юридический) методы познания.

Результаты исследования: Определены черты конституирования публичной власти. Выявлены и проанализированы характеристики публичной власти Российской Федерации, возникшие у нее в результате конституирования и последующих конституционно-правовых преобразований, связанных с принятием и внесением изменений в Конституцию РФ. Освещены особенности и раскрыто содержание конституционных характеристик публичной власти России. Сформулировано их социально-правовое значение.

Выводы и заключения:

1. Конституирование публичной власти затрагивает ее юридическую природу, обуславливает формирование в ней дополнительных, конституционных характеристик.

2. Конституирование публичной власти выражается в ее подчинении основному закону (конституции), который отражает, концентрирует в себе и опосредует волю принявшего ее народа.

3. Подчиненность публичной власти конституции заключается в том, что последняя сковывает и связывает свободу (произвол) носителей публичной власти своими нормативными положениями. С другой стороны, конституция управляет публичной властью ставя перед ней задачи и предписывая активную деятельность.

4. В Российской Федерации к конституционным характеристикам публичной власти также относятся: народность (демократичность); ориентация на обеспечение публичных интересов; артикуляция публичных интересов; ориентация на обеспечение прав и свобод человека; обеспечение правового равенства граждан и возможность использования правовых ограничений для его поддержания; принципы территориального устройства, организации, единства и дифференциации.

5. Народность (демократичность) публичной власти выражается в доминирующем положении народа в формировании, организации и осуществлении публичной власти, где он выступает не просто объектом управления, но и основным субъектом ее реализации.

6. Ориентация на обеспечение публичных интересов выражается в том, что публичная власть обязана охранять, защищать и создавать условия для реализации зафиксированных в тексте Конституции РФ социальных ценностей, имеющих высочайшее значение для многонационального народа России.

7. Артикуляция публичных интересов означает то, что публичная власть, как организованная сила, вытекающая из общей воли многонационального народа России, опосредованной Конституцией РФ, в условиях изменяющейся социальной действительности призвана непрерывно выявлять, обобщать, учитывать, фиксировать и обеспечивать общесоциальные ценности, направлять свою деятельность в соответствии с ними.

8. Ориентация публичной власти на обеспечение прав и свобод человека соответствует международному тренду и содержит в себе ярко выраженные либерально-гуманистические черты, юридически зафиксированные в тексте Конституции РФ. Выступая фундаментальным элементом народа, как основного учредителя и источника публичной власти, человек обладает волей и свободой, которые неотъемлемы от него и присущего ему достоинства. В этой связи обеспечение прав и свобод человека направлено на сохранение фундаментальных основ публичной власти, вытекающих из свободы каждого человека, составляющего с другими людьми народ Российской Федерации.

9. Обеспечение правового равенства граждан выступает фундаментальным условием поддержания публичной властью собственной целостности, вытекающей из общей воли народа, которая формируется из одинаково равной в своей свободе воли каждого гражданина.

10. Для обеспечения конституционных ценностей (публичных интересов, прав и свобод личности, правового равенства граждан) публичная власть, как специально учрежденный и организованный инструмент многонационального народа России, использует правовые ограничения (меры правоограничительного характера) только в

соответствии с законом и для сохранения (восстановления) баланса конституционных ценностей.

11. Единство и дифференциация публичной власти выражаются в том, что данная власть едина и целостна в своей системе, принципах, целях, задачах формирования, организации и функционирования, но в то же время она дифференцирована на уровни (федеральный, региональный, муниципальный) и ветви (законодательная, исполнительная, судебная), что необходимо для повышения эффективности ее осуществления.

12. Дифференциация публичной власти также выражается в ее разделении по территориальному принципу, основанному на учете статуса, этнонациональных, культурных и пространственно-географических особенностей административно-территориальных единиц России и проживающего на них населения с целью наиболее полного учета и обеспечения его интересов.

13. Конституционные характеристики качественно изменяют публичную власть, выводят ее на более высокий уровень цивилизационного развития, приближающий объективную действительность к достижению социально-правового идеала.

Ключевые слова: публичная власть, характеристики публичной власти, конституирование публичной власти, публичные интересы, конституционализация, демократичность, народность, правосубъектность народа.

Для цитирования: Фомичев А. А. О конституционных характеристиках публичной власти / А. А. Фомичев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практический журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2026. № 3 (118). С. 96–110.

5.1.2 Public law (State law) sciences

Original article

ON THE CONSTITUTIONAL CHARACTERISTICS OF PUBLIC POWER

Fomichev Andrey Andreevich

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Senior lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities, andry2453@yandex.ru

Introduction: Public power is a fundamental phenomenon of public life. It is present in various forms and forms at all stages of the development of social associations. Currently, public power has entered a new phase of evolution, due to the acquisition of constitutional characteristics, both directly and indirectly related to the constitutional and legal transformations that have taken place in the Russian Federation. Despite its importance, this issue remains poorly understood and therefore requires independent scientific coverage. In this work, an attempt is made to determine the constitutional characteristics of public power, to identify their essence and significance.

Methods and Materials: The article examines the constitutional and other legislative norms, analyzes the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. General (logical, structural-functional, systemic) and special (formal-legal) methods of cognition are applied.

The Results of the Study: The features of the constitution of public power are defined. The characteristics of the public power of the Russian Federation, which arose as a result of its constitution and subsequent constitutional and legal transformations related to the adoption and introduction of amendments to the Constitution of the Russian Federation, are identified and analyzed. The article highlights the features and reveals the content of the constitutional characteristics of public power in Russia. Their socio-legal significance is formulated.

Findings and Conclusions:

1. The constitution of public power affects its legal nature, determines the formation of additional constitutional characteristics in it.

2. The constitution of public power is expressed in its subordination to the basic law (constitution), which reflects, concentrates and mediates the will of the people who adopted it.

3. The subordination of public authority to the Constitution lies in the fact that the latter shackles and binds the freedom (arbitrariness) of the bearers of public authority by its normative provisions. On the other hand, the Constitution governs public power by setting tasks for it and prescribing active activities.

4. In the Russian Federation, the constitutional characteristics of public power also include: nationality (democracy); orientation towards ensuring public interests; articulation of public interests; orientation towards ensuring human rights and freedoms; ensuring the legal equality of citizens and the possibility of using legal restrictions to maintain it; principles of territorial structure, organization, unity and differentiation.

5. The nationality (democracy) of public power is expressed in the dominant position of the people in the formation, organization and exercise of public power, where they act not just as an object of government, but also as the main subject of its implementation.

6. The focus on ensuring public interests is expressed in the fact that public authorities are obliged to protect, protect and create conditions for the implementation of the social values enshrined in the text of the Constitution of the Russian Federation, which are of the highest importance for the multinational people of Russia.

7. Articulation of public interests means that public power, as an organized force arising from the common will of the multinational people of Russia, mediated by the Constitution of the Russian Federation, in a changing social reality, is called upon to continuously identify, generalize, take into account, fix and ensure general social values, and direct its activities in accordance with them.

8. The orientation of public authorities towards ensuring human rights and freedoms corresponds to the international trend and contains pronounced liberal-humanistic features legally fixed in the text of the Constitution of the Russian Federation. Acting as a fundamental element of the people, as the main founder and source of public power, a person possesses the will and freedom that are inalienable from him and his inherent dignity. In this regard, ensuring human rights and freedoms is aimed at preserving the fundamental foundations of public authority arising from the freedom of every person who, together with other people, constitutes the people of the Russian Federation.

9. Ensuring the legal equality of citizens is a fundamental condition for public authorities to maintain their own integrity, resulting from the common will of the people, which is formed from the equally equal free will of every citizen.

10. In order to ensure constitutional values (public interests, individual rights and freedoms, and the legal equality of citizens), public authorities, as a specially established and organized instrument of the multinational people of Russia, use legal restrictions (law-restrictive measures) only in accordance with the law and to preserve (restore) the balance of constitutional values.

11. The unity and differentiation of public power is expressed in the fact that this power is unified and integral in its system, principles, goals, objectives of formation, organization and functioning, but at the same time it is differentiated into levels (federal, regional, municipal) and branches (legislative, executive, judicial), which is necessary to increase the effectiveness of its implementation.

12. The differentiation of public power is also expressed in its division according to the territorial principle, based on the consideration of the status, ethnonational, cultural and spatial-geographical features of the administrative-territorial units of Russia and the population living on them in order to fully take into account and ensure their interests.

13. Constitutional characteristics qualitatively change public power, bring it to a higher level of civilizational development, bringing objective reality closer to achieving the socio-legal ideal.

Keywords: public power, characteristics of public power, constitution of public power, public interests, constitutionalization, democracy, nationality, legal personality of the people.

For citation: Fomichev A. A. O konstitucionnyh harakteristikah publichnoj vlasti [On the constitutional characteristics of public power]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia : scientific and Practical journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, no.3 (118), pp. 96–110.

Оказавшись в плоскости конституционно-правовых преобразований Российской Федерации в 2020 году, публичная власть стала предметом разносторонних научных исследований. Среди них отдельное место отводится конституционному осмыслению данного феномена. В частности, особый интерес представляют конституционные характеристики публичной власти, демонстрирующие ее современные цивилизационно-правовые особенности, присущие ей как конституционному феномену.

Принятие Конституции, влекущее за собой конституционализацию общественных отношений и выстраивание социально-правовой практики в соответствии с ее предписаниями, неизбежно затрагивает юридическую природу публичной власти, обуславливает формирование в ней дополнительных, конституционных характеристик.

Конституция РФ, как Основной Закон России, обладает высшей юридической силой, исходящей из волеизъявления многонационального народа Российской Федерации, который принял ее для утверждения гражданского мира и согласия, сохранения исторически сложившегося государственного единства,

обеспечения благополучия и процветания России. Сконцентрировав в себе волю народа, Конституция, по своей сути, стала учредительным актом, создавшим и юридически утвердившим современную российскую государственность – с одной стороны, и публичную власть, наполняющую ее содержание – с другой стороны. Конституция РФ определила основы государственного устройства и функционирования, перечень подлежащих защите ценностей, сферу регулируемых и охраняемых государством публичных интересов, принципы формирования и осуществления власти, стала фундаментом государственно-правовой системы страны в целом. Тем самым Основной Закон конституировал публичную власть, то есть учредил и подчинил ее своим предписаниям.

Подчиненность публичной власти Конституции заключается в том, что последняя сковывает и связывает ее свободу своими нормативными положениями. Это выражается в установлении порядка формирования и организации публичной власти, принципов, целей, задач, полномочий и пределов ее функционирования. Все эти параметры содержатся в нормах Конституции РФ, имманентно воздействующих на публичную власть. Иными словами, Основной Закон целенаправленно, систематически и непрерывно управляет публичной властью, определяет ее юридическую природу, свойства и характеристики посредством содержащихся в нем предписаний. Это в полной мере подкрепляется нормативными положениями о правовом характере российской государственности (ч. 1 ст. 1) и юридическом верховенстве Конституции РФ на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 4; ч. 1 ст. 15). Указанное означает, что основополагающей характеристикой конституированной публичной власти является ее полная подчиненность нормам Основного Закона.

Еще одной фундаментальной конституционной характеристикой публичной власти следует признать ее народность (демократичность). Речь идет о доминирующем положении народа в осуществлении публичной власти, где он выступает не просто объектом управления, но и основным субъектом ее реализации.

В преамбуле Конституции РФ указывается: «Мы многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле ... исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, принимаем Конституцию Российской Федерации». Данный текст конституционной преамбулы является ключом к пониманию роли и статуса народа в образовании российской государственности и в осуществлении публичной власти.

Приняв Конституцию РФ, именно многонациональный народ России конституировал публичную власть, стал верховным учредителем и организатором ее реализации. Конституция РФ также признала его носителем суверенитета и единственным источником власти в стране (ч. 1 ст. 3). Т.Я. Хабриева справедливо указывает, что, являясь носителем суверенитета и источником власти в государстве, народ обладает верховенством в решении вопросов государственного устройства [1, с. 56]. Данную позицию дополняет точка зрения А.И. Казанника, по мнению которого лишь многонациональный народ России имеет право на всю полноту власти в стране [2, с. 3-6]. Б.С. Эбзеев констатирует, что воля народа составляет основу конституционного устройства России и пронизывает всю систему существующей в ней публичной власти [3, с. 55].

Обращая внимание на ряд конституционных положений, действительно, становится видно центральное положение народа в системе конституционных отношений в целом и в осуществлении публичной власти, в частности. Ст. 1 Конституции РФ провозглашает демократический характер российского государства, что отражается в ст. 3 и раскрывается в формуле: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Как видно, указанные положения непосредственно демонстрируют верховенство народа в формировании и осуществлении публичных отношений господства и подчинения в Российской Федерации.

Принимая во внимание собирательный и сложносоставной характер народа, в литературе нередко возникают сомнения по поводу его правосубъектности. Однако, несмотря на дискуссионность данного вопроса [4, с. 3], большинство исследователей склонны решать его положительно [5; 6; 7]. Конечно же конституционный статус народа не может иметь полной структуры и складываться из всех традиционных компонентов (прав и обязанностей, ответственности, принципов и гарантий правового статуса) [4, с. 8]. Являясь сложносоставным субъектом правоотношений, народ не обладает собственными обязанностями и, очевидно, не может нести ответственности. Вместе с тем, большинство исследователей солидарны в том, что народ, как особый субъект правоотношений, обладает правосубъектностью [8, с. 39]. Это в полной мере подтверждается содержанием конституционных норм, которые юридически воздействуют на народ как на целостное социально-правовое объединение или как на самостоятельный субъект конституционного права. Речь идет о тех нормах, которые предоставляют народу конституционно-правовые гарантии (ч. 3, 4 ст. 68, 69), признают его защитником Отечества (ч. 3 ст. 67.1), государствообразующим субъектом (ч. 1 ст. 68) и основным носителем культуры (ч. 4 ст. 68, ч. 2 ст. 69). Сюда также следует отнести конституционное положение, в соответствии с которым Президент РФ, вступая в должность, приносит присягу народу как самостоятельному субъекту конституционного права, клянется ему верно служить (ч. 1 ст. 82).

В юридической литературе народ часто признается носителем коллективных прав (право на мир, на благоприятную окружающую среду, на безопасность), отмечается, что он может инициировать реализацию конституционных возможностей (проведение референдума), принимать активные меры по восстановлению нарушенного права (коллективные обращения, митинги, демонстрации) [6, с. 47]. В литературе также констатируется факт участия народа в качестве самостоятельного субъекта конституционного права в избирательных и иных социально-политических процессах [9, с. 126-127].

Обобщая вышеизложенное необходимо констатировать, что в конституционном праве народ как юридически, так и фактически обладает правосубъектностью. Особенно активно правосубъектность народа выражается в публично-правовых отношениях господства и подчинения, где он проявляет себя как основной субъект формирования, организации и осуществления конституированной публичной власти, что происходит в соответствии с зафиксированными в Конституции РФ нормами и правилами. Иными словами, в конституированном государстве

публичной властью управляет народ как непосредственно, так и путем воздействия конституционных предписаний.

Вполне естественно, что, принимая Конституцию и обладая верховенством в вопросах осуществления публичной власти, народ преследует собственные интересы. Они же выступают публичными интересами, которые население стремится защитить и обеспечить, прежде всего, посредством правовой фиксации в тексте Основного Закона. Приобретая высшую юридическую силу, данные интересы становятся ориентиром деятельности публичной власти. Они обуславливают ее цели, задачи, функции, полномочия и обязанности, определяют принципы отношений с населением.

В Конституции РФ перечень публичных интересов весьма разнообразен. К ним относятся: целостность и неприкосновенность территории России (ч. 3 ст. 4; ч. 2.1 ст. 67); социальная ориентированность российского государства; проведение политики, направленной на создание достойных условий для жизни населения (ст. 7; ч. 3 ст. 40); всеобщее равенство перед законом и судом (ст. 19); недопустимость пропаганды, порождающей социальную ненависть или вражду (ч. 2 ст. 29); защита материнства и детства (ст. 38); обеспечение здравоохранения и бесплатного оказания медицинских услуг (ст. 41); поддержание благоприятной окружающей среды и экологии (ст. 42, 58); обеспечение общедоступного и бесплатного образования (ст. 43); охрана интеллектуальной собственности; гарантирование свободы творческого развития и участия в культурной жизни; охрана исторического и культурного наследия (ст. 44; ч. 4 ст. 68); обеспечение обороны страны, безопасности государства, защита основ конституционного строя и нравственности (ч. 3 ст. 55); создание условий для всестороннего развития и воспитания детей; защита исторической правды (ч. 3, 4 ст. 67.1); создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан (ст. 75.1).

Как видно, в конститутированном государстве одной из отличительных особенностей публичной власти становится конституционная артикуляция публичных интересов. Помимо высшей юридической силы, это придает им фундаментальный характер, неоспоримость и неустрашимость, ставит их над политическими, ведомственно-корпоративными и ситуационными интересами властвующих субъектов. Иными словами, независимо от происходящих политико-правовых и социально-экономических перемен, конституционно охраняемые публичные интересы обладают наивысшей степенью гарантированности и защищенности, составляют основу целеполагания, формирования, организации и функционирования публичной власти.

Не менее важной конституционной характеристикой публичной власти выступает ее ориентация на обеспечение прав и свобод человека. Признание свободы личности и неотъемлемости ее прав составляет величайший шаг в историческом движении гражданской жизни [10, с. 107]. Сегодня большинство конституций (основных законов) зарубежных государств в той или иной мере закрепляют, признают и гарантируют права человека, что свидетельствует об общемировой тенденции гуманизации и либерализации конституционного законодательства, определяющего параметры деятельности публичной власти.

Находясь в общем потоке правовой эволюции, Конституция РФ соответствует международному тренду, содержит в себе ярко выраженные либеральные черты. Ст. 2 Конституции РФ признает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их соблюдение и защиту – обязанностью государства. Данное положение исходит из понимания прав человека как атрибутивного, неотъемлемого качества личности [3, с. 107]. Как указывал Г. Аренс, вследствие лишь своего бытия и разумно-чувственного существа человек является носителем прав [11, с. 417]. «Свобода – следствие природы человека», – справедливо отмечал Ж.-Ж. Руссо [12, с. 4]. Именно такие представления о человеке, его правах и свободах лежат в основе социального назначения публичной власти, призванной их обеспечивать, охранять и защищать, что отражено в целом ряде конституционных положений (ст. 17, 19, 45, 52), в соответствии с которыми публичная власть также должна обеспечить равенство прав и свобод личности, их неотчуждаемый и естественный характер. Глава 2 Конституции РФ закрепляет целый перечень прав и свобод личности, которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание, применение законов, а также деятельность публичной власти (ст. 18).

Конституционно-правовая фиксация прав и свобод личности стала достижением цивилизации. Человек вместе с присущей ему правовой свободой был не только провозглашен высшей ценностью, но и приобрел реальные юридические гарантии в воплощении своего статуса. Постепенно он перестает быть винтиком или расходным материалом в отношениях с публичной властью. Напротив, последняя все чаще рассматривается в качестве инструмента народной воли, действующего в соответствии с конституционными предписаниями для реализации публичных интересов и субъективных прав личности.

Однако необходимо понимать, что человек живет в обществе, состоящем из таких же людей, как он сам, где каждый обладает набором аналогичных прав и свобод. По этой причине свобода личности, конечно же, не безгранична. Она имеет естественные пределы, обусловленные правовой свободой других лиц. Как указывается в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». В действительности, реализация правовой свободы граждан довольно часто приводит к столкновению их интересов и к нарушению естественных пределов их прав и свобод, что требует вмешательства публичной власти для разрешения споров и конфликтных ситуаций. Кроме того, права и свободы личности нередко становятся объектом прямого посягательства со стороны правонарушителей. Среди многочисленных проявлений таких действий могут быть хищение или повреждение чужого имущества, причинение вреда жизни или здоровью человека, ущемление чести и достоинства личности. В подобных случаях именно публичная власть становится незаменимым инструментом, обладающим достаточными средствами для поиска правонарушителя и его привлечения к ответственности. Только публичная власть способна полноценно и эффективно охранять, защищать и обеспечивать права граждан.

Важнейшим юридическим средством, позволяющим публичной власти охранять права человека, обеспечивать правопорядок, бороться с правонарушениями, а также защищать иные частные и публичные интересы, выступают правовые ограничения. Они также естественны, как и права человека. Отсутствие каких-либо ограничений в

человеческом поведении, по своей сути, оправдывает противоправное и преступное поведение, допускает ущемление прав других людей и общественных интересов в целом [13, с. 9]. Правовые ограничения необходимы в цивилизованном обществе. Они выступают объективной потребностью и служат условием мирного существования составляющих его индивидов.

В конститутированном государстве особенностью публичной власти становится то, что применяемые ею правовые ограничения должны не только соответствовать закону, но и полностью основываться на конституционных предписаниях. Конституция РФ содержит целый ряд норм, предусматривающих возможность использования правовых ограничений: запрет на создание и деятельность общественных объединений, подрывающих безопасность государства и разжигающих социальную рознь (ч. 5 ст. 13); возможность осуществления смертной казни в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления (ч. 2 ст. 20); ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); ограничение свободы мысли и слова, если они связаны с пропагандой или агитацией, возбуждающих социальную рознь, ненависть или вражду (ч. 2 ст. 29); ограничение избирательных прав недееспособных граждан и лиц, содержащихся в местах лишения свободы (ч. 3 ст. 32); ограничение свободы экономической деятельности, если она направлена на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34) и др. Универсальная возможность ограничения прав и свобод личности также установлена частью 3 статьи 55 Конституции РФ, которая может быть применена публичной властью только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и свобод других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В конститутированном государстве не менее значимы принципы использования правовых ограничений публичной властью. Выраженные в них основные начала, сквозные и генеральные идеи позволяют обозначить ориентиры допустимого вмешательства публичной власти в сферу личной свободы граждан для обеспечения социальных и юридических целей. В качестве таких ориентиров выступают сформулированные Конституционным Судом РФ позиции, в соответствии с которыми правовые ограничения должны быть необходимыми и соразмерными конституционным целям их применения; должны быть направлены на обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов; должны быть справедливыми, адекватными и пропорциональными; должны основываться на формально-определенной, точной, четкой и ясной норме, не допускающей расширительного толкования; недопустимы ограничения, посягающие на само существо права и приводящие к утрате его реального содержания¹; должны быть не только юридически, но и социально оправданы².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

Исходя из изложенного необходимо подчеркнуть, что в конституированном государстве публичная власть охраняет, защищает и обеспечивает частные и публичные интересы, выступает гарантом реализации прав человека. Это во многом достигается за счет использования правовых ограничений. Их применение должно основываться на конституционных принципах и предписаниях, а также соответствовать нормам закона и преследовать социально-оправданные цели. Использование публичной властью правовых ограничений является объективной потребностью личности, общества и государства, обеспечивающей их благоприятное существование, развитие и беспрепятственное пользование своими правами.

Среди характеристик публичной власти, установленных Конституцией РФ, следует выделить особенности ее территориального устройства (ст. 5), организации (ст. 11, 66, 67, 71, 72, 73, 76, 77, 78), единства и дифференциации (ст. 10, 12).

В последнем случае речь идет о разделении единой системы публичной власти на власть государственную и муниципальную. Как указывается в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». При этом местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти. Оно гарантируется Конституцией РФ и в пределах своих полномочий обладает самостоятельностью (ст. 12).

По своему статусу местное самоуправление является обязательной формой публично-территориальной самоорганизации населения и одновременно представляет собой часть единого механизма управления делами государства. Наряду с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления в рамках согласованного взаимодействия участвуют в осуществлении функций демократического, правового и социального государства³.

Среди действующих в России форм публичной власти местное самоуправление в наибольшей степени приближено к населению. Как указывается в ч. 1 ст. 130 Конституции РФ: «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения...». Оно призвано решать задачи, относящиеся к непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения муниципального образования⁴. Однако в рамках взаимодействия между элементами единой системы публичной власти, органы местного самоуправления могут быть наделены функциями, имеющими общегосударственное значение. Реализация таких функций осуществляется при финансовой поддержке федеральных и региональных органов государственной власти⁵. В этой связи самостоятельность местного самоуправления не является абсолютной. Ее пределы устанавливаются

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 3.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

действующим законодательством. В рамках своих полномочий органы государственной власти призваны оказывать регулирующее воздействие на местное самоуправление как на один из уровней публичной власти. При этом должны учитываться цели государственного, экономического, социального, культурного, экологического и национального развития России⁶.

Промежуточным уровнем публичной власти, объединяющим в себе органы государственной власти и органы местного самоуправления, является государственная власть субъекта РФ. Как указано в ч. 3 ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», федеральные органы государственной власти осуществляют свои полномочия на территории субъекта РФ непосредственно или через создаваемые ими территориальные органы во взаимодействии с органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления⁷.

Конституция РФ дифференцирует территорию России на субъекты РФ, представленные в виде равноправных республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов (ч. 1 ст. 5). Их статус определяется Конституцией РФ, а также уставами (конституциями) соответствующих субъектов РФ (ст. 66). Система органов государственной власти субъектов РФ устанавливается ими самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя и федеральным законодательством (ч. 1 ст. 77 Конституции РФ). Данную систему образуют законодательный орган, высший исполнительный орган, высшее должностное лицо и иные органы государственной власти субъекта РФ.

Как видно, уже на уровне субъекта РФ Конституция вводит действие принципа разделения властей при организации государственной власти (ст. 10). Однако несмотря на разграничение предметов ведения уровней публичной власти (ст. 72, 73), Конституция РФ в то же время предполагает единство и целостность властной системы, обеспечивающей федеративное устройство России (ч. 3 ст. 5). В этой связи органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте РФ, осуществляют взаимодействие в целях обеспечения комплексного и устойчивого социально-экономического развития в пределах территории данного субъекта РФ (ч. 2 ст. 2)⁸.

В отличие от регионального, федеральный уровень публичной власти отвечает за развитие страны в целом и потому выполняет конституционно значимые функции на всей ее территории. Исходя из этого Конституцией РФ установлены предметы ведения федерального уровня публичной власти (ст. 71), имеющие всеохватывающий характер и общегосударственное значение.

Федеральный уровень публичной власти выступает общим фундаментом, объединяющим и сплачивающим иные уровни власти. Он обеспечивает единство и целостность государственного пространства Российской Федерации, что реализуется

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.2021 № 50-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁷ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁸ Там же.

посредством признания общего государственного языка (ч. 1 ст. 68); поддержания единого экономического пространства и обеспечения свободного перемещения товаров, услуг и финансов (ст. 74); установления общей денежной единицы – рубля, и обеспечения ее централизованного регулирования (ч. 1, 2 ст. 75); введения единой системы налогообложения (ч. 3 ст. 75); установления минимального размера оплаты труда, действующего на всей территории России (ч. 5 ст. 75); введения общей системы пенсионного обеспечения граждан (ч. 6 ст. 75); осуществления общероссийской социальной поддержки граждан (ч. 7 ст. 75); охраны и поддержания культуры, обеспечивающей идентичность и выступающей наследием многонационального народа России (ч. 4 ст. 68). Отдельное значение имеет создание и обеспечение единой правовой системы Российской Федерации, которая образована по принципу иерархии нормативных правовых актов. Здесь важно подчеркнуть, что в ведении федерального уровня публичной власти находится принятие федеральных конституционных законов и федеральных законов, которые не могут противоречить Конституции РФ и занимают подчиненное по отношению к ней положение, но в то же время обладают более высокой юридической силой в сравнении с законами субъектов РФ и иными правовыми актами (ст. 76). Федеральные конституционные законы и федеральные законы имеют прямое действие на всей территории России (ч. 1 ст. 76).

Важной конституционной характеристикой федерального уровня публичной власти следует признать повышенную конституционную урегулированность вопросов, связанных с ее формированием, организацией и функционированием. Так, Конституция РФ определяет высшие (основные) органы федерального уровня публичной власти (Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, суды РФ, Прокуратура РФ, Центральный банк РФ, Государственный Совет РФ), устанавливает их систему и основы организации, закрепляет их важнейшие функции, полномочия и обязанности, определяет требования и ограничения, предъявляемые к руководителям и иным должностям в данных органах власти.

Таким образом, конституционные характеристики являются неотъемлемым компонентом конституированной публичной власти. Они вытекают из сущности и содержания конституции (основного закона), учреждающей и полностью подчиняющей себе публичную власть посредством высшей юридической силы. Конституция определяет параметры и характеристики публичной власти, связанные с особенностями ее формирования, организации и функционирования в целом, а также с ценностями, принципами, задачами, целями деятельности, ее структурой, обязанностями и полномочиями, в частности. Подчиненность основному закону составляет природу конституированной публичной власти и выступает ее важнейшей конституционной характеристикой. В Российской Федерации конституционными характеристиками публичной власти также являются: народность (демократичность); конституционная артикуляция публичных интересов, лежащих в основе функционирования публичной власти; ориентация на обеспечение прав и свобод человека, объективно сопряженная с возможностью их ограничения; стремление к защите публичных интересов на основе баланса конституционных ценностей; функционирование публичной власти на основе ее разделения на ветви (законодательную, исполнительную, судебную) и уровни (федеральный, региональный, муниципальный), а также на основе единства и взаимодействия между

ними. В целом необходимо признать, что современные конституционные характеристики качественно изменяют публичную власть, выводят ее на более высокий уровень цивилизационного развития, приближающий объективную действительность к достижению социально-правового идеала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 34-38.
2. Казанник А. И. Народ как субъект конституционно-правовых отношений // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 3-6.
3. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2008. 384 с.
4. Казьмина Е.А. Народ как субъект конституционного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.
5. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982. 359 с.
6. Велиева Д.С. Народ Российской Федерации как субъект конституционно-правовых отношений в сфере управления государством: миф или реальность? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1. С. 46-50.
7. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. 443 с.
8. Аверьянова Н.Н. Конституционная правосубъектность «народа» как обладателя права на землю // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 38-44.
9. Костогрызлов П.И. Народ как источник власти и как субъект конституционного права // Уральский форум конституционалистов: сборник трудов конференции / М.С. Саликов. Т. 5 Ч. 1. Екатеринбург, 2020. С. 124-128.
10. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. 337 с.
11. Аренс Г. Юридическая энциклопедия или органическое изложение науки о праве и государстве, на основании принципов этической философии права. М., 1863. 524 с.
12. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор или принципы государственного права: издание С. Скимунта. М., 1906. 134 с.
13. Барбин В.В. Конституционно-правовые основания ограничений основных прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел. М.: Академия управления МВД России, 2005. 83 с.

REFERENCES

1. Khabrieva T. Ya. Doktrinalnoe znachenie rossijskoj Konstitucii [The doctrinal significance of the Russian Constitution]. Zhurnal rossijskogo prava - Journal of Russian Law]. 2009, no. 2, pp. 34-38.
2. Kazannik A.I. Narod kak sub"ekt konstitucionno-pravovyh otnoshenij [The people as a subject of constitutional and legal relations]. Konstitucionnoe i municipalnoe pravo - Constitutional and municipal law]. 2016, no. 2, pp. 3-6.
3. Ebzeev B.S. Lichnost i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost i konstitucionnye obyazannosti [Personality and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties]. Moscow, 2008. 384 p.
4. Kazmina E.A. Narod kak sub"ekt konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii [The people as a subject of constitutional law of the Russian Federation]: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. nauk. M., 2011. 24 p.
5. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, 1982. 359 p.

6. Veliyeva D.S. Narod Rossijskoj Federacii kak sub"ekt konstitucionno-pravovyh otnoshenij v sfere upravleniya gosudarstvom: mif ili realnost? [The people of the Russian Federation as a subject of constitutional and legal relations in the field of government: myth or reality?]. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii - Bulletin of the Saratov State Law Academy]. 2014, no. 1. pp. 46-50.
7. Kutafin O.E. Predmet konstitucionnogo prava [The subject of constitutional law]. Moscow, 2001. 443 p.
8. Averyanova N.N. Konstitucionnaya pravosub"ektnost «naroda» kak obladatelya prava na zemlyu [The constitutional legal personality of the "people" as the owner of the right to land]. Zhurnal rossijskogo prava - Journal of Russian Law]. 2017. No. 4. pp. 38-44.
9. Kostogryzov P.I. Narod kak istochnik vlasti i kak sub"ekt konstitucionnogo [The people as a source of power and as a subject of constitutional law]. prava Uralskij forum konstitucionalistov: sbornik trudov konferencii - Ural Forum of constitutionalists: proceedings of the conference. Yekaterinburg, 2020, vol. 5, Ch. 1. pp. 124-128.
10. Chicherin B.N. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moscow, 1900. 337 p.
11. Ahrens G. Yuridicheskaya ehnciklopediya ili organicheskoe izlozhenie nauki o prave i gosudarstve, na osnovanii principov ehlicheskoj filosofii prava [Legal encyclopedia or an organic presentation of the science of law and the state, based on the principles of the ethical philosophy of law]. Moscow, 1863, 524 p.
12. Rousseau J.-J. Obshchestvennyj dogovor ili principy gosudarstvennogo prava [Social contract or principles of state law], Moscow, 1906, 134 p.
13. Barbin V.V. Konstitucionno-pravovye osnovaniya ogranichenij osnovnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v deyatelnosti organov vnutrennih del. [Constitutional and legal grounds for restrictions on fundamental human and civil rights and freedoms in the activities of internal affairs bodies]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 83 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фомичев Андрей Андреевич, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, Российская Федерация, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Andreevich Fomichev, Senior Lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities. V.V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2 Ignatova St., Orel, 302027, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 22.08.2026; принята к публикации 22.09.2026

Article received by the editorial office 03.06.2026; approved after review 22.08.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 111–120.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 111–120.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.9:623.4

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Чумарова Екатерина Юрьевна¹, Шишкин Павел Евгеньевич²

^{1,2}Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация

¹ekaterina.chumarova@mail.ru

²pavel_shishkin83@mail.ru

Введение. Изучение практики осуществления контроля (надзора) в сфере оборота оружия на территории Российской Федерации показывает, что в правоприменительной деятельности правоохранительных органов нередко возникают вопросы, связанные с правильным толкованием и применением норм, предусматривающих основания и порядок привлечения владельцев оружия к административной ответственности. .

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормы законодательства Российской Федерации и СССР, ведомственные акты МВД России и ВНГ России, материалы судебной практики. В ходе исследования применен общенаучный диалектический метод научного познания социальных и правовых исследований, а также иные методы научного познания: исторический анализ, сравнительно-правовой анализ, обобщение и классификация, индукция и дедукция, социологический и статистический анализ.

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования авторским коллективом были изучены литературные источники по рассматриваемой тематике, проведен анализ нормативных правовых актов, регламентирующих осуществление контроля (надзора) в сфере оборота оружия на территории Российской Федерации, рассмотрены правоприменительные решения, имеющие спорный или противоречивый характер.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил не только обозначить актуальные проблемы, но и предложить способы их законного разрешения.

Ключевые слова: органы внутренних дел, войска национальной гвардии, контроль (надзор) в сфере оборота оружия, административная ответственность

. **Для цитирования:** Чумарова Е. Ю., Шишкин П. Е. Участие органов внутренних дел в осуществлении контроля (надзора) в сфере оборота оружия на территории Российской Федерации: особенности и проблемы правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 111–120.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

PARTICIPATION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTROL AND SUPERVISION OF ARMS CIRCULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: FEATURES AND LAW ENFORCEMENT CHALLENGES

Ekaterina Y. Chumarova¹, Pavel E. Shishkin²

^{1,2}Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia

¹ekaterina.chumarova@mail.ru

²pavel_shishkin83@mail.ru

Introduction. The study of the practice of control (supervision) in the sphere of arms trafficking in the territory of the Russian Federation shows that in the law enforcement activities of law enforcement agencies, issues often arise related to the correct interpretation and application of norms providing for the grounds and procedure for bringing gun owners to administrative responsibility.

Materials and Methods. The research materials were scientific articles by scientists, the norms of the legislation of the Russian Federation and the USSR, departmental acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia and VNG of Russia, materials of judicial practice. The research uses the general scientific dialectical method of scientific cognition of social and legal research, as well as other methods of scientific cognition: historical analysis, comparative legal analysis, generalization and classification, induction and deduction, sociological and statistical analysis.

The Results of the Study. In the course of the research, the author's team studied literary sources on the subject under consideration, analyzed regulatory legal acts regulating the control (supervision) of arms trafficking in the territory of the Russian Federation, and reviewed law enforcement decisions that are controversial or contradictory. Conclusions and conclusions.

Findings and Conclusions. The analysis made it possible not only to identify current problems, but also to suggest ways to legally resolve them.

Keywords: internal affairs bodies, National Guard troops, control (supervision) in the sphere of arms trafficking, administrative responsibility.

For citation: Chumarova E. Y., Shishkin P. E. Uchastie organov vnutrennikh del v osushchestvlenii kontrolya (nadzora) v sfere oborota oruzhiya na territorii Rossiiskoi Federatsii: osobennosti i problemy pravoprimereniya [Participation of Internal Affairs Bodies in the Control and Supervision of Arms Circulation in the Russian Federation: Features and Law

Enforcement Challenges]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 111–120. (In Russ.).

Осуществление контроля (надзора) в сфере оборота оружия на территории Российской Федерации является одним из важных направлений деятельности правоохранительных органов. Значимость данного вида деятельности обусловлена тем, что незаконный оборот оружия связан с потенциальными рисками гибели людей, причинения имущественного ущерба и иными тяжкими последствиями.

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» задача по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия возложена на войска национальной гвардии (далее – ВНГ, Росгвардия).

Вместе с тем, в силу требований п. 21–22 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»), полиция обязана участвовать в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел и федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия¹, в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан²; в местностях, в которых отсутствуют подразделения территориального органа федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере оборота оружия, изымать оружие, принадлежавшее умершему собственнику; проводить по направлению Росгвардии контрольный отстрел из гражданского и служебного огнестрельного оружия с нарезным стволом, за исключением вновь изготовленного оружия перед его реализацией³; осуществлять в

¹ О некоторых вопросах участия полиции в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан : приказ МВД России и Росгвардии от 18 августа 2017 г. № 652/360 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284870/2c8c0862656b586c9528044191dec840a5cf763b/#dst100015 (дата обращения: 13.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328491/6fe9e94bcea8dd51e9f1245a0d2a4f80bdebad3f/ (дата обращения: 13.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. См. пп. 10.3, 37.3 Инструкции.

³ Об утверждении Порядка выдачи направления на проведение контрольного отстрела из гражданского и служебного огнестрельного оружия с нарезным стволом и Порядка организации проведения контрольного отстрела из гражданского и служебного

установленном порядке прием и временное хранение изъятых, добровольно сданных и найденных огнестрельного, газового, холодного и иного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ, основных частей огнестрельного оружия⁴ в течение срока, не превышающего четырех месяцев, до возврата их собственнику на основании решения Росгвардии⁵.

Согласно п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» полиция имеет право осуществлять в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств, если имеются основания полагать, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, изымать указанные предметы и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения; а в соответствии с п. 22 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» – проверять места хранения, торговли, коллекционирования и экспонирования оружия, основных частей огнестрельного оружия, если имеются данные, дающие основания подозревать граждан в совершении преступления, либо имеется повод к возбуждению дела об административном правонарушении; проверять у граждан документы, подтверждающие законность владения (использования) ими гражданским или служебным оружием.

В связи с реализацией указанных полномочий сотрудники полиции наделены правами осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 4–4.2 и 6 ст. 20.8; ст. 20.9, 20.10, 20.12 и 20.13 КоАП РФ (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ)⁶.

Несмотря на то, что в Российской Федерации достаточно давно сформированы правовые основы осуществления контроля (надзора) в сфере оборота оружия на территории нашего государства, в правоприменительной деятельности органов внутренних дел и Росгвардии нередко возникают вопросы, связанные с правильным толкованием и

огнестрельного оружия с нарезным стволом : приказ Росгвардии и МВД России от 9 августа 2018 г. № 372/506 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310752/ (дата обращения: 13.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁴ Об утверждении Порядка осуществления приема изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ : приказ МВД России от 17 декабря 2012 г. № 1107 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142794/ (дата обращения: 13.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁵ Об утверждении Порядка взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, ее территориальных органов и органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам, отнесенным к их компетенции в сфере оборота оружия : приказ Росгвардии и МВД России от 23 июня 2023 г. № 216/440 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451636/ (дата обращения: 13.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁶ О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание : приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280901/ (дата обращения: 13.04.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

применением норм, предусматривающих основания и порядок привлечения владельцев оружия к административной ответственности. Такие затруднения обусловлены не только несовершенством нормативно-правового регулирования рассматриваемой сферы правоприменительной деятельности, но и сложившейся противоречивой судебной практикой. Это препятствует эффективному поддержанию правопорядка в области оборота оружия и затрудняет реализацию полномочий государственных органов, осуществляющих соответствующий контроль (надзор).

Следует отметить, что штатная численность подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии зачастую является недостаточной.

Так, согласно экспертной оценке сотрудников Центра лицензионно-разрешительной работы Управления Росгвардии по Красноярскому краю, на одного сотрудника подразделения лицензионно-разрешительной работы в г. Красноярске может приходиться до 3000 граждан – владельцев оружия, что существенным образом затрудняет возможность надлежащего осуществления проверки условий хранения ими оружия.

Как показал экспертный опрос участковых уполномоченных полиции, проходящих службу в территориальных органах МВД России по Красноярскому краю, республикам Хакасия и Тыва, в нарушение установленного порядка участия полиции в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения оружия в населенных пунктах, где имеются подразделения лицензионно-разрешительной работы Росгвардии, участковых уполномоченных полиции нередко привлекают к проверке условий хранения оружия у граждан по месту жительства с последующим составлением и выдачей акта обследования условий хранения (сохранности) оружия и патронов.

Между тем возможность привлечения участковых уполномоченных полиции к проверке условий хранения оружия по месту жительства предусмотрена только по письменному запросу, поступившему из подразделения Росгвардии, в трех случаях: 1) при продлении срока действия или переоформления разрешений (лицензий) на хранение, хранение и ношение оружия и патронов; 2) при приобретении (получении во временное пользование) оружия и патронов; и 3) при нарушении условий хранения (сохранности) оружия и патронов, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан. При этом указанный запрос может направляться в территориальный орган МВД России на районном уровне при невозможности проведения проверочных мероприятий самостоятельно и при наличии обращения граждан в Росгвардию или ее территориальные органы по указанным выше основаниям⁷.

В то же время в рамках проведения профилактического обхода административного участка участковые уполномоченные полиции самостоятельно уделяют внимание вопросам соблюдения гражданами – владельцами оружия правил его хранения⁸. В целях принятия соответствующих мер реагирования при получении в

⁷ О некоторых вопросах участия полиции в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан : приказ МВД России и Росгвардии от 18 августа 2017 г. № 652/360, абз. второй п. 3.

⁸ Там же, п. 2.

отношении указанных лиц оперативно значимой информации участковые уполномоченные полиции обязаны вести их список, формируемый на основании актуальной информации из Сервиса охраны общественного порядка ИСОД МВД России о нахождении в собственности или во временном пользовании у лица, проживающего на административном участке, зарегистрированного в установленном порядке гражданского, служебного, боевого или наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию⁹.

Однако в ходе данных мероприятий акт проверки условий хранения (сохранности) оружия не составляется и в подразделения Росгвардии не направляется. Составление административно-процессуальных документов участковыми уполномоченными полиции предусмотрено лишь в случае выявления фактов, указывающих на наличие события административного правонарушения, связанного с соблюдением правил оборота оружия¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что органы внутренних дел в лице участковых уполномоченных полиции играют значимую роль в осуществлении контроля (надзора) в сфере оборота оружия на территории Российской Федерации. Вместе с тем данное направление деятельности не является для органов внутренних дел основным, вследствие чего эффективное осуществление контрольно-надзорных функций в рассматриваемой сфере правоотношений возможно только при условии их продуктивного взаимодействия с подразделениями Росгвардии. Такое взаимодействие должно включать в себя обоснованное составление должностными лицами подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии письменных запросов, предполагающих привлечение участковых уполномоченных полиции к проверке условий хранения оружия по месту жительства, а также своевременный обмен информацией о соблюдении гражданами, являющимися владельцами оружия, правил его хранения.

В результате научно-исследовательской работы, осуществляемой СибЮИ МВД России во взаимодействии с территориальными органами внутренних дел г. Красноярск и Управлением Росгвардии по Красноярскому краю, были выявлены отдельные проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности.

Первая проблема - затруднения, возникающие при привлечении к административной ответственности за правонарушения, связанные с утратой огнестрельного оружия.

Административная ответственность за указанные правонарушения предусмотрена ч. 4.3 ст. 20.8 и ч. 4 ст. 20.12 КоАП РФ. В первом случае

⁹ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»), пп. 10.3, 37.3, 38 Инструкции.

¹⁰ О некоторых вопросах участия полиции в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан : приказ МВД России Росгвардии от 18 августа 2017 г. № 652/360, абз. второй п. 3.

ответственность наступает за нарушение правил хранения или ношения оружия гражданами, повлекшее его утрату, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Во втором — за нарушение правил перевозки, транспортирования или использования оружия, повлекшее его утрату. При этом в качестве субъектов правонарушения могут выступать не только граждане, но и должностные и юридические лица. Привлечение к административной ответственности по каждой из этих норм возможно только при условии, что указанные в них действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния¹¹.

Вопросы, связанные с привлечением к административной ответственности за нарушение правил оборота оружия, неоднократно становились предметом исследования. О. С. Гоман, В. И. Сургутсков обратили внимание на отсутствие легального определения терминов «незаконное хранение оружия», «незаконная продажа (приобретение) оружия», «незаконное ношение оружия» или «незаконный оборот оружия» в административном законодательстве [1, с. 105]. То же самое можно отметить и относительно терминов «перевозка», «транспортирование» и «использование» оружия, что негативно отражается на правоприменительной деятельности, так как затрудняет квалификацию деяний и создает условия для необоснованного привлечения к ответственности.

Р. Р. Фаисханов отметил, что существует множество причин, способствующих утрате зарегистрированного оружия его законными владельцами при условии соблюдения ими установленных правил оборота оружия. В результате изучения судебной практики он пришел к выводу, что владельцы оружия неоднократно признавались судами виновными в нарушении правил хранения и транспортирования оружия несмотря на то, что в процессе судебного разбирательства не устанавливалось нарушений каких-либо правил, а лишь констатировался факт утраты оружия [2, с. 67].

Отдельного внимания заслуживают вопросы квалификации административных правонарушений, связанных с утратой огнестрельного оружия.

Так, в соответствии с постановлением мирового судьи судебного участка № 131 в Шарыповском районе Красноярского края от 25 ноября 2021 г. по делу № 05-0577/131/2021 гражданин И. был привлечен к административной ответственности по ч. 4.3 ст. 20.8 КоАП РФ за утрату принадлежащего ему охотничьего ружья ИЖ-27-Е-1С, которое он, находясь в резиновой лодке на водной поверхности озера Сарбаголь, по неосторожности уронил в воду, в результате чего данное оружие было утрачено.

¹¹ А именно: нарушение уставных правил несения внутренней службы лицом, входящим в суточный наряд части (кроме караула и вахты), если это деяние повлекло утрату, уничтожение или повреждение находящихся под охраной наряда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, либо предметов военной техники, а равно иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 344 УК РФ); нарушение правил сбережения вверенных для служебного пользования оружия, боеприпасов или предметов военной техники, если это повлекло по неосторожности их утрату (ч. 1 ст. 348 УК РФ). Деяния, предусмотренные указанными нормами и совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий образуют квалифицированные составы преступлений и влекут уголовную ответственность по ч. 3 ст. 344 УК РФ или ч. 2 ст. 348 УК РФ соответственно.

По нашему мнению, квалификация описанного противоправного деяния не является однозначно правильной. Во-первых, административно-правовая норма, содержащаяся в ч. 4.3 ст. 20.8 КоАП РФ, по своей конструкции является бланкетной и отсылает правоприменителя к Правилам оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 (далее - Правила оборота оружия), в п. 59 которых указаны требования к условиям хранения оружия исключительно по месту жительства владельца.

Во-вторых, квалификация указанного деяния зависит от обстоятельств утраты оружия гражданином И. Важное значение имеют ответы на следующие вопросы: где находилось оружие в момент утопления; была ли оборудована резиновая лодка двигателем, если да, то был ли он включен в момент утопления оружия; что именно происходило в момент утопления оружия – осуществлял ли гражданин И. охоту, т. е. деятельность, связанную с поиском, отслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой, либо он перемещался по водному пространству; было ли зачехлено и разряжено охотничье оружие.

В случае, если гражданин И. осуществлял охоту и при этом двигался с оружием в расчехленном состоянии, равно как и с имеющим патрон (патроны) в патроннике, на резиновой лодке с включенным двигателем, либо не прекратившей движение по инерции после выключения мотора, и по неосторожности уронил оружие в воду, его действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ за нарушение правил охоты, так как у него отсутствует нормативно-определенная обязанность обеспечения его сохранности при его ношении или использовании.

Если же гражданин И. одновременно греб на веслах и производил выстрелы либо в процессе передвижения на плавательном средстве ружье находилось у него в руках, а не было разряжено, зачехлено и надежно (во избежание падения в воду) уложено в носу лодки или на корме, как предписывают пункты 32–33 Правил по технике безопасности при обращении с охотничьим оружием, утвержденных подкомиссией по охотничьему оружию научно-технического совета Главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР 12 сентября 1968 г., то в этом случае он нарушил требования указанного нормативного акта, а также предписания пункта 68 Правил оборота оружия в части несоблюдения правил безопасного обращения с оружием. Именно в этом случае действия гражданина И. могут быть квалифицированы по ч. 4.3 ст. 20.8 КоАП РФ.

Аналогичные затруднения возникают также и при привлечении к ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 20.12 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 88 в Советском районе г. Красноярска от 22 октября 2021 г. по делу № 5-1223/21 (88) гражданин М. был привлечен к административной ответственности по ч. 4 ст. 20.12 КоАП РФ за то, что находясь на охоте (имея разрешение на добычу птицы) в районе поселка Стрелка Енисейского района Красноярского края, имея при себе в чехле охотничье оружие ИЖ-58МА, переплывая реку Ангара на моторной лодке, допустил столкновение с топляком, в результате чего произошло опрокидывание лодки и охотничье оружие утонуло в реке.

В описанной ситуации гражданину М. было необоснованно вменено нарушение пункта 59 Правил оборота оружия в части несоблюдения условий, направленных на осуществление сохранности оружия, в результате чего наступила его утрата. Как было отмечено ранее, указанный пункт Правил оборота оружия содержит требования к условиям хранения оружия исключительно по месту жительства владельца, в то время как ч. 4 ст. 20.12 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение правил перевозки, транспортирования или использования оружия, повлекшее его утрату.

Учитывая, что перевозка оружия и патронов по территории Российской Федерации, в соответствии с п. 72 Правил оборота оружия, производится на договорной основе исключительно юридическими лицами, уставами которых предусмотрено оказание соответствующих услуг, на гражданина М. правила, касающиеся осуществления такой перевозки, не распространяются.

В части осуществления транспортирования оружия гражданами следует руководствоваться требованиями, изложенными в пункте 77 Правил оборота оружия. Такое транспортирование осуществляется в чехлах, кобурах или специальных футлярах, а также в специальной упаковке производителя оружия. При этом оружие должно находиться в разряженном состоянии отдельно от патронов. Обязанность владельца обеспечивать сохранность оружия при его транспортировании в указанной правовой норме не закреплена.

В рассматриваемой ситуации гражданин М. транспортировал охотничье ружье в разряженном и зачехленном состоянии, тем самым в полном объеме обеспечил соблюдение требований указанного пункта Правил оборота оружия. Кроме того, опрокидывание маломерного судна создавало реальную угрозу жизни и здоровью гражданина М. и не позволяло с учетом сложившейся обстановки принять меры по недопущению утраты охотничьего оружия. Таким образом, полагаем, что с учетом указанных обстоятельств в действиях гражданина М. отсутствует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 4.3 ст. 20.12 КоАП РФ. По данному делу следовало вынести постановление о прекращении производства на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Именно такое решение было принято мировым судьей судебного участка № 129 в Уярском районе Красноярского края от 14 сентября 2021 г. по делу № 5-580/2021 об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 20.12 КоАП РФ в отношении гражданина Б., который, находясь на туристическом маршруте в пос. Ольгино – пос. Кононово Уярского района, на реке Рыбная, при прохождении второго порога в результате опрокидывания катамарана утратил принадлежащее ему огнестрельное гражданское гладкоствольное длинноствольное оружие МЦ 20-014. Мировой судья К. пришел к выводу, что оружие было утрачено вследствие воздействия непреодолимой силы и гражданин Б. не мог предвидеть наступления вредных последствий.

Для устранения затруднений, возникающих в правоприменительной деятельности по привлечению к административной ответственности за правонарушения, связанные с утратой оружия, необходимо законодательно закрепить понятия хранения, использования, перевозки, транспортирования и использования оружия; детализировать перечень обязанностей, возлагаемых на лиц, участвующих в обороте оружия, предусмотрев при этом взаимосвязь соблюдения Правил оборота оружия с его сохранностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гоман О. С. Административная ответственность за незаконный оборот гражданского оружия / О. С. Гоман, В. И. Сургутсков // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 101–108.
2. Фаисханов Р. Р. О противодействии незаконному обороту гражданского оружия // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 65–69.

REFERENCES

1. Homan O. S., Surgutskov V. I. Administrative responsibility for the illegal trafficking of civilian weapons [Administrativnaja otvetstvennost' za nezakonnyj oborot grazhdanskogo oruzhija]. Nauchnyj portal MVD Rossii - Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, vol. 54, no. 2, pp. 101-108.
2. Faiskhanov R. R. On countering the illegal trafficking of civilian weapons [O protivodejstvii nezakonnomu oborotu grazhdanskogo oruzhija]. Administrativnoe pravo i process-Administrative law and process. 2022, no. 6, pp. 65-69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России, 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Шишкин Павел Евгеньевич, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России, 660131, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chumarova Ekaterina Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 20 Rokossovskiy St., Krasnoyarsk, 660131.

Shishkin Pavel Evgenievich, Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 20 Rokossovskiy St., Krasnoyarsk, 660131.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 121–129.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 118, no. 3, pp. 121–129.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.35

КВАЛИФИКАЦИЯ ПЕРЕДАЧИ СОТРУДНИКОМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ ОСУЖДЕННОМУ

Борков Виктор Николаевич

Омская ордена Почета академия МВД Российской Федерации, Омск,
Российская Федерация, borkov_viktor@bk.ru

Введение. Статья посвящена решению проблемы юридической оценки передачи или попытки незаконной передачи сотрудником правоохранительного органа средств мобильной связи лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей. Нахождение в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества, мобильных телефонов создает предпосылки для организации преступной деятельности, поддержания криминального уклада. Средства связи используются осужденными для совершения преступлений, связи с соучастниками, оказания психологического давления на потерпевших и свидетелей.

Материалы и методы. Материалами для написания статьи послужили разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по сложным вопросам применения уголовного закона, решения кассационных судов, а также публикации в периодических юридических изданиях, содержащие теоретические обоснования и предложения по совершенствованию правового регулирования. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, а также анализ правоприменительной практики. Формально-юридический метод применяется для анализа нормативных правовых актов. Анализ правоприменительной практики необходим для выявления проблем, возникающих при реализации норм, запрещающих передачу средств мобильной связи осужденным, а также предусматривающих ответственность за общие виды должностных преступлений.

Результаты исследования. Выявлена законодательная и правоприменительная проблема: на основании ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ должностные лица правоохранительных органов могут быть привлечены к ответственности за передачу осужденным средств мобильной связи (ч. 2 ст. 19.12 КоАП РФ) «на общих основаниях», с другой стороны, достаточно распространенной является практика квалификации исследуемых деяний как должностных преступлений. В статье со ссылками на позиции ученых и примеры из судебной практики показана обоснованность квалификации должностных лиц, незаконно передающих средства мобильной связи осужденным с использованием своего особого статуса, как превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило предложить критерии разграничения административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.12 КоАП РФ, от должностного преступления, а также обосновать квалификацию различных способов незаконного предоставления осужденным средств мобильной связи.

Ключевые слова: передача средств мобильной связи, административная преюдиция, криминообразующие признаки, использование служебного положения, превышение должностных полномочий

Для цитирования: Борков В. Н. Квалификация передачи сотрудником правоохранительного органа средств мобильной связи осужденному // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 121–129.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

QUALIFICATION OF THE TRANSFER OF MOBILE COMMUNICATION DEVICES TO A CONVICTED PERSON BY A LAW ENFORCEMENT OFFICER

Viktor N. Borkov

Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russia, borkov_viktor@bk.ru

Introduction. This article addresses the legal assessment of the transfer or attempted illegal transfer of mobile communications devices by a law enforcement officer to an individual held in a penal institution or detention center. The presence of mobile phones in a facility that provides isolation from society creates the conditions for organizing criminal activity and maintaining a criminal culture. Communication devices are used by convicts to commit crimes, communicate with accomplices, and exert psychological pressure on victims and witnesses.

Materials and Methods. The article draws upon clarifications issued by the Supreme Court of the Russian Federation regarding complex issues in the application of criminal law, decisions of courts of cassation, and publications in legal periodicals containing theoretical analyses and proposals for improving legal regulation. The methodological basis of the study consisted of the formal-legal method and an analysis of law enforcement practice. The formal legal method is applied to the analysis of regulatory legal acts. An analysis of law enforcement practice is necessary to identify problems arising in the implementation of regulations prohibiting the transfer of mobile communication devices to convicted persons, as well as those providing for liability for general types of official crimes.

The Results of the Study. A legislative and law-enforcement issue has been identified: under Part 2 of Article 2.5 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, law enforcement officials may be held liable for transferring mobile communication devices to convicted persons (Part 2 of Article 19.12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) "on general grounds"; conversely, the practice of classifying the acts in

question as official misconduct (crimes committed in an official capacity) is quite common. On the other hand, the practice of classifying the acts under study as official crimes is quite widespread. This article, citing scholarly positions and case law, demonstrates the validity of classifying officials who illegally transfer mobile communications devices to convicted persons using their special status as abuse of office (Article 286 of the Russian Criminal Code).

Findings and Conclusions. The study allowed us to propose criteria for distinguishing the administrative offense under Part 2 of Article 19.12 of the Russian Code of Administrative Offenses from official misconduct, and to substantiate the classification of various methods for illegally providing mobile communications devices to convicted persons.

Keywords: transfer of mobile communications devices, administrative prejudice, criminal elements, abuse of official position, abuse of official authority

For citation: Borkov V. N. Kvalifikatsiya peredachi sotrudnikom pravookhranitel'nogo organa sredstv mobil'noi svyazi osuzhdennomu [Qualification of the transfer of mobile communication devices to a convicted person by a law enforcement officer]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 121–129. (In Russ.).

Соблюдение установленного порядка в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей призвано обеспечить не только законные интересы и личную безопасность осужденных и персонала, но и, как показывает практика, интересы всего общества. В последнем случае серьезную угрозу для граждан, общества и государства представляет собой незаконный оборот в учреждениях ФСИН средств мобильной связи. А. М. Плешаков, А. С. Туманов обращают внимание на то, что «в деятельности правоохранительных органов неоднократно отмечалась взаимосвязь между нахождением в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества, мобильных телефонов и совершением осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми) с их помощью других преступных посягательств, и в первую очередь речь идет о так называемом телефонном мошенничестве» [1, с. 53]. Мобильные средства связи позволяют, по словам Н. Н. Гребневой, «...руководить деятельностью или контролировать действия своих соучастников, оказывать психологическое давление на потерпевших и свидетелей и т. д.» [2, с. 91]. По мнению А. Н. Сухаренко и А. В. Куракина, «нелегальный оборот средств мобильной связи в учреждениях УИС и СИЗО представляет исключительную общественную опасность и напрямую влияет на динамику организованной преступности» [3, с. 89].

Часть 2 ст. 19.12 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за передачу либо попытку передачи любым способом лицу, содержащемуся в месте лишения свободы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации и обеспечивающих работу комплектующих к ним, приобретение, хранение или использование которых указанным лицом запрещено законом. К ответственности за совершение данного правонарушения, как правило, привлекаются граждане, прибывающие на свидание, выслушивающие разъяснения представителя учреждения, сдающие все запрещенные предметы и ценности, после чего подвергающиеся досмотру. Так, «при досмотре

личной сумки Шлейн А.В., прибывшей на длительное свидание с содержащимся под стражей Ш., предупрежденной о запрещенных к проносу на территорию исправительного учреждения предметах и вещах и заявившей об отсутствии таковых, обнаружена флеш-карта ADATA C008/8GB в количестве одной штуки»¹.

Достаточно распространенными являются попытки передать средства мобильной связи осужденным со стороны сотрудников ФСИН и других правоохранительных органов. Квалификация их действий вызывает вопросы, в отдельных случаях защитники указывают на наличие оснований для привлечения таких должностных лиц не к уголовной, а к административной ответственности. По мнению Л. В. Яковлевой и Е. И. Майоровой, такие действия квалифицируются по ст. 286 УК РФ, т. к. это деяния, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать, а также в силу складывающейся судебной практики [4, с. 52]. Пятый кассационный суд общей юрисдикции переквалифицировал действия младшего инспектора группы надзора отдела безопасности исправительной колонии, который передал осужденному средство мобильной связи, с ч. 1 ст. 285 УК РФ на ч. 1 ст. 286 УК РФ, т. к. виновный «...совершил активные действия, явно выходящие за пределы его полномочий, поскольку никто и ни при каких обстоятельствах не вправе передавать осужденным запрещенные предметы...»².

П. А. Филиппов и В. В. Степанов пишут о совершении сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 19.12 КоАП, но, как правило, не безвозмездно, что на практике квалифицируется как взяточничество [5, с. 57]. Распространенной является квалификация по ч. 3 ст. 290 УК РФ и п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ осуществляемого за вознаграждение доставления на территорию учреждений ФСИН их сотрудниками мобильных средств связи и передачи их лицам, содержащимся под стражей³. Так, за получение взятки и превышение должностных полномочий из корыстной заинтересованности был осужден младший инспектор дежурной службы учреждения ФСИН, который передал

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2025 № 80-АД25-1-К6 (УИД 73MS0019-01-2024-002347-31) // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=4DE82FAF124DD284E9D512C71204D6FF&mode=searchcard&base=ARB&n=860384&BASENODE=IiLiMiwyMDMsQVJCQSiLCIiMiwyLEFSQiIlg&rnd=ct7F2g#o9QFX8VoJ3B9NUfS> (дата обращения: 17.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2020 г. № 77-481/2020 (УИД 26RS0010-01-2019-003403-10) // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=82C69DF9CE914340B47FDD25043E6865&mode=searchcard&base=KSOJ005&n=3729&BASENODE=IiLiMiwyMTcsS1NPSiLiLCIiMiwyMTksU09KIiIsIiLyLDIsQVJCiIi&rnd=ct7F2g#uXQGX8VGZJUh3EJC> (дата обращения: 17.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июля 2024 г. № 77-2356/2024 (УИД 71RS0016-01-2023-001089-44) // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=3780D229F1C5349D59D1DDD332E2AC59&mode=searchcard&base=KSOJ001&n=183545&BASENODE=IiLiMiwyMTcsS1NPSiLiLCIiMiwyMTksU09KIiIsIiLyLDIsQVJCiIi&rnd=ct7F2g#KWvGX8VoHDRDFhwu> (дата обращения: 17.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

свой мобильный телефон лицу, содержащемуся в СИЗО, для возможности согласования проноса и передачи иных средств связи. В другую смену инспектор пронес на территорию учреждения еще три телефона, за что получил 35 000 рублей⁴. Пятый кассационный суд общей юрисдикции изменил квалификацию, пояснив, что передача младшим инспектором своего телефона была направлена на создание условий для последующего проноса на территорию колонии других мобильных устройств связи. Указанные действия охватывались единым умыслом, поэтому образуют единое преступление, предусмотренное п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ. При этом суд признал необоснованными доводы защиты о необходимости квалификации действий младшего инспектора по проносу сотовых телефонов в СИЗО как административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.12 КоАП РФ, сославшись на текст данной нормы, где указано, что административная ответственность «наступает только в случаях отсутствия в действиях виновного лица признаков уголовного правонарушения».

Действительно, ч. 2 ст. 19.12 КоАП РФ предусматривает ответственность за передачу лицу, содержащемуся в местах лишения свободы или под стражей, средств мобильной связи. Согласно ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, за совершение данного административного правонарушения сотрудники правоохранительных органов «несут административную ответственность на общих основаниях». Однако на практике в отношении сотрудников ФСИН ч. 2 ст. 19.12 КоАП РФ не применяется. Помимо организационных и ведомственных, у такой практики могут быть юридические причины. Устанавливая административную ответственность за незаконную передачу средства мобильной связи, законодатель делает оговорку: «если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния» (ч. 2 ст. 19.12 КоАП РФ). В справочно-информационной системе «КонсультантПлюс» ссылка от слово «деяние» ведет к ст. 321¹ УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за передачу средства мобильной связи лицом, подвергнутым за соответствующее правонарушение административному наказанию или имеющим судимость. Поэтому на первый взгляд может сложиться впечатление, что для привлечения к административной ответственности сотрудников ФСИН, впервые совершивших комментируемое деяние, нет препятствий.

С другой стороны, не бесспорен тезис о необходимости исключения только признаков преступления, предусмотренного ст. 321¹ УК РФ, для признания административным правонарушением действий сотрудника правоохранительного органа, передающего средство мобильной связи лицу, содержащемуся под стражей. Заметим, что ряд деяний, которые сами по себе содержат признаки административных правонарушений, при их совершении должностным лицом с использованием своего особого статуса приобретают свойства превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), например, побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ) оскорбление

⁴ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2025 г. № 77-2343/2025 (УИД 38RS0033-01-2024-001776-57) // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=EA914E045EDEDAC0D177F7C4C26E1F42&mode=searchcard&base=KSOJ008&n=166187&BASENODE=iIiMiwyMTcsS1NPSiIiLCiMiwyMTksU09KIiIsIiLyLDIsQVJCiIi&rnd=ct7F2g#YHaHX8VddtbduAC> (дата обращения: 17.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

(ст. 5.61 КоАП РФ), дискриминация (ст. 5.62 КоАП РФ). В свою очередь, не все административные правонарушения, за которые должностные лица правоохранительных органов несут ответственность на общих основаниях (ст. 2.5 КоАП РФ), предполагают обязательное использование должностного положения. К таковым можно отнести, например, воспрепятствование деятельности должностного лица, уполномоченного на осуществление функций по принудительному исполнению исполнительных документов (ст. 17.8 КоАП РФ), нарушение режима государственной границы Российской Федерации (ст. 18.1 КоАП РФ). Но при совершении указанных деяний с использованием авторитета занимаемой должности содеянное будет представлять собой явный выход субъекта за пределы предоставленных полномочий.

Сложно представить ситуацию, когда бы сотрудник ФСИН, оперативный сотрудник другого правоохранительного органа, следователь или прокурор, незаконно передающие средства мобильной связи лицу, содержащемуся под стражей, не использовали при этом свое служебное положение. Подобное превышение полномочий должностным лицом характеризуется действиями, «...которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершить» (п. 19)⁵, что очевидно для него самого и лиц, получающих запрещенные предметы. Повышенная общественная опасность превышения должностных полномочий сотрудником ФСИН, в сравнении с «включенным» в него правонарушением общего рода, обусловлена использованием для его совершения особого статуса, которым субъект наделен для более эффективного обеспечения режима законности. «Содержание преступного деяния в составе превышения должностных полномочий, – пишут С. В. Ермаков и О. В. Ермакова, – не предполагает априори преступные действия. Уголовная ответственность по ст. 286 УК РФ наступает за то, что должностное лицо совершает действия, не входящие в его компетенцию, т. е. имеет место нарушение нормальной деятельности органов власти...» [6, с. 71].

Как справедливо отмечает Б. В. Волженкин, «ответственность за превышение должностных полномочий наступает только в том случае, когда должностное лицо обладало какими-либо полномочиями по отношению к потерпевшему физическому лицу или к организации, права и интересы которых существенно нарушены...» [7, с. 156]. Исследуемое посягательство нарушает нормальное функционирование мест содержания под стражей и лишения свободы, призванное обезопасить общество от противоправной деятельности арестованных и осужденных. В свою очередь должностные лица правоохранительных органов наделены властными полномочиями по обеспечению безопасности и пресечению возникающих угроз. Вытекающее из указанных полномочий служебное положение они используют для совершения преступлений. Передать средство мобильной связи могут и иные лица, обладающие особым статусом, но не являющиеся должностными, выполняющие технические или

⁵ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=355123&dst=100038&field=134&rnd=ct7F2g#97HIX8VYO6TWfQvJ1> (дата обращения: 17.01.2026).

профессиональные обязанности, например, адвокаты. Отсутствие у данных лиц должностных полномочий исключает возможность квалификации их действий по ст. 286 УК РФ. Так, к административной ответственности (ч. 2 ст. 19.12 КоАП РФ) за попытку передачи лицу, находящемуся под стражей, сотового телефона, наушников и флеш-карт была привлечена адвокат, которая прибыла в СИЗО для выполнения своих профессиональных обязанностей. «Ф., осуществляя профессиональную деятельность в качестве адвоката, была осведомлена о предметах, запрещенных к проносу в режимное учреждение, однако добровольно данные предметы не сдала»⁶.

Практике известны различные способы посягательств должностных лиц на отношения, возникающие в связи с запретом использования средств мобильной связи лицами, находящимися под стражей. Так, за превышение должностных полномочий был осужден заместитель начальника учреждения ФСИН, который дал указание подчиненным сотрудникам не изымать обнаруженный у осужденного мобильный телефон⁷. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения квалификацию как превышение должностных полномочий действий Ильиных А. В., который занимая должность «...начальника временного изолятора подозреваемых и обвиняемых МО МВД России... т. е. являясь должностным лицом, предоставил следственно арестованным... возможность ведения телефонных переговоров без разрешения органа, в производстве которого находилось уголовное дело либо суда и без возможности контроля переговоров, что повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства»⁸.

В связи с комментируемой проблемой встает вопрос о механизме причинения вреда при превышении должностных полномочий. Может ли данное посягательство выражаться не только в физическом или психологическом принуждении, предъявлении незаконных требований подчиненным, иным зависимым лицам, но и в предоставлении привилегий или попустительстве, включая случаи, когда указанные привилегии не могут быть никому предоставлены или на принятие соответствующих

⁶ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 апреля 2025 г. № 16-2154/2025 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C62D0B963A5DC983601CA406FF526DC5&mode=searchcard&base=KSOJ001&n=212590&BASENODE=IiLiMiwyMTcsS1NPSiLiLCliMiwyMTksU09KIiIsliLyLDIsQVJCliLi&rnd=ct7F2g#lpeIX8V8ht049eKJ1> (дата обращения: 17.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁷ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2023 г. № 7У-13571/2022, 77-187/2023(77-4815/2022) (УИД 44RS0001-01-2021-008225-56) // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=29D7CC175A782BDE298218962E1B74FE&mode=searchcard&base=KSOJ002&n=93316&BASENODE=IiLiMiwyMTcsS1NPSiLiLCliMiwyMTksU09KIiIsliLyLDIsQVJCliLi&rnd=ct7F2g#81KJX8VIIBSUNuII1> (дата обращения: 17.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 48-УД25-14-K7 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=FBE86C07CDD66261DC20A4E9C6A16E25&mode=searchcard&base=ARB&n=860374&BASENODE=IiLiMiwyMDMsQVJCQSiLiLCliMiwyLEFSQiLiIg&rnd=ct7F2g#pJmJX8VxXZM0E6H5> (дата обращения: 17.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

решений уполномочены другие должностные лица? Ответить на поставленный вопрос следует положительно. В. К. Андрианов приводит пример из судебной практики, где судом первой инстанции совершившим преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 286 УК РФ, был признан дежурный по изолятору временного содержания, отпустивший на ночь домой лицо, задержанное по подозрению в совершении самоуправства и угона [8, с. 219]. При признании преступлением превышения виновным своих должностных полномочий в интересах конкретных лиц всегда следует устанавливать причинение посягательством существенного вреда интересам общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Плешаков А. М., Туманов А. С. Уголовная ответственность за передачу лицу, содержащемуся в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества, средств мобильной связи и иных средств коммуникации // Российский следователь. 2025. № 8. С. 52–55.
2. Гребнева Н. Н. Уголовно-правовые аспекты передачи лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2024. № 1. С. 90–95.
3. Сухаренко А. Н., Куракин А. В. Незаконное использование средств связи в местах лишения свободы (вопросы административной и уголовной ответственности) // Современное право. 2025. № 5. С. 87–90.
4. Яковлева Л. В., Майорова Е. И. Уголовно-правовая охрана порядка содержания под стражей подозреваемых или обвиняемых либо отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы (ст. 321.1 УК РФ) // Российский следователь. 2025. № 7. С. 50–53.
5. Филиппов П. А., Степанов В. В. Уголовная ответственность за передачу лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств коммуникации // Уголовное право. 2025. № 10. С. 48–59.
6. Ермаков С. В., Ермакова О. В. Превышение должностных полномочий: проблемы толкования общественно опасного деяния // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 68–73.
7. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. 368 с.
8. Андрианов В. К. Некоторые вопросы квалификации составов преступлений: злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий. Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 216–222.

REFERENCES

1. Pleshakov A. M., Tumanov A. S. Criminal liability for transferring a mobile phone or other means of communication to a person held in an institution ensuring isolation from society [Ugolovnaya otvetstvennost' za peredachu litsu, soderzhashchemusya v uchrezhdenii, obespechivayushchem izolyatsiyu ot obshchestva, sredstv mobil'noj svyazi i inykh sredstv kommunikatsii]. Russian Investigator [Rossiiskii sledovatel']. 2025, no. 8, pp. 52–55. (In Russ.).
2. Grebneva N. N. Criminal law aspects of transferring a mobile phone or other means of communication to a person held in an institution of the penal enforcement system or a remand prison [Ugolovno-pravovye aspekty peredachi litsu, soderzhashchemusya v uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy ili meste soderzhaniya pod strazhei, sredstv mobil'noj svyazi i inykh sredstv kommunikatsii]. Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy

[Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii]. 2024, no. 1, pp. 90-95. (In Russ.).

3. Sukharensko A. N., Kurakin A. V. Illegal use of communication means in places of deprivation of liberty (issues of administrative and criminal liability) [Nezakonnoe ispol'zovanie sredstv svyazi v mestakh lisheniya svobody (voprosy administrativnoi i ugovnoi otvetstvennosti)]. Modern Law [Sovremennoe pravo]. 2025, no. 5, pp. 87-90. (In Russ.).

4. Yakovleva L. V., Mayorova E. I. Criminal law protection of the procedure for detention of suspects or accused or serving of a sentence of imprisonment by convicts (Article 321.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) [Ugolovno-pravovaya okhrana poryadka soderzhaniya pod strazhei podozrevaemykh ili obvinyaemykh libo otbyvaniya osuzhdennymi nakazaniya v vide lisheniya svobody (st. 321.1 UK RF)]. Russian Investigator [Rossiiskii sledovatel']. 2025, no. 7, pp. 50-53. (In Russ.).

5. Filippov P. A., Stepanov V. V. Criminal liability for transferring means of communication to a person held in an institution of the penal enforcement system or a remand prison [Ugolovnaya otvetstvennost' za peredachu litsu, soderzhashchemusya v uchrezhdenii ugovno-ispolnitel'noi sistemy ili meste soderzhaniya pod strazhei, sredstv kommunikatsii]. Criminal Law [Ugolovnoe pravo]. 2025, no. 10, pp. 48-59. (In Russ.).

6. Ermakov S. V., Ermakova O. V. Exceeding official powers: problems of interpreting a socially dangerous act [Prevyzhenie dolzhnostnykh polnomochii: problemy tolkovaniya obshchestvenno opasnogo deyaniya]. Bulletin of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia [Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]. 2022, no. 2, pp. 68-73. (In Russ.).

7. Volzhenkin B. V. Official crimes [Sluzhebnye prestupleniya]. Moscow, 2000. 368 p. (In Russ.).

8. Andrianov V. K. Some issues of qualifying crimes: abuse of official powers and exceeding official powers. [Nekotorye voprosy kvalifikatsii sostavov prestuplenii: zloupotreblenie dolzhnostnymi polnomochiyami i prevyshenie dolzhnostnykh polnomochii]. Problems of Economics and Legal Practice [Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki]. 2019, vol. 15, no. 3, pp. 216-222. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борков Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права. Омская ордена Почета академии МВД России. 644092, г. Омск, проспект Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borkov Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 7 Komarov Avenue, Omsk, 644092.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 130–144.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 130–144.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.98

ИНСТИТУТ ВОЗВРАТА ПРЕСТУПНЫХ АКТИВОВ: ОТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ К ПРОБЛЕМАМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И НОВЫМ КРИМИНАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ

Волосевич Игорь Николаевич

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, mosuord@mail.ru

Введение. Статья посвящена комплексному анализу института возврата активов, полученных преступным путем. На основе трудов ведущих ученых исследуется правовая природа данного явления, эволюция международно-правовых стандартов и проблемы их имплементации в российское законодательство. Особое внимание уделяется практическим аспектам: низкой эффективности взаимной правовой помощи, коллизиям в уголовном законодательстве и новым угрозам, связанным с использованием дропперов и криптовалют. Автор приходит к выводу о необходимости межотраслевого подхода и создания специализированной инфраструктуры для управления арестованными активами.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерация, уголовное, уголовно-процессуальное законодательство, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», международные правовые акты, включая Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции, Рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, а также практическое руководство Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации по международному сотрудничеству в сфере возврата активов. Методологический аппарат включает диалектический метод, общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и логического моделирования.

Результаты исследования. В результате исследования установлено, что институт возврата преступных активов имеет комплексную межотраслевую природу, сочетая превентивные (финансовый мониторинг) и восстановительные (уголовно-процессуальные) механизмы. Выявлено, что принцип двойной криминализации остается фундаментальным

барьером для международного сотрудничества. Установлено, что явление дропперства, приобретающее массовый характер (10 млн человек в 2024 г.), создает новый трудноразрушаемый слой в системе отмыwania денег, против которого традиционные механизмы взаимной правовой помощи бессильны. Обосновано, что отсутствие специального правового режима ареста, хранения и конфискации криптовалют делает законодательство о цифровых финансовых активах декларативным в части борьбы с преступностью. Проанализирован алгоритм взаимодействия компетентных органов Российской Федерации с иностранными государствами по вопросам возврата активов, включая процессуальные аспекты признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений о конфискации.

Выводы и заключения: Проведенное исследование позволяет заключить, что институт возврата преступных активов эволюционировал от простого изъятия орудий преступления к сложному межотраслевому комплексу, однако его практическая реализация сталкивается с несовершенством национального законодательства и новыми криминальными вызовами. Для повышения эффективности возврата активов необходимы глубокая гармонизация уголовного законодательства, включая дискуссионный вопрос об ответственности юридических лиц; усиление внутригосударственного финансового мониторинга для противодействия дропперству; создание полноценного правового режима ареста и конфискации криптовалют; совершенствование процедур международной правовой помощи в соответствии с главой 55.1 УПК РФ, а также формирование специализированного государственного органа по управлению арестованными и конфискованными активами.

Ключевые слова: возврат активов, взаимная правовая помощь, конфискации, двойная криминализация, дропперство, виртуальные активы, преступные доходы

Для цитирования: Волосевич И. Н. Институт возврата преступных активов: от теоретико-правовых основ к проблемам правоприменения и новым криминальным вызовам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 130–144.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

THE INSTITUTION OF RECOVERY OF CRIMINAL ASSETS: FROM THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS TO PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND NEW CRIMINAL CHALLENGES

Igor N. Volosevich

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
mosuord@mail.ru

Introduction. The article is devoted to a comprehensive analysis of the institution of recovery of criminally obtained assets. Drawing on the work of leading scholars, it examines the legal nature of this phenomenon, the evolution of international legal standards, and the challenges of implementing them in Russian legislation. Particular attention is paid to practical aspects: the low effectiveness of mutual legal assistance, conflicts in criminal

legislation, and new threats associated with the use of droppers and cryptocurrencies. The author concludes that a multidisciplinary approach and the creation of a specialized infrastructure for managing seized assets are necessary.

Materials and Methods. The study's regulatory framework includes the Constitution of the Russian Federation, criminal law, criminal procedure legislation, the Federal Law "On operational investigative activities", international legal instruments, including the UN Convention against Corruption, the Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime (Strasbourg Convention), recommendations of the Financial Action Task Force on Money Laundering, as well as the practical guidance of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Ministry of Justice of the Russian Federation on international cooperation in asset recovery. The methodological framework includes the dialectical method, general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, and a systems approach), and specific scientific methods: formal legal, comparative legal, historical-legal, and logical modeling.

The Results of the Study. The study established that the institution of asset recovery has a complex interdisciplinary nature, combining preventive (financial monitoring) and restorative (criminal procedure) mechanisms. It has been revealed that the principle of double criminality remains a fundamental barrier to international cooperation. It has been established that the phenomenon of dropper, which has become widespread (10 million people in 2024), creates a new, difficult-to-dismantle layer in the money laundering system, against which traditional mutual legal assistance mechanisms are powerless. It is substantiated that the absence of a special legal regime for the seizure, storage, and confiscation of cryptocurrencies makes legislation on digital financial assets declarative in terms of combating crime. The algorithm of interaction between the competent authorities of the Russian Federation and foreign states on asset recovery issues has been analyzed, including the procedural aspects of recognition and enforcement of foreign court decisions on confiscation.

Findings and Conclusions. The study suggests that the institution of asset recovery has evolved from simple seizure of instruments of crime to a complex interdisciplinary complex; however, its practical implementation faces imperfections in national legislation and new criminal challenges. To increase the effectiveness of asset recovery, the following is necessary: deep harmonization of criminal legislation, including the debatable issue of liability of legal entities; strengthening of domestic financial monitoring to counter dropper; creation of a full-fledged legal regime for the seizure and confiscation of cryptocurrencies; improvement of mutual legal assistance procedures in accordance with Chapter 55.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and the formation of a specialized state body for the management of seized and confiscated assets.

Keywords: asset recovery, mutual legal assistance, confiscation, double criminality, dropper, virtual assets, criminal proceeds

For citation: Volosevich I. N. Institut vozvrata prestupnykh aktivov: ot teoretiko-pravovykh osnov k problemam pravoprimeneniya i novym kriminal'nym vyzovam [The institution of recovery of criminal assets: from theoretical and legal foundations to problems of law enforcement and new criminal challenges]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 130–144. (In Russ.).

Современная уголовная политика Российской Федерации и подавляющего большинства зарубежных государств демонстрирует последовательный вектор на усиление мер финансово-экономического воздействия в отношении лиц, совершивших преступные деяния.

Институт возврата преступных активов, представляющий собой механизм изъятия доходов, добытых в результате совершения преступлений, и средств, используемых для финансирования противоправной деятельности, трансформировался из второстепенного инструмента уголовной юстиции в один из системообразующих элементов противодействия организованной преступности, коррупционным проявлениям и экономическим правонарушениям.

Масштаб рассматриваемой проблемы приобрел глобальное измерение. Так, по оценкам Организации Объединенных Наций (далее – ООН), ежегодные объемы отмываемых средств варьируются от 800 млрд до 2 трлн долларов США, что эквивалентно 5 % мирового валового внутреннего продукта [1, с. 118].

Как справедливо констатирует Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, «ежегодные потери, связанные с коррупцией, составляют не менее 2,6 триллиона долларов США, или 5 процентов мирового валового внутреннего продукта»¹.

Приведенные статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что легализация преступных доходов превратилась в системную угрозу экономической безопасности суверенных государств, детерминирующую необходимость принятия скоординированных мер как на национальном, так и на наднациональном уровнях.

Л. Н. Анисимов обоснованно отмечает, что «в последнее десятилетие организованная преступность и коррупция, включая легализацию доходов, полученных противоправным путем, приобрели транснациональный характер, особенно в крупных финансово-экономических центрах Европы, и трансформировались в политический фактор, оказывающий негативное воздействие на авторитет государственной власти в ряде стран, включая Российскую Федерацию» [2, с. 88].

Актуальность настоящего исследования детерминируется не только высокой общественной значимостью пополнения государственной казны за счет криминальных капиталов, но и насущной потребностью в теоретическом осмыслении правовой природы конфискационных механизмов в условиях возникновения новых криминальных вызовов.

Активное использование цифровых валют, децентрализованных финансовых платформ и юрисдикций с минимальным уровнем транспарентности существенно затрудняет процессы выявления, ареста и возврата активов, что объективно требует пересмотра устоявшихся доктринальных подходов и правоприменительных стратегий.

Несмотря на значительное количество научных публикаций, посвященных отдельным аспектам конфискации имущества и противодействия легализации преступных доходов, комплексное исследование института возврата активов как целостного правового феномена, включающего межотраслевые взаимосвязи уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного законодательства, гражданского и международного права, сохраняет фрагментарный характер.

¹ В результате коррупции мировая экономика теряет \$2,6 трлн в год // investing.com : сайт. URL: <https://ru.investing.com/news/economy-news/article-589338> (дата обращения 20.05.2026).

В современных концепциях до настоящего времени отсутствует унифицированное понимание эффективности существующих механизмов возврата активов в условиях цифровизации преступности.

В настоящем исследовании предпринята попытка восполнить указанный пробел посредством анализа теоретико-правовых основ института возврата преступных активов в их диалектической динамике, выявления ключевых проблем правоприменения, возникающих при работе с активами новой природы, и оценки адекватности существующих правовых инструментов современным криминальным вызовам.

Обращаясь к анализу правовой природы института возврата преступных активов и его эволюции в международном праве, следует констатировать, что противодействие отмыванию преступных доходов и возврат активов, незаконно выведенных за рубеж, представляют собой одни из наиболее сложных вызовов для современной правовой системы.

Для Российской Федерации, характеризующейся устойчивым оттоком капитала, данный вопрос приобретает особую остроту.

Согласно данным Банка России, в 2025 году объемы подозрительных операций по обналичиванию снизились с 64 до 48 млрд рублей, по выводу средств за рубеж – с 26 до 24 млрд рублей. Приоритетом в деятельности Центрального Банка России стала борьба с дропперством – использованием подставных физических лиц для перевода средств в теневой бизнес. Регулятор создает централизованную платформу «Антидроп» для ежедневного обмена информацией между банками².

В. И. Глотов и Ю. И. Немцов справедливо акцентируют внимание на том, что непринятие действенных мер по снижению криминализации экономики создает объективные предпосылки для бегства капитала [3, с. 31–32].

Развивая данную мысль, С. В. Бажанов и А. А. Воронцов констатируют, что активы, заработанные российскими предпринимателями, вместо инвестирования в отечественную экономику интенсивно выводятся за рубеж, стимулируя развитие иностранных государств, что происходит на фоне постоянно декларируемых на высшем государственном уровне лозунгов о необходимости привлечения иностранных инвестиций и амнистии капиталов [4, с. 7].

Дискуссия о правовой природе возврата активов является ключевой для определения места этого института в системе права.

В работе Д. А. Кунева приводится позиция теоретиков С. С. Алексеева и И. В. Матвеева, которые полагают, что определение природы любого правового явления заключается в нахождении его места в системе права с вычленением специфических признаков, отличающих его от смежных институтов [5, с. 11; 6, с. 227; 7, с. 5].

Основываясь на анализе генезиса главы V Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции³ (далее – Конвенция), Д. А. Кунев приходит

² Итоги работы Банка России 2025: кратко о главном / Банк России : сайт. URL : https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2025/obespechenie-ustoychivosti-finansovogo-rynka/ (дата обращения 20.05.2026).

³ О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, касающихся взаимной правовой помощи : Указ Президента Российской Федерации от 18 декабря 2008 г. № 1799 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82765/ (дата обращения 20.05.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

к выводу о комплексной межотраслевой природе возврата активов, включающей превентивную функцию, реализуемую посредством инструментов финансового контроля и мониторинга, и восстановительную функцию, осуществляемую через уголовно-процессуальные и гражданско-правовые механизмы [5, с. 14].

В данном контексте представляет научный интерес позиция А. А. Данельяна, который отмечает, что проблемы национализации и других аналогичных принудительных форм изъятия иностранной собственности и иностранных инвестиций никогда не утрачивали своей актуальности и остаются таковыми как в России, так и во многих других странах. По мнению автора, в условиях глобальных, региональных и национальных экономических катаклизмов возможное применение национализации, экспроприации, конфискации, реквизиции и других форм лишения прав на собственность не исключается, а, напротив, усиливается, что отражает объективную логику взаимоотношений государства и бизнеса [8, с. 32].

Указанная позиция коррелирует с концепцией института возврата преступных активов, поскольку одной из ключевых задач государства является изъятие имущества, полученного противоправным путем, и обращение его в доход государства, что по своей правовой природе сближает данные правовые институты.

А. А. Данельян также обращает внимание на отсутствие единой общепринятой терминологии в сфере международного права для характеристики принудительных мер изъятия иностранной собственности, отмечая при этом, что юридическая природа данных понятий различна, поскольку речь идет о неодинаковых формах и способах ограничения права собственности. Вместе с тем автор подчеркивает, что все эти понятия объединяет одно юридическое содержание: лицо, осуществляющее инвестиционную деятельность в условиях чужого государства, не добровольно, а вынужденно лишается своих капиталов и дивидендов [8, с. 34].

Данное сходство представляется существенным для понимания института возврата преступных активов, поскольку в обоих случаях имеет место принудительное прекращение права собственности, а различие заключается лишь в основаниях такого прекращения – правомерных либо противоправных.

Как отмечает В. В. Кудряшов, Конвенция ООН против коррупции стала первым международным договором, направленным на возвращение активов в качестве одного из основополагающих принципов, и считается сбалансированным и прагматичным документом, создающим новую основу для эффективных действий и международного сотрудничества. Также В. В. Кудряшов обоснованно акцентирует внимание на том обстоятельстве, что в условиях доминирования ряда государств в глобальной финансовой системе, использующих ее для реализации собственных экономических интересов, возврат размещенных в таких юрисдикциях похищенных активов превращается в крайне сложную проблему, разрешение которой в значительной степени находится за пределами международно-правового регулирования и требует масштабных политических и дипломатических усилий [9, с. 67].

Исследуя эволюцию международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере, Л. Н. Анисимов обоснованно указывает на концептуальное значение Страсбургской конвенции 1990 года, которая существенно расширяет перечень уголовных правонарушений, выступающих источником преступных доходов, и, в отличие от Венской конвенции 1988 года, ограничивающейся исключительно преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств,

охватывает весь спектр уголовных преступлений. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что за государствами-участниками сохраняется право формулировать оговорки относительно того, какие именно основные правонарушения подпадают под действие положений Конвенции [2, с. 93].

Указанная позиция получает дальнейшее развитие в трудах А. Г. Волеводза, который квалифицирует международное сотрудничество в рассматриваемой сфере в качестве самостоятельного правового института, предназначенного для обеспечения сохранности активов с целью их последующего использования в процессе доказывания и возмещения причиненного ущерба [10, с. 16–17].

Вместе с тем, как обоснованно констатирует В. А. Шестак, нестабильность законодательного регулирования, в частности статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, подвергавшейся корректировке восемнадцать раз, свидетельствует о наличии системных проблем в правоприменении института конфискации [11, с. 183].

В контексте эволюции международно-правового регулирования возврата преступных активов особого внимания заслуживает периодизация развития соответствующей нормативной базы, предложенная в исследовании А. В. Емельянова. Автор обоснованно указывает, что отправной точкой формирования правовых основ в данной сфере следует считать Международную конвенцию по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 года, которая уже содержала положения о конфискации и передаче соответствующим правительствам орудий и предметов, предназначенных для совершения преступлений [12, с. 256].

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что институт возврата активов эволюционировал от примитивного изъятия орудий преступления к многокомпонентному межотраслевому комплексу, однако его практическая реализация сопряжена с несовершенством национального законодательства, что подтверждается позицией П. С. Яни, который еще в 2006 году акцентировал внимание на проблематичности применения конфискационных механизмов [13, с. 131–132].

Сопоставительный анализ позиций А. А. Данельяна и вышеуказанных авторов позволяет заключить, что институт возврата преступных активов, с одной стороны, обнаруживает общую правовую природу с институтом национализации, а с другой — характеризуется собственной спецификой, детерминированной противоправным характером оснований такого изъятия. Данное обстоятельство актуализирует необходимость повышенного внимания к разработке правовых механизмов возврата активов, учитывающих как международно-правовые стандарты, так и национальные особенности правового регулирования.

Переходя к анализу проблем имплементации международных стандартов, следует констатировать, что процесс внедрения международно-правовых норм в российское законодательство отличается противоречивостью.

Д. А. Кунев иллюстрирует данное положение примером несогласованности рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития и Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег применительно к статье 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), что создает препятствия для единообразного толкования правовых норм [5, с. 22].

Наиболее существенным препятствием для международного сотрудничества, по единодушному признанию многих ученых, является принцип двойной криминализации.

А. Г. Волеводз неоднократно подчеркивал, что различия в уголовном законодательстве государств формируют значительные барьеры для взаимной правовой помощи [10, с. 7–10)]. Данную мысль развивает А. И. Бастрыкин, который связывает результативность возврата активов с введением института уголовной ответственности юридических лиц [14, с. 3].

Анализ практики реализации Конвенции демонстрирует, что такие деяния, как необоснованное обогащение, получают различную интерпретацию в национальных правовых системах. В Российской Федерации ответственность за данное деяние наступает в рамках гражданского судопроизводства, что служит основанием для отказа в оказании правовой помощи.

Сопоставление позиций А. Г. Волеводза, акцентирующего фундаментальный характер проблемы, и А. И. Бастрыкина, предлагающего конкретный путь ее решения через введение ответственности юридических лиц, демонстрирует эволюцию научной мысли от констатации проблемы к поиску конкретных законодательных решений. Из этого следует вывод о необходимости не только формальной ратификации, но и глубокой содержательной гармонизации материального уголовного права.

Как отмечает В. В. Кудряшов, существует три основных стимула для реализации мер по возвращению активов: мобилизация ресурсов, исполнение законов, а также моральные и репутационные соображения [9, с. 64]. Однако, по его убеждению, создание теоретической и международно-правовой основы для возвращения похищенных или присвоенных преступным путем активов оказалось недостаточно для успешной реализации предложенных инициатив. Международная нормативно-правовая база в виде ряда конвенций при отсутствии санкций или угрозы их применения оказалась неспособной преодолеть национальные механизмы добровольной реализации этих конвенций.

Кроме того, как обоснованно указывает Л. Н. Анисимов, в соответствии с пунктом 2 «b» статьи 6 Страсбургской конвенции за ее участниками сохраняется право предусмотреть в национальном законодательстве, что преступления, представляющие собой отмывание доходов, не могут вменяться в вину лицам, совершившим основное правонарушение. Ученый справедливо полагает, что данное положение носит ограничительный характер, поскольку оно нивелирует юридическое значение отмывания доходов как самостоятельного уголовного преступления и позволяет преступнику полностью избежать ответственности за легализацию доходов, полученных в результате совершенного им преступления, что выступает препятствием для дальнейшего развития национального законодательства в области противодействия легализации преступных доходов [2, с. 119].

Д. А. Кунев приводит данные Следственного комитета Российской Федерации о сроках исполнения запросов – от 3 до 22 месяцев, особенно в офшорных юрисдикциях. Предложения об установлении жестких сроков критикуются как нереалистичные, вместо этого предлагается комплексный подход, включающий предварительные консультации [5, с. 34–35].

В целях совершенствования правового регулирования в 2017 году в УПК РФ⁴ были внесены значимые изменения, направленные на оптимизацию правового регулирования в сфере международного сотрудничества по вопросам выявления, замораживания, ареста, конфискации и возврата активов.

В частности, главой 55.1 УПК РФ определены порядок признания и принудительного исполнения приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации доходов, полученных преступным путем, подсудность запросов компетентных органов иностранных государств, а также перечень оснований, при наличии которых суд Российской Федерации может отказать в исполнении запроса.

Как указано в Руководстве Генеральной прокуратуры Российской Федерации, запрос о правовой помощи представляет собой процессуальный документ, статус которого закреплен в главе 53 УПК РФ и международных договорах, определяющих объем, порядок и условия взаимного предоставления правовой помощи.

Взаимодействие с компетентными органами иностранных государств по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам, в том числе связанной с возвратом похищенных активов, осуществляется на основании многосторонних и двусторонних международных договоров Российской Федерации или на основе принципа взаимности.

Однако современная криминальная реальность вносит свои коррективы, выводя проблему на качественно новый уровень. Речь идет о массовом использовании дропперов – подставных лиц, задействованных в нелегальных схемах вывода и обналичивания средств.

Как отмечает Е. Л. Чеклаукова, масштабы этого явления колоссальны: если в 2022 году в схемы было вовлечено около 700 тыс. человек, то в 2024 году — уже 10 млн человек на сумму 250-300 млрд рублей [15, с. 372]. Типичный портрет дроппера — молодые люди до 24 лет или нерезиденты, которые часто не осознают противоправность своих действий.

Сравнивая эти данные со сведениями о сложностях взаимодействия с офшорами, можно сделать вывод о формировании двухуровневой системы сокрытия активов. Первый уровень — сложные корпоративные структуры, второй, «низовой» уровень — использование тысяч физических лиц, которые своими действиями окончательно запутывают следы движения средств, делая традиционные запросы о взаимной правовой помощи зачастую бесполезными.

Существенным дополнением к пониманию современного состояния правового регулирования возврата преступных активов является анализ А. В. Емельянова, касающийся источников «мягкого права» и их роли в унификации национальных законодательств.

И. Б. Кудас обоснованно подразделяет международно-правовые акты на две категории: акты обязывающего характера, такие как конвенции ООН и Совета Европы,

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : в послед. ред. : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=le24do8org886479248 (дата обращения: 25.05.2026).

и акты рекомендательного характера, к которым относятся документы Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ), а также резолюции, декларации и рамочные документы, принимаемые принимаемые международными организациями [16, с. 19]. При этом исследователь справедливо подчеркивает, что, несмотря на рекомендательный характер стандартов ФАТФ, на практике они являются обязательными для государств-участников данной организации, а их имплементация в национальное законодательство осуществляется более чем в 200 государствах, что обеспечивает проведение скоординированных глобальных мер по предотвращению преступлений, связанных с коррупцией и выводом активов за рубеж.

С. В. Бажанов и А. А. Воронцов обоснованно подчеркивают, что основная доля фиктивных сделок и невозврата средств осуществляется посредством сети «отмывочных» банков, офшорных компаний и «фирм-однодневок», реализующих сложные схемы «серого» вывода капитала. Авторы выделяют фиктивные сделки, манипуляции с ценами и номенклатурой товаров при внешнеторговых операциях, невозврат валютных средств, перевод права собственности на предприятия за границу и покупку зарубежных активов в качестве основных способов вывода капитала [4, с. 8].

Проблема идентификации и ареста активов усугубляется их «дематериализацией». С развитием криптовалют, как отмечает Д. А. Кунев, появились новые способы вывода средств, не поддающиеся традиционному контролю. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег еще в 2018 году ввела термин «виртуальные активы», признав их высокорисковым инструментом для отмывания денег [5, с. 7–10].

В российской науке развернулась дискуссия о правовом статусе криптовалют. Одни авторы полагают, что в российском законодательстве уже обеспечено правовое поле для конфискации криптовалюты, другие считают, что наложение ареста должно осуществляться в соответствии с частью 1 статьи 115 УПК РФ. Однако А. Г. Волеводз и В. А. Кутырин придерживаются иной точки зрения, подчеркивая, что техническая возможность изъятия не подкреплена юридической процедурой. Отсутствие формальной регламентации, включающей специальные кошельки, порядок оценки и хранения, делает арест криптовалют невозможным [17, с. 292–293].

Сопоставление указанных точек зрения выявляет подмену понятий: первые авторы говорят об отсутствии прямого запрета и общей возможности, вторые — об отсутствии специального правового механизма, что в уголовно-процессуальной сфере является критичным.

Принятый в 2020 году Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ признал цифровую валюту имуществом, но не установил ответственность за нарушения, что оставляет правоприменение в «серой зоне» [2, с. 118]. В контексте дропперства использование

⁵ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 259-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 22.05.2026).

криптовалют создает идеальную схему: дропперы выводят средства в фиате, конвертируют их в криптовалюту через нелегальные обменники, и дальнейшее отслеживание транзакций становится крайне сложным.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о крайне низкой активности по аресту активов за рубежом. Так, в 2015 и 2016 годах запросы о наложении ареста на преступные активы в иностранные государства не направлялись вовсе. Одной из причин называется нежелание следователей продлевать сроки расследования, так как это негативно влияет на показатели их работы. Это свидетельствует о порочности системы оценки, где процессуальные сроки важнее результата в виде возмещения ущерба.

Как отмечает В. В. Кудряшов, в Российской Федерации отсутствует единый орган, уполномоченный искать, выявлять и организовывать репатриацию финансовых, имущественных и иных активов из зарубежных юрисдикций. В связи с этим многие авторы указывают на отсутствие такого органа как на основное препятствие международному сотрудничеству в этой сфере. Создание в 2020 году межведомственной рабочей группы по возврату активов при Генеральной прокуратуре Российской Федерации представляет собой важный шаг, однако он не решает проблему отсутствия специализированного органа по управлению арестованными и конфискованными активами [9, с. 72].

Как справедливо замечает Д. А. Кунев, такие фонды не должны ограничиваться лишь доходами от коррупции [4, с. 68].

Зарубежный опыт показывает эффективность специализированных подразделений по управлению активами, что позволяет не только сохранить их стоимость, но и использовать в социальных проектах.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2004 г. № 1362 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, касающихся взаимной правовой помощи» определены Министерство юстиции Российской Федерации – по гражданско-правовым вопросам, включая гражданско-правовые аспекты уголовных дел, и Генеральная прокуратура Российской Федерации – по уголовно-правовым вопросам⁶.

При этом запросы о проведении обыска в жилище, наложении ареста на имущество, а также другие запросы об оказании правовой помощи, затрагивающие основные права и свободы человека и требующие решения суда или прокурора, направляются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации⁷.

⁶ О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, касающихся взаимной правовой помощи : Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2004 г. № 1362 : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12137368/> (дата обращения: 25.05.2026).

⁷ Возвращение активов: практическое пошаговое руководство по международному сотрудничеству : разработано Генпрокуратурой России, Минюстом России // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/vozvrashchenie-aktivov-prakticheskoe-poshagovoe-rukovodstvo-po-mezhdunarodnomu-sotrudnichestvu-razrabotano/> (дата обращения: 25.05.2026).

В целях обеспечения эффективного взаимодействия в ноябре 2009 года создан национальный контактный пункт по обеспечению практического международного сотрудничества по выявлению, аресту, конфискации и возвращению активов, полученных в результате коррупционной деятельности.

Л. Н. Анисимов дополнительно обращает внимание на важность идентификации личности и имущества, а также прозрачности кредитно-финансовой системы, подчеркивая, что в статье 4 Страсбургской конвенции указывается, что стороны не могут отказаться от наложения ареста на банковские, финансовые или коммерческие документы под предлогом банковской тайны [2, с. 89]. Кроме того, Российская Федерация имеет специальные двусторонние и многосторонние международные договоры, регламентирующие вопросы оказания правовой помощи более чем с 70 государствами, а в случае отсутствия договора правовая помощь оказывается на основе принципа взаимности.

Важным аспектом является то, что исполнение запросов о проведении обыска, наложении ареста на имущество, конфискации доходов, полученных преступным путем, возможно только в том случае, если преступления, с которыми связаны запросы, наказуемы как по закону запрашивающего государства, так и согласно законодательству Российской Федерации. Это положение подтверждает фундаментальный характер принципа двойной криминализации, о котором говорилось выше.

Проведенный теоретико-правовой анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как доктринальное, так и прикладное значение.

Институт возврата преступных активов представляет собой сложное межотраслевое правовое образование, органично сочетающее в себе превентивные механизмы финансового мониторинга и восстановительные уголовно-процессуальные и гражданско-правовые инструменты. Эффективность его функционирования находится в прямой зависимости от степени согласованности норм международного, уголовного, уголовно-процессуального и финансового права, что обуславливает необходимость комплексного подхода к его совершенствованию.

Фундаментальным барьером на пути международного сотрудничества в сфере возврата активов остается принцип двойной криминализации, для преодоления которого требуется не столько формальная ратификация международных конвенций, сколько глубокая содержательная гармонизация уголовного законодательства, включая дискуссионный вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц.

Феномен дропперства, который приобрел в 2024 году массовый характер с вовлечением 10 млн человек, формирует новые проблемы в системе противодействия отмыванию денег. Данное обстоятельство требует смещения акцентов с международного на внутригосударственный финансовый мониторинг и решительного пресечения деятельности теневых банковских посредников.

Виртуальные активы, представленные криптовалютами, нуждаются не в декларативном признании их имуществом, а в создании полноценного правового режима, регламентирующего процедуры их ареста, хранения и конфискации в уголовном судопроизводстве. Отсутствие такого режима превращает законодательство о цифровых финансовых активах в декларативный документ, не способный обеспечить реальную борьбу с преступностью в условиях цифровизации экономических отношений.

Назрела объективная необходимость создания в Российской Федерации специализированного государственного органа по управлению арестованными и конфискованными активами, который, будучи построенным по аналогии с успешными зарубежными моделями, мог бы обеспечить сохранность активов, их эффективную реализацию и целевое использование, что, в свою очередь, повысило бы доверие к российской правовой системе со стороны иностранных партнеров при осуществлении возврата активов.

Наконец, в Российской Федерации сформирована определенная нормативная и организационная основа для международного сотрудничества в сфере возврата активов, включающая главу 55.1 УПК РФ и национальный контактный пункт при Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики убедительно свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования процедур взаимной правовой помощи, прежде всего в части сокращения сроков исполнения запросов и повышения эффективности взаимодействия с компетентными органами иностранных государств. Лишь комплексное решение указанных проблем позволит институту возврата преступных активов в полной мере реализовать свой потенциал как действенного инструмента противодействия современной преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кучумов А. В., Печерица Е. В. Понятие «отмывание» (легализация) доходов: сущностные и правовые аспекты // Экономический вектор. 2022. № 3 (30). С. 115–122.
2. Анисимов Л. Н. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем // Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 88–119.
3. Глотов В. И., Немцов Ю. И. К вопросу вывода капиталов из экономики России на современном этапе // Вестник РАЕН. 2015. Т. 15. № 6. С. 29–33.
4. Бажанов С. В., Воронцов А. А. Правовые средства возврата из-за рубежа активов, полученных в результате совершения коррупционных преступлений и правонарушений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 2. С. 7–10.
5. Кунев Д. А. Возврат из-за рубежа преступных активов: теория и практика : учебное пособие ; под науч. ред. д. ю. н. А. Г. Волеводза. М. : Прометей, 2021. 158 с.
6. Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1998. 288 с.
7. Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. М. : Юрлитинформ, 2004. 171 с.
8. Данельян А. А. Теория и практика современного международного права относительно проблемы принудительного изъятия иностранной собственности // Международный правовой курьер. 2014. № 5 (5). С. 32–39.
9. Кудряшов В. В. Международно-правовые аспекты поиска и репатриации похищенных активов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6 (67). С. 63–72.
10. Волеводз А. Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / науч. ред. А. Б. Соловьев. М. : Юрлитинформ, 2000. 476 с.
11. Шестак В. А. Проблемы качества уголовного закона о конфискации имущества // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке : мат-лы XV Международ. науч.-практ. конф.

/ Моск. госуд. юрид. универ. (г. Москва, 25–26 января 2018 г.). М. : Проспект, 2018. С. 183–186.

12. Емельянов А. В. Понятие и правовые основы возврата активов, полученных в результате совершения преступлений // Вестник науки. 2023. Т. 3. №. 10 (67). С. 254–263.

13. Яни П. С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6. С. 131–135.

14. Бастрыкин А. И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2013. №. 2. С. 3–13.

15. Чеклаукова Е. Л. Дропперство в банковском секторе // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2025. №. 1. С. 372–373.

16. Кудас И. Б. ФАТФ как международно-правовая институция // Проблемы законности. 2013. №. 123. С. 216–225.

17. Волеводз А. Г., Кутырин В. А. Особенности криптовалюты в системе денежных инструментов как определяющие факторы правовой регламентации ее оборота // Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов : сб. мат-лов Международ. науч.-практ. конф. (г. Москва, 2 июня 2016 г.). М. : Юрлитинформ, 2016. С. 292–309.

REFERENCES

1. Kuchumov A. V., Pecherica E. V. Ponyatie "otmyvanie"(legalizaciya) dohodov: sushchnostnye i pravovye aspekty [The Concept of "Money Laundering": Essential and Legal Aspects]. Ekonomicheskij vektor. 2022, vol. 30, no. 3, pp. 115-122. (In Russ.).

2. Anisimov L. N. Mezhdunarodno-pravovye sredstva protivodejstviya legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh nezakonnym putem [International Legal Means of Combating the Legalization (Laundering) of Illegally Obtained Incomes]. Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2001, no. 1. pp. 88-119. (In Russ.).

3. Glotov V. I., Nemcov Yu. I. K voprosu vyvoda kapitalov iz ekonomiki Rossii na sovremennom etape [On the Issue of Capital Withdrawal from the Russian Economy at the Current Stage]. Vestnik RAEN. 2015, vol. 15, no. 6, pp. 29-33. (In Russ.).

4. Bazhanov S. V. Voroncov A. A. Pravovye sredstva vozvrata iz-za rubezha aktivov, poluchennyh v rezul'tate soversheniya korrupcionnyh prestuplenij i pravonarushenij / S. V. Bazhanov, [Legal Means of Returning Assets from Abroad Obtained as a Result of Corruption Crimes and Offenses]. Uголовное судопроизводство: problemy teorii i praktiki. 2016, no. 2, pp. 7-10. (In Russ.).

5. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave [General Permissions and Prohibitions in Soviet Law]. Moscow : Yurid. lit., 1998. - Vozvrat iz-za rubezha prestupnyh aktivov: teoriya i praktika (uchebnoe posobie) (Kunev D. A.; pod nauch. red. d.yu.n. 01.09.2025 Sistema GARANT 100/158. 288 p. (In Russ.).

6. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave [General Permissions and Prohibitions in Soviet Law]. Moscow : Yurid. lit., 1998, 288 p. (In Russ.).

7. Matveev I. V. Pravovaya priroda nedejstvitel'nyh sdelok [Legal nature of invalid transactions]. Moscow : Yurilitinform, 2004. 171 p. (In Russ.).

8. Danel'yan A. A. Teoriya i praktika sovremennogo mezhdunarodnogo prava otnositel'no problemy prinuditel'nogo iz'yatiya inostrannoј sobstvennosti [Theory and practice of modern international law regarding the problem of forced seizure of foreign property]. Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er. 2014, vol. 5, no. 5, pp. 32-39. (In Russ.).

9. Kudryashov V. V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty poiska i repatriacii pohishchennykh aktivov [International legal aspects of the search and repatriation of stolen property]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2017, vol. 67, no 6, pp. 63-72. (In Russ.).
10. Volevodz A. G. Mezhdunarodnyj rozysk, arest i konfiskaciya poluchennykh prestupnym putem denezhnykh sredstv i imushchestva (pravovye osnovy i metodika) [International search, seizure and confiscation of criminally obtained funds Funds and Property (Legal Framework and Methodology)] ; nauch. red. A. B. Solov'ev. Moscow : Yurlitinform, 2000, 476 p. (In Russ.).
11. Shestak V. A. Problemy kachestva ugolovnogo zakona o konfiskacii imushchestva [International search, seizure and confiscation of criminally obtained funds Funds and Property (Legal Framework and Methodology)] // Ugolovnoe pravo. Strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Mosk. gosud. yurid. univer. Moscow January 25–26, 2018). Moscow : Prospekt, 2018. pp. 183-186. (In Russ.).
12. Emel'yanov A. V. Ponyatie i pravovye osnovy vozvrata aktivov, poluchennykh v rezul'tate soversheniya prestuplenij [The Concept and Legal Framework for the Return of Assets Obtained through Crimes]. Vestnik nauki. 2023. vol. 3, vol. 67, no. 10, pp. 254-263. (In Russ.).
13. Yani P. S. Konfiskaciya imushchestva i ugolovnaya otvetstvennost' [The Concept and Legal Framework for the Return of Assets Obtained through Crimes]. Ugolovnoe pravo. 2006, no. 6, pp. 131-135. (In Russ.).
14. Bastrykin A. I. K voprosu o vvedenii v Rossii ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic [On the Introduction of Criminal Liability for Legal Entities in Russia]. Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2013, no. 2, pp. 3-13. (In Russ.).
15. Cheklaukova E. L. Dropperstvo v bankovskom sektore [Dropping in the Banking Sector]. Sovremennye tekhnologii i nauchno-tekhnicheskij progress. – 2025, no. 1, pp. 372-373. (In Russ.).
16. Kudas I. B. FATF kak mezhdunarodno-pravovaya instituciya [FATF as an International Legal Institution] // Problemi zakonnosti. 2013, no. 123. pp. 216-225. (In Russ.).
17. Volevodz A. G., Kutyrin V. A. Osobennosti kriptovalyuty v sisteme denezhnykh instrumentov kak opredelyayushchie faktory pravovoj reglamentacii ee oborota [Features of Cryptocurrency in the System of Monetary Instruments as Determining Factors in the Legal Regulation of Its Circulation]. Elektronnaya valyuta v svete sovremennykh pravovykh i ekonomicheskikh vyzovov: Sb. materialov Mezhdunarod. nauchn.-prakt. konf. 2 iyunya 2016 g. Moscow. Moscow : Yurlitinform, 2016. pp. 292-309. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волосевич Игорь Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Volosevich Igor Nikolaevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Operational-Investigative Activities and Specialized Equipment, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 12 Akademika Volgina St., Moscow, 117997.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 145–156.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026.
vol. 118, no. 3, pp. 145–156.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.13:343.98:351.746.2

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОГРЕШНОСТЬ В ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: АНАЛИЗ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «СОБИРАТЬ ДАННЫЕ» В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Габзалилов Вадим Фанилевич¹, Кузнецов Евгений Викторович^{2,3}

¹Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Российская Федерация,
vadim-gagarin0@rambler.ru

²Юридический институт Иркутского государственного университета, Иркутск,
Российская Федерация, kev300579@yandex.ru

³Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
kev300579@yandex.ru

Введение. В статье исследуется юридико-техническая неопределенность словосочетания «собирать данные», закрепленного в части второй статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Обосновывается, что указанная формулировка не согласуется с системной конструкцией действующего оперативно-розыскного законодательства, поскольку выводит получение значимой информации за пределы строго регламентированных оперативно-розыскных мероприятий. Особое внимание уделяется тому, что терминологическая неточность в сфере, затрагивающей конституционные права личности, не является сугубо филологической проблемой, а порождает риски произвольного правоприменения, ослабления судебного контроля и деформации оперативно-розыскных правоотношений.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили диалектический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, логико-лингвистический методы, а также анализ доктринальных источников по теории права, юридической технике, теории оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскному праву. Использована практика Конституционного Суда Российской Федерации, позволяющая оценить значение правовой определенности в сфере ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Результаты исследования. Сделан вывод о том, что словосочетание «собирать данные» является неудачной законодательной конструкцией, поскольку разрушает внутреннюю логику Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», вступает в противоречие с закрытым перечнем оперативно-розыскных мероприятий, допускает иллюзию существования самостоятельной, но нормативно не урегулированной формы получения информации. Показано, что устранение данной

неопределенности должно осуществляться не только путем редакционного изменения части второй статьи 7 названного закона, но и через развитие доктрины оперативно-розыскного права, уточнение содержания оперативно-розыскных правоотношений и последовательную реализацию принципа целесообразности законодательства.

Выводы и заключения. Обосновано, что употребление законодателем словосочетания «собирать данные» подлежит замене на формулу, прямо отсылающую к проведению оперативно-розыскных мероприятий. Такая корректировка укрепит правовую определенность, устраним возможность обхода предусмотренных законом гарантий, будет способствовать дальнейшему формированию оперативно-розыскного права как самостоятельного нормативного образования и совершенствованию оперативно-розыскных правоотношений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное право, оперативно-розыскные правоотношения, юридическая техника, правовая определенность, целесообразность законодательства, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Для цитирования: Габзалилов В. Ф. Терминологическая погрешность в оперативно-розыском законодательстве: анализ словосочетания «собирать данные» в контексте юридической техники / В. Ф. Габзалилов, Е. В. Кузнецов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 145–156.

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

TERMINOLOGICAL ERROR IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE LEGISLATION: ANALYSIS OF THE PHRASE “TO COLLECT DATA” IN THE CONTEXT OF LEGAL TECHNIQUE

Vadim F. Gabzalilov¹, Evgeny V. Kuznetsov^{2,3}

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation, vadim-gagarin0@rambler.ru

² Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, kev300579@yandex.ru

³ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Introduction. The article examines the legal and technical uncertainty of the phrase “to collect data” contained in Part 2 of Article 7 of the Federal Law “On Operational Investigative Activity”. It is argued that this wording is inconsistent with the systemic structure of current operational investigative legislation, since it appears to place the acquisition of legally relevant information outside the framework of strictly regulated operational investigative measures. Particular attention is paid to the fact that terminological inaccuracy in a sphere affecting constitutional rights is not merely a philological defect but generates risks of arbitrary law enforcement, weakens judicial review and distorts operational investigative legal relations.

Materials and Methods. The methodological basis of the study consists of dialectical, formal legal, system-structural, comparative legal, logical and linguistic methods, as well as

the analysis of doctrinal sources on legal theory, legal technique, the theory of operational investigative activity and operational investigative law. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation was used to assess the significance of legal certainty in the sphere of restrictions on human and civil rights and freedoms.

Result of the Study. It is concluded that the phrase “to collect data” is an unsuccessful legislative construction because it destroys the internal logic of the Federal Law “On Operational Investigative Activity”, conflicts with the closed list of operational investigative measures and creates the illusion of an independent but normatively unregulated form of obtaining information. It is shown that the elimination of this uncertainty should be achieved not only by amending Part 2 of Article 7 of the said Law, but also through the development of the doctrine of operational investigative law, clarification of the content of operational investigative legal relations and the consistent implementation of the principle of expediency in legislation.

Findings and conclusions. It is substantiated that the legislator’s use of the phrase “to collect data” should be replaced by a formula directly referring to the conduct of operational investigative measures. Such an adjustment will strengthen legal certainty, eliminate the possibility of circumventing statutory guarantees and contribute to the further formation of operational investigative law as an independent normative entity and to the improvement of operational investigative legal relations.

Keywords: operational investigative activity, operational investigative law, operational investigative legal relations, legal technique, legal certainty, expediency of legislation, operational investigative measures, results of operational investigative activity.

For citation: Gabzalilov V. F., Kuznetsov E. V. Terminological Error in Operational Investigative Legislation: Analysis of the Phrase “to Collect Data” in the Context of Legal Technique. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026, vol. 118, no. 3, pp. – 145–156.

Точность законодательной терминологии в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) имеет не только теоретическое, но и непосредственное прикладное значение. Речь идет о той области публичной деятельности государства, в которой решение практических задач неизбежно сопряжено с возможностью ограничения конституционных прав и свобод личности, прежде всего права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, а в ряде случаев и неприкосновенность жилища. Именно поэтому применительно к ОРД требование правовой определенности должно проявляться в более высокой степени, чем во многих иных сегментах отраслевого регулирования. Как справедливо отмечал С. С. Алексеев, юридическая техника призвана обеспечивать точность, определенность и юридическую надежность нормативного материала; в противном случае текст закона перестает быть полноценным регулятором поведения, а превращается в источник разнотолков и произвольных интерпретаций [1, с. 275-276].

Для корректного понимания рассматриваемой проблемы необходимо обозначить исходную конструкцию правового регулирования ОРД. В частности, любое оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ) может проводиться исключительно при наличии предусмотренных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон № 144-ФЗ) оснований, выступающих ключевым юридическим условием

допустимости вмешательства государства в сферу прав и свобод личности. Именно основания ОРМ обеспечивают баланс между задачами борьбы с преступностью и необходимостью соблюдения конституционных гарантий, исключая произвольное использование оперативных средств и методов. Следовательно, получение любой юридически значимой информации в рамках ОРД должно осуществляться строго в рамках установленной законом системы оперативно-розыскных мероприятий и предусмотренных законом оснований их проведения.

Однако в части второй статьи 7 Федерального закона № 144-ФЗ законодатель использует формулировку «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в пределах своих полномочий вправе также собирать данные, необходимые для принятия решений...». При этом используемое законодателем словосочетание «собирать данные» не соотносится ни с конкретными оперативно-розыскными мероприятиями, предусмотренными законом, ни с основаниями их проведения. Такая редакция способна сформировать у лица, не обладающего специальными познаниями в сфере ОРД, представление о существовании самостоятельного способа получения информации, не требующего соблюдения установленного режима проведения ОРМ. Данное обстоятельство обуславливает необходимость анализа указанной нормы с позиций юридической техники.

На первый взгляд словосочетание «собирать данные», содержащееся в части второй статьи 7 Федерального закона № 144-ФЗ, не вызывает сомнений. Законодатель использует его в контексте принятия решений полномочными органами о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну, к работам, связанным с повышенной опасностью, о допуске к участию в ОРД или доступе к ее материалам, об установлении отношений сотрудничества и об обеспечении безопасности органов, осуществляющих ОРД. Однако именно кажущаяся нейтральность данной формулы маскирует серьезную юридико-техническую проблему: Федеральный закон № 144-ФЗ допускает существование самостоятельной формы получения значимой информации, не тождественной оперативно-розыскным мероприятиям, не подчиненной в полной мере их режиму, а также весьма опосредованно согласующейся с задачами рассматриваемой деятельности, закрепленными в ст. 2 Федерального закона № 144-ФЗ.

Постановка указанной проблемы особенно важна в современных условиях, когда в научной литературе все более последовательно обосновывается идея формирования оперативно-розыскного права как относительно самостоятельного нормативного образования. Например, в работах В. А. Азарова и Е. В. Кузнецова неоднократно подчеркивалось, что развитие оперативно-розыскной сферы неизбежно ведет к усложнению ее понятийного аппарата, собственных правовых конструкций и особого вида правоотношений, возникающих по поводу осуществления ОРД [2, с. 25, 27-28]. Сходную мысль развивает В. А. Гусев, связывая становление оперативно-розыскной отрасли права с совершенствованием норм оперативно-розыскного законодательства, устранением неконкретности многих из них и отхода от бланкетного характера их построения [3, с. 42-43]. Следовательно, любые терминологические просчеты в тексте базового закона здесь опасны вдвойне: они не только порождают локальную неопределенность, но и препятствуют последовательному формированию отраслевого правового массива.

Обращаясь к нормативному контексту использования формулы «собирать данные», следует отметить по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, согласно статье 1 Федерального закона № 144-ФЗ ОРД определяется как вид деятельности,

осуществляемой посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Это указывает на закрытую технологию реализации ОРД: ее содержание раскрывается через ОРМ. Во-вторых, статья 6 названного закона закрепляет исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий, который может быть изменен или дополнен только федеральным законом. В-третьих, статья 15 прямо связывает права органов, осуществляющих ОРД, с проведением именно тех ОРМ, которые перечислены в статье 6. Иначе говоря, системное толкование закона подводит к выводу о том, что легитимное получение оперативно значимой информации допустимо лишь через установленные законом мероприятия.

Именно на этом фоне часть вторая статьи 7 производит эффект нормативной дисгармонии. Если законодатель специально говорит, что органы вправе «также собирать данные», возникает закономерный вопрос: идет ли речь о разновидности уже известных ОРМ, либо закон допускает некую иную деятельность, не охваченную перечнем статьи 6? На наш взгляд, здесь и проявляется рассматриваемая юридико-техническая погрешность. Глагол «собирать» в русском языке описывает прежде всего общий процесс накопления, комплектования, извлечения фрагментов информации¹, но не указывает на юридическую форму, пределы и гарантии осуществления соответствующего действия. Для языка закона, особенно закона, регулирующего применение гласных и негласных методов ограничения конституционных прав граждан, это чрезмерно бытовая и расплывчатая категория.

Сравнение с уголовно-процессуальным регулированием усиливает данный вывод. В уголовном судопроизводстве закон оперирует термином «собрание доказательств», однако этот термин встроен в развернутую систему процессуальных полномочий, процедур и гарантий. Собрание доказательств не существует в правовом вакууме: оно проявляется через строго определенные следственные и иные процессуальные действия (см. ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026)). В оперативно-розыском законодательстве аналогичного механизма применительно к «сбору данных» не предусмотрено. Следовательно, буквальное восприятие анализируемой нормы неизбежно создает иллюзию самостоятельного способа получения сведений, находящегося рядом с ОРМ, но не совпадающего с ними. Между тем, как справедливо отмечал В. М. Горшенев, одна из важнейших задач юридической техники состоит в том, чтобы исключить двусмысленность и неопределенность в предписании законодателя [4, с. 160].

Не меньшее значение имеет и анализ существительного «данные». В ФЗ «Об ОРД» преимущественно используются такие категории, как «сведения», «информация», «результаты оперативно-розыскной деятельности». При этом «данные» в рассматриваемой норме никак специально не раскрываются. Формально можно обратиться к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где данные включаются в общее понятие информации (см. ст. 2). Однако в сфере ОРД такое механическое отождествление не вполне корректно. При решении вопросов о законности использования оперативно-розыскных методов значимы не

¹ Собирать. Большой толковый словарь русских глаголов // Справочно-информационный портал «Грамота.ру» сайт. URL: <https://gramota.ru/meta/sobirat?ysclid=mo9fu6uyj 1270814504> (дата обращения: 19.04.2026)

просто любые оперативно-розыскные сведения, а сведения, полученные определенным субъектом, определенным способом, для решения конкретных задач, с учетом режима секретности и правовых ограничений [5, с. 80]. Иначе говоря, важна не только содержательная, но и процедурная сторона их происхождения. Вне этой процедурной стороны «данные» превращаются в аморфную категорию, допускающую чрезмерно широкое толкование.

Отдельного внимания заслуживает союз «также», использованный законодателем в части второй статьи 7. С точки зрения синтаксической логики он присоединяет новый элемент к уже существующему нормативному содержанию. Но чему именно он присоединяет «сбор данных»? Если к проведению оперативно-розыскных мероприятий, то почему не сказано прямо, что необходимые сведения добываются путем проведения соответствующих ОРМ? Если же речь идет о самостоятельной параллельной деятельности, то законодатель фактически выводит часть оперативно значимой деятельности из-под режима статьи 6. В обоих случаях конструкция оказывается неудачной. На наш взгляд, употребление союза «также» в данном контексте не усиливает, а разрушает правовую определенность, поскольку формирует конкуренцию между четко регламентированными ОРМ и неопределенным «сбором данных».

Юридино-техническая дефектность рассматриваемой формулы имеет не только теоретическое, но и практическое измерение. Наиболее существенный риск состоит в подмене строго регламентированных ОРМ неформализованной деятельностью по «сбору данных». Правоприменитель может прийти к выводу, что для решения кадровых, режимных или контрразведывательных задач не требуется прибегать к конкретному ОРМ, например опросу, наведению справок, наблюдению либо получению компьютерной информации, а достаточно осуществить некий общий «сбор данных». В результате деятельность остается, по существу, оперативно-розыскной, но формально оказывается размыта и частично выведена из-под тех гарантий, которые закон связывает именно с проведением ОРМ.

Показательно, что Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд; Суд), рассматривая жалобу, связанную с фактами проведения таких ОРМ как опрос и сбор образцов для сравнительного исследования, исходит из того, что такие меры допустимы лишь в системе предусмотренных законом задач, оснований и ограничений. Так, в определении от 9 июня 2005 г. № 327-О² Суд указал, что целью указанных мероприятий является сбор юридически значимой информации, ее последующая проверка, сопоставление и оценка. Из этой позиции следует важный вывод: сбор информации в ОРД не мыслится Судом как некая самостоятельная внезаконодательная активность, а рассматривается именно как назначение конкретных ОРМ. Иными словами, правовая позиция Конституционного Суда фактически подтверждает системное толкование закона, при котором получение информации

² По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. N 327-О // Информационно-правовой портал Гарант.ru : сайт. URL : <https://base.garant.ru/1354550/> (дата обращения: 19.04.2026).

должно быть встроено в режим оперативно-розыскных мероприятий, а не противопоставляться ему.

Более того, в практике Конституционного Суда последовательно проводится идея о недопустимости неопределенного вмешательства государства в частную жизнь. Суд неоднократно подчеркивал, что в сфере ограничений прав и свобод закон должен быть ясным, точным и предсказуемым для адресата. Применительно к ОРД эта мысль получила отражение, в частности, в позициях о необходимости судебного контроля за мероприятиями, затрагивающими конституционные права, и о недопустимости произвольного сбора, хранения и использования информации о частной жизни³. Отсюда следует, что формула «собирать данные» в законе, регулирующем вмешательство в частную сферу, сама по себе выглядит методологически уязвимой: она не задает адресату нормы четких пределов и не позволяет надежно определить, какие именно действия допустимы, а какие нет.

Не менее важны и аргументы, связанные с судебной защитой. В соответствии с частями третьей и четвертой статьи 5 Федерального закона № 144-ФЗ лицо вправе обжаловать действия органов, осуществляющих ОРД, если они повлекли нарушение его прав; при этом обязанность доказывать обоснованность отказа в предоставлении сведений возлагается на соответствующий орган. Однако, если орган будет утверждать, что проводились не ОРМ, а лишь «сбор данных», то в его распоряжении может не оказаться тех оперативно-служебных документов, которые обычно сопровождают законное проведение мероприятия. В результате суд фактически лишается возможности проверить пределы, основания и содержание вмешательства. Тем самым терминологическая неопределенность трансформируется в процессуальную: слабость законодательной техники оборачивается слабостью судебного контроля.

Для иллюстрации проблемы можно обратиться к делам, связанным с допуском к государственной тайне и иным решениям, где используются сведения, полученные в ходе ОРД. В подобных спорах суды нередко сталкиваются с тем, что государственный орган ссылается на наличие сведений оперативного характера, не раскрывая их содержания ввиду секретности, а проверка законности их получения оказывается существенно затруднена. Именно поэтому здесь особенно важно, чтобы закон не оставлял даже тени сомнения в вопросе о правовой форме получения соответствующей информации. Если сведения добыты путем конкретного ОРМ, существует хотя бы минимальная возможность проверить соблюдение оснований, полномочий и процедуры. Если же речь идет о неопределенном «сборе данных», судебная перспектива защиты прав лица становится еще более призрачной.

Еще один серьезный риск связан с режимом хранения и уничтожения материалов. Часть седьмая статьи 5 Федерального закона № 144-ФЗ предусматривает специальные правила хранения и уничтожения материалов, полученных в результате

³ По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова: постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П // Информационно-правовой портал Гарант.ru : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101982/?Ysclid=mo9hy9k0m7481601002> (дата обращения: 19.04.2026).

проведения ОРМ, в том числе в отношении лиц, виновность которых не доказана в установленном законом порядке. Но если сведения получены не в результате ОРМ, а в ходе неформализованного «сбора данных», то возникает вопрос: подчиняются ли они тем же гарантиям? Формально ответ может быть отрицательным. Это означает, что информация, затрагивающая права гражданина, способна сохраняться вне четко определенных сроков и режимов контроля. Между тем, именно такого рода неопределенность Конституционный Суд традиционно оценивает критически, поскольку хранение государством сведений о частной жизни не может быть бессрочным, бесконтрольным и процессуально бесформенным.

Представляется, что рассматриваемая проблема должна быть осмыслена и через призму оперативно-розыскных правоотношений. ОРД порождает специфический вид правоотношений, обладающих собственным субъектным составом, содержанием и объектом, а также особыми юридическими фактами, обуславливающими их возникновение и развитие [6, с. 21-22]. Если признать допустимость некоего самостоятельного «сбора данных», который осуществляется теми же органами, в тех же целях и по поводу того же объекта, что и ОРМ, но не тождествен им, то структура оперативно-розыскных правоотношений начинает размываться. Возникает труднообъяснимый гибрид: по существу, перед нами оперативно-розыскное воздействие, а по форме – неопределенная квазидеятельность, не обладающая ясной правовой оболочкой.

На наш взгляд, совершенствование оперативно-розыскных правоотношений предполагает не расширение пространства неопределенных категорий, а, напротив, повышение уровня их формализации. Иначе говоря, чем точнее закон указывает, в рамках каких юридических фактов, при каких основаниях, посредством каких мероприятий и с какими правовыми последствиями действует оперативный субъект, тем устойчивее соответствующее правоотношение, тем яснее границы полномочий государства и тем надежнее защита личности. В этом аспекте корректировка части второй статьи 7 Федерального закона № 144-ФЗ имеет значение не только для терминологии, но и для общей архитектоники оперативно-розыскного права.

Сказанное подводит к более широкому вопросу о формировании оперативно-розыскного права как самостоятельного нормативного образования. Накопление специального предмета правового регулирования, собственных методов, принципов, институтов и правоотношений закономерно выводит ОРД за пределы восприятия исключительно как совокупности прикладных приемов борьбы с преступностью [2, с. 29]. Если принять эту теоретическую перспективу, становится очевидным: базовый закон, лежащий в основании формирующейся отрасли, должен отличаться повышенной внутренней стройностью. Наличие в нем расплывчатых терминов, допускающих конкурирующее толкование, сдерживает как развитие теории, так и качество законодательства.

В этом отношении показателен и подход В. Ф. Луговика, предлагающего кодификационное решение проблем правового регулирования ОРД. В авторском проекте Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации обращается внимание на необходимость детальной регламентации порядка осуществления и документального оформления оперативно-розыскных мероприятий. Сама постановка вопроса о кодификации в данном случае подтверждает: действующее регулирование испытывает дефицит системности, а его совершенствование лежит в плоскости устранения как фундаментальных, так и прикладных законодательных дефектов

[7, с. 109]. На этом фоне формула «собирать данные» выглядит как пережиток недостаточно развитой законодательной техники.

Не случайно и Н. С. Железняк в работах, посвященных актуализации оперативно-розыскного закона, акцентирует необходимость уточнения правовой основы и принципов оперативно-розыскной деятельности, а также устранения норм, создающих риск неоднозначного прочтения [8, с. 5–6]. А. Е. Чечетин, анализируя решения Конституционного Суда Российской Федерации в сфере ОРД, последовательно исходит из того, что именно права личности и судебно-конституционные гарантии должны служить критерием оценки допустимости оперативно-розыскных средств [9, с. 7–8]. В совокупности эти позиции подтверждают: проблема словосочетания «собирать данные» является не частной редакционной неточностью, а индикатором более общего противоречия между потребностью в точном правовом регулировании и наличием остаточных конструкций описательного, а не нормативно выверенного характера.

Отдельно следует сказать о целесообразности законодательства как принципе его совершенствования. В этом контексте целесообразность рассматривается не как альтернатива законности, а как внутреннее качество разумного и социально оправданного нормативного решения [10, с. 271–272]. Применительно к исследуемому вопросу это означает, что замена расплывчатой формулы на точную не является сугубо технико-редакционным действием. Напротив, такая корректировка отвечает целесообразности законодательства, поскольку делает норму более понятной для правоприменителя, более предсказуемой для гражданина и более удобной для судебного контроля. Здесь целесообразность не ослабляет законность, а усиливает ее, превращая формально действующий текст в по-настоящему работающий регулятор.

Научная и практическая значимость указанного подхода подтверждается и более общими положениями теории права и процесса. В юридической литературе давно подчеркивается, что одно из назначений юридической техники заключается в исключении нормативной избыточности, внутренней коллизийности и смысловой неоднозначности [1, с. 282–283]. Для отраслей, тесно связанных с принуждением, этот тезис приобретает особую остроту. Так, в уголовно-процессуальной науке неоднократно отмечалось, что неопределенность терминологии способна трансформироваться в неопределенность полномочий. Сходный вывод применим и к ОРД: неясность правовой формы получения сведений неизбежно ставит под сомнение не только законность соответствующего действия, но и допустимость его результатов в механизме принятия государственно-властных решений.

Как отмечает И. Б. Чагин, с каждым годом к качеству содержанию нормативных правовых актов предъявляется большое количество требований, одними из которых являются наличие в них единой понятийно-терминологической системы и отсутствие ошибок юридико-технического характера [11, с. 14].

С учетом изложенного представляется возможным предложить следующую редакционную замену части второй статьи 7 Федерального закона № 144-ФЗ: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в пределах своих полномочий вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия, необходимые для принятия решений...». При желании законодателя возможно и более детальное уточнение, при котором применительно к отдельным видам решений будут прямо названы релевантные ОРМ, например опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, получение компьютерной информации и иные

предусмотренные законом мероприятия. Оба варианта представляются более удачными, чем действующая формула, поскольку прямо возвращают получение сведений в правовое поле статьи 6.

Учитывая изложенное, можно сделать несколько итоговых выводов.

Во-первых, словосочетание «собирать данные» в части второй статьи 7 Федерального закона № 144-ФЗ является юридико-технически неудачным, так как не согласуется с понятийной системой самого закона.

Во-вторых, данная формула допускает неверное представление о существовании самостоятельной, но неурегулированной формы получения информации вне пределов оперативно-розыскных мероприятий.

В-третьих, такая неопределенность порождает конкретные правоприменительные риски: ослабление судебного контроля, трудности доказывания законности действий органов, неопределенность режима хранения материалов, деформацию оперативно-розыскных правоотношений.

В-четвертых, устранение рассматриваемого дефекта следует оценивать как шаг, направленный одновременно на развитие оперативно-розыскного права, на совершенствование отраслевого законодательства и на реализацию принципа целесообразности в его подлинном, а не конъюнктурном значении.

Таким образом, критика словосочетания «собирать данные» имеет самостоятельное теоретическое и прикладное значение. Она позволяет показать, что формирование оперативно-розыскного права происходит не только через расширение круга научных исследований и предложений о кодификации, но и через скрупулезную работу с языком закона. Чем точнее и логичнее становится законодательный текст, тем устойчивее складываются соответствующие правоотношения, тем надежнее обеспечиваются права личности и тем выше эффективность самой ОРД. Именно поэтому совершенствование оперативно-розыскного законодательства должно начинаться, в том числе, с устранения подобных, на первый взгляд малозаметных, но в действительности принципиальных терминологических погрешностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. 360 с.
2. Азаров, В. А. Доктринальные основы формирования отрасли оперативно-розыскного права / В. А. Азаров, Е. В. Кузнецов // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности : материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 18 ноября 2014 года / Омская юридическая академия. – Омск: Омская юридическая академия, 2015. – С. 22-29.
3. Гусев В. А. Становление и перспективы развития оперативно-розыскной отрасли права // История государства и права. 2010. № 14. С. 40–44.
4. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. : Юрид. лит., 1972. 258 с.
5. Кузнецов, Е. В. Оперативно-розыскные мероприятия как универсальные методы познания действительности // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 1(56). – С. 80-85.
6. Гирько С. И., Луговик В. Ф., Гусев В. А. О правоотношениях, процедурах и оперативно-розыском праве / С. И. Гирько, В. Ф. Луговик, В. А. Гусев // Труды Академии управления МВД России. 2017. №4 (44). С. 19-24.

7. Луговик В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 109–135.
8. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». М. : Проспект, 2019. 176 с.
9. Чечетин А. Е. Конституционный Суд Российской Федерации об использовании специальных технических средств в оперативно-розыскной деятельности // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 2014. С. 5–8.
10. Кузнецов Е. В. Проблемы целесообразности законодательства: структурно-функциональный анализ /Е. В. Кузнецов, В. Н. Шиханов // Право и политика. 2009. № 2. С. 265–272.
11. Чагин И. Б. Сущностная характеристика правового эксперимента // Сибирский юридический вестник. 2021. №1 (92). С. 14–18.

REFERENCES

1. Alekseyev S. S. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Legal Literature, 1982. 360 p. (In Russ.).
2. Azarov, V. A. Doktrinal'nyye osnovy formirovaniya otrasli operativno-rozysknogo prava [Doctrinal Foundations of the Formation of the Operational-Investigative Law Branch] / V. A. Azarov, E. V. Kuznetsov // Aktual'nyye voprosy zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti : materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Current Issues of Legislative Regulation of Operational-Investigative Activities: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference], Omsk, November 18, 2014 / Omsk Law Academy. - Omsk: Omsk Law Academy, 2015. - Pp. 22-29. (In Russ.).
3. Gusev V. A. Stanovleniye i perspektivy razvitiya operativno-rozysknoy otrasli prava [Formation and Development Prospects of the Operational-Investigative Branch of Law] // Istoriya gosudarstva i prava - History of the State and Law. 2010. No. 14. Pp. 40-44. (In Russ.).
4. Gorshenev, V. M. Sposoby i organizatsionnyye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy obshchestve [Methods and Organizational Forms of Legal Regulation in a Socialist Society]. Moscow: Yurid. lit.- Legal Literature, 1972. 258 p. (In Russ.).
5. Kuznetsov, E. V. Operativno-rozysknyye meropriyatiya kak universal'nyye metody poznaniya deystvitel'nosti [Operational-search measures as universal methods of understanding reality]. Sibirskiy yuridicheskiy vestnik - Siberian Legal Bulletin. 2012, no. 1 (56), pp. 80-85. (In Russ.).
6. Girko, S. I., Lugovik, V. F., Gusev, V. A. O pravootnosheniyakh, protsedurakh i operativno-rozysknom prave [On legal relations, procedures, and operational-search law]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii - Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 4 (44), pp. 19-24. (In Russ.).
7. Lugovik V. F. Operativno-rozysknoy kodeks Rossiyskoy Federatsii (avtorskiy proyekt federal'nogo zakona [Operational-Investigative Code of the Russian Federation (author's draft federal law)]. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika - Legal Science and Law Enforcement Practice. 2015. No. 1 (31). Pp. 109–135. (In Russ.).
8. Zheleznyak N. S. Voprosy aktualizatsii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» [Issues of Updating the Federal Law "On Operational-Investigative Activities]. Moscow: Prospect, 2019. 176 p. (In Russ.).

9. Chechetin A. E. Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii ob ispol'zovanii spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv v operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Constitutional Court of the Russian Federation on the Use of Special Technical Means in Operational-Investigative Activities] // Prestupnost' v sfere informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy : sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf. - Crime in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies: Problems of Prevention, Detection, and Investigation of Crimes: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conf. Voronezh, 2014. Pp. 5–8. (In Russ.).

10. Kuznetsov E. V. Problemy tselesoobraznosti zakonodatel'stva: strukturno-funktsional'nyy analiz [Problems of the Expediency of Legislation: Structural and Functional Analysis] /E. V. Kuznetsov, V. N. Shikhanov // Pravo i politika - Law and Politics. 2009. No. 2. Pp. 265–272. (In Russ.).

11. Chagin I. B. Sushchnostnaya kharakteristika pravovogo eksperimenta [Essential Characteristics of a Legal Experiment] // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik - Siberian Law Bulletin. 2021. No. 1 (92). Pp. 14–18. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Габзалилов Вадим Фанилевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России. 450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Кузнецов Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета. 664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10; преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в органах внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России. 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gabzalilov Vadim Fanilevich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Operational-Investigative Activity of Internal Affairs Bodies, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2 Muksinova St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103, Russia.

Kuznetsov Evgeny Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Judicial Law, Law Institute of Irkutsk State University. 10 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664082, Russia; Lecturer at the Department of Operational-Investigative Activities and Special Equipment in Law Enforcement Agencies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 23.04.2026.

The article has been submitted for review (The article was received by the editorial office) 12.02.2026, approved after review 16.03.2026, accepted for publication 23.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 157–172.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 118, no. 3, pp. 157–172.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.98

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ МЕТОДИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Марсаков Илья Сергеевич

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
foragaz@rambler.ru

Введение. Современный этап модернизации отечественной правовой макросистемы актуализирует потребность в непрерывном совершенствовании теоретико-методологического фундамента оперативно-розыскной науки. Динамические трансформации в социально-экономической архитектонике государства предопределяют появление латентных угроз, стагнация противодействия которым неизбежно влечет за собой деструкцию финансовых институтов, падение доходов бюджетов различных уровней и рост социальной дестабилизации. В данном контексте ключевым драйвером развития выступает неразрывная синергия научной мысли и правоприменительной практики органов внутренних дел Российской Федерации. Если научное сообщество обеспечивает прогностическую валидность и верификацию преступных трендов, то оперативный состав аккумулирует первичный эмпирический опыт отражения новых криминальных вызовов. Особое прикладное значение в указанном процессе приобретает доктринальное конструирование частных оперативно-розыскных методик. Наиболее остро данная проблема проявляется при обеспечении безопасности в бюджетном секторе, где цифровизация и усложнение управленческих процедур порождают масштабные риски хищения государственных средств (в том числе выделяемых на национальные проекты (программы) и государственный оборонный заказ). Необходимость выявления зон уязвимости и пресечения деликтов в рассматриваемой сфере детерминирует потребность в концептуальном моделировании комплексного научно обоснованного алгоритма действий для оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения общей теории оперативно-розыскной деятельности, криминологии и уголовного процесса. В качестве теоретического базиса были подвергнуты ретроспективному и компаративному анализу научные труды

отечественных ученых, стоявших у истоков выделения методик борьбы с отдельными группами преступлений (И. А. Климова, Г. К. Синилова, Д. В. Гребельского, А. Г. Лекаря, В. А. Лукашова, В. Г. Самойлова, С. С. Овчинского, К. К. Горяинова и других), а также современные концептуальные подходы (А. И. Глушкова, А. М. Абрамова, Г. А. Корнилова, Н. А. Кузьмина, И. А. Завьялова, В. Г. Лагуты, С. И. Давыдова). Нормативную правовую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, а также иные ведомственные и межведомственные акты, относящиеся к бюджетной сфере. Эмпирическую основу работы сформировали результаты проведенного автором социологического исследования, включавшего: анкетирование руководителей оперативных подразделений территориальных органов МВД России, направленное на верификацию гипотезы о роли разработанной частной методики в оперативно-розыскной науке. При этом методологической основой исследования являлись как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и частнонаучные методы познания, включая конкретно-социологический, контент-анализ, статистический, моделирование, структурно-логический, диалектический и формально-юридический подходы.

Результаты исследования. Проведенный теоретический аудит показал, что современная юридическая доктрина характеризуется эклектичностью и отсутствием унифицированного категориального аппарата в области частных методик. Существующие научные подходы зачастую фрагментарны и не отражают специфику многокомпонентной бюджетной сферы. На основе синергетического подхода автором разработана и научно аргументирована авторская пятичленная структура частной оперативно-розыскной методики борьбы с преступлениями, совершаемыми в бюджетной сфере, состоящая из следующих блоков: оперативно-розыскная характеристика; поиск оперативно значимой информации; документирование противоправной деятельности; оперативно-розыскное предупреждение; оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по таким делам.

Выводы и заключения. Сложная структура бюджетных правоотношений, включающая взаимодействие государственных институтов, корпораций и субъектов частного бизнеса, предопределяет многообразие возникающих оперативно-тактических ситуаций. Существующая в науке дискуссия относительно использования терминов «тактика» и «методика» нивелируется единым целеполаганием обеих категорий – оптимизацией борьбы с преступностью. Разработанная пятикомпонентная модель решает проблему фрагментарности прикладных разработок. Высокая валидность предложенной структуры подтверждается эмпирически: 98,1 % опрошенных начальников (заместителей начальников) оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации констатировали невозможность достижения задач уголовного судопроизводства по бюджетным преступлениям исключительно публичными процессуальными методами. Это доказывает неразрывный характер дуализма следователя и оперативного сотрудника в процессе доказывания. Резюмируя результаты компаративного и доктринального анализа, автор формулирует дефинитивное выражение исследуемого феномена: частная оперативно-розыскная методика борьбы с преступлениями, совершаемыми в бюджетной сфере, – это концептуализированная система теоретических положений и практических

алгоритмов по эффективному применению потенциала оперативно-розыскной деятельности, организационно структурированная в виде взаимосвязанных блоков: оперативно-розыскной характеристики, оперативного поиска, документирования, оперативно-розыскного предупреждения и последующего оперативно-розыскного обеспечения стадий уголовного судопроизводства. Предложенная дескрипция задает новый вектор для последующих прикладных и теоретических изысканий в области оперативно-розыскной науки.

Ключевые слова: теория оперативно-розыскной деятельности, бюджетные средства, частная оперативно-розыскная методика, преступления, борьба, оперативные подразделения органов внутренних дел Российской Федерации

Для цитирования: Марсаков И. С. Теоретико-методологические контуры формирования частной оперативно-розыскной методики борьбы с преступлениями в бюджетной сфере // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 157–172.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL OUTLINES OF THE FORMATION OF A PRIVATE OPERATIONAL INVESTIGATIVE METHODOLOGY FOR COMBATING CRIMES IN THE PUBLIC SECTOR

Ilya S. Marsakov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
foragaz@rambler.ru

Introduction. The current stage of modernization of the domestic legal macrosystem actualizes the need for continuous improvement of the theoretical and methodological foundation of operational investigative science. Dynamic transformations in the socio-economic architectonics of the state determine the emergence of latent threats, the stagnation of counteraction to which inevitably leads to the destruction of financial institutions, a drop in budget revenues at various levels and an increase in social destabilization. In this context, the key driver of development is the inextricable synergy of scientific thought and law enforcement practice of the internal affairs bodies of the Russian Federation. If the scientific community provides predictive validity and verification of criminal trends, then the operational staff accumulates primary empirical experience in reflecting new criminal challenges. The doctrinal construction of private operational investigative techniques is of particular practical importance in this process. This problem is most acute in ensuring security in the public sector, where digitalization and the complexity of management procedures create large-scale risks of embezzlement of public funds (including those allocated to national projects (programs) and the state defense order). The need to identify areas of vulnerability and prevent torts in this area determines the need for conceptual modeling of a comprehensive scientifically based algorithm of actions for operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Materials and Methods. The methodological basis of the research was the fundamental provisions of the general theory of operational investigative activities,

criminology and criminal procedure. The scientific works of Russian scientists who stood at the origins of the identification of methods for combating certain groups of crimes (I. A. Klimov, G. K. Sinilov, D. V. Grebelsky, A. G. Lekar, V. A. Lukashov, V. G. Samoilov, S. S. Ovchinsky, K. K. Goryainov and others) were subjected to a retrospective and comparative analysis as a theoretical basis, as well as modern conceptual approaches (A. I. Glushkova, A. M. Abramova, G. A. Kornilova, N. A. Kuzmina, I. A. Zavyalova, V. G. Laguta, S. I. Davydova). The regulatory legal framework for the study was the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On Operational Investigative Activities", the Criminal and Criminal Procedure Codes of the Russian Federation, as well as other departmental and interdepartmental acts related to the budgetary sphere. The empirical basis of the work was the results of a sociological study conducted by the author, which included: a survey of the heads of operational units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, aimed at verifying the hypothesis about the role of the developed private methodology in operational investigative science. At the same time, the methodological basis of the research consists of both general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction) and private scientific methods of cognition, including specific sociological, content analysis, statistical, modeling, structural-logical, dialectical and formal-legal approaches.

The Results of the Study. The conducted theoretical audit showed that modern legal doctrine is characterized by eclecticism and lack of a unified categorical apparatus in the field of private methods. Existing scientific approaches are often fragmented and do not reflect the specifics of a multicomponent public sector. Based on a synergetic approach, the author has developed and scientifically argued the author's five-member structure of a private operational investigative methodology for combating crimes committed in the public sector, consisting of the following blocks: operational investigative characteristics; search for operationally relevant information; documentation of illegal activities; operational investigative prevention; operational investigative support of criminal proceedings in such cases.

Findings and Conclusions. The complex architectonics of budgetary legal relations, involving government institutions, corporations and private business, determines the heterogeneity of emerging operational and tactical situations. The existing scientific discussion regarding the use of the terms "tactics" and "methodology" is offset by the common goal-setting of both categories - the optimization of the fight against crime. The developed five-component model solves the problem of fragmentation of applied developments. The high validity of the proposed structure is confirmed empirically: 98.1% of the surveyed heads (deputy heads) of operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation stated the impossibility of achieving the objectives of criminal proceedings on budgetary crimes exclusively by public procedural methods. This proves the inseparable nature of the dualism of the investigator and the operative in the proving process. Summarizing the results of comparative and doctrinal analysis, the author formulates a definitive expression of the phenomenon under study: a private operational investigative technique for combating crimes committed in the public sector. – It is a conceptualized system of theoretical provisions and practical algorithms for the effective use of the potential of operational investigative activities, organizationally structured in the form of interrelated blocks: operational investigative characteristics, operational search, documentation, operational investigative prevention and subsequent operational investigative support of the stages of criminal proceedings. The proposed description sets a new vector for subsequent applied and theoretical research in the field of operational investigative science.

Keywords: theory of operational investigative activities, budgetary funds, private operational investigative techniques, crimes, struggle, operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation

For citation: Marsakov I. S. [Theoretical and methodological contours of the formation of a private operational investigative methodology for combating crimes in the public sector]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 157–172. (In Russ.).

Оперативно-розыскная наука как элемент познания правовой действительности представляет собой многогранную, содержательную и динамично развивающуюся отрасль юридического знания. В условиях современных социально-экономических трансформаций стагнация теоретических основ оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) способна повлечь за собой комплекс деструктивных последствий: экстраполяцию криминальных угроз, рост социальной напряженности, девальвацию доходов государства, хозяйствующих субъектов и граждан, а также снижение международного авторитета макроэкономической системы страны.

Тезис о перманентном развитии оперативно-розыскной науки актуален сегодня как никогда. Данный процесс детерминирован синергией двух генеральных направлений, субъектами которых выступают представители научного сообщества и сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ, оперативные подразделения). Взаимосвязь указанных субъектов носит имманентный характер: ученые осуществляют теоретическое обобщение эмпирических материалов, анализируют и верифицируют общие и частные тенденции преступности, формируя на этой основе среднесрочные и стратегические прогнозы оперативной обстановки [1, с. 55–66; 2, с. 113–114]. В свою очередь, оперативные сотрудники, находясь на переднем крае борьбы с преступностью, первыми сталкиваются с модернизированными способами совершения противоправных деяний, аккумулируя опыт комбинированного применения сил, средств и методов ОРД, а также специфику их последующего документирования [3, с. 100].

Именно тесный дуализм науки и практики обеспечивает сбалансированность и эффективность развития ОРД. Данный методологический принцип находит отражение в исторической парадигме отечественной военной мысли, сформулированной А. В. Суворовым: «Теория без практики слепа, как практика без теории нема» [4, с. 24]. В современных реалиях указанная синергетическая формула позволяет оперативно-розыскной науке сохранять должный уровень адаптивности, своевременно реагируя на новые криминальные вызовы и обеспечивая релевантность функционирования ОВД РФ. На этом фоне особое теоретико-прикладное значение приобретает институт частных оперативно-розыскных методик, представляющих собой систему научно обоснованных положений и процедур, валидность которых направлена на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие конкретных видов преступлений в динамично меняющихся условиях внешней и внутренней среды [5, с. 127].

Модификация указанных условий во многом предопределяется вектором социально-экономического развития государства. Трансформация макроэкономических процессов закономерно влияет на криминогенную обстановку, обуславливая появление новых форм и способов совершения преступлений, что, в свою очередь, актуализирует потребность в

разработке адекватных алгоритмов противодействия им в виде дескрипции новых частных оперативно-розыскных методик.

У истоков научного обобщения и выделения методик борьбы с отдельными группами преступлений в самостоятельный раздел предмета теории ОРД в 1990-е гг. стояли И. А. Климов и Г. К. Синилов. В своих фундаментальных трудах они подчеркивали, что «оперативно-розыскная методика должна быть ориентирована на достижение оптимальных результатов раскрытия преступлений» [6, с. 24]. Формированию и последующему развитию соответствующих научных представлений способствовали труды таких видных представителей оперативно-розыскной науки, как Д. В. Гребельский, А. Г. Лекарь, В. А. Лукашов, В. Г. Самойлов и С. С. Овчинский, исследовавших общетеоретические проблемы определения понятия и содержания оперативно-розыскной методики.

Анализ теоретического наследия указанных авторов позволяет констатировать, что концептуальные подходы к пониманию оперативно-розыскной методики не являются гомогенными, обнаруживая существенные дискуссионные различия в структурно-содержательном аспекте. Так, в ставшем классическим учебнике «Теория оперативно-розыскной деятельности» под редакцией К. К. Горяинова и В. С. Овчинского вместо термина «методика» традиционно используется категория «тактика» [7, с. 567]. Не вдаваясь в детальный семантический анализ указанных дефиниций, отметим, что центростремительной точкой пересечения всех существующих позиций выступают теоретико-методологические основы целеполагания борьбы с преступностью.

Одним из наиболее латентных и деструктивных вызовов для национальной и экономической безопасности Российской Федерации¹ на протяжении последних лет остаются противоправные деяния, совершаемые в бюджетной сфере. Анализ способов совершения преступлений в указанной области вынуждает признать их многообразие, обусловленное в том числе глобальной цифровизацией общественных отношений. Совершение подобных деяний аккумулирует значительный негативный общественный резонанс, обнажает уязвимость денежно-кредитной системы страны, генерирует критические финансовые риски для государства, легитимного бизнес-сообщества и граждан. На расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В. В. Путин указал: «...Особое внимание следует обратить на пресечение попыток хищения бюджетных средств при выполнении гособоронзаказа и нацпроектов, других наших программ развития. Здесь важно не только выявлять конкретных преступников, но и внимательно, совместно с коллегами из федеральных, региональных, муниципальных органов власти выявлять проблемные зоны, криминогенные риски в законодательстве, в управленческой практике, чтобы устранить сами предпосылки для подобных преступлений...»².

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (Часть II). Ст. 5351; О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

² Заседание Совета глав государств – членов ШОС // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76483> (дата обращения: 17.05.2026).

Приведенные императивы убедительно аргументируют необходимость безотлагательного формирования комплексной частной оперативно-розыскной методики по борьбе с преступлениями, совершаемыми в бюджетной сфере.

В ходе проведения исследования автор столкнулся с отсутствием в современной доктрине общепризнанного, унифицированного понятийного аппарата оперативно-розыскной методики, что порождает эклектичность подходов к определению ее системы и структуры³. Разрабатываемые в настоящее время частные методики базируются на дифференцированных, зачастую партикулярных мнениях отдельных исследователей, что приводит к вариативности их элементного состава и усложняет герменевтическое восприятие права как сотрудниками оперативных подразделений, так и теоретиками. На данную проблему справедливо указывают В. И. Шаров и А. А. Дягилев: «...Вместе с тем, отсутствие научных основ, строгой структуры методических рекомендаций по выявлению и раскрытию отдельных видов преступлений оказывает негативное влияние на развитие данного направления научных изысканий, считающихся основным результатом прикладных исследований. Структура оперативно-розыскной методики обсуждается мало...» [8, с. 263–264]. Представляется, однако, что именно в рамках подобной научной дискуссии кристаллизуется истина, способная в среднесрочной перспективе привести науку к категориально-понятийному консенсусу.

Для наиболее сбалансированного моделирования дефиниции оперативно-розыскной методики борьбы с бюджетными преступлениями необходимо обратиться к ретроспективному анализу ключевых позиций ученых, заложивших теоретический базис данной конструкции.

Так, А. И. Глушков интерпретирует оперативно-розыскную методику как систему (совокупность) научных положений и рекомендаций по оптимальному применению оперативно-розыскных сил, средств и методов в целях обнаружения, получения и использования сведений, обеспечивающих своевременное выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также нейтрализацию противодействия криминальной среды [9, с. 97]. В свою очередь, А. М. Абрамов определяет ее как систему научных положений и рекомендаций по оптимальному применению сил, средств и методов для обнаружения, получения и использования фактических данных, обеспечивающих своевременное выявление и раскрытие подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, нейтрализацию противодействия криминальной среды, процесс доказывания виновности лиц и неотвратимость их ответственности [10, с. 223].

Г. А. Корнилов рассматривает оперативно-розыскную методику через призму системы научных положений и рекомендаций по эффективному применению сил, средств и методов ОРД для получения и использования фактических данных, пригодных для своевременного выявления, документирования, предупреждения и раскрытия совершенных преступлений и обеспечения доказывания виновности лиц [11, с. 197–200]. Н. А. Кузьмин и И. А. Завьялов в качестве облигаторного признака методики выделяют системность применяемых сил, средств и методов ОРД в зависимости от конкретной оперативно-розыскной ситуации, способов совершения

³ Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : Эксмо, 2019. С. 384.

преступлений и свойств личности преступника [12, с. 84]. Данная позиция коррелирует с мнением В. Г. Лагуты, также акцентирующего внимание на получении и использовании фактических данных, пригодных для выявления, раскрытия преступлений и обеспечения доказывания [13, с. 164]. Иная группа исследователей применительно к частным методикам (в частности, противодействия квартирным кражам) определяет их как разработанную на основе изучения практики систему рекомендаций по эффективному применению потенциала ОРД с учетом типичных характеристик преступлений и особенностей противодействия криминальной среды [14, с. 12]. Резюмируя доктринальный обзор, необходимо сослаться на фундаментальное монографическое исследование С. И. Давыдова, осуществившего комплексный критический анализ существовавших подходов и сформировавшего методологический каркас оперативно-розыскной методики, активно используемый в современных изысканиях [15, с. 199].

Констатируя высокую значимость указанных трудов, следует отметить, что целостное научное решение проблемы разработки частной оперативно-розыскной методики борьбы с преступлениями, совершаемыми в бюджетной сфере, на сегодняшний день отсутствует. Существующие исследования носят преимущественно фрагментарный характер, ограничиваясь анализом отдельных видов преступлений либо рассмотрением изолированных организационно-тактических форм (выявление, предупреждение, раскрытие и другие) [16, с. 66; 17, с. 150-161; 18, с. 45; 19, с. 142-147; 20, с. 143-150], предусмотренных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴.

По нашему мнению, данная теоретическая лакуна обусловлена гетерогенностью самой бюджетной сферы, аккумулирующей деятельность множества органов государственной власти, государственных корпораций, предприятий и граждан. Специфика исследуемой области охватывает широкий спектр уголовно-правовых отношений. Согласно Перечню № 26, введенному в действие Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России⁵, к преступлениям в бюджетной сфере относятся порядка 40 самостоятельных составов преступлений. Это свидетельствует о масштабности и многообразии возникающих оперативно-тактических ситуаций, усугубляющихся устойчивым ростом деликтов, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Ввиду ограниченного объема научной публикации автор ставит целью определить концептуальные контуры частной оперативно-розыскной методики борьбы с преступлениями в бюджетной сфере, поскольку каждый самостоятельный состав

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. : послед. ред. // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁵ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 503/11, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 1 от 28 июля 2025 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517620/ (дата обращения: 17.05.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

преступления Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ выступает источником уникальных оперативно-тактических ситуаций. Тем не менее результаты проведенного исследования позволяют выделить ключевые ориентиры решения данной научно-практической проблемы.

Опираясь на фундаментальные положения общей теории ОРД, к структурным элементам частной оперативно-розыскной методики борьбы с преступлениями, совершаемыми в бюджетной сфере, следует отнести:

- оперативно-розыскную характеристику преступлений в бюджетной сфере;
- поиск и установление оперативно значимой информации (включая сведения, полученные с использованием информационно-коммуникационных технологий), ее анализ, проверку и принятие решения о верификации либо отказе от последующей разработки;
- документирование противоправной деятельности;
- оперативно-розыскное предупреждение;
- оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по делам данной категории.

Представляется, что полноценная частная методика должна интегрировать в себя комплекс оперативно-розыскных рекомендаций, охватывающий как существующие, так и прогнозируемые схемы противоправного поведения, реализуясь посредством двух взаимодополняющих методологических векторов: личностно-поискового и событийно-фактологического. Сформированные аналитические модели призваны определить траекторию будущих теоретических и прикладных изысканий в области оперативно-розыскной науки.

Рассматривая первый элемент структуры – оперативно-розыскную характеристику преступлений в бюджетной сфере, отметим, что в содержательном плане она аккумулирует знания о способах подготовки, совершения и сокрытия деликтов, свойствах личности преступника, предмете преступного посягательства, потенциальных носителях оперативно значимой информации, типичных материальных и идеальных следах, а также о моделях постпреступного поведения. Базовые компоненты оперативно-розыскной характеристики осваиваются сотрудниками в рамках специальных учебных дисциплин в образовательных организациях системы МВД России с последующей актуализацией знаний на курсах повышения квалификации.

Поиск и установление оперативно значимой информации (в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий) играет детерминирующую роль в механизме противодействия бюджетным преступлениям. Данная деятельность призвана обеспечить релевантное отражение поступающих сведений, позволяя сотрудникам своевременно принять решение о целесообразности оперативной разработки. В современных условиях информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве эффективного инструмента негласного поиска оперативно значимых данных через анализ открытых и специализированных ведомственных платформ (системы государственных и

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

муниципальных закупок⁷, ГИС «Электронный бюджет»⁸, а также информационные массивы ФАС России [21, с. 204–209], Федерального казначейства [22, с. 124–132], Счетной палаты Российской Федерации и ФНС России).

Этап активного документирования противоправной деятельности направлен на верификацию первичных данных, в ходе которой оперативный сотрудник, реализуя комплекс сил, средств и методов ОРД, осуществляет фиксацию следов преступления и изобличение виновных лиц. При этом необходимо учитывать специфику бюджетной сферы, которая, как показало проведенное анкетирование начальников (заместителей начальников) оперативных подразделений, характеризуется:

- высоким уровнем конспирации (использование шифрования, псевдонимов, закрытых каналов связи);
- развитой иерархической структурой криминальных формирований с четким распределением ролей;
- применением противоправных экономических инструментов (создание аффилированных фирм-однодневок, цепочек взаимозависимых предприятий);
- стремлением к установлению монополии на рынке предоставления товаров и услуг в рамках госзакупок⁹.

Кроме того, организованные преступные группы демонстрируют тенденцию к лоббированию своих интересов через установление коррупционных связей с должностными лицами, внедряя своих представителей в конкурсные комитеты, комиссии по распределению субсидий и грантов.

Оперативно-розыскное предупреждение преступлений в бюджетной сфере выступает имманентным элементом рассматриваемой частной методики. Как обоснованно отмечает А. В. Агарков, предупреждение является непрерывным интегральным процессом внутри ОРД, охватывающим траекторию от получения первичной информации до реализации превентивных мер по нейтрализации причин и условий совершения преступлений экономической и коррупционной направленности при обязательном соблюдении законности и прав участников бюджетных отношений [23, с. 21–25].

Завершающим этапом деятельности оперативных подразделений в рассматриваемом направлении является оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых в бюджетной сфере. Данная категория ОРД занимает ключевое место в структуре частной методики, поскольку она не только финализирует оперативно-поисковый процесс, но и создает юридические предпосылки для решения таких задач, как выявление дополнительных эпизодов преступной деятельности, нейтрализация противодействия расследованию, установление имущества, подлежащего аресту или конфискации, а также

⁷ Единая информационная система в сфере закупок : офиц. сайт. Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 17.05.2026).

⁸ О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» : постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 658 // СЗ РФ. 2015. № 28. Ст. 4228.

⁹ Сведения о результатах анкетирования начальников (заместителей начальников) оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне, вопрос 19.

документирование фактов легализации (отмывания) доходов [24, с. 217]. В данном контексте связь оперативного сотрудника с органами предварительного следствия носит неразрывный характер. П. И. Иванов и А. М. Кустов справедливо подчеркивают, что ни следователь, ни оперативный сотрудник объективно не способны изолированно реализовать весь комплекс задач по направлению дела в суд, используя исключительно публичные уголовно-процессуальные методы [25, с. 135–140]. Данный тезис верифицируется результатами проведенного автором анкетирования, в котором 98,1 % респондентов единогласно указали на невозможность всестороннего, полного и объективного расследования преступлений в бюджетной сфере без проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий¹⁰.

Резюмируя результаты ретроспективного и компаративного анализа доктринальных подходов, автор формулирует дефинитивное выражение исследуемого феномена: частная оперативно-розыскная методика борьбы с преступлениями, совершаемыми в бюджетной сфере, – это институционализированная система научно обоснованных теоретических положений и прикладных алгоритмов эффективного задействования сил, средств и методов ОРД, внутренняя структура которой представлена взаимосвязанными системообразующими блоками: оперативно-розыскной характеристикой преступлений, поисковой деятельностью, документированием, оперативно-розыскным предупреждением и последующим оперативно-розыскным обеспечением уголовного судопроизводства по делам данной направленности.

Очерчивая авторское видение заявленной проблематики, необходимо констатировать, что предложенная пятичленная дескрипция задает фундаментальные теоретико-методологические контуры формирования полноценной частной методики. Данные контуры не просто систематизируют накопленный научный опыт, но и выступают в качестве концептуального каркаса для последующего наполнения каждого из блоков конкретным тактическим содержанием.

На наш взгляд, успешная верификация и практическое развертывание этой модели позволят преодолеть существующую эклектичность подходов в оперативно-розыскной науке. Выделенные контуры формируют долгосрочную траекторию для прикладных изысканий, направленных на создание детальных алгоритмов противодействия специфическим составам бюджетных преступлений (включая высокотехнологичные хищения в сфере гособоронзаказа и национальных проектов), что имеет стратегическое значение для обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Климов И. А., Тузов, Л. Л., Сазонова Н. И. Методология теории и практики оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. 2009. № 1 (5). С. 55–66.
2. Билык В. И., Козлов И. В. Анализ, оценка и прогнозирование оперативной обстановки как основа планирования оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России на районном уровне // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 1 (53). С. 110–115.

¹⁰ Там же, вопрос 23.

3. Иванов М. Г., Иванова О. М., Егоров А. Л. Современные проблемы противодействия экономической преступности // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1 (51). С. 99–106.
4. Ковалев В. В. Суворов и военная педагогика: теория и практика // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 23–28.
5. Янишевский А. Б. О мерах по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с хищением бюджетных средств и легализацией доходов, полученных в результате такого хищения // Закон и право. 2016. № 3. С. 125–127.
6. Климов И. А., Синилов Г. К. Предмет, система, методология, история и перспективы развития теории оперативно-розыскной деятельности : курс лекций по оперативно-розыскной деятельности. Вып. 1. М., 1995. 117 с.
7. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / О. А. Вагин, К. К. Горяинов, А. В. Земскова [и др.] ; под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2025. 795 с.
8. Шаров В. И. Теоретические проблемы оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия преступлений / В.И. Шаров, А.А. Дягилев // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4(97). С. 262–268.
9. Глушков А. И. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2005. 177 с.
10. Абрамов А. М. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования мошенничества : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 395 с.
11. Корнилов Г. А. К вопросу об этапах раскрытия преступления / Г. А. Корнилов, И. Г. Корнилова // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 197–200.
12. Кузьмин Н. А., Завьялов И. А. К вопросу о содержании частной оперативно-розыскной методики раскрытия преступлений прошлых лет // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. Межведомственной науч.-практ. конф. (г. Москва, 11 октября 2023 г.). М. : Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 84–88.
13. Лагута В. Г. Выявление и раскрытие преступлений, совершаемых при добыче, переработке, реализации рыбы и морепродуктов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 210 с.
14. Свистильников А. Б., Свистильникова Е. А. Некоторые вопросы формирования оперативно-розыскной методики, в том числе частной методики противодействия квартирным кражам // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2010. № 1 (15). С. 8–13. (In Russ.).
15. Давыдов С. И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. Барнаул : БЮИ МВД России, 2009. 263 с.
16. Искалиев Р. Г. Противодействие органов внутренних дел преступлениям в сфере экономической деятельности в условиях цифровой трансформации. М. : ООО «Перспектив», 2024. 144 с.
17. Марсаков И. С. Противодействие новым способам совершения преступлений в сфере экономической деятельности при реализации национальных проектов (программ) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 4 (36). С. 150–161.
18. Мангасаров Р. А., Павличенко Н. Противодействие хищениям бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов. М. : Академия управления МВД России, 2024. 90 с.
19. Кузьмин М. Н. К вопросу о методике раскрытия и расследования хищений

бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов (программ) // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2 (109). С. 142–147.

20. Марсаков И. С. Отдельные аспекты борьбы органов внутренних дел с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий в кредитно-финансовой сфере // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 1. № 69. С. 143–150.

21. Марсаков И. С. Взаимодействие подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции с Федеральной антимонопольной службой России как фактор обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: особенности взаимодействия // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 4 апреля 2025 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 204–209.

22. Марсаков И. С. Интеграция цифровых инструментов федерального казначейства Российской Федерации в межведомственное взаимодействие подразделений эбипк в борьбе с преступлениями экономической и коррупционной направленности // Ключевые аспекты экономической безопасности финансовой системы Российской Федерации : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конференции. (г. Нижний Новгород, 21 мая 2025 г.). Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 124–132.

23. Агарков А. В. Содержание понятий оперативно-розыскного предупреждения и оперативно-розыскной профилактики в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 1 (74). С. 21–25.

24. Марсаков И. С. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства по делам коррупционной направленности в сфере закупок // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 214–220.

25. Иванов П. И., Кустов А. М. Оперативно-розыскное сопровождение расследование уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 135–140.

REFERENCES

1. Klimov I. A. Tuzov L. L., Sazonova N. I. Metodologiya teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Methodology of theory and practice of operational investigative activities]. Nauchnyj portal MVD Rossii – Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009, vol. 5, no. 1, pp. 55–66. (In Russ.).

2. Bilyk V. I., Kozlov I. V. Analiz, ocenka i prognozirovanie operativnoj obstanovki kak osnova planirovaniya operativno-sluzhebnaj deyatel'nosti territorial'nyh organov MVD Rossii na rajonnom urovne [Analysis, Assessment and Forecasting of the Operational Situation as the Basis for Planning Operational and Service Activities of the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the District Level]. Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. 2020, vol. 53, no. 1, pp. 110–115. (In Russ.).

3. Ivanov M. G., Ivanova O. M., Egorov A. L. Sovremennye problemy protivodejstviya ekonomicheskoj prestupnosti [Modern Problems of Countering Economic Crime]. Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii [Bulletin of the Russian University of Cooperation]. 2023, vol. 51, no. 1, pp. 99–106. (In Russ.).

4. Kovalev V. V. Suvorov i voennaya pedagogika: teoriya i praktika [Suvorov and Military Pedagogy: Theory and Practice]. Voennno-istoricheskij zhurnal [Military Historical Journal]. 2012, no. 5, pp. 23-28. (In Russ.).
5. Yanishevskij A. B. O merah po vyyavleniyu i preduprezhdeniyu prestuplenij, svyazannyh s hishcheniem byudzhetnyh sredstv i legalizaciej dohodov, poluchennyh v rezul'tate takogo hishcheniya [On Measures to Identify and Prevent Crimes Related to Embezzlement of Budget Funds and Legalization of Income Obtained as a Result of Such Embezzlement]. Zakon i pravo [Law and Legislation]. 2016, no. 3, pp. 125-127. (In Russ.).
6. Klimov I. A., Sinilov G. K. Predmet, sistema, metodologiya, istoriya i perspektivy razvitiya teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Kurs lekciy po operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Subject, System, Methodology, History and Prospects of Development of the Theory of Operational Investigative Activities: Course of Lectures on Operational Investigative Activities]. Moscow, 1995, vol. 1. 117 p. (In Russ.).
7. O. A. Vagin, K. K. Goryainov, A. V. Zemskova, et al.; Eds. K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky. Moscow : NIC INFRA-M Publ., 2025, 795 p. (In Russ.).
8. Sharov V. I., Dyagilev A. A. Teoreticheskie problemy operativno-rozysknoj metodiki vyyavleniya i raskrytiya prestuplenij [Theoretical Problems of Operational Investigative Methods for Detecting and Solving Crimes]. Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova [Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov]. 2023, vol. 97, no. 4, pp. 262-268. (In Russ.).
9. Glushkov A. I. Operativno-rozysknoe obespechenie predvaritel'nogo rassledovaniya i sudebnogo razbiratel'stva [Operational Investigative Support of Preliminary Investigation and Trial]. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ., 2005, 177 p. (In Russ.).
10. Abramov A. M. Teoreticheskie i prikladnye problemy operativno-rozysknogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya moshennichestva [Theoretical and Applied Problems of Operational Investigative Support for Detection and Investigation of Fraud]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2002, 395 p. (In Russ.).
11. Kornilov G. A., Kornilova I. G. K voprosu ob etapah raskrytiya prestupleniya [On the Stages of Crime Detection]. Yuridicheskaya nauka [Legal Science]. 2023, no. 9, pp. 197-200. (In Russ.).
12. Kuz'min N. A., Zav'yalov I. A. K voprosu o sodержanii chastnoj operativno-rozysknoj metodiki raskrytiya prestuplenij proshlyh let [On the Content of Private Operational Investigative Methods for Solving Cold Cases]. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Current Issues of Theory and Practice of Operational Investigative Activities]. Proceedings of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference. 11 October 2023. Moscow, Moscow : V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2023. pp. 84-88. (In Russ.).
13. Laguta V. G. Vyyavlenie i raskrytie prestuplenij, sovershaemyh pri dobyche, pererabotke, realizacii ryby i moreproduktov [Detection and Investigation of Crimes Committed in the Extraction, Processing and Sale of Fish and Seafood]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 1999, 210 p. (In Russ.).
14. Svistil'nikov A. B., Svistil'nikova E. A. Nekotorye voprosy formirovaniya operativno-rozysknoj metodiki, v tom chisle chastnoj metodiki protivodejstviya kvartirnym krazham [Some Issues of Formation of Operational Investigative Methodology, Including Private Methods of Countering Residential Burglaries]. Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina [Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin]. 2010, vol. 15, no. 1, pp. 8-13. (In Russ.).

15. Davydov S. I. Situacionnyj podhod v teorii i praktike operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: monografiya [Situational Approach in the Theory and Practice of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies : Monograph]. Barnaul : Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2009, 263 p. (In Russ.).

16. Iskaliev R. G. Protvodejstvie organov vnutrennih del prestupleniyam v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti v usloviyah cifrovoj transformacii [Countering Crimes in the Sphere of Economic Activity by Internal Affairs Bodies in the Context of Digital Transformation]. Moscow : Prospekt Publ., 2024, 144 p. (In Russ.).

17. Marsakov I. S. Protvodejstvie novym sposobam soversheniya prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti pri realizacii nacional'nyh proektov (programm) [Countering New Ways of Committing Crimes in the Sphere of Economic Activity in the Implementation of National Projects (Programs)]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2025, vol. 36, no. 4, pp. 150-161. (In Russ.).

18. Mangasarov R. A., Pavlichenko N. Protvodejstvie hishcheniyam byudzhetyh sredstv, vydelennyh na realizaciyu gosudarstvennyh programm i nacional'nyh proektov [Countering Embezzlement of Budget Funds Allocated for the Implementation of State Programs and National Projects]. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2024, 90 p. (In Russ.).

19. Kuz'min M. N. K voprosu o metodike raskrytiya i rassledovaniya hishchenij byudzhetyh sredstv, vydelennyh na finansirovanie nacional'nyh proektov (programm) [On the Methodology of Detection and Investigation of Embezzlement of Budget Funds Allocated for Financing National Projects (Programs)]. Yurist"-Pravoved" [Lawyer-Jurist]. 2024, vol. 109, no. 2, pp. 142-147. (In Russ.).

20. Marsakov I. S. Otdel'nye aspekty bor'by organov vnutrennih del s prestupleniyami, sovershaemymi s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v kreditno-finansovoj sfere [Certain Aspects of Combating Crimes Committed Using Information and Communication Technologies in the Credit and Financial Sphere]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2025, vol. 1, no. 69, pp. 143-150. (In Russ.).

21. Marsakov I. S. Vzaimodejstvie podrazdelenij ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii s Federal'noj antimonopol'noj sluzhboj Rossii kak faktor obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii: osobennosti vzaimodejstviya [Interaction of Economic Security and Anti-Corruption Units with the Federal Antimonopoly Service of Russia as a Factor in Ensuring the Economic Security of the Russian Federation: Features of Interaction]. Ekonomicheskaya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva: problemy i puti obespecheniya [Economic Security of the Individual, Society and the State: Problems and Ways of Ensuring It]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 4 April 2025. St. Petersburg, St. Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2025, pp. 204-209. (In Russ.).

22. Marsakov I. S. Integraciya cifrovyyh instrumentov Federal'nogo kaznachejstva Rossijskoj Federacii v mezhvedomstvennoe vzaimodejstvie podrazdelenij EBiPK v bor'be s prestupleniyami ekonomicheskoy i korrupcionnoj napravlenosti [Integration of Digital Tools of the Federal Treasury of the Russian Federation into Interagency Cooperation of Economic Security and Anti-Corruption Units in Combating Economic and Corruption Crimes]. Klyuchevye aspekty ekonomicheskoy bezopasnosti finansovoj sistemy Rossijskoj Federacii [Key Aspects of Economic Security of the Financial System of the Russian Federation]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical

Conference. 21 May 2025. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2025, pp. 124-132. (In Russ.).

23. Agarkov A. V. Soderzhanie ponyatij operativno-rozysknogo preduprezhdeniya i operativno-rozysknoj profilaktiki v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme [The Content of the Concepts of Operational Investigative Prevention and Operational Investigative Prophylaxis in the Penal System]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute]. 2025, vol. 74, no. 1, pp. 21-25. (In Russ.).

24. Marsakov I. S. Operativno-rozysknoe obespechenie predvaritel'nogo rassledovaniya i sudebnogo razbiratel'stva po delam korrupcionnoj napravlenosti v sfere zakupok [Operational Investigative Support of Preliminary Investigation and Trial in Corruption Cases in the Procurement Sphere]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2022, vol. 60, no. 4, pp. 214-220. (In Russ.).

25. Ivanov P. I., Kustov A. M. Operativno-rozysknoe soprovozhdenie rassledovaniya ugolovnyh del i ispol'zovanie pri etom rezul'tatov ORD (organizacionno-takticheskij aspekt) [Operational Investigative Support of Criminal Case Investigation and Use of Operational Investigative Activity Results (Organizational and Tactical Aspect)]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2017, vol. 40, no. 4, pp. 135-140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марсаков Илья Сергеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации оперативно-разыскной деятельности. Академия управления МВД России. 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marsakov Ilya Sergeevich, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of Organization of Operational and Investigative Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125171.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 173–183.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 173–183.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.3

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 3 СТ. 208 УК РФ: ДОКТРИНАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Мырзабергенов Азамат Амирбаевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация,
Myrzabergenov00@bk.ru

Введение. В условиях роста гибридных угроз и вовлечения частных лиц в вооруженные конфликты за пределами стран гражданства российский законодатель в 2022 году дополнил ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации частью третьей. Новизна данной нормы предопределяет необходимость доктринального осмысления признаков ее состава, в особенности специального субъекта. В статье анализируются возрастной критерий и правовой статус виновного, выявляются факторы, обусловившие законодательное решение, а также рассматривается криминализация деяния на предмет ее соответствия принципам международного гуманитарного права.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, международные договоры (Женевские конвенции, Устав ООН), федеральные законы, судебная практика, доктринальные источники. В работе использованы диалектический метод, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, а также методы системного и логического анализа.

Результаты исследования. Установление 16-летнего возраста уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации, обосновано сложностью абстрактных категорий «интересы Российской Федерации», что требует от субъекта уровня социальной зрелости, как правило, недостижимого в 14-летнем возрасте. Ограничение круга субъектов гражданами Российской Федерации и постоянно проживающими в ней лицами без гражданства основано на принципе абсолютной уголовной юрисдикции государства в отношении данных лиц. Включение в число субъектов иностранных граждан (в том числе постоянно проживающих в Российской Федерации) и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в Российской Федерации, вступало бы в противоречие с нормами международного гуманитарного права, предоставляющими комбатантам иммунитет от уголовного преследования за участие в военных действиях. Участие же таких лиц в незаконных вооруженных формированиях охватывается ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Выводы и заключение. Проведенный анализ позволил подтвердить обоснованность установленного законодателем возраста специального субъекта (16 лет) и круга лиц (граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства). Такое законодательное решение обеспечивает баланс между защитой национальных интересов и соблюдением императивных принципов международного гуманитарного права, исключая коллизию уголовной юрисдикции Российской Федерации с суверенитетом иностранных государств.

Ключевые слова: специальный субъект преступления, возраст уголовной ответственности, вооруженный конфликт, иностранный доброволец, комбатант, международное гуманитарное право, интересы Российской Федерации

Для цитирования: Мырзабергенов А. А. Специальный субъект преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ: доктринальное обоснование законодательных решений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 173–183.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

SPECIAL SUBJECT OF THE CRIME UNDER PART 3 OF ARTICLE 208 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: DOCTRINAL JUSTIFICATION OF LEGISLATIVE DECISIONS

Azamat A. Myrzabergenov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Yekaterinburg, Russia, Myrzabergenov00@bk.ru

Introduction. In the context of the growing hybrid threats and the involvement of private individuals in armed conflicts outside their countries of citizenship, the Russian legislator in 2022 supplemented Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation with a third part. The novelty of this provision predetermines the need for a doctrinal understanding of the elements of its composition, in particular, the special subject. The article analyzes the age criterion and the legal status of the offender, identifies the factors that determined the legislative decision, and also examines the criminalization of the act for its compliance with the principles of international humanitarian law.

Materials and Methods. The research materials include the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, international treaties (the Geneva Conventions, the UN Charter), federal laws, judicial practice, and doctrinal sources. The study employs the dialectical method, formal legal, comparative legal, historical legal methods, as well as methods of systemic and logical analysis.

The Results of the Study. The establishment of 16 years as the age of criminal liability for the crime under Part 3 of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation is justified by the complexity of the abstract category "interests of the Russian Federation", which requires a level of social maturity from the subject that is generally unattainable at the age of 14. Limiting the circle of subjects to citizens of the Russian Federation and stateless

persons permanently residing in it is based on the principle of absolute criminal jurisdiction of the state over these persons. Including foreign citizens (including those permanently residing in the Russian Federation) and stateless persons not permanently residing in the Russian Federation as subjects would contradict the norms of international humanitarian law that grant combatants immunity from criminal prosecution for taking part in hostilities. The participation of such persons in illegal armed formations is covered by Part 2 of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Findings and Conclusions. The conducted analysis has confirmed the validity of the legislatively established age of the special subject (16 years) and the circle of persons (citizens of the Russian Federation and stateless persons permanently residing in the Russian Federation). Such a legislative decision ensures a balance between the protection of national interests and compliance with the imperative principles of international humanitarian law, avoiding a conflict between the criminal jurisdiction of the Russian Federation and the sovereignty of foreign states.

Keywords: special subject of the crime, age of criminal responsibility, armed conflict, foreign volunteer, combatant, international humanitarian law, interests of the Russian Federation.

For citation: Myrzabergenov A. A. Spetsial'nyy sub'yekt prestupleniya, predusmotrennogo ch. 3 st. 208 UK RF: doktrinal'noye obosnovaniye zakonodatel'nykh resheniy [Special subject of the crime under Part 3 of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation: doctrinal justification of legislative decisions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 173–183. (In Russ.).

Современная международная обстановка характеризуется ростом гибридных угроз и вовлеченности частных лиц в вооруженные конфликты за пределами их стран гражданства. В качестве ответа на эти вызовы российский законодатель ввел Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ в ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) часть третью, устанавливающую ответственность за участие гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Одним из обязательных признаков состава преступления является его субъект. Общепризнанная в отечественной доктрине уголовного права концепция субъекта преступления основывается на «триаде» конститутивных признаков: физическое лицо, вменяемость и достижение установленного законом возраста уголовной ответственности. В тех случаях, когда диспозиция конкретной нормы Особенной части УК РФ либо примечание к ней предусматривают дополнительные характеристики виновного, такой субъект называют специальным [1, с. 29].

Из буквального толкования рассматриваемой нормы следует, что субъектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Помимо этих общих признаков, законодатель вводит дополнительно два специальных критерия, относящихся к правовому статусу виновного лица: наличие гражданства Российской Федерации либо статус лица без гражданства, постоянно проживающего на территории Российской Федерации.

Проводя системный анализ юридически значимых признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ, необходимо акцентировать внимание на следующем: если с физической природой лица и его вменяемостью как обязательными признаками виновного в целом проблем не возникает, то относительно возраста видится определенная дискуссионность.

Прежде всего, это обусловлено тем, что участие в военном конфликте в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, до введения ч. 3 в ст. 208 УК РФ отчасти охватывалось ч. 2 указанной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, с 14 лет, о чем свидетельствует сформировавшаяся судебная практика¹. Однако, выделив участие в военных конфликтах в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, в самостоятельный состав преступления, законодатель одновременно повысил и возрастной критерий привлечения к уголовной ответственности за совершение данного деяния до 16 лет.

Вышесказанное обуславливает необходимость проанализировать целесообразность установления 16-летнего возраста привлечения к уголовной ответственности за участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением оружия и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

В доктрине уголовного права традиционно считается, что при установлении минимальной возрастной границы наступления уголовной ответственности законодатель исходил из того, что по достижении соответствующего возраста несовершеннолетний способен осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения и руководить им [2, с. 128]. Следовательно, применительно к любому составу преступления, включая анализируемый, ключевое значение приобретает рассмотрение его криминообразующих признаков, поскольку именно их понимание формирует у виновного субъективное восприятие противоправности и общественной опасности собственного поведения.

В контексте сказанного интерес представляет позиция С. А. Маркунцова, определяющего осознание уголовно-правового запрета как «целостный психический процесс восприятия, оценки и усвоения положений, содержащихся в диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации» [3, с. 18].

Уместно отметить, что ключевая особенность конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ, заключается в том, что в качестве его конститутивного признака законодателем выделены цели, противоречащие

¹ Приговор Малокарачаевского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 10 октября 2018 г. по делу № 1-93/2018 // actofact.ru : сайт. URL: <https://actofact.ru/case-09RS0005-1-93-2018-2018-07-10-2-0/> (дата обращения: 25.05.2026); Приговор Кизлярского городского суда Республики Дагестан от 3 июля 2018 г. по делу № 1-65/2018 // actofact.ru : сайт. URL: <https://actofact.ru/case-05RS0020-1-65-2018-2018-06-19-2-0/> (дата обращения: 25.05.2026); Приговор Заводского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 27 февраля 2018 г. по делу № 1-14/2018 // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 25.05.2026).

интересам Российской Федерации. Данное обстоятельство имеет фундаментальное значение для уяснения содержания субъективной стороны деяния, поскольку именно целевая направленность действий виновного выступает системообразующим элементом, определяющим как специфику общественной опасности содеянного, так и характер интеллектуально-волевых процессов, протекающих в сознании субъекта преступления.

В связи с изложенным можно выяснить, способен ли несовершеннолетний, достигший 14-летнего возраста, но не достигший 16 лет, в силу своих возрастных психофизиологических особенностей уяснить достаточно абстрактную сущность таких целей и, как следствие, в полной мере осознать общественную опасность своих действий. Ряд исследователей обоснованно дают на этот вопрос отрицательный ответ. Так, В. В. Есина справедливо указывает на повышенную восприимчивость, психологическую лабильность и незавершенность процесса социализации лиц в возрасте 14–16 лет. Автор ставит под сомнение саму возможность того, что подросток способен оперировать такими сложными категориями, как «интересы Российской Федерации», и адекватно оценивать направленность своих действий против них [4, с. 151].

Данная позиция представляется верной, поскольку преступные цели, сформулированные в ч. 3 ст. 208 УК РФ, носят достаточно абстрактный характер, в то время как познавательная деятельность несовершеннолетнего, особенно в возрасте до 10–15 лет, в значительной степени основывается на наглядно-образном мышлении, когда запрещенное деяние воспринимается им через призму конкретных, часто иллюстративных представлений [3, с. 19]. Указанные цели не имеют предметного выражения и не сводятся к наступлению общественно опасных последствий, которые можно было бы наглядно представить. В силу этого, учитывая недостаточную развитость абстрактно-логического мышления у среднестатистического подростка, следует констатировать его неспособность к полноценной интеллектуально-волевой деятельности, что ставит под сомнение саму возможность наличия у него вины в виде прямого умысла при совершении рассматриваемого преступления.

Дополнительным аргументом данного тезиса выступает сложность терминологического аппарата диспозиции ч. 3 ст. 208 УК РФ, который, по справедливому замечанию С. А. Маркунцова, «препятствуют объективному восприятию несовершеннолетними соответствующих уголовно-правовых запретов» [3, с. 20]. Используемые законодателем понятия требуют от потенциального субъекта достаточной осведомленности в сфере общественно-политической жизни, которой несовершеннолетние, как правило, не обладают.

В контексте изложенного также отметим, что снижение возраста с 16 до 14 лет за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ (участие в составе незаконного вооруженного формирования), содержащего аналогичные цели, вызвало негативную реакцию в научном сообществе, поскольку не учитывало психолого-возрастные особенности несовершеннолетних [5; 6; 7].

С учетом изложенного видится верным установление законодателем 16-летнего возраста субъекта преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ.

При исследовании дополнительных признаков субъекта рассматриваемого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ, ключевое значение приобретает детальный анализ его гражданской принадлежности².

Согласно легальной дефиниции, закрепленной в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», гражданином Российской Федерации признается лицо, имеющее гражданство Российской Федерации. При этом бипатризм, то есть наличие у лица иностранного гражданства наряду с российским, не лишает его статуса гражданина России, напротив, данное лицо будет рассматриваться исключительно как гражданин России, поскольку определяющим фактором является наличие российского гражданства.

Правовой статус лица без гражданства (апатрида) определяется через негативные признаки: таковым является физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) какого-либо иностранного государства (ч. 1. ст. 2)³. Наличие у апатрида вида на жительство в Российской Федерации, удостоверяющего право на постоянное проживание на ее территории, позволяет квалифицировать его как «постоянно проживающее в Российской Федерации лицо без гражданства» (п. 8 ч. 1 ст. 4)⁴.

Как верно отмечают исследователи, с уголовно-правовой точки зрения граждан России и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Российской Федерации, следует приравнять между собой с единственным существенным отличием: последние могут быть экстрадированы в иностранное государство согласно ст. 13 УК РФ [8, с. 96]. Указанный тезис получает последовательное подтверждение в системном толковании норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих действие уголовного закона в пространстве.

Так, в ч. 1 ст. 12 УК РФ, устанавливающей ответственность за преступления, совершенные вне пределов Российской Федерации, законодатель объединяет граждан России и постоянно проживающих в России лиц без гражданства, распространяя на них единый принцип гражданства.

Аналогичный подход закреплен в ч. 3 ст. 12 УК РФ, устанавливающей принцип универсальной юрисдикции: уголовно-правовая защита за пределами территории государства распространяется не только на граждан Российской Федерации, но и на лиц без гражданства, постоянно проживающих в Российской Федерации. Тем самым подчеркивается схожий правовой режим этих категорий лиц в сфере уголовно-правовой защиты.

Данное законодательное решение полностью коррелирует с устоявшимися принципами международного права, в соответствии с которыми юрисдикция

² Под данным термином подразумевается не только гражданство (подданство) конкретного государства, но и применительно к апатридам - страна их постоянного легального проживания.

³ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федер. закон № 115-ФЗ : принят Гос. Думой 21 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2026).

⁴ О гражданстве Российской Федерации : Федер. закон № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 18 апреля 2023 г. : одобрен Советом Федерации 26 апреля 2023 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 25.05.2026)

государства распространяется на лиц без гражданства, постоянно проживающих на его территории, поскольку именно это государство является основным гарантом прав и обязанностей данной категории лиц (п. 4, ч. 2 ст. 5; п. «с», ч. 2 ст. 6 и п. «а», ч. 3 ст. 7)⁵. Аналогичной позиции придерживаются и в отечественной уголовно-правовой доктрине [9, с. 14].

В соответствии с ч. 3 ст. 12 УК РФ универсальная уголовная юрисдикция Российской Федерации распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в России, если совершенное за рубежом преступление посягает на интересы Российской Федерации. Учитывая, что диспозиция рассматриваемого состава преступления закрепляет в качестве конstitutивных соответствующие признаки: цели, противоречащие интересам Российской Федерации, и место – территорию иностранного государства, может возникнуть закономерный вопрос о расширении субъектного состава посредством включения в него иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в России.

Однако подобный законодательный шаг вступил бы в противоречие с императивными нормами международного гуманитарного права, представляющего собой применяемую в период вооруженных конфликтов систему правовых принципов и норм, содержащихся в международных договорах (соглашениях, конвенциях, протоколах) или являющихся следствием установившихся обычаев ведения боевых действий (п. 3 II раздела)⁶. Таким образом, деятельность в рамках вооруженного конфликта и военных действий подпадает под специальный правовой режим, регулируемый данной отраслью международного права (ст. 2)⁷. Ключевой фигурой в этом правовом режиме выступает комбатант – лицо, входящее в состав вооруженных сил стороны конфликта и *имеющее право* на непосредственное участие в боевых действиях (п. 2 ст. 43 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям). Действуя от имени и по воле своего государства, комбатант пользуется международно-правовым иммунитетом от уголовного преследования со стороны противника за сам факт участия в военных

⁵ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. : ратифицирована Федер. законом от 26 июля 2019 г. № 196-ФЗ : вступила в силу для Российской Федерации 12 октября 2019 г. // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036?index=1> (дата обращения: 25.05.2026); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г. : ратифицирована Федер. законом от 13 февраля 2001 г. № 19-ФЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901786545> (дата обращения: 25.05.2026).

⁶ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации : утв. Министром обороны Российской Федерации от 8 августа 2001 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300243501> (дата обращения: 25.05.2026).

⁷ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными : принята 12 августа 1949 г. Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г. // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 25.05.2026).

действиях, за исключением случаев совершения им военных преступлений. Эта норма является общеобязательной и служит краеугольным камнем международного гуманитарного права. Аналогичный подход прослеживается и в работах отечественных ученых, указывающих на определенный «иммунитет» комбатантов от уголовной ответственности за участие в боевых действиях [10, с. 31; 11, с. 608].

В противном случае установление уголовной ответственности за действия военного характера, осуществляемые иностранцами, в том числе постоянно проживающими в России, и лицами без гражданства, постоянно не проживающими на территории Российской Федерации, в составе вооруженных сил своего государства (постоянного проживания), даже в случаях, когда такие действия противоречат интересам Российской Федерации, вступает в прямое противоречие с нормами международного гуманитарного права и нарушает принципы национального суверенитета тех государств, чьи граждане или лица без гражданства, постоянно проживающие на их территориях, окажутся привлеченными к ответственности за действия, считающиеся законными в рамках внутренних законов тех стран. Подобные меры фактически создали бы коллизию с основными положениями Устава Организации Объединенных Наций в части неотъемлемого права государства на индивидуальную или коллективную оборону (ст 51)⁸.

Проведенный сравнительно-правовой анализ показывает, что схожий с отечественным подход к определению круга субъектов аналогичного преступления реализован и в уголовном законодательстве Республики Беларусь⁹.

В контексте изложенного следует отметить, что сказанное не означает, что иностранных лиц и постоянно не проживающих в России лиц без гражданства, участвующих в вооруженном конфликте, военных действиях и иных действиях с применением вооружения и военной техники в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, невозможно привлечь к уголовной ответственности. Данная категория подлежит ответственности в случае их участия в указанной деятельности в составе незаконных вооруженных формирований. При наличии к тому оснований содеянное содержит признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ, субъект которого - общий.

Рассуждая о дифференциации правового статуса потенциальных субъектов рассматриваемого преступления, целесообразно проанализировать такую категорию лиц, как иностранные граждане, постоянно проживающие на территории Российской Федерации. В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» под данной категорией следует понимать лицо (т. е. иностранного гражданина), получившее вид на жительство. В свою очередь, вид на жительство представляет собой документ, выданный иностранному гражданину или лицу без гражданства в подтверждение их права на постоянное проживание в Российской Федерации, а также

⁸ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 25.05.2026).

⁹ Уголовный кодекс Республики Беларусь : УК РБ : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : послед. ред. // pravo.by : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 25.05.2026).

их права на свободный выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию¹⁰.

Несмотря на наличие у данного лица вида на жительство, свидетельствующего об определенной правовой связи с государством проживания, основным фактором, обуславливающим его правовой статус в рамках отечественной правовой системы, является гражданство иностранного государства.

Указанная концепция находит свое подтверждение в нормах Общей части УК РФ. Так, диспозиция ч. 3 ст. 12 УК РФ, регламентирующая действие уголовного закона в пространстве, оперирует единым родовым понятием «иностраный гражданин», не выделяя из него подкатегорию постоянно или временно проживающих в каком-либо государстве. В отношении лиц без гражданства используется иной подход.

Таким образом, следует заключить, что расширение субъектного состава посредством установления уголовной ответственности для иностранных лиц (в том числе постоянно проживающих в России) и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в Российской Федерации, недопустимо. Подобная законодательная инициатива, несмотря на кажущуюся логичность с позиций защиты государственных интересов, неминуемо привела бы к системной коллизии между национальным уголовным законодательством Российской Федерации и императивными нормами международного гуманитарного права.

В свою очередь, иная правовая оценка дается участию в конфликте граждан собственного государства. Гражданин Российской Федерации, принимающий участие в вооруженном конфликте на основании идеологических, политических и иных некорыстных мотивов и не являющийся гражданином государства-участника конфликта, в доктрине квалифицируется как «иностраный доброволец» [12, с. 135]. Как справедливо отмечается в научной литературе, государства традиционно занимают негативную позицию в отношении участия своих граждан в зарубежных вооруженных конфликтах, вместе с тем допуская такое участие при условии, что государство, в интересах которого действует доброволец, не находится в состоянии конфронтации с государством его гражданской принадлежности или его союзниками [12, с. 134]. Именно эта доктринальная позиция нашла свое отражение при криминализации деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ. Так, законодатель запрещает не любое участие в иностранном конфликте, а лишь то, которое осуществляется в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, то есть, по сути, против нее или ее союзников.

Таким образом, установленный в ч. 3 ст. 208 УК РФ круг специальных субъектов – граждан России и постоянно проживающих в ней лиц без гражданства – является не произвольным ограничением, а обоснованным решением законодателя. Оно основано на принципе абсолютной юрисдикции государства в отношении своих граждан и постоянно проживающих на его территории лиц без гражданства, и в то же время строго следует принципам государственного суверенитета и нормам международного гуманитарного права, исключая возможность привлечения к уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не

¹⁰ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федер. закон № 115-ФЗ : принят Гос. Думой 21 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).

проживающих в Российской Федерации, участвующих в составе регулярных вооруженных сил иностранного государства в военных конфликтах.

Такое исключение обусловлено соблюдением общепризнанного принципа международного гуманитарного права, предоставляющего вышеназванным лицам статус законных комбатантов. Наличие данного статуса исключает уголовную ответственность указанных лиц за сам факт участия в военных действиях, поскольку их деятельность легитимирована международным правом и, как следствие, лишена противоправности в ее материальном понимании, что является обязательным признаком преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Практикум по особенностям квалификации отдельных видов преступлений : учебник / [коллектив авторов]. М. : ДГСК МВД России, 2019. 392 с.
2. Прокументов Л. М. Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 308 с.
3. Маркунцов С. А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
4. Есина В. В. Снижение возраста уголовной ответственности за преступления террористической направленности: теоретические и практические проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 6. С. 144–152.
5. Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. О снижении возраста ответственности несовершеннолетних за преступления террористической направленности // Законодательство. 2017. № 4. С. 66–71.
6. Иванчин А. В. Кулева Л. О., Наурбиева Ф. Х. Возрастная граница наступления уголовной ответственности: история и современность // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 17, № 1 (63). С. 78–89. DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-78-89.
7. Смоляров М. В. Снижение возраста уголовной ответственности по отдельным видам составов: новеллы законодательства // Гарант : сайт. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77713315/> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Макаеева А. А. Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Макаеева. М., 2019. 199 с.
9. Ромашев Ю. С., Фетищев Д. В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере : монография. М., 2009. 48 с.
10. Кудашкин А. В. Правовые основания проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 31–36.
11. Романовский Г. Б. Трансформация запрета пыток в условиях нарастания террористических угроз // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 3. С. 607–619.
12. Сайфуллин Э. К. Дифференциация международно-правовых статусов наемника, иностранного добровольца и сотрудника частной военной и охранной компании // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 127–142. DOI: 10.12737/jrl.2022.110.

REFERENCES

1. Praktikum po osobennostyam kvalifikatsii otdel'nykh vidov prestupleniy: uchebnik [Workshop on the specifics of qualification of certain types of crimes: textbook]. Moscow : DGSK MVD Rossii. 2019, 392 p. (In Russ.).
2. Prozumentov L. M. Ugolovno-pravovaya okhrana i otvetstvennost' nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii [Criminal legal protection and responsibility of minors in the Russian

Federation]. Tomsk : Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, 308 p. (In Russ.).

3. Markuntsov S. A. Osoznanie ugolovno-pravovykh zapretov v strukture ugolovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh [Awareness of criminal law prohibitions in the structure of criminal liability of minors]. Abstract of PhD diss. Moscow, 2007, 26 p. (In Russ.).

4. Esina V. V. Snizhenie vozrasta ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti: teoreticheskie i prakticheskie problemy [Reducing the age of criminal responsibility for terrorist crimes: theoretical and practical problems]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2016, no. 6. pp. 144-152. (In Russ.).

5. Pantyukhina I. V., Larina L. Yu. O snizhenii vozrasta otvetstvennosti nesovershennoletnikh za prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti [On reducing the age of responsibility of minors for terrorist crimes]. Zakonodatel'stvo. 2017, no. 4, pp. 66-71. (In Russ.).

6. Ivanchin A. V., Kuleva L. O., Naurbiyeva F. Kh. Vozrastnaya granitsa nastupleniya ugolovnoy otvetstvennosti: istoriya i sovremennost' [Age limit of criminal liability: history and modernity]. Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2023, vol. 17, no. 1 (63). pp. 78-89. DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-78-89. (In Russ.).

7. Smolyarov M. V. Snizhenie vozrasta ugolovnoy otvetstvennosti po otdel'nym vidam sostavov: novelly zakonodatel'stva [Reducing the age of criminal liability for certain types of offenses: legislative novelties]. Legal reference system "Garant". URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77713315/> (accessed: 10 September 2025). (In Russ.).

8. Makaseyeva A. A. Real'nyy printsip deystviya ugolovnogo zakona v prostranstve [The real principle of operation of the criminal law in space]. PhD diss. Moscow, 2019, 199 p. (In Russ.).

9. Romashev Yu. S., Fetishchev D. V. Yurisdiksiya gosudarstv v pravookhranitel'noy sfere [Jurisdiction of states in the law enforcement sphere]. Moscow, 2009, 48 p. (In Russ.).

10. Kudashkin A. V. Pravovye osnovaniya provedeniya spetsial'noy voennoy operatsii [Legal grounds for conducting a special military operation]. Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voennopravovoe obozrenie. 2022, vol. 300, no. 7, pp. 31-36. (In Russ.).

11. Romanovskiy G. B. Transformatsiya zapreta pytok v usloviyakh narastaniya terroristicheskikh ugroz [Transformation of the prohibition of torture in the context of increasing terrorist threats]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2022, vol. 13, no. 3, pp. 607-619. (In Russ.).

12. Sayfullin E. K. Differentsiatsiya mezhdunarodno-pravovykh statusov naemnika, inostrannogo dobrovol'tsa i sotrudnika chastnoy voennoy i okhrannoy kompanii [Differentiation of international legal status of mercenary, foreign volunteer and employee of a private military and security company]. Zhurnal rossiyskogo prava. 2022, vol. 26, no. 10, pp. 127-142. DOI: 10.12737/jrl.2022.110. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мырзаберенов Азамат Амирбаевич, адъюнкт адъюнктуры. Уральский юридический институт МВД России. 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Myrzabergenov Azamat Amirbaevich, postgraduate student. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 66 Korepina St., Yekaterinburg, 620057.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 15.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 184–197.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026.
vol. 118, no. 3, pp. 184–197.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.2.7

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТРАНСЛЯЦИЕЙ СЦЕН СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Родивилин Иван Петрович

Главное управление министерства внутренних дел Российской Федерации
по Иркутской области, г. Иркутск, Российская Федерация, 377a@bk.ru

Введение. В статье исследуются проблемы уголовно-правовой квалификации деяний, связанных с трансляцией сцен сексуального характера в сети Интернет (вебкам-деятельность), в условиях стремительного развития цифровых технологий, опережающего законотворческий процесс. Актуальность темы обусловлена ростом масштабов вебкам-индустрии, ее высокой латентностью и отсутствием единообразных подходов в правоприменительной практике.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы, а также анализ судебной практики и доктринальных источников.

Результаты исследования. Выявлены ключевые проблемы квалификации: отсутствие легальных дефиниций «порнография» и «эротика»; сложности разграничения публичных и частных трансляций в контексте разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37; неоднозначность судебных подходов к установлению прямого умысла, включая случаи признания отсутствия состава преступления при неосведомленности лица о технических особенностях распространения информации; проблемы квалификации действий различных участников (организаторов, моделей, пособников); сложности доказывания в условиях анонимности, использования криптовалют и трансграничного характера деятельности.

Выводы и заключения. Обоснована необходимость законодательного закрепления понятийного аппарата с учетом современных технологий, уточнения признаков объективной стороны составов преступлений, выработки единообразных подходов к оценке субъективной стороны в судебной практике, совершенствования методик расследования и механизмов международного сотрудничества. Сделан вывод о том, что постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37, разъяснившее понимание публичной демонстрации, не может применяться к деяниям, совершенным до его принятия, что требует учета при квалификации длящихся преступлений.

Ключевые слова: вебкам-индустрия, квалификация преступлений, порнография, публичная демонстрация, сеть Интернет, уголовная ответственность, судебная практика, субъективная сторона, цифровые технологии.

Для цитирования: Родивилин И. П. Квалификация преступлений, связанных с трансляцией сцен сексуального характера, в условиях цифровой трансформации общества / И.П. Родивилин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 184–197.

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE BROADCASTING OF SCENES OF A SEXUAL NATURE IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

I.P. Rodivilin

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation, 377a@bk.ru

Introduction. The article examines the problems of criminal-legal qualification of acts related to the broadcasting of scenes of a sexual nature on the Internet (webcam activity) in the context of the rapid development of digital technologies outpacing the legislative process. The relevance of the topic is due to the growing scale of the webcam industry, its high latency, and the lack of uniform approaches in law enforcement practice.

Materials and Methods. The methodological basis of the study includes the dialectical method of cognition, formal legal, comparative legal, systemic-structural methods, as well as the analysis of judicial practice (verdicts of the Vologda City Court, the Moscow District Court of Tver, rulings of the Supreme Court of the Russian Federation) and doctrinal sources.

The Results of the Study. Key qualification problems have been identified: the absence of legal definitions of "pornography" and "erotica"; difficulties in distinguishing between public and private broadcasts in the context of the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022 No. 37; ambiguity of judicial approaches to establishing direct intent, including cases of recognizing the absence of a crime when a person was unaware of the technical features of information dissemination; problems of qualifying the actions of various participants (organizers, models, accomplices); difficulties of proving in conditions of anonymity, use of cryptocurrencies, and the cross-border nature of the activity.

Findings and Conclusions. The article substantiates the need for legislative consolidation of the conceptual framework considering modern technologies, clarification of the signs of the objective side of crimes, development of uniform approaches to assessing the subjective side in judicial practice, improvement of investigation methods and mechanisms of international cooperation. It is concluded that the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022 No. 37, which clarified the understanding of public demonstration, cannot be applied to acts committed before its adoption, which requires consideration when qualifying continuing crimes.

Keywords: webcam industry, qualification of crimes, pornography, public demonstration, Internet, criminal liability, judicial practice, subjective side, digital technologies.

For citation: Rodivilin I. P. Kvalifikatsiya prestupleniy, svyazannykh s translyatsiyey stsen seksual'nogo kharaktera, v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva [Qualification of crimes related to the broadcasting of scenes of a sexual nature in the context of the digital transformation of society]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026, vol. 118, no. 3, pp. 184–197.

Квалификация преступлений, связанных с трансляцией сцен сексуального характера в сети Интернет, представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем современной уголовно-правовой науки. Сложность обусловлена несколькими факторами: во-первых, стремительным развитием цифровых технологий, опережающим законотворческий процесс; во-вторых, отсутствием легальных дефиниций ключевых понятий; в-третьих, спецификой самого явления вебкам, сочетающего элементы публичной демонстрации, интерактивного общения и коммерческой деятельности.

Как справедливо отмечают исследователи, вебкам-индустрия является одним из самых трудно выявляемых и раскрываемых видов киберпреступлений, что связано с развитием цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий, которые предоставляют пользователям высокую степень анонимности и позволяют преступникам сохранять хорошую репутацию в обычной жизни, не состоя на учетах в наркологических или психиатрических диспансерах [1, с. 86]. Это объясняет, что вычислить и привлечь к ответственности такого преступника сложно.

В настоящей статье будут рассмотрены основные проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием трансляции сцен сексуального характера, включая вопросы определения порнографического характера материалов, установления признака публичности, разграничения публичных и частных трансляций, квалификации действий организаторов и моделей, проблемы субъективной стороны, а также значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для правоприменительной практики.

Центральной проблемой квалификации преступлений, связанных с вебкам-деятельностью, является отсутствие легальных дефиниций понятий «порнография» и «эротика». Действующее законодательство не содержит четких критериев отнесения контента к порнографическому, что создает значительные сложности для правоприменения и порождает доктринальные дискуссии.

В теории уголовного права под порнографией принято понимать вульгарно-натуралистическое, циничное изображение половой жизни людей, имеющее целью создание у потребителя сексуального возбуждения и не содержащее в себе художественных, исторических, медицинских, научных или воспитательных целей. Эротика, в отличие от порнографии, предполагает отражение сексуальной сферы жизни человека в художественных, научных или просветительских целях, с использованием эстетических средств и без акцента на физиологических деталях [2, с. 40].

Однако в условиях вебкам-индустрии применение данных критериев крайне затруднительно по ряду причин. Проблема усугубляется тем, что порнографический контент в сети Интернет существует в огромных объемах, при этом сайты с таким

контентом часто не существуют долго, однако всегда имеют дополнительные или резервные источники, куда можно перенаправить трафик в случае блокировки правоохранительными органами [3, с. 948]. Это многомиллионная индустрия с большим количеством как потребителей такого рода услуг, так и злоумышленников.

Для отнесения материалов к порнографическим на практике назначаются комплексные искусствоведческие, сексологические и психолого-педагогические экспертизы. Однако единообразие заключений экспертов по данной категории дел отсутствует. Исследователи отмечают, что при проведении экспертиз возникают сложности в разграничении собственно порнографии и произведений искусства, медицинских и научных материалов, содержащих изображения обнаженной натуры или сцен сексуального характера [4, с. 130].

Применительно к вебкам-трансляциям проблема усугубляется тем, что контент создается в режиме реального времени, не фиксируется на материальных носителях (или фиксируется факультативно), а потому его экспертное исследование возможно только путем просмотра записи трансляции, которая не всегда сохраняется. Кроме того, сам характер вебкам-деятельности предполагает вариативность контента: в рамках одной трансляции модель может демонстрировать как эротические, так и откровенно порнографические действия, что затрудняет квалификацию деятельности в целом.

Одним из ключевых вопросов квалификации вебкам-деятельности по ст. 242 УК РФ является установление признака публичности демонстрации порнографических материалов. Диспозиция данной нормы прямо указывает на публичный характер демонстрации как обязательный признак объективной стороны. Соответственно, если трансляция не является публичной, состав преступления отсутствует.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» разъяснено, что под публичной демонстрацией в сети Интернет следует понимать в том числе действия, совершенные в прямом эфире на стриминговых сервисах¹.

Признак публичности демонстрации не может быть установлен в том случае, когда вебкам проводится в приват-комнатах, то есть адресат каждого материала априори ограничен одним лицом [5, с. 53]. Это создает существенные сложности для квалификации, поскольку значительная часть вебкам-трансляций осуществляется именно в формате приват-шоу, доступных ограниченному кругу платных подписчиков, а иногда и одному конкретному пользователю.

Следует подчеркнуть, что постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37¹ ухудшило положение лиц, признав действия в прямом эфире предметом оборота порнографии, а потому применение уголовного закона для вебкама, проведенного до 15 декабря 2022 г., не соответствует нормам об обратной силе уголовного закона [5, с. 54]. Данный вывод имеет принципиальное значение для

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2026).

правоприменительной практики, поскольку значительная часть уголовных дел о вебкам-деятельности возбуждается по фактам трансляций, осуществлявшихся на протяжении длительного времени, в том числе до принятия указанного разъяснения.

Стоит обратить внимание на то, что технические особенности инфокоммуникационных технологий постоянно совершенствуются, и меняются их продукты. Анонимность дает человеку свободу и в то же время вседозволенность. Видеоролики порнографического содержания загружаются на съемных квартирах, в интернет-кафе или в других местах, которые не могут принадлежать преступнику [6, с. 88]. Поэтому сотрудникам органов внутренних дел в какой-то степени осуществлять поимку такого преступника проблематично.

Кроме того, сами вебкам-платформы используют различные технические ухищрения для сокрытия своей деятельности и обхода блокировок. Как отмечается в материалах судебной практики, организаторы вебкам-студий используют средства обхода блокировки (VPN) для доступа к зарубежным сайтам, доступ к которым запрещен на территории РФ².

Правоприменительная практика демонстрирует различные подходы к квалификации действий участников вебкам-деятельности в зависимости от их роли в совершении преступления. Анализ судебных решений позволяет выделить несколько типичных ситуаций.

Квалификация действий организаторов. Организаторы вебкам-студий, как правило, привлекаются к ответственности по п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 242 УК РФ как лица, совершившие преступление организованной группой, с использованием сети «Интернет», с извлечением дохода в крупном размере.

Так, в приговоре Вологодского городского суда по делу организованной преступной группы, действовавшей на протяжении четырех лет, действия каждого подсудимого были квалифицированы по п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 242 УК РФ (незаконное изготовление в целях распространения, публичной демонстрации, рекламирования, распространение, публичная демонстрация и рекламирование порнографических материалов, совершенные организованной группой, с использованием сети «Интернет», с извлечением дохода в крупном размере)². Организатор, осуществлявший общее руководство и планирование деятельности, аренду квартир под студии и распределение дохода, получил наказание в виде 2 лет 9 месяцев лишения свободы условно. Администратор, непосредственно контролировавший работу моделей, привлекавший девушек, участвовавший в создании материалов и проводивший инструктажи с применением мер конспирации, осужден на 2 года 6 месяцев условно.

В приговоре Московского районного суда г. Твери по делу о вебкам-студии, действовавшей в арендованных квартирах, организаторы также осуждены по п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 242 УК РФ на 2 года лишения свободы³. Следствием было установлено, что злоумышленники занимались организацией и техническим обеспечением трансляции запрещенного контента, подбором персонала на должность «модели», «танцовщицы», «ведущей», инструктированием кандидатов, контролем графика их работы и распределением преступного заработка. Пикантное видео

² Приговор Вологодского городского суда от 20 декабря 2023 г. по делу № 1-678/2023 // Архив Вологодского городского суда.

³ Приговор Московского районного суда г. Твери от 14 марта 2024 г. по делу № 1-45/2024 // Архив Московского районного суда г. Твери.

транслировалось в публичном доступе, в том числе за пределами России, а также в «приватных чатах» на сайтах, доступ к которым запрещен на территории РФ. Через платежные системы на счета фигурантов от подписчиков поступило более 3,5 миллионов рублей.

Квалификация действий моделей. Вебкам-модели привлекаются к ответственности как непосредственные исполнители преступления. В приведенных выше делах модели получили наказание в виде лишения свободы условно: в Вологде – от 2 до 2 лет 3 месяцев, в Твери – от 2 до 3 лет.

Интерес представляет зарубежная практика квалификации действий вебкам-моделей. Так, в Минске женщину судили по ч. 2 ст. 343 УК Республики Беларусь (трансляция порнографических материалов, совершенная из корыстных побуждений, совершенная лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста)⁴.

При осмотре ноутбука минчанки нашли страницу на сервисе для эротических трансляций с ее аккаунтом, в котором общее время онлайн составило 10 283 часа 37 минут 31 секунда (это больше 420 суток непрерывной трансляции), а доход – 378 021 доллар. Женщина была приговорена к двум годам лишения свободы с отсрочкой на два года, а также к конфискации всей суммы дохода в пользу государства. Суд постановил изъять в доход государства 378 020 долларов, пересчитав их в белорусские рубли по курсу Нацбанка – получилось 797 056 рублей.

Данный пример демонстрирует, что в отличие от российской практики, где конфискация дохода применяется не всегда последовательно, в зарубежных правовых порядках этот инструмент используется активно, что существенно повышает эффективность уголовно-правового воздействия.

Установление субъективной стороны преступлений, связанных с трансляцией сцен сексуального характера, представляет значительную сложность для правоприменителя. Для привлечения к уголовной ответственности по ст. 242–242.2 УК РФ необходимо доказать наличие прямого умысла на совершение соответствующих действий.

В.С. Соловьев, анализируя проблемы квалификации распространения запрещенной информации через файлообменные сети, обращает внимание на противоречия в подходах судов к оценке субъективной стороны [7, с. 193]. Изучение практики по уголовным делам показывает, что в последние годы сложилась неоднозначная позиция судов по вопросу о том, что именно свидетельствует о наличии умысла на распространение.

Нами приведены примеры оправдательных приговоров, в которых суды вышестоящих инстанций констатировали отсутствие умысла при следующих обстоятельствах:

1. Лицо не предлагало и не передавало материалы конкретным адресатам, а только хранило их в общем доступе. В одном из определений Верховный Суд РФ отметил: «То обстоятельство, что Х. было известно о сохранении скачанных на компьютер файлов порнографического содержания и особенностях программы, позволяющей другим пользователям скачивать данные файлы, само по себе не свидетельствует о прямом умысле осужденного на их распространение, а при

⁴ Приговор Минского городского суда от 15 марта 2024 г. по делу № 1-234/2024 // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь: официальный сайт. – URL: https://www.court.gov.by/ru/minskij/gorodskoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/0206b85142474f87.html (дата обращения: 21.02.2026).

косвенном умысле, если виновное лицо не желает, а только допускает возможность наступления общественно опасных последствий, состав преступления по ст. 242.1 УК РФ отсутствует»⁵.

2. Информация находилась в свободном доступе, и лицо лишь скачало уже распространенные материалы. Верховный Суд РФ указал: «То обстоятельство, что П. было известно о сохранении скачанных на компьютер файлов порнографического содержания в программе, позволяющей другим пользователям скачивать данные файлы, само по себе не может свидетельствовать об умысле осужденного на их распространение, поскольку на момент приобретения (скачивания, копирования) им данных файлов они уже были распространены в сети "Интернет" и находились в свободном доступе»⁶.

3. Лицо не обладало специальными знаниями о принципах функционирования файлообменных сетей. В одном из определений суд указал на показания осужденного, который «пояснил, что через файлообменную программу скачивал для личного просмотра видеофайлы порнографического содержания. На вопрос следователя о том, возможен ли доступ других лиц к данным видеофайлам, показал, что не знает, поскольку не разбирается в функциях этой программы, он неумышленно оставил эти файлы в свободном доступе, поскольку не обладает достаточными навыками в пользовании компьютером»⁷.

В.С. Соловьев критически оценивает такую аргументацию, отмечая, что ссылка лица, привлекаемого к ответственности, на отсутствие специальных знаний в области функционирования файлообменных сетей является способом защиты от уголовного преследования [7, с. 194]. В случае формирования устойчивой судебной практики признания невиновными лиц, не знающих принципов и механизма функционирования файлообменных сетей, как и любых других информационно-телекоммуникационных технологий, однако использующих их для совершения преступлений, расследование и судебное разбирательство по подобным делам в принципе лишается смысла.

Применительно к вебкам-деятельности эти выводы имеют непосредственное значение. Организаторы и модели нередко ссылаются на то, что не осознавали порнографического характера создаваемого контента, считая его эротикой, либо не знали о противоправности своих действий, либо полагали, что трансляции в приват-комнатах не являются публичными. Опровержение таких доводов требует тщательного исследования всех обстоятельств дела, включая характер рекламы, содержание инструкций для моделей, осведомленность о возрастных ограничениях доступа к трансляциям, использование мер конспирации и т.д.

⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2024 г. № 5-УД24-12-K2 // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=2146402 (дата обращения: 21.09.2026).

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от [дата] № 5-УД19-61 по делу Пузырева И.Н. // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 21.02.2026).

⁷ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июня 2020 г. № 77-1042/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как отмечалось ранее, вебкам-деятельность сопряжена с широким спектром иных преступных посягательств, квалификация которых также порождает ряд проблем.

Особую сложность представляет квалификация действий, связанных с вовлечением несовершеннолетних в вебкам-деятельность. Для привлечения к ответственности по ст. 242.1 и 242.2 УК РФ необходимо доказать, что лицо заведомо знало о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего либо допускало это. Однако в условиях цифровой коммуникации, когда модель может использовать фальшивые документы, грим, изменять голос и внешность с помощью технических средств, доказывание этого обстоятельства крайне затруднительно [8, с. 83].

Исследователи отмечают, что выявление фактов участия несовершеннолетних в вебкам-трансляциях требует специальных знаний и тесного взаимодействия оперативных подразделений с экспертными учреждениями [9, с. 71]. Кроме того, необходимо разграничение ситуаций, когда несовершеннолетний выступает в роли модели по собственной инициативе (под влиянием ложного представления о «легких деньгах») и когда имеет место вовлечение со стороны третьих лиц.

Развитие технологий искусственного интеллекта породило новую проблему – создание порнографических материалов с использованием дипфейков, когда лица реальных людей синтезируются с телами порноактрис. Квалификация таких действий по действующему УК РФ затруднена, поскольку состав ст. 242 УК РФ ориентирован на изготовление и оборот порнографических материалов с участием реальных лиц. Вопрос о том, можно ли признать дипфейк порнографическим материалом, если в его создании не принимали участия реальные люди, остается дискуссионным [10, с. 98].

Квалификация вымогательства и нарушения неприкосновенности частной жизни. Записи вебкам-трансляций, интимные фотографии и видео, персональные данные моделей и клиентов нередко становятся предметом вымогательства (ст. 163 УК РФ). Кроме того, распространение таких записей без согласия изображенных лиц может образовывать состав нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) [11, с. 159]. Однако доказывание этих преступлений требует установления факта незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни, что в условиях цифровой среды также сопряжено со значительными сложностями.

Вебкам-индустрия по своей природе является транснациональным явлением. Российские модели работают преимущественно на зарубежные аудитории, используют зарубежные платформы (LiveJasmin, Chaturbate, CAM4 и др.) [12; 13], получают оплату в криптовалюте или через зарубежные платежные системы. Это создает значительные сложности для расследования и привлечения виновных к ответственности.

Во-первых, возникают проблемы с определением места совершения преступления. Согласно ч. 1 ст. 11 УК РФ, лицо, совершившее преступление на территории РФ, подлежит ответственности по УК РФ. Однако, если трансляция осуществляется на территории РФ, а серверы платформы и потребители контента находятся за рубежом, место совершения преступления формально может быть определено как территория РФ (по месту действия исполнителя). Вместе с тем, доказывание этого обстоятельства требует установления точного места нахождения модели в момент трансляции.

Во-вторых, возникают сложности получения доказательств от зарубежных платформ. Вебкам-сайты, как правило, зарегистрированы в юрисдикциях с

либеральным законодательством (Нидерланды, Кипр, некоторые штаты США) и не сотрудничают с российскими правоохранительными органами. Получение информации о доходах моделей, записях трансляций, переписке с клиентами требует направления запросов в рамках международного сотрудничества, что не всегда эффективно [14, с. 401].

В-третьих, проблема квалификации усугубляется использованием криптовалют для расчетов. Выплаты моделям осуществляются в криптовалюте (биткоинах, эфириуме и др.), что затрудняет установление размера дохода и его дальнейшую конфискацию. Как показывает практика, сами модели нередко не могут точно назвать сумму полученного дохода, поскольку вывод средств осуществляется через цепочку посредников и обменников.

В упомянутом ранее «белорусском деле» модель оценила свой доход примерно в 15 тысяч долларов, в то время как по данным платформы он составил 378 тысяч долларов. Суд признал достоверными данные платформы, что является важным прецедентом для правоприменительной практики. Однако в условиях, когда доступ к данным платформы ограничен, установление реального размера дохода остается серьезной проблемой.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 внесло существенные коррективы в понимание признаков преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, включая вебкам-деятельность. Как уже отмечалось, Пленум разъяснил, что под публичной демонстрацией в сети Интернет следует понимать в том числе действия, совершенные в прямом эфире на стриминговых сервисах.

Р.Д. Шарапов, анализируя правовые позиции, изложенные в данном постановлении, дает им доктринальную и правоприменительную оценку применительно к признакам преступного распространения порнографии, совершаемого с использованием сети Интернет [15, с. 130]. Следует отметить, что разъяснения Пленума имеют важное значение для единообразия судебной практики, однако не снимают всех вопросов квалификации.

Помимо уже рассмотренной проблемы обратной силы закона и разграничения публичных и частных трансляций, можно выделить следующие вопросы, требующие дополнительного разъяснения:

1. Критерии отнесения материалов к порнографическим применительно к онлайн-трансляциям. Пленум не дал разъяснений по этому вопросу, оставив его на усмотрение экспертов и судов.

2. Квалификация действий лиц, обеспечивающих техническую возможность трансляций (владельцев платформ, провайдеров хостинга, платежных систем). Остается неясным, могут ли они признаваться соучастниками преступления и при каких условиях.

3. Разграничение административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний в сфере распространения порнографических материалов в сети Интернет.

Эффективность уголовного преследования вебкам-деятельности во многом зависит от качества доказывания. Практика свидетельствует о наличии ряда проблем в этой сфере.

Проблема обнаружения и фиксации признаков преступления. Как отмечают исследователи, порнографические сайты часто имеют кратковременное существование и используют дополнительные или резервные источники, чтобы избежать блокировки

правоохранительными органами [6, с. 86]. Это требует от оперативных подразделений постоянного мониторинга сети Интернет и оперативного реагирования на обнаруженные факты.

Способы борьбы с незаконным распространением порнографического контента включают реакцию на жалобы пользователей, реагирование на сигналы Роскомнадзора и самостоятельный мониторинг и удаление противоправного контента. Однако социальные сети и платформы являются лишь информационными посредниками, а контент создается пользователями, что затрудняет привлечение к ответственности самих платформ [16, с. 34].

Информация, полученная из сети Интернет, может быть признана доказательством только при соблюдении строгих процессуальных правил ее фиксации [17, с. 109]. Осмотр сайтов, изъятие компьютерной техники, копирование информации должны производиться с участием понятых и специалистов, с соблюдением требований УПК РФ. Нарушение этих правил может повлечь признание доказательств недопустимыми.

Проблема установления личности участников. Анонимность, которую предоставляет Интернет, существенно затрудняет идентификацию как моделей, так и организаторов вебкам-студий. Использование виртуальных частных сетей (VPN), прокси-серверов, анонимных браузеров, регистрация на сайтах по фальшивым документам – все это создает препятствия для установления лиц, подлежащих привлечению к ответственности [18, с. 53].

Как уже отмечалось, для отнесения материалов к порнографическим требуется проведение комплексных экспертиз. Однако на практике возникают сложности с подбором экспертов, обладающих необходимой квалификацией, а также с формулировкой вопросов, выносимых на разрешение экспертизы. Нередко заключения экспертов содержат противоречивые выводы, что требует назначения повторных или дополнительных экспертиз [19, с. 65].

Проведенный анализ проблем квалификации преступлений, совершаемых с использованием трансляции сцен сексуального характера в сети Интернет, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Основными проблемами квалификации вебкам-деятельности являются: отсутствие легальных дефиниций понятий «порнография» и «эротика»; сложность разграничения публичных и частных трансляций; неопределенность критериев отнесения онлайн-контента к порнографическому; проблемы установления субъективной стороны; сложности квалификации действий различных участников (организаторов, моделей, пособников); трансграничный характер преступной деятельности; проблемы доказывания и получения доказательств в цифровой форме.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 внесло существенные коррективы в понимание признаков преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, разъяснив, что под публичной демонстрацией следует понимать в том числе действия в прямом эфире на стриминговых сервисах. Однако данное разъяснение не может применяться к деяниям, совершенным до его принятия, что создает проблему обратной силы уголовного закона и требует учета при квалификации деяний и продолжаемых преступлений.

3. Признак публичности демонстрации не может быть установлен в случае проведения вебкам-трансляций в приват-комнатах, адресованных ограниченному кругу лиц или одному конкретному пользователю. Это создает существенные

сложности для квалификации, поскольку значительная часть вебкам-деятельности осуществляется именно в таком формате. Требуется выработка дополнительных критериев разграничения либо внесение изменений в уголовное законодательство, которые позволили бы привлекать к ответственности за систематическое оказание интерактивных услуг сексуального характера независимо от публичности конкретной трансляции.

4. Судебная практика квалифицирует действия организаторов вебкам-студий по п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 242 УК РФ как совершенные организованной группой, с использованием сети «Интернет», с извлечением дохода в крупном размере. Модели привлекаются к ответственности как непосредственные исполнители. Однако сохраняются проблемы в квалификации действий лиц, обеспечивающих техническую инфраструктуру (владельцев платформ, провайдеров, платежных систем).

5. Установление субъективной стороны требует доказывания наличия прямого умысла на совершение преступления. Практика вышестоящих судов демонстрирует противоречивые подходы к оценке умысла, включая признание отсутствия состава преступления в случаях, когда лицо не осознавало технических особенностей распространения информации в сети Интернет. Такая практика представляется необоснованной и требующей корректировки.

6. Трансграничный характер вебкам-деятельности создает дополнительные сложности для квалификации, включая проблемы определения места совершения преступления, получения доказательств от зарубежных платформ, установления размера дохода при использовании криптовалют. Решение этих проблем требует развития механизмов международного сотрудничества и совершенствования методик расследования.

7. Проблемы доказывания по уголовным делам о вебкам-деятельности включают сложность обнаружения и фиксации признаков преступления (ввиду кратковременного существования сайтов, использования средств обхода блокировок), получения доказательств в цифровой форме с соблюдением процессуальных требований, установления личности участников (в условиях анонимности), проведения экспертиз для определения порнографического характера материалов.

Таким образом, квалификация преступлений, связанных с трансляцией сцен сексуального характера, требует комплексного подхода, учитывающего как стремительное развитие цифровых технологий, так и необходимость соблюдения принципов законности и правовой определённости. Представляется необходимым законодательно закрепить легальные дефиниции порнографии и эротики, уточнить признаки публичности и субъективной стороны, а также выработать единые методики расследования и механизмы международного взаимодействия. Только системное совершенствование уголовного закона и правоприменительной практики позволит обеспечить эффективное противодействие вебкам-преступлениям без необоснованного расширения уголовной репрессии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евдокимов К.Н. Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 1 (35). – С. 86–94.
2. Антонян Ю.М. Преступная секс-индустрия (проституция, порнография, преступность) : монография. – Москва, 2024. – 180 с.

3. Репецкая А.Л. Современные тенденции развития преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Baikal Research Journal*. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 947–953.
4. Куфлева В.Н., Литовченко А.И. Новеллы квалификации вебкам-контента как публично распространяемой порнографии // *Теория и практика общественного развития*. – 2023. – № 3. – С. 129–133.
5. Алексеева Т.С. Проблемы квалификации вебкам-деятельности по признаку публичности // *Вестник Российской правовой академии*. – 2024. – № 2. – С. 52–58.
6. Евдокимов К.Н. Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2017. – № 2 (40). – С. 85–91.
7. Соловьев В.С. Использование социального сегмента сети Интернет для совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2017. – № 3. – С. 192–195.
8. Овсяникова А.А. Сексуальная эксплуатация как форма насилия над несовершеннолетними // *Вестник Владимирского юридического института*. – 2013. – № 3 (28). – С. 82–86.
9. Хромов Е.В. Разграничение развратных действий и распространения порнографических материалов среди несовершеннолетних в сети Интернет // *Уголовное право*. – 2024. – № 5. – С. 70–75.
10. Ефремова М.А., Рускевич Е.А. Дипфейк и уголовный закон // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2024. – Т. 15, № 2 (56). – С. 97–105.
11. Куфлева В.Н. Вебкам-индустрия и уголовный закон // *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 03–04 июня 2022 года / под общ. ред. Т.А. Огарь, Д.М. Кокина ; сост. Н.И. Кузнецова*. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 157–162.
12. Swords J., Laing M., Cook I.R. Platforms, sex work and their interconnectedness // *Sexualities*. – 2023. – Vol. 26, №. 3. – P. 329–348. – DOI 10.1177/13634607211023013. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13634607211023013> (дата обращения: 01.03.2026).
13. van Doorn N., Velthuis O. A good hustle: the moral economy of market competition in adult webcam modeling // *Journal of Cultural Economy*. – 2018. – Vol. 11, № 3. – P. 177–192. – DOI: 10.1080/17530350.2018.1446183. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17530350.2018.1446183> (дата обращения: 01.03.2026).
14. Weitzer R. The campaign against sex work in the United States: a successful moral crusade // *Sexuality Research and Social Policy*. – 2020. – Vol. 17, № 3. – P. 399–414. – DOI: 10.1007/s13178-019-00404-1.
15. Шарапов Р.Д. Уголовно-правовая оценка распространения порнографии в сети Интернет: анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ // *Уголовное право*. – 2023. – № 4. – С. 128–134.
16. Хилтунов Н. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 242 УК РФ // *Законность*. – 2024. – № 6. – С. 32–36.
17. Репецкая А.Л., Родивилин И.П. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2021. – 178 с.
18. Соловьев В.С. Криминологические риски цифросексуализма // *Вестник Российской правовой академии*. – 2020. – № 3. – С. 52–57.
19. Webb P. *The erotic arts*. – New York : Farrar Straus & Giroux, 1983. – 569 p.

REFERENCES

1. Evdokimov K.N. Struktura i sostoyanie komp'yuternoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii [Structure and state of computer crime in the Russian Federation] // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2016.no. 1 (35). pp. 86–94.
2. Antonyan Yu.M. Prestupnaya seks-industriya (prostitutsiya, pornografiya, prestupnost') [Criminal sex industry (prostitution, pornography, crime)] : monografiya. – Moskva, 2024. – 180 p.
3. Repetskaya A.L. Sovremennye tendentsii razvitiya prestupleniy, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy [Modern trends in the development of crimes committed using information and telecommunication technologies] // Baikal Research Journal. – 2025. – T. 16, № 3. – pp. 947–953.
4. Kufleva V.N., Litovchenko A.I. Novelly kvalifikatsii webkam-kontenta kak publichno rasprostranyaemoy pornografii [Novelties of qualification of webcam content as publicly distributed pornography] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2023. – № 3. – pp. 129–133.
5. Alekseeva T.S. Problemy kvalifikatsii webkam-deyatelnosti po priznaku publichnosti [Problems of qualification of webcam activity on the basis of publicity] // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii. – 2024. – № 2. – pp. 52–58.
6. Evdokimov K.N. Kriminologicheskaya kharakteristika lits, sovershayushchikh prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii [Criminological characteristics of persons committing crimes in the field of computer information] // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 2 (40). – pp. 85–91.
7. Solov'ev V.S. Ispol'zovanie sotsial'nogo segmenta seti Internet dlya soversheniya posyagatel'stv na polovuyu neprikosновенnost' nesovershennoletnikh [Using the social segment of the Internet to commit attacks on the sexual integrity of minors] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 3. – pp. 192–195.
8. Ovsyanikova A.A. Seksual'naya ekspluatatsiya kak forma nasiliya nad nesovershennoletnimi [Sexual exploitation as a form of violence against minors] // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2013. – № 3 (28). – pp. 82–86.
9. Khromov E.V. Razgranichenie razvratnykh deystviy i rasprostraneniya pornograficheskikh materialov sredi nesovershennoletnikh v seti Internet [Differentiation of depraved acts and distribution of pornographic materials among minors on the Internet] // Ugolovnoe pravo. – 2024. – № 5. – pp. 70–75.
10. Efremova M.A., Russkevich E.A. Dipeyk i ugolovnyy zakon [Deepfake and criminal law] // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – T. 15, № 2 (56). – pp. 97–105.
11. Kufleva V.N. Webkam-industriya i ugolovnyy zakon [Webcam industry and criminal law] // Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra : materialy ezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 03–04 iyunya 2022 goda / pod obshch. red. T.A. Ogar', D.M. Kokina ; sost. N.I. Kuznetsova. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – pp. 157–162.
12. Swords J., Laing M., Cook I.R. Platforms, sex work and their interconnectedness // Sexualities. – 2023. – Vol. 26, № 3. – P. 329–348. – DOI: 10.1177/13634607211023013. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13634607211023013> (date of access: 01.03.2026).
13. van Doorn N., Velthuis O. A good hustle: the moral economy of market competition in adult webcam modeling // Journal of Cultural Economy. – 2018. – Vol. 11, № 3. – P. 177–192. – DOI: 10.1080/17530350.2018.1446183. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17530350.2018.1446183> (date of access: 01.03.2026).
14. Weitzer R. The campaign against sex work in the United States: a successful moral crusade // Sexuality Research and Social Policy. – 2020. – Vol. 17, № 3. – P. 399–414. – DOI: 10.1007/s13178-019-00404-1.

15. Sharapov R.D. Ugolovno-pravovaya otsenka rasprostraneniya pornografii v seti Internet: analiz pravovykh pozitsiy Plenuma Verkhovnogo Suda RF [Criminal-legal assessment of the dissemination of pornography on the Internet: analysis of the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation] // Ugolovnoe pravo. – 2023. – № 4. – pp. 128–134.
16. Khiltunov N. Problemy kvalifikatsii prestupleniy, predusmotrennykh st. 242 UK RF [Problems of qualification of crimes under Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation] // Zakonnost'. – 2024. – № 6. – pp. 32–36.
17. Repetskaya A.L., Rodivilin I.P. Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodeystvie prestupleniyam v sfere obrashcheniya okhranyaemoy zakonom informatsii [Criminal-legal and criminological counteraction to crimes in the sphere of circulation of information protected by law]. – Irkutsk : Izd-vo BGU, 2021. – 178 p.
18. Solov'ev V.S. Kriminologicheskie riski tsifrosexualizma [Criminological risks of digisexuality] // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii. – 2020. – № 3. – pp. 52–57.
19. Webb P. The erotic arts. – New York : Farrar Straus & Giroux, 1983. – 569 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Родивилин Иван Петрович, кандидат юридических наук, заместитель начальника управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. ГУ МВД России по Иркутской области. Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Литвинова, 15.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan Petrovich Rodivilin, Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Directorate for Combating the Illicit Use of Information and Communication Technologies. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region. 15 Litvinova St., Irkutsk, 664003, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 23.04.2026.

The article has been submitted for review (The article was received by the editorial office) 12.02.2026, approved after review 16.03.2026, accepted for publication 23.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 198–209.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026.
vol. 118, no. 3, pp. 198–209.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.985.2

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Столбова Наталья Алексеевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск,
stolna_85@mail.ru

Введение: Современное развитие общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер жизни. Наряду с позитивными эффектами, информационно-телекоммуникационные технологии становятся инструментом совершения преступлений против общественной безопасности — одного из наиболее опасных видов посягательств, посягающих на нормальное функционирование общества, жизнь и здоровье неопределенного круга лиц, общественный порядок

Материалы и методы: Основу данного исследования составляют Конституция Российской Федерации и уголовно-процессуальное законодательство. В качестве методологической основы был использован общий диалектический подход к научному познанию, а также различные методы познания, такие как обобщение, описание, наблюдение, сравнение и анализ.

Результаты исследования: Результаты исследования показали, что действующие уголовно-процессуальные нормы не адаптированы к цифровым реалиям, что порождает неразрешимые на практике противоречия между сроками проверки и необходимостью получения сложных электронных доказательств, а также требует внесения в УПК РФ специальных изменений, закрепляющих увеличенные сроки и допустимость цифровых материалов, собранных до возбуждения дела.

Выводы и заключения: Действующее уголовно-процессуальное регулирование стадии возбуждения уголовного дела не отвечает вызовам цифровой эпохи и требует внесения изменений в УПК РФ, предусматривающих специальные сроки проверки и легализацию электронных доказательств, полученных до возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, преступления против общественной безопасности, цифровые технологии, кибертерроризм, доследственная проверка, достаточные данные, специальные знания, электронные доказательства.

Для цитирования: Столбова Н.А. Проблемы и особенности принятия решения о возбуждении уголовного дела по преступлениям против общественной безопасности, совершаемых с использованием современных технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 198–209.

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

ISSUES AND SPECIFICS OF THE DECISION TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS FOR CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY COMMITTED USING MODERN TECHNOLOGIES

Natalya A. Stolbova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, stolna_85@mail.ru

Introduction: Modern societal development is characterized by the rapid digital transformation of all spheres of life. Alongside positive effects, information and telecommunication technologies are becoming tools for committing crimes against public safety—one of the most dangerous types of offenses, as they threaten the normal functioning of society, the life and health of an indefinite number of people, and public order.

Materials and Methods: This study is based on the Constitution of the Russian Federation and criminal procedural legislation. The methodological framework employs the general dialectical approach to scientific inquiry, as well as various research methods such as generalization, description, observation, comparison, and analysis.

The Results of the Study. The study results demonstrate that current criminal procedural norms are not adapted to digital realities. This creates practical contradictions between the time limits for preliminary verification and the need to obtain complex electronic evidence. Furthermore, it necessitates specific amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (CCP RF) to establish extended timeframes and ensure the admissibility of digital materials collected prior to the initiation of criminal proceedings.

Findings and Conclusions: The current criminal procedural regulation governing the stage of initiating criminal proceedings fails to meet the challenges of the digital age. Amendments to the CCP RF are required to provide for specific verification timeframes and to legalize electronic evidence obtained before the initiation of criminal proceedings.

Keywords: initiation of criminal proceedings, crimes against public safety, digital technologies, cyberterrorism, pre-investigation check, sufficient data, specialized knowledge, electronic evidence.

For citation: Stolbova N.A. Problemy i osobennosti prinyatiya resheniya o возбуждении уголовного дела по преступлениям против общественной безопасности, соvershayemykh s ispol'zovaniyem sovremennykh tekhnologiy [Issues and specific aspects of the decision to initiate criminal proceedings regarding crimes against public safety committed using modern technologies]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026, vol. 118, no. 3, pp. 198–209.

Стремительная цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества, наряду с очевидными позитивными эффектами, имеет и обратную сторону: информационно-телекоммуникационные технологии все чаще используются как средство совершения преступлений против общественной безопасности — наиболее опасных посягательств, ставящих под угрозу нормальное функционирование социума, жизнь и здоровье неопределенного круга лиц, а также общественный порядок [1, 2].

По данным МВД России, за 2025 год зарегистрировано 5,9 тыс. преступлений террористического характера и 3,1 тыс. преступлений экстремистской направленности, при этом более 60% из них совершены с использованием сети Интернет¹. Растет число фактов использования дронов для контрабанды оружия и наркотиков, применения искусственного интеллекта для создания фейковых видеообращений лидеров террористических организаций, распространения вредоносного ПО, блокирующего работу критической инфраструктуры [3, 4].

Указанные обстоятельства предъявляют повышенные требования к стадии возбуждения уголовного дела. Именно на этом этапе правоохранные органы должны оперативно и обоснованно принять решение о начале уголовного преследования, не допустив при этом как необоснованного отказа (что приведет к безнаказанности и эскалации угрозы), так и необоснованного возбуждения (что чревато ограничением прав граждан и дискредитацией правосудия) [5].

Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство, разработанное в начале 2000-х годов, не в полной мере учитывает специфику современных технологических преступлений [6, 7]. Трехдневный (максимально 30-суточный) срок проверки сообщения часто недостаточен для получения данных от операторов связи и провайдеров, проведения компьютерно-технических экспертиз, идентификации лиц в анонимных сетях [8, 9].

Цель настоящей работы — комплексный анализ проблем и особенностей принятия решения о возбуждении уголовного дела о преступлениях против общественной безопасности, совершаемых с использованием современных технологий, и выработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики [6, 10].

Понятие и виды преступлений против общественной безопасности, совершаемых с использованием современных технологий

Преступления против общественной безопасности (глава 24 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ)² включают деяния, посягающие на безопасные условия жизни общества: террористический акт (ст. 205), содействие террористической деятельности (ст. 205.1), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2), захват заложника (ст. 206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207), организацию незаконного вооруженного формирования (ст. 208), бандитизм (ст. 209), хулиганство (ст. 213) и др. [11, 12, 13].

Современные технологии существенно видоизменяют способы совершения этих преступлений:

1. Террористический акт (ст. 205) — использование беспилотных летательных аппаратов (дронов) для доставки взрывных устройств, применение 3D-печати для изготовления оружия, управление взрывными устройствами через мобильные приложения и SMS-команды [14, 15].

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года. – М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2025. – 63 с.

² Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон № 281-ФЗ : принят Гос. Думой 16 июня 2021 года : одобрен Советом Федерации 23 июня 2021 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388906/ (дата обращения: 04.09.2026).

2. Публичные призывы к террористической деятельности (ст. 205.2) — распространение материалов через Telegram-каналы, TikTok, YouTube Shorts, использование нейросетей для генерации текстов и видеообращений от имени лидеров ИГИЛ (запрещена в РФ) и других террористических организаций [16].

3. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207) — «телефонный терроризм» с использованием IP-телефонии, подмена номеров (spoofing), анонимные мессенджеры (Signal, Session), криптовалютные платежи для заказа «фейковых минирований» [17].

4. Организация незаконного вооруженного формирования (ст. 208) — координация действий через зашифрованные мессенджеры (Telegram, WhatsApp с функцией секретных чатов), использование криптовалют для финансирования, применение технологий распределенного реестра для создания децентрализованных структур управления.

Особую проблему представляют гибридные преступления, где технологии выступают одновременно и как орудие, и как цель: например, кибератака на систему управления транспортом крупного города (ст. 274.1 УК РФ — неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру), повлекшая человеческие жертвы (квалифицируется также по ст. 205).

Статья 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)³ устанавливает следующие поводы: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора.

Применительно к технологическим преступлениям против общественной безопасности поводы для возбуждения уголовного дела имеют существенную специфику.

Заявление о преступлении

Потерпевшими от кибертерроризма выступают не только физические лица (например, при блокировке работы интернет-банка с угрозой распространения персональных данных), но и юридические лица, государственные органы. Однако заявление от организации должно быть подписано уполномоченным лицом с приложением доверенности, что в условиях оперативной необходимости (угроза повторной атаки) создает задержки.

Проблема: отсутствие единой формы электронного заявления для юридических лиц. На практике многие компании подают заявления через портал «Госуслуги» от имени генерального директора, но УПК РФ требует приложения документов, подтверждающих полномочия, в сканированном виде. Суды нередко признают такие заявления ненадлежащим поводом, ссылаясь на невозможность проверить подлинность электронной подписи.

Сообщение из иных источников

Этот повод является основным для выявления преступлений, совершаемых в даркнете. Источники: результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), в том числе снятие информации с технических каналов связи (ст. 6 Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»); мониторинг открытых источников (соцсети, форумы, маркетплейсы даркнета); сообщения СМИ.

³ Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 04.09.2026).

Проблема: результаты ОРД, полученные до возбуждения уголовного дела, не могут служить основанием для возбуждения уголовного дела, если они не отвечают требованиям допустимости (ст. 89 УПК РФ). На практике это приводит к ситуации, когда оперативники выявляют факт распространения инструкций по изготовлению взрывчатых веществ в закрытом Telegram-канале, но для возбуждения дела необходимо сначала провести проверку и получить объяснения от администратора канала — что невозможно без рассекречивания источников.

Постановление прокурора

Особое значение для технологических преступлений имеет ч. 4 ст. 146 УПК РФ: постановление прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании является обязательным поводом. Однако прокуроры редко используют этот механизм, предпочитая отменять отказные постановления следователей.

Особенности проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ)

Перечень проверочных действий и их технологическая специфика

Закон предоставляет право: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, требовать производства документальных проверок.

Для преступлений против общественной безопасности, совершаемых с использованием технологий, ключевое значение имеют:

- осмотр места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ). Особенность: местом происшествия может быть не только физическое пространство (серверная, помещение с оборудованием), но и киберпространство — IP-адрес, сайт, страница в соцсети. Однако УПК РФ не предусматривает такого понятия, как «осмотр виртуального места происшествия». На практике следователи производят осмотр компьютера, на котором открыта соответствующая страница, что порождает споры о допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ) [7, 14].

- назначение судебной экспертизы до возбуждения дела. С 2013 года это возможно, но с ограничениями: нельзя помещать лицо в медицинский стационар, нельзя проводить экспертизу, требующую принудительного получения образцов. Для преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий характерны компьютерно-технические экспертизы, не связанные с ограничением прав, поэтому они могут назначаться [4]. Проблема: заключение эксперта, полученное до возбуждения уголовного дела, должно быть оценено по общим правилам (ст. 87, 88 УПК РФ), однако суды нередко исключают его из доказательств, если экспертиза проведена до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела [8, 15].

Сроки проверки и проблема оперативного получения информации

Стандартный срок проверки составляет 3 суток. Он может быть продлен до 10 суток, после до 30 суток. Для преступлений, требующих анализа больших объемов данных (логи провайдера, транзакции в блокчейне), 30 суток часто недостаточно [6, 10].

Пример: по делу о заведомо ложном сообщении об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) с использованием подменного номера. Для установления отправителя требуется направить запрос в Роскомнадзор (5 дней), затем к оператору связи (7 дней), затем к международному оператору (до 30 дней по каналам Интерпола). В итоге срок проверки истекает задолго до получения ответа. Следователь вынужден либо выносить постановление о возбуждении уголовного дела при отсутствии достаточных данных (риск отмены прокурором), либо отказывать (риск обжалования потерпевшим) [10, 17].

В связи с этим обоснованно предлагается ввести специальный срок проверки для преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, — до 60 суток с правом продления прокурором субъекта РФ до 90 суток [6, 9].

Основание для возбуждения уголовного дела: проблема достаточности данных

В соответствии со ст. 140 УПК РФ основание — наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления [5].

Понятие «достаточности» применительно к технологическим преступлениям

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 29.11.2016 № 55 (п. 16) разъяснил: достаточными считаются данные, которые позволяют лицу, принявшему решение, объективно предположить наличие признаков преступления. При этом не требуется устанавливать все обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ) [5, 7].

Однако в практике расследования преступлений с использованием информационных технологий возникает парадокс: чтобы установить хотя бы один признак состава преступления (например, публичность призывов к терроризму), необходимо получить доступ к закрытому каналу в Telegram, но для получения судебного решения о контроле и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ) нужно уже возбужденное уголовное дело [6, 9].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19.02.2018 № 8-П указал, что ограничение права на тайну переписки допустимо только на основании судебного решения, которое может быть получено и до возбуждения уголовного дела в исключительных случаях, когда промедление может привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления. Однако механизм получения такого решения в УПК РФ не прописан — ст. 165 говорит только о следственных действиях после возбуждения уголовного дела [3, 18].

Квалификация «технологических» признаков на стадии возбуждения дела

Пример из практики: гражданин К. разместил в закрытом канале мессенджера WhatsApp видео с комментарием: «Надо повторить в Воронеже, как в Крокусе». Через 2 часа видео удалено, канал ликвидирован. Следователь располагает только скриншотами, сделанными пользователем, и рапортом оперуполномоченного [16, 2].

Вопрос: достаточно ли этих данных для возбуждения дела по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к терроризму, совершенные с использованием сети Интернет)? С одной стороны, скриншот может быть фальсифицирован (Photoshop, генеративные нейросети). С другой стороны, оперативное получение информации от WhatsApp (принадлежит Meta, признанной экстремистской организацией в РФ) невозможно из-за отсутствия правового взаимодействия [3, 17].

Практика складывается неоднозначно: Московский окружной военный суд в 2022 году признал законным возбуждение уголовного дела на основании скриншотов, а Северо-Кавказский окружной военный суд в 2023 году — отменил, указав, что необходимо проведение компьютерно-технической экспертизы для проверки подлинности скриншотов (апелляционное постановление № 22-124/2023) [7, 14].

Представляется обоснованной позиция, что на стадии возбуждения уголовного дела достаточно «подозрения», обоснованного рапортом оперуполномоченного, скриншотами и показаниями свидетеля, сделавшего скриншот. Требование проведения экспертизы на этой стадии нереалистично и приводит к необоснованным отказам.

Проблема электронных доказательств и их допустимости на стадии возбуждения дела

В 2023 году в УПК РФ внесены изменения (ФЗ от 29.12.2022 № 548-ФЗ), которые ввели понятие «электронные носители информации» и «электронные документы»

(ст. 84.1). Однако эти нормы касаются доказательств, полученных после возбуждения уголовного дела.

До возбуждения уголовного дела следователь вправе изъять электронные носители в ходе осмотра места происшествия (ч. 3 ст. 177 УПК РФ) и приобщить их к материалам проверки. Проблема: такие носители не обладают статусом вещественных доказательств до вынесения постановления об их приобщении (ст. 81, 82 УПК РФ), а это постановление может быть вынесено только после возбуждения уголовного дела. Возникает риск утраты информации (изменение файлов, удаление, повреждение носителя) в промежутке между изъятием и возбуждением уголовного дела.

Судебная практика пошла по пути признания изъятых до возбуждения дела носителей допустимыми доказательствами, если они осмотрены с участием понятых и специалиста, а копия информации передана владельцу. Однако единообразия нет [7].

Особенности возбуждения дел по отдельным видам преступлений против общественной безопасности

Террористический акт (ст. 205 УК РФ) с использованием дронов

Особенность: факт применения дрона для доставки взрывного устройства может быть установлен только после обнаружения остатков БПЛА и проведения взрывотехнической экспертизы. До этого момента следователь располагает лишь сообщением о взрыве и предположением о способе [14].

На практике по таким фактам уголовные дела возбуждаются немедленно по признакам ч. 1 ст. 205 (без указания на способ), а уточнение вносится после получения экспертных заключений. Проблема: если в ходе проверки выяснится, что взрыв произошел по техническим причинам (например, взрыв бытового газа), а не в результате теракта, следователь обязан прекратить дело по п. 1 ч. 1 ст. 27 (отсутствие события). Однако потерпевшие и СМИ уже проинформированы о возбуждении уголовного дела по ст. 205, что наносит репутационный ущерб и может быть расценено как клевета [14].

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) с использованием IP-телефонии

Здесь ключевая проблема — установление лица, отправившего сообщение. При использовании подменных номеров и анонимных сим-карт идентификация требует проведения комплекса оперативно-технических мероприятий (пеленгация, анализ биллингов, запросы к зарубежным операторам) [10].

Статья 144 УПК РФ не позволяет проводить оперативно-розыскные мероприятия до возбуждения уголовного дела (кроме случаев, предусмотренных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», далее – Федеральный закон № 144-ФЗ). Однако ст. 8 Федерального закона № 144-ФЗ разрешает проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права, только на основании судебного решения и при наличии возбужденного уголовного дела. Замкнутый круг [9].

Выход — возбуждение дела по факту заведомо ложного сообщения при наличии минимальных данных (запись звонка, показания диспетчера). Однако Верховный Суд РФ в обзоре практики за 2022 год указал, что возбуждение дела при отсутствии попыток идентификации лица является преждевременным (Обзор судебной практики № 3, утв. Президиумом ВС РФ 29.11.2022).

Публичные призывы к терроризму (ст. 205.2 УК РФ) в соцсетях

Особенность: призыв может быть адресован неопределенному кругу лиц, но в закрытой группе (например, «только для друзей»). Возникает вопрос: является ли размещение в закрытой группе публичным? Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума

№ 11 от 28.06.2011 (ред. от 28.10.2021) разъяснил, что для квалификации по ст. 205.2 достаточно возможности ознакомления с призывом хотя бы одного другого лица, не являющегося автором.

На стадии возбуждения дела следователь должен установить, что группа не была сугубо личной (например, диалог двух пользователей). Для этого необходимо изучить настройки приватности и список участников, что требует доступа к аккаунту. Если аккаунт удален после размещения, единственный способ — запрос к администрации соцсети (через Роскомнадзор). Срок такого запроса — 30 дней, что не укладывается в сроки проверки.

Проблемы подследственности и компетенции органов расследования

В соответствии со ст. 151 УПК РФ, преступления против общественной безопасности расследуются следователями Следственного комитета РФ (террористические акты, захват заложника, бандитизм) и следователями органов внутренних дел (хулиганство, заведомо ложное сообщение).

Для преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий характерна множественность эпизодов, совершенных в разных регионах и даже странах. Например, распространение через соцсеть «ВКонтакте» инструкций по изготовлению взрывчатки: автор — в Ростове, администратор группы — в Екатеринбурге, пользователи, скачавшие инструкцию, — по всей России [10].

Правила территориальной подследственности (ст. 152 УПК РФ) предписывают расследование по месту совершения деяния. Применительно к интернет-преступлениям местом совершения признается место нахождения сервера (если оно установлено) либо место нахождения лица, разместившего информацию [11]. Однако на стадии возбуждения уголовного дела установить место нахождения автора невозможно без оперативных мероприятий, которые проводятся после возбуждения уголовного дела [19].

Практика: следователь по месту выявления (например, г. Москва) возбуждает уголовное дело, а затем передает его по подследственности в регион, где предположительно находится автор. Это приводит к затягиванию сроков и потере доказательств.

Прокурорский надзор и судебный контроль за законностью решений

Особенности прокурорской проверки материалов по преступлениям против общественной безопасности, совершаемых с использованием современных технологий

Прокурор, отменяя постановление о возбуждении уголовного дела по ст. 205 УК РФ, часто указывает на недостаточность данных о применении взрывного устройства (требует заключения взрывотехника) или о направленности умысла на устрашение населения (требует экспертизы видеозаписей). Однако эти требования невыполнимы в 3-суточный срок.

Судебный контроль: обжалование постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела

Потерпевшие (например, пользователи, чьи персональные данные были опубликованы террористами) вправе обжаловать постановление об отказе в возбуждении дела в порядке ст. 125 УПК РФ. Однако суды редко удовлетворяют такие жалобы по преступлениям рассматриваемой категории [6].

Исследование 85 решений судов г. Санкт-Петербурга за 2025 год показало: по делам о заведомо ложных сообщениях об акте терроризма суды в 78% случаев отказали в удовлетворении жалоб, мотивируя это тем, что заявитель не представил доказательств наличия умысла на ложное сообщение (например, не доказал, что звонивший осознавал ложность информации). Но такие доказательства могут быть получены только после

возбуждения уголовного дела и допроса подозреваемого — замкнутый круг, аналогичный описанному выше.

Пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики

На основе проведенного анализа можно предложить следующие изменения:

Законодательные предложения

1. Ввести в УПК РФ специальную статью 144.2 «Особенности проверки сообщения о преступлении, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», предусматривающую:

- срок проверки — до 60 суток (продление прокурором субъекта до 90);
- право на проведение компьютерно-технической экспертизы без ограничений;
- право на получение информации о соединениях между абонентами (ст. 186.1

УПК РФ) до возбуждения уголовного дела на основании постановления судьи.

2. Дополнить ст. 140 УПК РФ частью 3 следующего содержания: «При проверке сообщений о преступлениях, предусмотренных статьями 205, 205.2, 207, 208, 209, 213 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенных с использованием сети Интернет, достаточными данными признаются сведения, полученные из достоверных источников, позволяющие обоснованно предположить наличие признаков преступления, в том числе скриншоты веб-страниц, протоколы осмотра сайтов, рапорты сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

3. Внести изменения в ст. 75 УПК РФ (недопустимые доказательства), указав, что результаты осмотра электронных носителей, произведенного до возбуждения уголовного дела с соблюдением требований ст. 176, 177 УПК РФ, являются допустимыми доказательствами.

Международное сотрудничество

Учитывая трансграничный характер преступлений, против общественной безопасности, совершаемых с использованием современных технологий, необходимо активизировать взаимодействие с Интерполом, а также с компетентными органами государств-членов СНГ в рамках Договора о сотрудничестве в сфере противодействия кибертерроризму (подписан в 2017 г., но ратифицирован не всеми). На стадии доследственной проверки следует предусмотреть возможность направления международных следственных поручений до возбуждения дела (сейчас ст. 453 УПК РФ допускает это только после возбуждения).

В заключении хотелось бы отметить, что преступления против общественной безопасности, совершаемые с использованием современных технологий, представляют собой одну из наиболее опасных и быстрорастущих угроз [8]. Стадия возбуждения уголовного дела по таким фактам является критической: именно на этом этапе закладывается основа для всего последующего расследования.

Проведенный анализ выявил следующие системные проблемы:

- несоответствие сроков проверки (до 30 суток) технологической сложности получения доказательств (запросы к операторам, экспертизы, идентификация в анонимных сетях требуют 60–90 суток);
- неопределенность критерия «достаточных данных» применительно к цифровым следам (скриншотам, логам, дампам памяти);
- отсутствие легального механизма проведения неотложных следственных действий (осмотр сайтов, получение информации о соединениях) до возбуждения дела;
- противоречивая судебная практика по вопросу допустимости электронных доказательств, полученных в ходе доследственной проверки;

- недостаточная специализация следственных органов, приводящая к ошибкам в квалификации и утрате доказательств.

Предложенные в статье меры — направлены на устранение указанных проблем. Их реализация позволит повысить эффективность противодействия преступлениям против общественной безопасности, обеспечить неотвратимость наказания при одновременном соблюдении прав и законных интересов граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России в условиях цифровой трансформации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. – 455 с.
2. Ленктис, А. В. Правовая и теоретико-прикладная характеристика стадии возбуждения дела в аспекте возможного приближения ее в судопроизводстве России / А. В. Ленктис, И. З. Федоров // Вестник Российского университета кооперации. – 2020. – № 1 (39). – С. 135–142.
3. Аносов А.В., Букалерева Л.А., Ванюшин Я.В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных и телекоммуникационных технологий: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 199 с.
4. Материалы криминалистических чтений: сборник научных трудов. Вып. 25 / под ред. А.Г. Филиппова. – М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2022. – 210 с.
5. Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых / Б. Я. Гаврилов // Вестник московского университета МВД России. 2016. – № 4. – С. 33–40.
6. Смирнов А.В. Уголовный процесс в эпоху цифровых технологий: вызовы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2021. – № 4. – С. 42–58.
7. Калинин Д.В. Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве: теория и практика. – М.: Юрист, 2022. – 254 с.
8. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном процессе: новые вызовы и тенденции развития // Законность. – 2020. – № 8. – С. 25–31.
9. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная деятельность и уголовный процесс: проблемы взаимодействия на доследственной стадии. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2019. – 184 с.
10. Зеленецкий С.А. Транснациональная киберпреступность: проблемы уголовного преследования. – М.: Норма, 2023. – 192 с.
11. Коробеев А.И., Лобач Д.В. Преступления против мира и безопасности человечества в уголовном законодательстве государств на постсоветском пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 2. – С. 45–67.
12. Малюточкин А.В. Понятие и классификация преступлений против мира и безопасности человечества // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 5. – С. 123–135.
13. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты: монография. – М.: Норма, 2007. – 368 с.
14. Баев О.Я. Киберкриминалистика: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2022. – 320 с.
15. Криминалистика (общие положения, техника, тактика, технология) : Учебник / М. М. Горшков, О. П. Грибунов, А. А. Кузнецов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 400 с.
16. Семенцова И.А., Кистастурова А.С. Выявление и предупреждение преступлений против общественной безопасности в сети Интернет // Научно-исследовательские работы как фундамент инновационного развития общества : сборник статей международной научной конференции, Выборг, 04 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2025. – С. 67–72.

17. Краткий аналитический анализ уголовно-правовой борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 89–94.

18. Боровских Р.Н. Криминалистическая характеристика и принципы методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 168 с.

19. Кабанова Ж.Ю. Уголовно-процессуальная и иная деятельность сотрудников УИС в уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 256 с.

REFERENCES

1. Lopatin V.N. Informacionnaya bezopasnost' Rossii v usloviyah cifrovoj transformacii [Information security of Russia in the context of digital transformation]. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2021, 455 p.

2. Lentkis A.V., Fedorov I.Z. Pravovaya i teoretiko-prikladnaya harakteristika stadii vozbuzhdeniya dela v aspekte vozmozhnogo priblizheniya ee v sudoproizvodstve Rossii [Legal and theoretical-applied characteristics of the stage of initiating a case in the aspect of its possible approximation in Russian legal proceedings]. Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii – Bulletin of the Russian University of Cooperation, 2020, no. 1 (39), pp. 135–142.

3. Anosov A.V., Bukalero L.A., Vanyushin Ya.V. Deyatel'nost' organov vnutrennih del po bor'be s prestupleniyami, sovershennymi s ispol'zovaniem informacionnyh i telekommunikacionnyh tekhnologij: uchebnoe posobie [Activities of internal affairs bodies in combating crimes committed using information and telecommunication technologies: textbook]. Moscow, YUNITI-DANA, 2019, 199 p.

4. Materialy kriminalisticheskikh chtenij: sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 25 [Materials of forensic readings: collection of scientific papers. Issue 25]. Ed. by A.G. Filippov. Moscow, Izd-vo Akademii upravleniya MVD Rossii, 2022, 210 p.

5. Gavrilov B.Ya. Stadiya vozbuzhdeniya ugovnogo dela: mnenie praktikov i uchenyh [The stage of initiating a criminal case: the opinion of practitioners and scientists]. Vestnik moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 4, pp. 33–40.

6. Smirnov A.V. Ugolovnyj process v epohu cifrovyyh tekhnologij: vyzovy i perspektivy [Criminal procedure in the era of digital technologies: challenges and prospects]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo – Bulletin of Moscow University. Series 11. Law, 2021, no. 4, pp. 42–58.

7. Kalinin D.V. Cifrovye dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika [Digital evidence in criminal proceedings: theory and practice]. Moscow, Yurist, 2022, 254 p.

8. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v ugovnom processe: novye vyzovy i tendencii razvitiya [Forensic examination in criminal proceedings: new challenges and development trends]. Zakonnost' – Legality, 2020, no. 8, pp. 25–31.

9. Shumilov A.Yu. Operativno-razysknaya deyatel'nost' i ugolovnyj process: problemy vzaimodejstviya na dosledstvennoj stadii [Operational-search activity and criminal procedure: problems of interaction at the pre-investigation stage]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press», 2019, 184 p.

10. Zelenetskij S.A. Transnacional'naya kiberprestupnost': problemy ugovnogo presledovaniya [Transnational cybercrime: problems of criminal prosecution]. Moscow, Norma, 2023, 192 p.

11. Korobeev A.I., Lobach D.V. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva v ugovnom zakonodatel'stve gosudarstv na postsovet'skom prostranstve [Crimes against peace and security of mankind in the criminal legislation of states in the post-Soviet space]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 2024, no. 2, pp. 45–67.

12. Malyutchkin A.V. Ponyatie i klassifikaciya prestuplenij protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [The concept and classification of crimes against peace and security of mankind]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) – Bulletin of Kutafin University (MSAL), 2022, no. 5, pp. 123–135.
13. Trikoz E.N. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: sravnitel'nyj i mezhdunarodno-pravovoj aspekty: monografiya [Crimes against peace and security of mankind: comparative and international legal aspects: monograph]. Moscow, Norma, 2007, 368 p.
14. Baev O.Ya. Kiberkriminalistika: nauchno-prakticheskoe posobie [Cybercriminalistics: scientific and practical manual]. Moscow, Prospekt, 2022, 320 p.
15. Kriminalistika (obshchie polozheniya, tekhnika, taktika, tekhnologiya): Uchebnik [Criminalistics (general provisions, technique, tactics, technology): Textbook]. M.M. Gorshkov, O.P. Gribunov, A.A. Kuznecov [et al.]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, Izdatel'stvo Yurajt, 2024, 400 p.
16. Semencova I.A., Kistasturova A.S. Vyvavlenie i preduprezhdenie prestuplenij protiv obshchestvennoj bezopasnosti v seti Internet [Identification and prevention of crimes against public security on the Internet]. Naukoemkie issledovaniya kak fundament innovacionnogo razvitiya obshchestva: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Vyborg, 04 iyunya 2025 goda – Knowledge-intensive research as a foundation for innovative development of society: collection of articles of the international scientific conference, Vyborg, June 04, 2025. Saint Petersburg, Gumanitarnyj nacional'nyj issledovatel'skij institut «Nacrazvitiye», 2025, pp. 67–72.
17. Kratkij analiticheskij analiz ugolovno-pravovoj bor'by s prestupleniyami v sfere komp'yuternoj informacii [Brief analytical analysis of criminal law combating crimes in the field of computer information]. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Problems of Economics and Legal Practice, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 89–94.
18. Borovskih R.N. Kriminalisticheskaya harakteristika i principy metodiki rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv: monografiya [Forensic characteristics and principles of methods for investigating crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs: monograph]. Moscow, Yurlitinform, 2020, 168 p.
19. Kabanova Zh.Yu. Ugolovno-processual'naya i inaya deyatel'nost' sotrudnikov UIS v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya [Criminal procedural and other activities of penal system employees in criminal proceedings: monograph]. Moscow, Yurlitinform, 2021, 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Столбова Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya Alekseevna Stolbova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontova St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 23.04.2026.

The article has been submitted for review (The article was received by the editorial office) 12.02.2026, approved after review 16.03.2026, accepted for publication 23.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 210–220.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 210–220.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.57

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В «АНТИДОПИНГОВЫХ» УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сулимов Михаил Андреевич¹, Якушев Эдуард Вадимович²

¹Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, int@amia.by

²Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, yakushev.edik@mail.ru

Введение. Авторами проанализированы положения ряда международных нормативных документов в области антидопинговой деятельности и формы их имплементации в национальное уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь. Акцентируется внимание на введении «антидопинговых» норм в российское и белорусское законодательство без учета особенностей осуществления спортивной деятельности (в частности организации и проведения спортивных соревнований) в данных государствах.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи, положения международных нормативных актов, законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. В работе используются теоретико-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

Результаты исследования. Выявлены особенности порядка подготовки и проведения спортивных соревнований как объекта уголовно-правовой охраны. Сделан вывод о низкой эффективности национальных антидопинговых норм ввиду их формального характера. Выдвинуты предположения о необходимости учета ряда факторов и обстоятельств, отражающих специфику спортивных соревнований, для правильного понимания объекта противоправного посягательства и степени общественной опасности исследуемых преступлений.

Выводы и заключения. Проведенный анализ свидетельствует о том, что уголовно-правовые «антидопинговые» нормы в Республике Беларусь и Российской Федерации малоэффективны по ряду причин, среди которых, в первую очередь, следует назвать их формальный характер. Дополнение уголовного закона

рассматриваемыми нормами явилось следствием необходимости сохранения внешнеполитической стабильности и обеспечения возможности для спортсменов России и Республики Беларусь принимать участие в международных соревнованиях наравне с представителями иных государств. Однако допинг в спорте должен пресекаться всеми возможными законными способами. Поэтому исключение рассматриваемых норм из уголовного закона не является решением проблемы. Представляется необходимым изменение и уточнение данных норм с учетом особенностей внутригосударственной деятельности как в сфере спорта, так и в сфере правотворчества.

Ключевые слова: допинг, антидопинговое нарушение, спортивное соревнование, общественная опасность, уголовно-правовая охрана

Для цитирования: Сулимов М. А., Якушев Э. В. Отражение положений международного законодательства в «антидопинговых» уголовно-правовых нормах Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 210–220.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

REFLECTION OF INTERNATIONAL LEGISLATION PROVISIONS IN ANTI-DOPING CRIMINAL LAW LAWS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Mikhail A. Sulimov¹, Eduard V. Yakushev²

¹Educational Institution «Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», Minsk, Republic of Belarus, int@amia.by

²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, yakushev.edik@mail.ru

Introduction. The authors analyzed the provisions of several international anti-doping regulations and their implementation in the national criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. They focused on the introduction of anti-doping regulations into Russian and Belarusian legislation without regard to the specifics of sporting activities (particularly the organization and holding of sports competitions) in these countries.

Materials and Methods. The study's materials include scientific articles, provisions of international regulations, and the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation. The study utilizes theoretical legal, comparative legal, and formal legal methods.

The Results of the Study. The article identifies the specifics of the preparation and holding of sports competitions as an object of criminal law protection. It was concluded that national anti-doping regulations are of low effectiveness due to their formal nature. Suggestions are made regarding the need to consider a number of factors and circumstances

reflecting the specific nature of sporting competitions to properly understand the object of the unlawful offense and the degree of public danger posed by the crimes under investigation.

Findings and Conclusions. The analysis demonstrates that the criminal law «anti-doping» provisions in the Republic of Belarus and the Russian Federation are ineffective for a number of reasons, primarily their formal nature. The addition of these provisions to the criminal law was a consequence of the need to maintain foreign policy stability and ensure that athletes from Russia and the Republic of Belarus can participate in international competitions equally with athletes from other countries. However, doping in sport must be suppressed by all possible legal means. Therefore, removing these provisions from the criminal law is not a solution. It is necessary to amend and clarify these provisions, taking into account the specifics of domestic activity, both in the sphere of sports and in lawmaking.

Keywords: doping, anti-doping violation, sports competition, public danger, criminal law protection

For citation: Sulimov M. A., Yakushev E. V. Otrazhenie polozhenii mezhdunarodnogo zakonodatel'stva v «antidopingovykh» ugovovno-pravovykh normakh Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Belarus' [Reflection of international legislation provisions in anti-doping criminal law laws of the Russian Federation and the Republic of Belarus]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 210–220. (In Russ.).

Актуальность исследования уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления, связанные с допингом в спорте, обусловлена глобальным кризисом доверия к институту современного спорта, вызванным систематическими допинговыми скандалами крупных международных соревнований. Изначально мировое сообщество в лице Всемирного антидопингового агентства (далее – ВАДА) и Международного олимпийского комитета (далее – МОК) сфокусировало свои усилия на борьбе с допингом, которая велась преимущественно в отношении спортсменов как нарушителей и единственных виновников произошедшего, применяя к ним принцип «строгой ответственности». В настоящее время мы наблюдаем сдвиг парадигмы в сторону пресечения деятельности организаторов, посредников и иных третьих лиц, создающих и поддерживающих допинговые схемы. Так, в некоторых работах указывается на необходимость расширения круга субъектов допинговых преступлений [1, с. 121; 2, с. 237]. Склонение спортсмена к использованию запрещенных веществ и методов, а тем более их применение без его ведома, представляют повышенную общественную опасность, посягая не только на принципы честной конкуренции, но и на жизнь и здоровье человека, на порядок проведения значимых общественно-государственных мероприятий. Такие деяния зачастую выходят за рамки дисциплинарной юрисдикции спортивных организаций и требуют адекватного уголовно-правового реагирования.

Прежде всего необходимо указать на отсутствие на международном уровне документа, законодательно регламентирующего уголовную ответственность за преступления, связанные с допингом, что вполне объяснимо принципами соотношения

международного и национального законодательства, когда в первом закрепляются базисные положения, а во втором – конкретизирующие.

Основные антидопинговые положения на международном уровне закреплены в Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 г. (далее – Конвенция), членами которой являются Российская Федерация и Республика Беларусь. Цель данной Конвенции заключается в содействии предотвращению применения допинга в спорте и борьбе с ним в интересах его искоренения¹. Положения данной Конвенции служат ориентиром для всех стран-участников и определяют основные направления и принципы антидопинговой деятельности как на международном, так и на национальном уровне. Примечательно, что в Конвенции нет императивных требований к государствам-участникам о введении уголовной ответственности за нарушение ее положений. По нашему мнению, указанное требование продемонстрировало бы решительность международного сообщества. При этом статьей 2 Конвенции закреплено понятие «антидопинговое правило», а именно нарушение антидопингового правила, под которым понимается одно или несколько из следующих деяний:

а) наличие запрещенной субстанции или ее метаболитов или маркеров в пробе, взятой из организма спортсмена;

б) использование или попытка использования запрещенной субстанции или запрещенного метода;

с) отказ явиться на взятие пробы или неявка на взятие пробы без уважительных причин после получения уведомления в соответствии с действующими антидопинговыми правилами или уклонение иным образом от взятия пробы;

д) нарушение действующих требований, касающихся доступности спортсмена для внесоревновательного тестирования, включая непредоставление требуемой информации о его местонахождении и неявку для тестирования, которое назначается на основании разумных правил;

е) фальсификация или попытки фальсификации на любом этапе допинг-контроля;

ф) обладание запрещенными субстанциями или методами;

г) распространение любой запрещенной субстанции или любого запрещенного метода;

h) введение или попытка введения запрещенной субстанции любому спортсмену или применение или попытка применения в отношении него запрещенного метода, или же помощь, поощрение, содействие, подстрекательство, сокрытие или соучастие в любой иной форме, связанные с нарушением или любой попыткой нарушения антидопингового правила.

Анализ списка демонстрирует, что нарушения, предусмотренные пп. «а», «б», «с», относятся непосредственно к спортсмену, нарушения, предусмотренные пп. «d, е», – к вспомогательному персоналу спортсмена, нарушения, предусмотренные пп. «f»,

¹ Международная Конвенция о борьбе с допингом в спорте : : заключена в г. Париже 19 октября 2005 г. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/2564093/> (дата обращения: 28.02.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

«g», «h», – как к спортсмену или вспомогательному персоналу, так и к третьим лицам, которые могут быть заинтересованы в антидопинговом нарушении. На наш взгляд, предложенное разделение антидопинговых нарушений по субъекту отражает характер воздействия со стороны спортивных организаций и законодательных органов стран-участников на указанные нарушения. В первых двух случаях мы можем говорить о мерах дисциплинарного характера, а в третьем – о мерах уголовно-правового и административно-правового воздействия. Например, нарушения, предусмотренные пп. «f», «g», «h», имеют соответствия со ст. 333 «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ, 331¹ «Склонение спортсмена к использованию вещества и (или метода), включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов», 331² «Умышленное использование в отношении спортсмена вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов» Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ)², ст. 230¹ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или метода), запрещенных в спорте», ст. 230² «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) метода, запрещенных в спорте» Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)³.

Таким образом, положение Конвенции, в частности ст. 2, по сути определяет круг запрещенных деяний, а положение ст. 5 Конвенции обязывает государства-участники принимать меры в области законодательства, нормативного регулирования, политики или административной практики, направленные на решение задач и достижение целей Конвенции, что нашло отражение в уголовных законах Российской Федерации и Республики Беларусь.

К следующему международно-правовому акту, на котором основывается Всемирная антидопинговая программа в спорте, относится Всемирный антидопинговый кодекс (далее – ВАК), послуживший нормативной базой для деятельности ВАДА⁴. Указанный документ обязателен для исполнения, при этом список требований, правил и рекомендаций не является исчерпывающим, а лишь закрепляет фундаментальные основы, которые должны быть отражены в антидопинговых программах государств-участников. Особенностью ВАК считается то, что закрепленные в нем антидопинговые правила представляют собой правила соревнований и приравниваются к спортивным

² Уголовный кодекс Республики Беларусь : УК РБ : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : послед. ред. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 28.02.2026).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.02.2026).

⁴ Всемирный антидопинговый кодекс : впервые принят в 2003 году : послед. ред., вступившая в силу 1 января 2021 г. // РУСАДА : сайт. URL: [https://rusada.ru/upload/iblock/620/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%905_2020-preview7%20\(1\).pdf](https://rusada.ru/upload/iblock/620/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%905_2020-preview7%20(1).pdf) (дата обращения: 28.02.2026).

правилам, при этом распространяют свое действие не только на спортсменов, либо его персонал, а на неопределенный круг лиц. Структурно ВАК похож на Конвенцию, при этом обладает более расширенным и детальным описанием процедур, касающихся допинг-контроля, самого содержания антидопинговых нарушений, а также санкций к лицам, их совершившим. Например, в отличие от Конвенции в ВАК закреплён более широкий перечень деяний, являющихся антидопинговыми нарушениями. Помимо нарушений, указанных в Конвенции, которые дублируются в ВАК, к антидопинговым нарушениям относятся:

ст. 2.8 «Назначение или попытка назначения спортсменом или иным лицом любому спортсмену в соревновательном периоде запрещенной субстанции или запрещенного метода, или назначение или попытка назначения любому спортсмену во внесоревновательном периоде запрещенной субстанции или запрещенного метода, запрещенных во внесоревновательный период»;

ст. 2.10 «Запрещенное сотрудничество спортсмена или иного лица».

Под указанным нарушением понимается сотрудничество спортсмена или персонала спортсмена с лицами, дисквалифицированными ВАДА за нарушение антидопинговых правил;

ст. 2.11 «Действия спортсмена или иного лица, направленные на воспрепятствование или преследование за предоставление информации уполномоченным органам».

Расширенный перечень антидопинговых нарушений призван обеспечить прозрачность процедур допуска спортсмена к соревнованиям, участия в них, а также обеспечить защиту лицам, обладающим информацией о нарушении антидопинговых правил.

Стоит отметить, что в ВАК имеется отдельная часть, посвященная санкциям. В ст. 10 ВАК «Санкции к отдельным лицам» перечислены виды санкций, круг лиц, к которым они применяются, обстоятельства, отягчающие ответственность. Кроме того, в документе определен порядок изменения, отмены и исполнения такой санкции, как дисквалификация. Проанализировав положения указанной статьи, можно сделать вывод, что к лицам и организациям, нарушившим антидопинговые правила, могут применяться несколько альтернативных видов санкций, а именно: аннулирование результатов, дисквалификация, изъятие призовых денег. Санкций, имеющих схожесть с наказаниями, предусмотренными уголовным законом, нет. Особенностью санкций за нарушение антидопинговых правил является требование обязательного опубликования соответствующими антидопинговыми организациями с обязательной мотивировкой. Процедура публичного обнародования фактов нарушения антидопинговых правил выполняет схожие с уголовным правом функции общей и частной превенции.

Анализ положений ВАК показывает, что указанный документ является инструментом обеспечения соблюдения антидопинговых правил под угрозой применения санкций, но только в контексте спортивных правил. В ВАК не рассматривается проблема допинга как общесоциальное явление, обладающее общественной опасностью. Тем не менее мы предполагаем, что анализ положения Конвенции и ВАК позволил выделить отдельный перечень общественно опасных

деяний, относящихся к нарушениям антидопинговых правил и нашедших закрепление в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь.

Уголовно-правовая охрана порядка подготовки и проведения спортивных соревнований от общественно опасных деяний, связанных с допингом в Российской Федерации, получила свое начало в 2016 году включением в УК РФ ст. 230¹ («Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»), 230² («Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»), а в Республике Беларусь в 2019 году – включением в УК РБ аналогичных статей, а именно: ст. 331¹ «Склонение спортсмена к использованию вещества и (или метода), включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов», ст. 331² «Умышленное использование в отношении спортсмена вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов». Указанные статьи практически идентичны. Употребление различных терминов обусловлено национальной спецификой государств. Например, в законодательстве Республики Беларусь вместо понятия «запрещенные для применения в спорте субстанции» применяется термин «запрещенные в спорте вещества», который в рамках настоящей статьи будет использован как тождественный.

С момента введения указанных статей в уголовное законодательство российскими и белорусскими учеными неоднократно давалась уголовно-правовая, криминологическая и криминалистическая характеристика исследуемых преступлений, в частности проблемами квалификации занимались такие исследователи, как А. Н. Берестовой, Н. Л. Денисов, М. Х. Гельдибаев [3, с. 70–79; 4, с. 113–116; 5, с. 11–15]. Большое количество мнений и интерпретаций тех или иных положений, закрепленных в указанных нормах, показывает повышенный научный интерес. При этом некоторые авторы обращали внимание на излишнюю криминализацию и ненужность ст. 230¹, 230² УК РФ и 331¹, 331² УК РБ, обосновывая свое мнение отсутствием или малым количеством правоприменительной и следственно-судебной практики. По нашему мнению, наличие данных статей в УК РФ и УК РБ обоснованно, однако требует более детального изучения. В первую очередь следует правильно определить степень общественной опасности преступлений, предусмотренных указанными статьями УК РФ и УК РБ. Преступления, представленные в ст. 230¹, 230² УК РФ, относятся к категории небольшой тяжести. В рассмотренных выше статьях УК РБ также описываются преступления, не представляющие большой общественной опасности. На первый взгляд склонение спортсмена к использованию запрещенных веществ и (или) методов или использование в отношении него запрещенных веществ и (или) методов – деяние «безобидное», однако при рассмотрении данного вопроса следует исходить из того, что спортсмен, являясь представителем спортивной федерации или ассоциации, осуществляет подготовку к соревнованиям при непосредственном участии тренерского штаба, медицинского персонала и других заинтересованных лиц в соответствующих спортивных сооружениях. Таким образом, только подготовка спортсмена собой комплексное и строго регламентированное мероприятие, требующее материально-технического, финансового и

административно-управленческого регулирования. Лица, ответственные за подготовку спортсмена, также подчиняются установленным правилам и регламентам и действуют в рамках устава соответствующей спортивной организации. Получается, что в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 230¹, 230² УК РФ или аналогичными статьями Республики Беларусь, общественно опасные последствия не ограничиваются лишь предполагаемыми негативными последствиями для здоровья спортсмена, а представляются как совокупность материального, делового или репутационного, а также физического вреда. При этом приведенные негативные последствия в виде материального, делового или репутационного вреда являются неизбежными, в отличие от предполагаемого физического вреда. Этот факт говорит нам о неоднородности объекта указанных преступлений, что отражается на характере и степени общественной опасности. Как правильно отметила Е. А. Реутская, характер и степень общественной опасности играют важную роль в системе уголовного права, определяя не только меру наказания, но и дифференцируя формы реализации уголовной ответственности в целом [6, с. 232]. Об отношениях в сфере спорта как основном непосредственном объекте отдельных преступлений, ответственность за которые предусмотрена российским уголовным законом, в том числе «антидопинговыми нормами», говорит Е. Н. Бархатова, отмечая при этом, что при современной структуре УК РФ такой объект не может признаваться основным, а потому выступает в качестве дополнительного непосредственного, что вызывает критику [7, с. 82]. Подобное мнение выражают Е. С. Бережная и П. О. Мититаниди [8, с. 193]. Приведенное обстоятельство позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра степени общественной опасности указанных преступлений в сторону ее повышения.

Следующий момент, на который стоит обратить внимание, заключается в том, что при конструировании ст. 230¹, 230² УК РФ и ст. 331¹, 331² УК РБ законодатель не учел специфику порядка подготовки и проведения различных спортивных соревнований и процедур допинг-контроля, связанных с ним. В Российской Федерации и Республике Беларусь склонение спортсмена к использованию запрещенных веществ и (или) методов считается оконченным с момента совершения действий, направленных на такое склонение, вне зависимости от того, использовал их спортсмен или нет. Обращаясь к официальным данным Российского антидопингового агентства, можно утверждать, что более 200 лиц из числа спортсменов и персонала спортсмена подвергнуты различным взысканиям за нарушения антидопинговых правил, 29 лиц пожизненно дисквалифицированы на занятие спортивной деятельностью с лишением права осуществлять деятельность в сфере физической культуры и спорта⁵. Согласно сведениям Национального антидопингового агентства Республики Беларусь, 50 спортсменов находятся в списке дисквалифицированных за использование запрещенных веществ и методов или соучастие в допуске дисквалифицированных спортсменов к

⁵ Список дисквалифицированных спортсменов / персонала спортсменов : РУСАДА : сайт. URL: <https://rusada.ru/disqualifications/> (дата обращения: 28.02.2026).

соревнованиям, четверо из них – пожизненно⁶. Приведенный список лиц лишь констатирует принятые решения по факту нарушения антидопинговых правил. При этом одним из важных обстоятельств в контексте нашего исследования является процесс выявления, расследования и порядок обжалования принятого решения, т. к. эти процедуры могут занять достаточно длительное время, исчисляемое годами. Говоря об указанной категории преступлений, нужно понимать, что время между событием склонения спортсмена к использованию запрещенных веществ и (или) методов, т. е. в случае самого факта согласия спортсмена к использованию запрещенных в спорте веществ и фактическим использованием этих веществ может пройти определенный срок. Подобная ситуация складывается и при использовании в отношении спортсмена запрещенных веществ и (или) методов. Получается, что период времени с момента фактического совершения преступления (как оконченного состава) до этапа его процессуального подтверждения с учетом всех процедур может занимать срок, превышающий сроки давности привлечения виновного лица к уголовной ответственности. Наглядный пример сроков расследования нарушений антидопинговых правил показывает дело биатлониста Евгения Устюгова, обладателя олимпийских медалей 2010 и 2014 годов, лишенного наград после многолетних расследований лишь в 2025 году⁷. На несовершенство механизма защиты прав спортсменов в антидопинговой сфере обращается внимание и в научной среде [9, с. 219; 10, с. 94].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, безусловно, положения Конвенции и ВАК нашли отражение в уголовно-правовых нормах, устанавливающих ответственность за склонение спортсмена к использованию запрещенных веществ и (или) методов в спорте и за использование в отношении него таких веществ в уголовных законодательствах Российской Федерации и Республики Беларусь, на примере нарушений, предусмотренных пп. «f», «g», «h» Конвенции и аналогичных нарушений, предусмотренных ВАК. Мы можем констатировать, что уголовно-правовая охрана порядка подготовки и проведения спортивных соревнований от противоправных деяний, связанных с допингом, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь является номинальной и не учитывает ряд факторов и обстоятельств, отражающих специфику спортивных соревнований, объекта противоправного посягательства и степень общественной опасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бархатова Е. Н., Якушев Э. В. О некоторых криминообразующих признаках использования в отношении спортсмена субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте // Философия права. 2024. № 2. С. 116–122.

⁶ Список дисквалифицированных спортсменов/персонала спортсменов : Национальное антидопинговое агентство : сайт. URL: https://nada.by/doping-kontrol/spisok_diskvalifitsirovannykh_sportsmenov/ (дата обращения: 28.02.2026).

⁷ Был героем – стал позором: как живёт лишенный золота Олимпиады Устюгов : ООО «МЕДИА ЛАБ» : сайт. URL: <https://news.ru./sport/byl-geroem-stal-pozorom-kak-zhivet-lishennyi-zolota-olimpiady-ustyugov?ysclid=mlairxpsxe805913525> (дата обращения: 28.02.2026).

2. Власов П. Е., Машугина Е. В. Допинг в спорте: проблемы определения субъектов административных правонарушений и преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2. С. 235–244.
3. Берестовой А. Н. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 70–79.
4. Денисов Н. Л., Козлитин Г. А., Соломатина Е. А. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, и их применение в отношении него // Государственная служба и кадры. 2017. № 2. С. 113–116.
5. Гельдибаев М. Х. Уголовная ответственность за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте // Наркоконтроль. 2020. № 4. С. 11–15.
6. Реутская Е. А. Критерии и способы измерения общественной опасности преступления // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 1. С. 229–234.
7. Бархатова Е. Н. Эффективность статьи 184 УК РФ с позиции защиты спорта // Юристы-Правоведь. 2025. № 1. С. 80–86.
8. Бережная, Е. С., Мититаниди, П. О. Современная государственная политика в области спорта и уголовно-правовая защита от различных противоправных посягательств // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 11. С. 191–195.
9. Чернядзева А. С. Процессуальные аспекты международно-правовой защиты прав спортсменов по делам об «антидопинговой чистоте» // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4. С. 216–222.
10. Гусева, С. Д. Особенности деятельности сотрудников правоохранительных органов при расследовании допинговых преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2. С. 93–98.

REFERENCES

1. Barhatova E. N., Yakushev E. V. O nekotorykh kriminoobrazuyushchih priznakah ispol'zovaniya v otnoshenii sportsmena substancij i metodov, zapreshchennykh dlya ispol'zovaniya v sporte [On some criminally significant features of the use of substances and methods prohibited for use in sports against an athlete]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2024, no. 2, pp. 116–122. (In Russ.).
2. Vlasov P. E., Mashugina E. V. Doping v sporte: problemy opredeleniya sub"ektov administrativnykh pravonarushenij i prestuplenij [Doping in sports: problems of determining subjects of administrative offenses and crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021, no. 2, pp. 235–244. (In Russ.).
3. Berestovoj A. N. Problemy kvalifikacii prestuplenij, predusmotrennykh st. 230.1 i 230.2 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Problems of qualification of crimes provided for by Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. 95, no. 3, pp. 70–79. (In Russ.).
4. Denisov N. L. Kozlitin G. A., Solomatina E. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie sportsmena k ispol'zovaniyu substancij i (ili) metodov, zapreshchennykh v sporte, i ih primenenie v otnoshenii nego [Criminal liability for persuading an athlete to use substances and (or) methods prohibited in sport, and their use against him]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry – Public service and personnel*. 2017, no. 2, pp. 113–116. (In Russ.).

5. Gel'dibaev M. H. Ugolovnaya otvetstvennost' za ispol'zovanie v otnoshenii sportsmena substancij i (ili) metodov, zapreshchyonnyh v sporte [Criminal liability for the use of substances and (or) methods prohibited in sports against an athlete]. Narkokontrol' – Narcocontrol. 2020, no. 4, pp. 11-15. (In Russ.).
6. Reutskaya E. A. Kriterii i sposoby izmereniya obshchestvennoj opasnosti prestupleniya [Criteria and methods for measuring the social danger of a crime]. Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' – Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2024, no. 1, pp. 229-234. (In Russ.).
7. Barhatova E. N. Effektivnost' stat'i 184 UK RF s pozicii zashchity sporta [Effectiveness of Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation from the standpoint of protecting sports]. Yurist"-Pravoved" – Jurist-Pravoved. 2025, no. 1, pp. 80-86. (In Russ.).
8. Berezhnaya E. S., Mititanidi P. O. Sovremennaya gosudarstvennaya politika v oblasti sporta i ugolovno-pravovaya zashchita ot razlichnyh protivopravnyh posyagatel'stv [Modern state policy in the field of sports and criminal-law protection from various illegal attacks]. Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava – Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019, no. 11, pp. 191-195. (In Russ.).
9. Chernyad'eva A. S. Processual'nye aspekty mezhdunarodno-pravovoj zashchity prav sportsmenov po delam ob «antidopingovoj chistote» [Procedural aspects of international legal protection of athletes' rights in cases of “anti-doping purity”]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Law and order: history, theory, practice. 2023, no. 4, pp. 216-222. (In Russ.).
10. Guseva S. D. Osobennosti deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov pri rassledovanii dopingovyh prestuplenij [Features of the activities of law enforcement officers in the investigation of doping crimes]. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii – Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 2, pp. 93-98. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сулимов Михаил Андреевич, преподаватель кафедры уголовного права. Академия МВД Республики Беларусь. 220005, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Машерова, 6А.

Якушев Эдуард Вадимович, заместитель начальника кафедры физической подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sulimov Mikhail Andreevich, Lecturer, Department of Criminal Law, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 6A Masharov Avenue, Minsk, Republic of Belarus, 220005.

Yakushev Eduard Vadimovich, Deputy Head of the Physical Training Department. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 221–238
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 221–238

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.98

КОГНИТИВНАЯ АНАЛИТИКА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тимофеев Сергей Владимирович¹, Самоделкин Александр Сергеевич²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, tsv.1981@mail.ru

²Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, putin@list.ru

Введение. Статья посвящена исследованию трансформации аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности под влиянием когнитивных технологий. В работе обосновывается необходимость перехода от ретроспективной аналитики к предиктивно-когнитивным моделям поддержки принятия решений на основе интеграции технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, обработки естественного языка и нейронных языковых моделей. Рассматривается теоретическая база интеграции, основанная на классической доктрине разграничения методов и оперативно-розыскных мероприятий, анализируются современные подходы к применению когнитивных технологий в правоохранительной сфере, а также определяются правовые и этические границы их использования в строгом соответствии с принципами оперативно-розыскной деятельности.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовное, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство. Методологический аппарат включает диалектический, общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, логического моделирования и социологические (анкетирование, интервьюирование).

Результаты исследования. В результате исследования установлено, что теоретической основой интеграции когнитивных технологий в оперативно-розыскной деятельности является доктрина разграничения методов и оперативно-розыскных мероприятий, согласно которой методы не имеют жесткой нормативной привязки, что открывает возможности для их трансформации под влиянием технологических изменений. Уточнено понятие когнитивных технологий применительно к аналитическому обеспечению оперативно-розыскной деятельности, определены их основные классы: системы обработки естественного языка (NLP), машинное и глубокое обучение, анализ социальных графов (SNA), предиктивные модели и нейронные языковые модели.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволяет заключить, что когнитивные технологии являются объективно необходимым инструментом трансформации аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, позволяющим преодолеть ограниченность традиционных методов в условиях цифровизации и роста объемов обрабатываемой информации. Интеграция когнитивных систем становится условием сохранения оперативно-тактического преимущества в борьбе с организованной и высокотехнологичной преступностью. Наиболее перспективным инструментом признаны нейронные языковые модели, применение которых возможно в широком спектре направлений оперативно-служебной деятельности – от автоматизации делопроизводства до поддержки принятия решений, что позволяет сократить время обработки информации и освободить сотрудников от рутинных операций.

Ключевые слова: когнитивные технологии, оперативно-розыскная деятельность, аналитическое обеспечение, искусственный интеллект, предиктивная аналитика, доказательства, цифровая трансформация

Для цитирования: Тимофеев С. В., Самodelкин А. С. Когнитивная аналитика в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 221–238

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

COGNITIVE ANALYTICS IN OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Sergey V. Timofeev¹, Alexander S. Samodelkin²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, tsv.1981@mail.ru

²Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, putin@list.ru

Introduction. This article explores the transformation of analytical support for investigative operations under the influence of cognitive technologies. The paper substantiates the need to transition from retrospective analytics to predictive cognitive decision support models based on the integration of artificial intelligence, machine learning, natural language processing, and neural language models. It examines the theoretical basis for this integration, based on the classical doctrine of distinguishing between methods and investigative operations. It also analyzes modern approaches to the use of cognitive technologies in law enforcement, and defines the legal and ethical boundaries of their use in strict accordance with the principles of investigative operations.

Materials and Methods. The study's regulatory framework includes the Constitution of the Russian Federation, criminal law, criminal procedure, and operational investigative legislation. The methodological framework includes the dialectical method, general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, and a systems approach), and specific scientific methods: formal legal, comparative legal, logical modeling, and sociological (questionnaires, interviews).

The Results of the Study. The study established that the theoretical basis for integrating cognitive technologies into operational investigative activities is the doctrine of distinguishing between methods and operational investigative measures. According to this doctrine, methods are not strictly regulated, opening the door to their transformation in the face of technological change. The concept of cognitive technologies as applied to operational intelligence analytical support has been clarified, and their main classes have been defined: natural language processing (NLP), machine and deep learning, social graph analysis (SNA), predictive models, and neural language models.

Findings and Conclusions. The study suggests that cognitive technologies are an objectively necessary tool for transforming operational intelligence analytical support, overcoming the limitations of traditional methods in the face of digitalization and the growth of processed information. The integration of cognitive systems is becoming a prerequisite for maintaining operational and tactical advantages in the fight against organized and high-tech crime. Neural language models are recognized as the most promising tool, applicable across a wide range of operational activities –from office automation to decision support–which will reduce information processing time and free employees from routine operations.

Keywords: cognitive technologies, operational-search activity, analytical support, artificial intelligence, predictive analytics, evidence, digital transformation

For citation: Timofeev S. V., Samodelkin A. S. Kognitivnaya analitika v operativno-rozysknoi deyatel'nosti [Cognitive Analytics in Investigative Operations] Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 221–238 (In Russ.).

В эпоху дигитализма цифровые технологии выступают в качестве определяющего фактора развития общества, культуры, экономики и социального бытия, происходит масштабная цифровизация всех сфер жизнедеятельности. Этот процесс сопровождается внедрением искусственного интеллекта, технологий обработки большого объема информации и иных цифровых решений. В этих условиях когнитивные технологии являются ключевым элементом трансформации современной правоохранительной системы и напрямую влияют на информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности.

Цифровые технологии создают новые возможности для разработки новых методов, позволяющих повысить эффективность противодействия преступности оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), что формирует предпосылки к возникновению проблем в сфере правового регулирования и методологического обеспечения.

Кроме того, в условиях экспоненциального роста Big Data, оптимизацией технического блока оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) («Прослушивание телефонных переговоров», «Снятие информации с технических каналов связи», «Получение компьютерной информации») целесообразным представляется не их увеличение соответственно бесчисленно появляющемуся объему цифровых нововведений, а объединение в единое ОРМ (например, «Контроль электрических систем связи») по родовому признаку технических и программных средств электросвязи [1, с. 150].

А. Л. Осипенко верно отмечает, что «бурно протекающие сложные технологические процессы, мощные потоки цифровой информации, генерируемые различными интернет-сервисами, обеспечивают в геометрической прогрессии создание сверхбольших электронных информационных массивов и цифровых баз данных в государственных и коммерческих структурах» [2, с. 81]. В свою очередь В. Б. Батоев указывает, что «в современных быстро изменяющихся условиях подобное становится возможным только посредством совершенствования имеющегося инструментария; расширения источников добывания оперативно значимой и доказательственной информации; обеспечения соответствия уровня развития теории и практики ОРД темпам прогресса научно-технической мысли; пересмотра подходов к организации и тактике осуществления ОРД» [3, с. 12].

В контексте методологического обоснования интеграции когнитивных технологий в ОРД особого внимания заслуживает позиция В. Ю. Жандрова, который в своем исследовании предлагает авторский подход к формированию системы методов ОРД, адаптированной к условиям цифровизации. Ученый отмечает, что «в условиях активного использования криминалитетом технологий телекоммуникации, анонимизированных сервисов, криптовалютных транзакций и распределенных сетевых технологий традиционные средства и способы ОРД оказываются малоэффективными в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием современных цифровых технологий».

Выход из сложившейся ситуации В. Ю. Жандров видит в обновлении понятийного аппарата и перегруппировке методов ОРД, предлагая включить в их систему такие методы, как «метод оперативного электронного наблюдения, метод цифрового оперативного поиска (включая OSINT и элементы аналитической разведки), киберагентурный метод (агентурные кибероперации), а также метод эксперимента в цифровой среде» [5, с. 31–35].

Принципиально значимым для настоящего исследования является вывод автора о том, что интеграция указанных методов в единую систему позволяет «увязать содержательную сторону оперативного познания с нормативно определенными ОРМ, повысить тактическую вариативность и обеспечить непрерывность контроля в киберпространстве при соблюдении правовых гарантий и требований допустимости электронных доказательств». Здесь следует солидоризироваться с мнением В. А. Родивилиной и В. В. Коломинава, что «международная тенденция заключается в смещении акцента с теоретических споров о природе цифровых следов на

практическую стандартизацию процессов их обработки, что обеспечивает необходимый уровень доверия со стороны суда» [4, с. 219].

Традиционные подходы к аналитическому обеспечению ОРД, основанные на ручной обработке информации и эвристических методах, демонстрируют свою ограниченность в условиях экспоненциального роста объемов цифровых данных, усложнения способов совершения преступлений и стратегий противодействия правоохранительным органам.

Развивая предложенный подход ученых, В. Ю. Жандров подчеркивает, что предложенная модель «усиливает методическую целостность подготовки кадров, обеспечивает воспроизводимость практик и открывает возможности для дальнейшей регламентации цифровых форм оперативной деятельности». При этом автор акцентирует внимание на том, что принятие данного подхода «призвано компенсировать дефицит инструментов реагирования на цифровые криминальные угрозы, повысить эффективность выявления и пресечения преступлений, совершаемых с использованием современных технологий, и создать основу для системного развития оперативно-розыскной деятельности в условиях цифровой трансформации» [5, с. 31].

Данные положения коррелируют с выводами настоящего исследования о необходимости внедрения когнитивных технологий в аналитическое обеспечение ОРД, поскольку предлагаемые методы и когнитивные инструменты нацелены на решение одной задачи – преодоление методологического разрыва между традиционными оперативными подходами и вызовами эпохи дигитализма.

Теоретической основой для предлагаемого в настоящей статье подхода к трансформации аналитического обеспечения ОРД служат фундаментальные разработки в области разграничения методов и оперативно-розыскных мероприятий.

Так, профессор В. Н. Омелин обосновывает необходимость разграничения понятий метода и ОРМ исходя из их различной правовой и логической природы. Как отмечает исследователь, «методы ОРД представляют собой сложную и многогранную систему логически взаимосвязанных приемов, реализуемых субъектами ОРД для достижения целей, поставленных законом, в то время как ОРМ являются закрепленными в законодательстве формами реализации этих методов» [6, с. 143].

Развивая данную позицию, В. Н. Омелин совместно с Т. В. Астишиной приходит к выводу, что «под методами ОРД следует понимать комплексы тактически однородных, научно обоснованных разведывательно-поисковых приемов и способов, избираемых и используемых с учетом сложившейся оперативно-розыскной ситуации и конкретных фактических обстоятельств в целях решения оперативно-розыскных задач». Важно подчеркнуть, что, по мнению авторов, «методы по своей сути формируются в процессе длительной практики и научного осмысления», в то время как мероприятия лишены этого обобщающего компонента, а «важнейшей правовой формой применения методов ОРД являются ОРМ» [7, с. 28].

Сходной логики придерживается Н. С. Железняк, который утверждает, что «метод необходимо рассматривать в качестве логико-организационной формы реализации оперативных задач, такой категории, которая характеризуется воспроизводимостью и вариативностью реализации в отличие от ОРМ». В рамках

теоретических воззрений автора методы ОРД определяются как «совокупность выработанных практикой способов решения частных задач ОРД», тогда как ОРМ являются «совокупностью действий» [8, с. 32].

Из данного разграничения следует принципиальный для настоящего исследования вывод – методы не имеют жесткой нормативной привязки, что открывает возможность для их адаптации и трансформации под влиянием новых технологических условий, включая внедрение когнитивных технологий в аналитическое обеспечение ОРД.

Именно через категорию метода может быть описана и обоснована та часть ОРД, которая активно реализуется с использованием современных технических и цифровых средств, но не охватывается нормативными рамками мероприятий.

В развитие указанных теоретических позиций А. Е. Чечетин предложил многоуровневую структуру оперативного воздействия, которую образуют «не совпадающие по своему значению мероприятия, действия и меры», в которой «метод выполняет роль родовой по отношению к мероприятию и действиям категории», что позволяет сформировать единую тактическую систему воздействия. Согласно этому подходу законодательное определение ОРД, основанное исключительно на перечне ОРМ, не охватывает всего ее содержания, в связи с чем «в состав ОРД входят и иные структурные элементы, включая действия организационно-тактического и информационно-аналитического характера, а также применение методов, которые не находят прямого отражения в законе, но являются неотъемлемой составляющей оперативной практики» [9, с. 54–55].

Данное положение имеет прямое отношение к предмету настоящего исследования, поскольку аналитическое обеспечение ОРД, включая использование когнитивных технологий и систем искусственного интеллекта, представляет собой именно ту сферу деятельности субъектов ОРД, которая не урегулирована на уровне ОРМ, но объективно требует теоретического осмысления и методологического оформления через категорию метода.

Внедрение когнитивных систем, способных к семантическому анализу неструктурированной информации, выявлению скрытых взаимосвязей, прогнозированию криминальных событий и генерации гипотез, объективно становится условием сохранения оперативно-тактического преимущества в борьбе с организованной и высокотехнологичной преступностью.

Термин «когнитивность» (лат. *cognitio* – познание, изучение, осознание) в контексте исследования представляет собой новое постдисциплинарное научное направление, синтезирующее такие теории, как теория познания, когнитивная психология, когнитивная лингвистика и теория искусственного интеллекта, и поэтому этот термин органично включен в данные теории.

Н. В. Манохина в своем исследовании отмечает, что «процессы ускорения научно-технического прогресса в конце XX столетия обусловили пересечение во времени и наложение (когерентность) целого ряда волн научно-технической революции. С 80-х гг. началась волна, связанная с революцией в области информационных и коммуникационных технологий, за ней последовала волна, обусловленная биотехнологической революцией, затем началась волна, генерируемая

революцией в области нанотехнологий. Взаимодействие различных этапов научно-технической революции породило активное развитие нового типа технологий – когнитивных технологий. Схематично когнитивные технологии представлены в следующем виде:

- информационные технологии;
- биотехнологии;
- нанотехнологии [10, с. 52].

Анализ научной литературы показывает явный дисбаланс: в то время как информационным, нано- и биотехнологиям посвящено значительное число исследований, когнитивные технологии как самостоятельная область изучения остаются недостаточно освещенными.

Когнитивные технологии находят активное применение в различных секторах экономики, повседневной жизни и в технологически продвинутых компаниях. Их распространение приносит значительные преимущества, одновременно порождая новые вызовы и проблемы. Данное обстоятельство актуализирует необходимость научного осмысления сущности когнитивных технологий, анализа их специфики и комплементарности с иными видами инноваций, а также определения их роли в современной правоохранительной деятельности.

В научной литературе представлено множество трактовок этого понятия. В наиболее широком смысле когнитивные технологии определяются как совокупность методов, направленных на трансформацию человеческого поведения, свойств и качеств. Это достигается как за счет модификации психофизиологических параметров организма, так и путем интеграции человека в гибридные и сложные человеко-машинные системы, аналогичные концепту, отраженному в образе «Робокопа».

В прикладном, информационно-технологическом контексте когнитивные технологии представляют собой комплекс методов, алгоритмов и программных решений, моделирующих когнитивные (познавательные) функции человека. Они предназначены для решения конкретных задач, таких как:

- распознавание образов (речь, сигналы, изображения);
- выявление скрытых закономерностей в больших данных (Big Data);
- компьютерное проектирование сложных систем;
- построение систем поддержки принятия решений в условиях неопределенности и нечетких данных.

Вышеизложенное прямо коррелируется с объективной потребностью органов, осуществляющих ОРД, во внедрении возможностей когнитивных технологий в информационно-аналитическое обеспечение эффективного проведения ОРМ [11, с. 133].

Теоретической основой для таких разработок послужила идея, сформулированная более полувека назад основателями кибернетики Н. Винером и Дж. фон Нейманом, о необходимости интеграции вычислительной мощности машин с когнитивными способностями человеческого мозга. Именно этот принцип симбиоза лег в фундамент современных когнитивных технологий.

По мнению Г. Г. Малинецкого, С. К. Маненкова, Н. А. Митина и В. В. Шишова, «когнитивные технологии представляют собой различные способы и алгоритмы

достижения целей субъектов. Они опираются на данные о процессах обработки информации, познания, коммуникации, на достижения нейронауки, на теорию самоорганизации и саморегуляции, информационные технологии, математическое моделирование отдельных элементов сознания и ряд других научных направлений» [12, с. 707-716].

Развитие концепции внедрения и использования в ОРД когнитивных технологий обусловлено беспрецедентными вызовами, порожденными цифровизацией общества, – ростом объема и сложности данных, изощренностью методов совершения преступлений, их транснациональным характером. Традиционные методы аналитической работы, основанные на ретроспективном анализе и опыте конкретного специалиста, зачастую не справляются с задачами прогнозирования и выявления латентных взаимосвязей в условиях информационной перегрузки [13, с. 61].

В этом контексте когнитивные технологии, представляющие собой симбиоз искусственного интеллекта (далее – ИИ), машинного обучения, обработки естественного языка и семантического анализа, становятся ключевым драйвером эволюции аналитического обеспечения. Они позволяют перейти от поддержки принятия решений к их когнитивному усилению – процессу, при котором система не просто предоставляет данные, а предлагает гипотезы, оценивает вероятности и моделирует сценарии.

Когнитивистика – это междисциплинарная научная область, изучающая процессы получения, хранения, преобразования и использования знания. Ее предметное поле включает когнитивную психологию, нейронауки, лингвистику, философию сознания и теорию искусственного интеллекта.

В прикладном аспекте когнитивистика порождает когнитивные технологии — программно-аппаратные комплексы, способные к имитации и усилению человеческих когнитивных функций: обучения, логического вывода, распознавания образов, понимания контекста. К ним относятся:

- системы машинного обучения (Machine Learning, ML);
- глубинное обучение (Deep Learning);
- обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP);
- когнитивные вычисления (Cognitive Computing);
- экспертные системы нового поколения.

В традиционном понимании аналитическое обеспечение ОРД представляет собой комплекс мероприятий по сбору, проверке, синтезу и оценке информации для подготовки, принятия и реализации оперативных решений [14, с. 25]. Под влиянием когнитивных технологий это понятие эволюционирует в сторону интеллектуального аналитического обеспечения, которое характеризуется:

- предиктивностью, основанной на прогнозировании криминальных инцидентов и тенденций;
- адаптивностью, основанной на самообучении систем;
- семантической, заключающейся в понимании смысла информации, а не только ее формальных признаков;

– интерактивностью, основанной на работе в режиме диалога «человек-машина» для гипотезирования.

Исследование влияния когнитивных подходов на ОРД носит междисциплинарный характер.

В области теории и методологии фундаментальный вклад внесен В. А. Лефевром и Д. А. Поспеловым, разработавшими ранние модели искусственного интеллекта, которые легли в основу современных экспертных систем [15]. Работы А. Н. Горбаня и Д. С. Чернавского по синергетике и моделированию сложных систем создали теоретический базис для прогнозирования нелинейных социальных и криминальных процессов [16].

Когнитивные технологии осуществляют глубокую трансформацию аналитического обеспечения ОРД, переводя его из вспомогательной в стратегическую, проактивную функцию. Они позволяют:

1. Масштабировать аналитические возможности, обрабатывая эксабайты структурированных и неструктурированных данных.

2. Углублять анализ за счет выявления скрытых корреляций и построения поведенческих и сетевых моделей.

3. Ускорить процесс принятия решений за счет интерактивной визуализации и сценарного моделирования.

В практической плоскости интеграции когнитивных технологий в ОРД необходимо соотнести потенциал когнитивных технологий с конкретными оперативно-розыскными мероприятиями, закрепленными в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – ФЗ об ОРД). Такой подход позволяет не только верифицировать теоретические построения, но и сформулировать конкретные предложения по модернизации тактического инструментария оперативных подразделений.

Одним из наиболее перспективных направлений внедрения когнитивных технологий является использование систем обработки естественного языка – NLP (от англ. Natural Language Processing – обработка естественного языка) в рамках такого ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров (п. 10 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД).

В контексте развития аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности на основе когнитивных технологий особого внимания заслуживают исследования, посвященные внедрению нейронных языковых моделей в практику правоохранительных органов.

Так, В. Б. Батоев, рассматривая вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел посредством применения технологий искусственного интеллекта, приходит к выводу, что использование нейронных языковых моделей при обработке текстовой информации может выступать эффективным инструментом при совершенствовании деятельности правоохранительных органов, что позволит существенно сократить время на обработку огромных объемов текстовой информации,

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 10.05.2026).

освободив человека от необходимости совершения рутинных повторяющихся действий [17, с. 14].

В указанном исследовании автор обращает внимание на то, что промедление в искомом вопросе чревато наступлением неблагоприятных последствий, что на фоне постоянно совершенствующихся возможностей обработки информации выглядит неэффективным и несовременным», причем указанное обстоятельство приобретает особую остроту «в условиях постоянно нарастающих и генерируемых правоохранительными органами объемов информации, а также необходимости повышения производительности труда.

Данные положения коррелируют с нашим подходом о необходимости трансформации аналитического обеспечения ОРД на основе когнитивных технологий.

Нейронные языковые модели, обладая способностью к семантической обработке неструктурированной текстовой информации, могут выступать в качестве одного из ключевых инструментов повышения эффективности информационно-аналитической работы оперативных подразделений.

Традиционный подход к анализу фонограмм предполагает ручное прослушивание и транскрипцию записей, что в условиях экспоненциального роста объемов перехваченной информации становится не только трудозатратным, но и малоэффективным. Оперативный сотрудник физически не способен обработать более 6–8 часов аудиозаписей в день без потери качества восприятия, а при работе с большими массивами данных (например, по делам о деятельности организованных преступных групп (далее - ОПГ) временные затраты на анализ могут исчисляться месяцами.

Современные NLP-системы, адаптированные для русского языка (в частности, модели на базе архитектуры трансформеров, такие как RuBERT, а также коммерческие решения, например системы компании «Центр речевых технологий»), позволяют решать принципиально иной класс задач. Речь идет не просто о распознавании речи и ее переводе в текст (автоматическое транскрибирование), а о семантической разметке полученного текстового массива.

Алгоритм способен классифицировать фрагменты диалогов по тематическим категориям: «финансовые операции», «логистика и перемещения», «персональные данные», «инструкции к действию», «обсуждение мер конспирации». Более того, системы тонального анализа могут оценивать эмоциональный фон разговора, выявляя моменты стресса, тревоги или уверенности собеседника, что часто коррелирует с обсуждением противоправной деятельности.

Наиболее существенный практический результат достигается при идентификации так называемых прокси-коммуникаторов – лиц, которые не являются непосредственными организаторами преступной деятельности, но выступают в роли трансляторов инструкций, передавая их через внешне нейтральные бытовые диалоги.

Наглядной иллюстрацией может послужить пример, когда указание о времени и месте закладки наркотического средства маскируется под обсуждение встречи друзей, места рыбалки или покупки товара на онлайн-площадке. NLP-система, проанализировав сотни тысяч подобных диалогов и выявив характерные паттерны

косвенных указаний, способна не только маркировать такие разговоры для последующей оперативной проверки, но и устанавливать связи между субъектами, формально не состоящими в прямом контакте.

В рамках таких ОРМ, как «Наведение справок» (п. 2 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД) и «Отождествление личности» (п. 7 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД), особую значимость приобретают методы анализа социальных графов – SNA (от англ. Social Network Analysis - анализ социальных сетей).

Данный подход базируется на математической теории графов и позволяет формализовать и визуализировать связи между множеством субъектов на основе их цифровой активности: переписки в мессенджерах, комментарии в социальных сетях, общие подписки, пересечения геолокационных данных, совпадения IP-адресов и иных цифровых следов [18, с. 153–154].

Традиционные оперативно-розыскные методы, ориентированные на установление прямых контактов между фигурантами, часто оказываются бессильны перед стратегиями конспирации, применяемыми современными организованными преступными группами.

В частности, организаторы могут минимизировать свои прямые контакты с исполнителями, используя цепочки посредников либо создавая «спящие» ячейки, внешне не взаимодействующие друг с другом. Применение алгоритмов кластеризации (например, метода Лувена или алгоритма на основе модульности) к массивам данных о цифровых коммуникациях позволяет выявлять такие скрытые структуры [19, с. 252].

Практическим примером применения данной технологии может быть анализ данных о мобильной активности и переписках членов предполагаемой ОПГ, занимающейся сбытом наркотиков. Традиционным путем удалось установить связи между исполнителями-закладчиками и их непосредственными координаторами (кураторами).

При этом применение SNA-алгоритма к той же совокупности данных позволило выявить дополнительные слабые связи между кураторами и третьим уровнем лиц, которые не имели прямых контактов между собой, но были соединены через двух-трех общих цифровых «соседей» (например, через общий канал в мессенджере, на который они были подписаны, или через общую точку выхода в интернет, свидетельствующую о временном нахождении в одной локации).

Таким образом, была реконструирована трехуровневая иерархическая структура группы, включая лицо, предположительно являющееся организатором, которое ранее вообще не фигурировало в материалах оперативной проверки.

Важно подчеркнуть, что анализ социальных графов не требует прямого агентурного внедрения и может осуществляться на основании информации, уже имеющейся в распоряжении оперативного подразделения либо полученной в рамках иных ОРМ.

Это обеспечивает его неинвазивность и относительную процессуальную безопасность. Полученные результаты служат не доказательством вины, а аналитической базой для формирования обоснованных версий и целенаправленного

планирования последующих ОРМ, включая проведение оперативного эксперимента или оперативного внедрения.

Другим примером перспективы внедрения когнитивных технологий в ОРД может служить «компьютерное зрение и наблюдение».

Технологии компьютерного зрения (Computer Vision), активно развивающиеся на базе сверточных нейронных сетей – CNN (от англ. Convolutional Neural Networks – сверточные нейронные сети), открывают новые возможности для повышения эффективности такого классического ОРМ, как «Наблюдение» (п. 6 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД).

В отличие от традиционного понимания наблюдения как исключительно человеческой деятельности, предполагающей визуальный контроль за объектом либо с использованием оптических приборов, когнитивные системы позволяют автоматизировать процесс фиксации и первичного анализа видеопотоков.

Наиболее интересным направлением представляется использование алгоритмов распознавания микроэкспрессий, т. е. кратковременных, произвольных движений лицевых мышц, отражающих истинные эмоциональные состояния человека, которые зачастую невозможно подавить сознательно.

Современные системы, обученные на размеченных базах данных (например, на dataset FACS – от англ. Facial Action Coding System – система кодирования мимических движений), способны в реальном времени анализировать видеопотоки с камер наружного наблюдения и маркировать лиц, демонстрирующих состояние стресса, тревоги, страха или возбуждения, характерное для лиц, совершающих либо подготавливающих противоправные действия. В качестве примера приведем лицо, являющееся объектом наблюдения, предположительно осуществляющее функции «закладчика» наркотических средств.

При анализе видеозаписей с камер, расположенных на маршрутах его потенциального передвижения, система фиксирует у объекта микродвижения, характерные для состояния повышенной тревожности (частое моргание, асимметрия улыбки, изменение ширины зрачков, фиксация взгляда на потенциальных свидетелях).

Эти данные, сопоставленные с информацией о совершенных им в данный временной промежуток перемещениях и остановках, позволяют оперативному сотруднику сфокусировать внимание на конкретных эпизодах записи, проверить гипотезу о совершении закладки и при наличии соответствующих оснований изъять предметы и документы в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Важным дополнением является возможность распознавания «тревожных» состояний у лиц, осуществляющих перемещение наличных денег в рамках схем отмывания доходов, полученных преступным путем, а также у субъектов, обеспечивающих «обналичку» криптовалютных средств.

В таких случаях типичные признаки стресса в поведении на видеозаписях могут стать основанием для более пристального оперативного внимания и проведения дополнительных проверочных мероприятий, что ранее в отсутствие автоматизированной поддержки просто не могло быть зафиксировано без многократного просмотра видеоматериалов квалифицированным сотрудником.

Однако следует оговориться, что результаты «компьютерного зрения» не могут использоваться изолированно. Они служат лишь ориентирующим фактором, индикатором, требующим проверки иными методами.

Автоматическая маркировка лица как «эмоционально нестабильного» не может являться основанием для ограничения его прав; она лишь повышает эффективность работы оперативного сотрудника, сокращая время просмотра видеоматериалов и направляя его внимание на наиболее вероятные эпизоды.

В рамках такого ОРМ, как «Получение компьютерной информации» (п. 15 ст. 6 ФЗ об ОРД), существенный потенциал имеют технологии глубинного обучения (от англ. Deep Learning – «глубокое обучение») применительно к анализу транзакционных данных, в первую очередь к криптовалютным операциям.

Современные преступные группы активно используют цифровые валюты не только в качестве инструмента платежа, но и как средство конспирации, обеспечивающее анонимность переводов и затрудняющее традиционные механизмы финансового контроля.

Традиционные подходы к анализу криптовалютных блокчейнов, основанные на ручном изучении цепочек переводов, ограничены физическими возможностями человека и не позволяют в условиях многотысячных транзакций выявлять сложные паттерны.

Применение рекуррентных нейронных сетей (LSTM) и графовых нейросетей (GNN) позволяет системе автоматически выявлять типичные сценарии отмыкания денег: структурирование крупных сумм на множество мелких транзакций, использование нескольких микшеров (mixers – сервисов анонимизации транзакций), проведение транзакций с нулевым или минимальным подтверждением, перевод средств на биржи без верификации личности.

Принципиально важным является то, что технология анализирует исключительно публичные данные, находящиеся в открытом доступе, что полностью соответствует требованиям законности. Полученные выводы о «подозрительной» активности кошелька не имеют доказательственного значения до момента их верификации в рамках уголовно-процессуальных механизмов. Однако они формируют аналитическую основу для получения судебного решения о проведении ОРМ, связанного с ограничением конституционных прав граждан.

Особую группу когнитивных инструментов составляют технологии предиктивного моделирования, применение которых в рамках таких оперативно-розыскных мероприятий, как «Оперативный эксперимент» (п. 14 ст. 6) и «Проверочная закупка» (п. 4 ст. 6 ФЗ об ОРД), позволяющих качественно повысить тактическую вариативность и снизить операционные риски.

Классическая практика проведения проверочной закупки предполагает выбор оперативным сотрудником (или лицом, оказывающим ему конфиденциальное содействие) определенной «легенды» – социальной роли, под которой он вступает в контакт с проверяемым лицом.

Успех мероприятия в значительной степени зависит от того, насколько выбранная легенда соответствует ожиданиям противоположной стороны. Ошибка в выборе модели поведения может привести не только к срыву мероприятия, но и к преждевременному рассекречиванию оперативного сотрудника.

Предиктивное моделирование позволяет решить эту проблему путем предварительного формирования цифрового профиля проверяемого лица на основе его активности в интернет-среде.

Анализируются следующие параметры:

- частота и время выхода в сеть;
- используемые псевдонимы и их стилистика;
- круг общения;
- типичные запросы и темы обсуждений;
- наличие или отсутствие навыков технической грамотности (использование VPN, TOR, криптовалютных кошельков).

На основании этих данных система строит психологический и поведенческий портрет объекта и генерирует прогноз относительно того, какой тип покупателя вызовет у него наибольшее доверие: «новичок», демонстрирующий осведомленность о специфике рынка. К примеру, в рамках проведения проверочной закупки в DarkNet может быть апробирована методика выбора легенды на основе предиктивной модели.

В рамках апробации методики предиктивного моделирования при проведении проверочных закупок в сети Интернет на базе курсов повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел по дополнительной профессиональной программе «Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» в период с 2022 по 2025 год нами было проведено анкетирование слушателей с целью оценки эффективности выбора тактической легенды на основе поведенческого профиля объекта оперативного интереса.

В рамках практического занятия слушателям было предложено проанализировать массив из 3000 сообщений сбытчика наркотических средств и ответить на вопросы анкеты, касающиеся выявления поведенческих паттернов объекта.

По результатам обработки анкет установлено, что в 82 % случаев респонденты отметили, что сбытчик предпочитал работать с покупателями, которые:

- использовали нетипичную лексику, характерную для форумов наркотической тематики (специфический сленг) – 78 %;
- запрашивали минимальный объем — «пробную партию» – 81 %;
- задавали технические вопросы о способах оплаты и маскировки – 74 %.

На основании полученных прогнозов 76 % опрошенных выбрали для проведения проверочной закупки легенду «покупателя-новичка, но начитанного», что, по их оценке, обеспечило бы успешное проведение мероприятия. Контрольный сценарий с легендой «оптового клиента» признали потенциально неэффективным 88 % респондентов, что подтвердило валидность прогностической модели и обоснованность выбора тактической линии поведения оперативного сотрудника².

Следует подчеркнуть, что предиктивная модель не подменяет профессиональный опыт оперативного сотрудника, а расширяет его, предоставляя научно обоснованные варианты тактических решений. Окончательный выбор сценария

² Результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений, проходивших повышение квалификации на базе Восточно-Сибирского института МВД России в период с 2022 по 2025 год по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел «Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий».

остается за человеком, который учитывает факторы, не поддающиеся формализации (интуитивное понимание ситуации, знание местной специфики, опыт работы с конкретными преступными группами). Таким образом, достигается оптимальный симбиоз когнитивных возможностей человека и вычислительной мощности машины.

Представленный анализ показывает, что интеграция когнитивных технологий в ОРД не является отдаленной перспективой, а уже сегодня может быть реализована в рамках действующего законодательства на этапе аналитической поддержки принятия решений о проведении конкретных ОРМ.

Предложенные меры и алгоритмы не выходят за пределы компетенций, установленных для оперативных подразделений, и не требуют немедленного изменения законодательства, поскольку не наделяют системы искусственного интеллекта самостоятельными властными полномочиями.

Вместе с тем их внедрение требует разработки специальных ведомственных нормативных актов, регламентирующих порядок применения, документирования и контроля за использованием когнитивных систем, а также могут способствовать повышению уровня подготовки квалифицированных кадров, способных грамотно интерпретировать результаты когнитивной аналитики и интегрировать их в тактику проведения ОРМ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Железняк И. Н. Точка бифуркации закона об оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2 (105). С. 142-154.
2. Осипенко А. Л. Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 80-87.
3. Батоев В. Б. «Большие данные (Big Data)» и предиктивная аналитика в оперативно-розыскной деятельности: проблемы использования и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 11-17.
4. Родивилина В. А., Коломинов В. В. Электронно-цифровые следы как доказательства при расследовании интернет-мошенничества: криминалистические и процессуальные аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 214-227.
5. Жандров В. Ю. Методы оперативно-розыскной деятельности: теоретическая основа трансформации в условиях цифровизации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 4. С. 31-40.
6. Омелин В. Н. Соотношение и связь методов оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий // Закон и право. 2020. № 3. С. 143-144.
7. Омелин В. Н., Астишина Т. В. Особенности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 3 (81). С. 25-31.
8. Железняк Н. С. Оперативно-розыскное мероприятие и метод оперативно-розыскной деятельности-близнецы-братья? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 27-33.
9. Чечетин А. Е. Разграничение понятий оперативно-розыскных мероприятий, действий и мер // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2004. № 6. С. 54-57.

10. Манохина Н. В. Когнитивные технологии и их роль в современной экономике // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2014. №. 2 (36). С. 52–54.
11. Тимофеев С. В. Информационное обеспечение противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 132–137.
12. Малинецкий Г. Г., Маненков С. К., Митин Н. А., Шишов В. В.. Когнитивный вызов и информационные технологии // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 8. С. 707–716.
13. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации. М. 2013. 455 с.
14. Ульянов А. Д., Власов Б. Е. Теоретико-методологическое обеспечение аналитической работы в органах внутренних дел в современных условиях // Труды Академии управления МВД России. 2023. №. 1 (65). С. 24–31.
15. Поспелов Д. А. и др. Ситуационное управление: теория и практика. М. : Наука, 1986. 288 с.
16. Чернавский Д. С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. 2003. Т. 11. №. 6. С. 156–159.
17. Батоев В. Б. К вопросу использования нейронных языковых моделей в деятельности органов внутренних дел при обработке текстовой информации // Развитие информационных технологий органов внутренних. 2025. С. 11–19.
18. Туробов А., Чумакова М., Вечерин А. Международный опыт применения математико-статистических алгоритмов прогнозирования преступности // Международные процессы. 2025. Т. 17. №. 4. С. 153–177.
19. Фарахiev Д. М. Способы и методы деанонимизации лиц, совершающих преступления в информационном пространстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №. 4 (60). С. 249–254.

REFERENCES

1. Zheleznyak I. N. Tochka bifurkacii zakona ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Bifurcation Point of the Law on Operational-Investigative Activities]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2023, vol. 105, no. 2, pp. 142–154. (In Russ.).
2. Osipenko A. L. Perspektivy ispol'zovaniya informacionno-analiticheskikh tekhnologij v operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Prospects for Using Information and Analytical Technologies in Operational-Investigative Activities]. Obshchestvo i pravo. 2018, vol. 66, no. 4, pp. 80–87. (In Russ.).
3. Batoev V. B. «Bol'shie dannye (Big Data)» i prediktivnaya analitika v operativnorazysknoj deyatel'nosti: problemy ispol'zovaniya i puti resheniya [“Big Data” and Predictive Analytics in Operational-Investigative Activities: Problems of Use and Solutions]. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2020, vol. 52, no. 1, pp. 11–17. (In Russ.).
4. Rodivilina V. A. Kolominov V. V. Elektronno-cifrovye sledy kak dokazatel'stva pri rassledovanii internet-moshennichestva: kriminalisticheskie i processual'nye aspekty [Electronic and digital traces as evidence in the investigation of online fraud: forensic and procedural aspects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 214–227. (In Russ.).
5. Zhandrov V. Yu. Metody operativno-razysknoj deyatel'nosti: teoreticheskaya osnova transformacii v usloviyah cifrovizacii [Methods of operational-investigative activities: Theoretical basis for transformation in the context of digitalization]. Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2025, no. 4, pp. 31–40. (In Russ.).

6. Omelin V. N. Sootnoshenie i svyaz' metodov operativno-rozysknoj deyatel'nosti i operativno-rozysknykh meropriyatij [Correlation and connection between methods of operational-investigative activities and operational-investigative measures]. *Zakon i pravo*. – 2020, no. 3, pp. 143-144. (In Russ.).
7. Omelin V. N., Astishina T. V. Osobennosti vyyavleniya prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti, sovershaemykh sotrudnikami organov vnutrennih del [Features of identifying corruption-related crimes committed by employees of internal affairs bodies]. *Vestnik ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2018, vol. 81, no. 3, pp. 25-31. (In Russ.).
8. Zheleznyak N. S. Operativno-rozysknoe meropriyatie i metod operativnorozysknoj deyatel'nosti-bliznecy-brat'ya? [Operational-search measure and method of operational-search activity - twin brothers?]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2024, vol. 55, no. 2, pp. 27-33. (In Russ.).
9. Chechetin A. E. Razgranichenie ponyatij operativno-rozysknykh meropriyatij, dejstvij imer [Distinction between the concepts of operational-search measures, actions of measures]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2004, no. 6, pp. 54-57. (In Russ.).
10. Manohina N. V. Kognitivnye tekhnologii i ih rol' v sovremennoj ekonomike [Cognitive Technologies and Their Role in the Modern Economy]. *Novyj universitet. Seriya "Ekonomika i pravo"*. 2014, vol. 36, no. 2, pp. 52-54. (In Russ.).
11. Timofeev S. V. Informacionnoe obespechenie protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnykh tekhnologij [Information Support for Counteracting Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2021, no. 1. pp. 132-137. (In Russ.).
12. Malineckij G. G., Manenkov S. K., Mitin N. A., Shishov V. V., "Kognitivnyj vyzov i informacionnye tekhnologii" [Cognitive Challenge and Information Technologies], Preprinty IPM im. M. V. Keldysha, 2013, pp. 707-716. (In Russ.).
13. Shumilov A. Yu. Operativno-rozysknaya nauka v Rossijskoj Federacii [Cognitive Challenge and Information Technologies]. 2013, 455 p. (In Russ.).
14. Ul'yanov A. D., Vlasov B. E. Teoretiko-metodologicheskoe obespechenie analiticheskoy raboty v organah vnutrennih del v sovremennykh usloviyakh [Theoretical and methodological support for analytical work in internal affairs agencies in modern conditions]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 2023, vol. 65, no. 1, pp. 24-31. (In Russ.).
15. Pospelov D. A. i dr. Situacionnoe upravlenie: teoriya i praktika. [Situational management: theory and practice]. Moscow : Nauka, 1986, 288 p. (In Russ.).
16. Chernavskij D. S. Sinergetika i informaciya. Dinamicheskaya teoriya informacii [Synergetics and information. Dynamic information theory]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Prikladnaya nelinejnaya dinamika*. 2003, vol. 11. no. 6. pp. 156-159. (In Russ.).
17. Batoev V. B. K voprosu ispol'zovaniya nejronnykh yazykovykh modelej v deyatel'nosti organov vnutrennih del pri obrabotke tekstovoj informacii [Synergetics and information. Dynamic information theory]. *Razvitie informacionnykh tekhnologij organov vnutrennih*. 2025, pp. 11-19. (In Russ.).
18. Turobov A., Chumakova M., Vecherin A. Mezhdunarodnyj opyt primeneniya matematiko-statisticheskikh algoritmov prognozirovaniya prestupnosti [International experience in applying mathematical and statistical algorithms for predicting crime]. *Mezhdunarodnye processy*. 2025, vol. 17. no. 4. pp. 153-177. (In Russ.).
19. Farahiev D. M. Sposoby i metody deanonimizacii lic, sovershayushchih prestupleniya v informacionnom prostranstve. *Yuridicheskaya nauka i praktika: [Ways and methods of*

deanonimization of persons committing crimes in the information space]. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022, vol. 60, no. 4, pp. 249-254. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимофеев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Самоделкин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Timofeev V. Sergey, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in Internal Affairs Bodies. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664071.

Samodelkin S. Alexander, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Operational-Investigative Activities and Specialized Equipment. Kikot Moscow University of the MIA of Russia. 12 Academician Volgina St., Moscow, 117997.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 239–251.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026.
vol. 118, no. 3, pp. 239–251.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.98

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 205.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Фомина Инна Анатольевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
iafomina@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются особенности расследования преступлений, предусмотренных статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Обосновывается тезис о трансформации механизма слеодообразования в условиях цифровизации общественных отношений и расширения использования сети «Интернет» для распространения террористической идеологии. На основе анализа следственной и судебной практики, а также данных современной криминалистической науки выделены шесть типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования, каждая из которых характеризуется специфическим сочетанием факторов информационной определенности, доступности цифровых следов и уровня противодействия расследованию. Раскрываются ключевые тактические задачи следователя в каждой из ситуаций, включая фиксацию цифровых следов, идентификацию личности правонарушителя, восстановление удаленной информации, анализ структуры распространения контента и организацию международного взаимодействия. Обосновывается необходимость разработки специализированных криминалистических рекомендаций, которые учитывали бы специфику цифровой среды и трансграничный характер преступной деятельности.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили положения Уголовного кодекса Российской Федерации. В работе также использованы положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», а также официальные статистические данные Судебного департамента Верховного Суда РФ и Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Результаты исследования. В ходе исследования выделены шесть типичных следственных ситуаций, которые могут возникать на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, если противоправные действия совершаются в информационно-телекоммуникационном пространстве. Для каждой из них характерно определенное сочетание таких факторов, как степень информационной определенности, доступность цифровых следов и интенсивность противодействия расследованию.

Выводы и заключения. На современном этапе расследование преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, осложняется рядом обстоятельств. К ним относятся цифровой характер следов, широкое применение технологий анонимизации, в том числе VPN и Tor, а также трансграничное распространение противоправного контента. В совокупности эти факторы существенно меняют традиционные представления о механизме слеодообразования. Анализ практики позволил обосновать выделение шести типичных следственных ситуаций и определить для каждой из них соответствующие тактические алгоритмы. Их применение дает возможность адаптировать процесс доказывания к конкретным условиям расследования, включая различную степень информационной определенности и оказываемого противодействия. Существенное значение при этом имеют своевременная фиксация цифровых следов и их комплексный анализ. Не менее важным является использование специальных знаний, в частности проведение лингвистических и компьютерно-технических экспертиз, а также применение механизмов международного правового сотрудничества. Дальнейшее развитие криминалистической методики расследования рассматриваемых преступлений целесообразно связывать с формированием специализированных подходов, способных учитывать технологические, правовые и организационные особенности противодействия террористической пропаганде в цифровой среде.

Ключевые слова: терроризм, пропаганда терроризма, цифровые следы, информационно-телекоммуникационные технологии, Интернет, следственные ситуации, трансграничная преступность, цифровая криминалистика.

Для цитирования: Фомина И. А. Типичные следственные ситуации при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершаемых в информационно-телекоммуникационном пространстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 239–251.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 205.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION COMMITTED IN THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION SPACE

Inna A. Fomina

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, iafomina@mail.ru

Introduction. This article explores the characteristics of investigating crimes under Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, committed through information and telecommunication technologies. The study argues that the investigative process is transforming due to the digitalization of social relations and the growing use of the Internet for disseminating terrorist ideology. Based on an analysis of investigative and judicial practice, as well as contemporary forensic research, six typical investigative scenarios occurring at the initial stage of investigation are identified. Each scenario is defined by a unique combination of informational certainty, accessibility of digital traces, and the level of obstruction faced by investigators. The article highlights key tactical objectives for investigators in each scenario, including digital trace collection, offender identification, recovery of deleted information, analysis of content dissemination structures, and coordination of international cooperation. The findings underscore the need for specialized forensic guidelines that account for the digital environment and the transboundary nature of such crimes.

Materials and Methods. The study relies on the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation. The research is based on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On Judicial Practice in Criminal Cases of Terrorist-Oriented Crimes,” official statistics from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, and data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

The Results of the Study. Six typical investigative scenarios at the initial stage of examining crimes under Article 205.2 in the information and telecommunication space are identified. Each scenario is characterized by a specific combination of informational certainty, digital trace availability, and the degree of investigative obstruction.

Findings and Conclusions. Modern investigations of crimes under Article 205.2 face significant challenges due to the digital nature of evidence, widespread use of anonymization technologies (e.g., VPNs, Tor), and the transboundary distribution of illicit content, fundamentally altering traditional investigative procedures. The study justifies the classification of six typical investigative scenarios, each accompanied by tailored tactical approaches, enabling investigators to optimize evidence collection and analysis under varying conditions of informational certainty and interference. Timely recording and comprehensive analysis of digital traces, combined with specialized expertise (linguistic and computer-technical forensic analysis) and international legal cooperation, are crucial for successful investigations. Future development of forensic methodology should focus on specialized approaches that integrate technological, legal, and organizational measures to counter terrorist propaganda in the digital domain.

Keywords: terrorism, terrorist propaganda, digital traces, information and telecommunication technologies, Internet, investigative scenarios, transboundary crime, digital forensics.

For citation: Fomina I. A. Tipichnyye sledstvennyye situatsii pri rassledovanii prestupleniy, predusmotrennykh st. 205.2 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, sovershayemykh v informatsionno-telekommunikatsionnom prostranstve

[Typical Investigative Scenarios in the Examination of Crimes under Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation Committed in the Information and

Telecommunication Space] Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026, vol. 118, no. 3, pp. 239–251.

Современное состояние преступности в Российской Федерации характеризуется устойчивой тенденцией к переносу деяний террористической и экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационное пространство. Преступления, предусмотренные ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), занимают особое место в структуре преступлений против общественной безопасности. Согласно данным официальной статистики МВД России в 2025 году было зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера (+59,4% по сравнению с 2024 годом) и экстремистской направленности (+30,4% по сравнению с 2024 годом)². Согласно данным официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в период с 2020 по 2024 гг. по ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к терроризму, его оправдание или пропаганда) всего было осуждено 1311 человек. При этом важно отметить, что подавляющее большинство осужденных (1139 человек) были признаны виновными по части 2 ст. 205.2 УК РФ, то есть за деяния, совершенные с использованием сети «Интернет»³. Это коррелирует с общим увеличением масштабов использования сети «Интернет» в качестве инструмента идеологического воздействия и координации противоправной деятельности. Кроме того, высокая общественная опасность рассматриваемых деяний, их латентность, а также сложности, возникающие при доказывании в суде, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования криминалистического обеспечения расследования преступлений данной категории.

Цифровизация социальных коммуникаций одновременно приводит к изменению способов совершения преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, и усложняет деятельность правоохранительных органов по их расследованию. Применение анонимизирующих технологий, включая VPN-сервисы и прокси-серверы, использование децентрализованных платформ и средств криптографической защиты информации, а также трансграничное распространение противоправного контента существенно меняют механизм слеодообразования. При этом традиционные криминалистические рекомендации, которые преимущественно разрабатывались применительно к преступлениям, совершаемым в материальной среде, не всегда соответствуют особенностям цифрового следа. В частности, необходимо учитывать его хрупкость, возможность многократного воспроизведения и распространения, а также

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954

² Преступность и правонарушения: статистический сборник / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Гл. информ.-аналит. центр. М., 2026. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 08.04.2026).

³ Судебная статистика РФ: официальный сайт / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/?ysclid=mnqwui7ybr811554041> (дата обращения: 09.04.2026).

зависимость от технологической инфраструктуры. Как обоснованно указывается в современной криминалистической литературе, формирование цифровых следов подчиняется иным закономерностям, нежели традиционные материальные следы, что требует разработки самостоятельных тактических приемов и методических подходов [1; 2, с. 91; 3].

В криминалистической методике расследования преступлений экстремистской и террористической направленности особое место занимает анализ типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования. Типизация следственных ситуаций позволяет оптимизировать алгоритм действий следователя, обеспечивая выдвижение обоснованных версий и выбор наиболее эффективных тактических средств. Применительно к расследованию деяний, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»), специфика цифровой среды детерминирует возникновение устойчивых, повторяющихся ситуаций, требующих специфических подходов к доказыванию.

Анализ следственной и судебной практики, а также данных отечественной криминалистики [4, с. 41-52] позволяет выделить шесть основных типичных следственных ситуаций, каждая из которых характеризуется особым сочетанием факторов информационной определенности, доступности цифровых следов и степени противодействия расследованию.

Первая типичная следственная ситуация характеризуется выявлением противоправного контента в сети «Интернет» при отсутствии достоверных сведений о лице, разместившем данный материал. При такой ситуации в распоряжении следователя имеются опубликованные тексты, изображения, аудио- и видеозаписи, содержащие лингвистические и психологические признаки призывов к осуществлению террористической деятельности, их оправдания либо пропаганды. При этом учетные записи, посредством которых произведено размещение, являются анонимными, зарегистрированы с использованием фиктивных персональных данных или с применением технических средств сокрытия идентичности (VPN-сервисы, прокси-серверы, анонимизирующие сети типа Tor). В современных исследованиях отмечается, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, характеризуются отсутствием непосредственной идентификации личности правонарушителя и формированием следовой картины в виртуальной среде [5, с. 177]. Это обуславливает приоритетное значение цифровых следов как основного источника доказательственной информации в процессе расследования.

Тактика расследования в рассматриваемой ситуации прежде всего должна включать оперативное и полноценное закрепление цифровых следов, связанных с размещением противоправного контента.

В первую очередь необходимо обеспечить надлежащую фиксацию материалов. Для этого следует создавать оформленные в установленном порядке копии публикаций, сохраняя при этом значимые технические сведения: время размещения,

IP-адреса, метаданные файлов и идентификаторы учетных записей. В дальнейшем такие материалы могут использоваться в качестве допустимых доказательств.

Одновременно необходимо установить технические характеристики публикации. К ним относятся интернет-платформа, на которой размещен материал, формат контента, а также инструменты, использованные для его создания и распространения. Анализ этих данных позволяет уточнить механизм совершения деяния, определить возможные направления поиска лица, разместившего информацию, и установить предполагаемый масштаб ее распространения.

Отдельное внимание следует уделить взаимодействию с администраторами интернет-ресурсов и провайдерами хостинга. В рамках такого взаимодействия направляются запросы о предоставлении регистрационных данных учетных записей, сведений о входах в систему, использованных IP-адресах и истории активности пользователей. Эти сведения могут оказаться существенными для установления личности правонарушителя. Полученные цифровые следы необходимо рассматривать не изолированно, а в совокупности с другими имеющимися данными. Для этого сопоставляются технические характеристики публикаций с информацией о пользователях, анализируется структура распространения контента, устанавливаются повторные размещения и репосты. Результаты такого анализа позволяют сформировать обоснованные версии об источнике происхождения материала и круге лиц, участвовавших в его распространении.

В рассматриваемой следственной ситуации особую роль играет своевременность действий следователя. Цифровая информация может быть утрачена в короткий срок: разместившее противоправный контент лицо способно удалить или изменить публикацию, а также заблокировать учетную запись. Поэтому сведения, содержащиеся в сети «Интернет», необходимо фиксировать незамедлительно и в неизменном виде, соблюдая требования уголовно-процессуального закона.

На основе анализа данной ситуации можно выдвинуть следующие первичные версии:

- преступление совершено одним лицом, использовавшим анонимный аккаунт;
- в совершении преступления участвовали несколько лиц, выполнявших разные роли (например, один создавал контент, другой обеспечивал техническое сопровождение размещения);
- для массового распространения материалов использовались автоматизированные программы (так называемые боты);
- публикация была адресована определенной группе лиц, на которую автор стремился оказать идеологическое воздействие.

Формулирование указанных версий позволит следователю определить дальнейший план работы. В него могут входить: назначение судебных экспертиз (лингвистической – для анализа содержания текста, компьютерно-технической – для исследования компьютерной информации и технических средств), проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление личности пользователя, а также допросы свидетелей, которые могут располагать информацией о факте публикации или ее авторе.

Вторая типичная следственная ситуация характеризуется наличием достоверных сведений о пользователе, разместившем противоправный контент, при сохраненном доступе к интернет-ресурсу и публикациям. Спецификой является то, что здесь следствие располагает конкретными идентификационными данными аккаунта, что позволяет установить предполагаемую причастность лица, которому он принадлежит, к размещению информации и формирует основу для реализации прямого, ретроспективного направления расследования.

В рамках данного направления решаются несколько взаимосвязанных задач. Первая из них – проверка причастности конкретного пользователя к публикации. Она предполагает сопоставление цифровых следов (IP-адресов, временных меток, идентификаторов устройств) с данными о личности подозреваемого. Вторая задача связана с установлением субъективной стороны преступления. Здесь анализируются систематичность размещений, содержание материалов и реакция аудитории – это необходимо для определения публичного характера деяния и направленности умысла на идеологическое воздействие. Третья задача – сбор доказательств публичности и террористической направленности информации. Контент фиксируется в неизменном виде с помощью скриншотов и архивных копий, после чего анализируются масштабы его распространения (количество просмотров, репостов, комментариев). Наконец, четвертая задача заключается в выявлении сопутствующих цифровых следов: переписки пользователя, истории загрузки файлов и активности на иных интернет-площадках. Это позволяет обнаружить возможных соучастников.

Отдельным направлением здесь следует считать использование специальных знаний. В современных исследованиях подчеркивается, что при расследовании преступлений, связанных с пропагандой терроризма, ключевую роль играет назначение судебных лингвистических экспертиз, в рамках которых анализируются коммуникативная цель текста, используемые выразительные средства и характер воздействия на адресата [6, с.2340]. На основании собранных доказательств выдвигаются версии о мотиве, целях и средствах совершения преступления, включая возможность участия лица в группе или сети пользователей, осуществляющих распространение террористической информации. Эти версии служат основой для планирования допросов, выемки электронных устройств, назначения экспертиз и взаимодействия с провайдерами интернет-услуг.

Третья типичная следственная ситуация возникает в случае, когда противоправный контент, размещенный в сети «Интернет», был удален самим пользователем, заблокирован администрацией ресурса или доступ к нему ограничен иным образом. Несмотря на утрату первоисточника, в распоряжении следствия остаются зафиксированные копии публикаций, скриншоты, архивные данные, репосты, цитирования, а также показания свидетелей, указывающие на факт размещения информации [7]. При этом личность предполагаемого виновного, может быть, как установлена, так и оставаться неизвестной, что обуславливает специфику тактических действий следователя.

В этой ситуации основные тактические задачи включают:

- 1) восстановление цифровой информации, что предполагает проведение комплекса действий по извлечению цифровых следов из всех доступных источников (кэшированных копий веб-страниц, архивов поисковых систем, резервных копий социальных сетей, файлов на устройствах свидетелей или других участников сети) с сохранением метаданных и временных отметок;
- 2) анализ вторичных следов распространения, включая исследование цепочки распространения материала (количество репостов, цитирований, комментариев и взаимодействий с контентом), что позволяет определить масштаб воздействия и выявить потенциальных свидетелей;
- 3) идентификацию лица или лиц, причастных к публикации, посредством сопоставления вторичных следов с данными о подозреваемом либо выдвижения версий о способах сокрытия авторства;
- 4) подтверждение публичного характера деяния через сбор и анализ свидетельских показаний, репостов и цитат, фиксирующих фактическое распространение информации в сети, а также данных о количестве и типе аудитории, имевшей доступ к публикации.

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении Пленума от 9 февраля 2012 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», публичные призывы к осуществлению террористической деятельности представляют собой обращения к другим лицам, а вопрос о публичности определяется с учетом способа, места и обстановки распространения информации, при этом преступление считается оконченным с момента ее публичного распространения⁴. В связи с этим в рассматриваемой ситуации особое значение приобретает тщательный и комплексный анализ всех доступных вторичных следов, поскольку утрата первоисточника создает повышенный риск недоказанности факта совершения преступления. Комплекс действий по восстановлению информации, сопоставлению вторичных следов и установлению личности автора публикации обеспечивает сохранение доказательственной базы и повышает результативность расследования даже при ограниченном доступе к оригинальному контенту.

Четвертая типичная следственная ситуация характеризуется выявлением систематической противоправной деятельности в сети «Интернет», которая проявляется в многократном размещении материалов террористической направленности, ведении специализированных каналов, сообществ или страниц, а также в организации сетей распространения подобного контента.

Основная специфика здесь – преступная деятельность носит длящийся характер, что может свидетельствовать не только об устойчивой криминальной направленности субъекта, но и о возможной (как версия) групповой или координированной

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 09.04.2026).

деятельности, цель которой – направленной идеологическое воздействие на широкую аудиторию.

Соответственно, к основным тактическим задачам здесь можно отнести:

1) необходимость установления масштаба и структуры противоправной деятельности путём анализа активности пользователя (группы пользователей) в сети. Целесообразно изучить частоту публикаций (построение шкалы активности), их регулярность (возможно связана, например, только с определенными событиями/новостями), наличие так называемых всплесков (в определенные памятные даты), а также длительность нахождения пользователя в сети, характер и продолжительность его взаимодействия с аудиторией (с новыми и постоянными подписчиками).

Необходимо уделить внимание выявлению технической составляющей процесса (наличие ботов, автоматизация алгоритмов ответов, рассылки, использование нескольких аккаунтов одним лицом). Так, равномерный круглосуточный поток информации с минимальными перерывами или незамедлительный ответ на комментарии с наибольшей вероятностью свидетельствует об автоматизации процесса. Кроме того, так как сетевая структура распространения контента может включать несколько уровней: ядро – первичный источник (каналы и страницы, в которых непосредственно происходит публикация), транзитные узлы (каналы-ретрансляторы, зеркала, дубли и клоны каналов/страниц на случай блокировки) и периферию (групповые чаты, комментарии – для вовлечения аудитории), – важно установить направление распространения (от ядра или к ядру), так как это влияет на определение ролей участников группы;

2) выявление круга участников и распределение ролей, что позволит доказать не только групповой, но и организованный характер преступной деятельности. Это достигается посредством выявления и анализа данных, содержащихся в текстах, роликах и другом контенте (изучение поведенческих паттернов и специфики взаимодействия (кто кому отвечает/цитирует и тому подобное), «карты» связей активных участников), что, в свою очередь, позволит определить перечень необходимых следственных действий и ОРМ с наибольшей эффективностью;

3) фиксацию и систематизацию сведений, имеющих доказательственное значение. Так, следовательно необходимо создать файлы с занесением туда архивов публикаций (для их последующего анализа) с обязательным сохранением временных характеристик и других идентификационных признаков, что позволит установить динамику системности противоправной деятельности.

Приоритетным направлением здесь будет фиксация электронно-цифровых следов. Следует помнить, что такая фиксация отличается от работы с традиционными материальными следами спецификой самих следов: их хрупкостью (данные могут быть изменены или уничтожены в любой момент) и отсутствием физической формы (объект нельзя «изъять» в привычном понимании). Соответственно главный принцип работы здесь: минимальное вмешательство – максимальная фиксация. До прибытия специалиста или начала следственных действий необходимо обеспечить «замораживание» ситуации (исключить любые действия, способные изменить

цифровую среду). При проведении осмотра интернет-ресурса протокол должен содержать исчерпывающие идентификационные данные, что позволит в дальнейшем подтвердить подлинность зафиксированного материала, с обязательным приложением скриншотов (в фототаблице и на электронном носителе).

Пятая типичная следственная ситуация характеризуется активным противодействием расследованию со стороны подозреваемого и других участников преступного процесса. Такое противодействие может проявляться в использовании технических средств анонимизации (VPN, прокси-серверы, TOR-сеть), систематической смене учетных записей и идентификаторов, удалении или модификации контента, отрицании факта публикации противоправной информации, а также в попытках перекладывания ответственности на третьих лиц [8, с. 401]. Ее особенность заключается в усложнении идентификации авторства публикаций, установления публичного характера информации и выявления всех участников преступления.

Тактика расследования в этих условиях требует комплексного и многослойного подхода, включающего:

1) сопоставление цифровых следов (IP- адресов, метаданных файлов, времени и места доступа к ресурсам, истории устройств) с целью выявления закономерностей в поведении пользователя и установления факта участия конкретного лица в размещении информации;

2) проведение судебной компьютерно-технической экспертизы, направленной на идентификацию устройств и программного обеспечения, применяемого для размещения контента, а также восстановление удаленных или модифицированных материалов для выявления стилистических особенностей текста, цифровых водяных знаков и иных параметров, позволяющих подтвердить авторство;

3) анализ показаний участников процесса, включая допрос свидетелей, очевидцев публикаций и лиц, участвовавших в распространении контента, с целью установления достоверности сведений о действиях подозреваемого и выявления противоречий;

4) выявление методов противодействия следствию (использование временных и анонимных аккаунтов, шифрование сообщений, координация действий с третьими лицами), что позволяет корректировать тактику следственных действий и планировать дополнительные мероприятия.

Шестая типичная следственная ситуация возникает, когда преступная деятельность носит трансграничный характер [9]. В этом случае размещение противоправной информации происходит с использованием иностранных интернет-ресурсов, платформ, серверов, доменных зон или аккаунтов, зарегистрированных за пределами Российской Федерации, что объективно затрудняет оперативный доступ к первоисточникам информации, ограничивает возможность непосредственного изъятия цифровых носителей и требует задействование механизмов международного сотрудничества. Кроме этого, указанная ситуация характеризуется повышенной степенью сложности, которая обусловлена как техническими особенностями распределенной сетевой среды, так и

правовыми ограничениями (принцип территориальной юрисдикции, необходимость соблюдения норм международного права).

В указанных условиях приоритетным направлением будет установление географической и юридической принадлежности используемых информационных ресурсов [10], включая определение страны регистрации доменов, местоположение сервера, а также определении юрисдикции, в которой функционирует интернет-платформа. Решение данной задачи позволит определить применяемые нормы права и выбрать стратегию взаимодействия с уполномоченными органами иностранного государства. Одновременно с этим необходимо осуществить все доступные действия по сбору и фиксации оперативной и доказательственной информации, не требующей стороннего вмешательства (создание архивных копий, сохранение метаданных, фиксация технической характеристики информации).

Подводя итог проведённому исследованию, можно сформулировать следующие выводы. Расследование преступлений, предусмотренных ч.2 ст.205.2 УК РФ, в современных реалиях характеризуется повышенной сложностью. Данное преступление относится к категории тяжких и предусматривает три альтернативных деяния: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма.

Ключевой особенностью рассматриваемого состава является формально-оценочный характер деятельности – законодатель раскрывает понятие «оправдание» и «пропаганда» через целевую направленность информационного воздействия – формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности или представления о допустимости террористической деятельности. Это означает, что предмет доказывания включает не только факт размещения информации, но и установление ее смысловой направленности и прямого умысла виновного. Так как типичные следственные ситуации представляют собой научно обоснованную криминалистическую категорию, отражают совокупность условий, в которых осуществляется расследование на определенном этапе, их выделение имеет двоякое значение: теоретическое (систематизация криминалистического знания о закономерностях расследования) и практическое (обеспечение следователя алгоритмом действий исходя из специфики каждой).

В условиях цифровой среды, где доказательственная информация распределена между платформами, аккаунтами и устройствами, ситуационный анализ позволяет следователю сосредоточить усилия на наиболее перспективных направлениях расследования, разработать характерную последовательность действий, с учетом данных, необходимых (приоритетных) для установления в каждой конкретной ситуации. Кроме того, определение конкретной следственной ситуации позволит предвидеть возможные изменения в ходе расследования, предвосхищать их, минимизируя риски.

Таким образом, типичные следственные ситуации по данной категории дел выполняют роль связующего звена между криминалистической характеристикой преступления и конкретными тактическими рекомендациями. Их выделение и систематизация обеспечивают научно обоснованную основу для разработки частной

криминалистической методики, учитывающей цифровую специфику следообразования, анонимности субъектов и особенности доказывания субъективной стороны (целевой направленности информационного воздействия).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Van Beek H., van den Pol C., van der Weerd J. Criminalistic zoom levels: Unravelling the hierarchy of forensic traces // Forensic Science International. 2025. Vol. 371. DOI: 10.1016/j.forsciint.2025.112234. URL: <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2025.112234> (дата обращения: 09.04.2026).

2. Манжаро В. В., Коршунов А. В., Гайдуков А. А. Криминалистическая кибернетика: современные возможности собирания и исследования цифровых следов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 35. № 3. С. 89–96.

3. Жужлов И.С. Цифровые следы: понятие, роль и значение в современной криминалистике // Юридические исследования. 2026. № 2. С. 167–183. DOI: 10.25136/2409-7136.2026.2.78312. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78312 (дата обращения: 09.04.2026).

4. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и иных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учебное пособие / Поздышев Р. С., Саакян А.Г., Долгачёва О. И. [и др.]; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Нижегородская академия. Нижний Новгород: НА МВД России, 2023. 76 с.

5. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 172–178. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-172-178>

6. Королькова А.В., Алексеева М.И. Лингвистическая экспертиза текстов, публично оправдывающих терроризм и/или экстремизм // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 8. С. 2488–2494. DOI: 10.30853/phil20230367. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20230367/fulltext> (дата обращения: 09.04.2026).

7. Давыдов В. О. К вопросу о сущности процесса информационного обеспечения предварительного расследования по делам о преступлениях экстремистской направленности, совершаемых с использованием компьютерных сетей // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-protssessa-informatsionnogo-bespecheniya-predvaritelnogo-rassledovaniya-po-delam-o-prestupleniyah> (дата обращения: 09.04.2026).

8. Ходоева Э.Д. «Понятие и способы сокрытия электронных следов преступления» // Global and Regional Research. 2020. Т. 2. № 2. С. 399–405.

9. Гребенщиков А. А. Некоторые проблемы расследования ст. 205.2 УК РФ // Вестник науки. 2024. № 5 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-rassledovaniya-st-205-2-uk-rf> (дата обращения: 09.04.2026).

10. Першин А. Н. Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-lits-osuschestvlyayuschih-predvaritelnoe-rassledovanie> (дата обращения: 09.04.2026).

REFERENCES

1. Van Beek H., van den Pol C., van der Weerd J. Criminalistic zoom levels: Unravelling the hierarchy of forensic traces // Forensic Science International. 2025. Vol. 371. DOI: 10.1016/j.forsciint.2025.112234.

2. Manzharo V. V., Korshunov A. V., Gaydukov A. A. Kriminalisticheskaya kibernetika: sovremennye vozmozhnosti sobiraniya i issledovaniya tsifrovyykh sledov [Criminalistic cybernetics: modern possibilities of collection and study of digital traces]

modern possibilities of collecting and researching digital traces] // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2025. Vol. 35. No. 3. pp. 89–96. (In Russ.).

3. Zhuzhlov I. S. Tsifrovye sledy: ponyatie, rol' i znachenie v sovremennoy kriminalistike [Digital traces: concept, role and significance in modern criminalistics] // Yuridicheskie issledovaniya. 2026. No. 2. pp. 167–183. DOI: 10.25136/2409- 7136.2026.2.78312. (In Russ.).

4. Pozdyshev R. S., Saakyan A. G., Dolgachyova O. I. et al. Rassledovanie prestupleniy v sfere kompyuternoy informatsii i inyykh prestupleniy, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy [Investigation of crimes in the field of computer information and other crimes committed using information and telecommunication technologies] : uchebnoe posobie. Nizhniy Novgorod: NA MVD Rossii, 2023. 76 p. (In Russ.).

5. Pereverzeva E. S., Komov A. V. Virtual'nye i tsifrovye sledy: novyy podkhod v ponimani [Virtual and digital traces: a new approach in understanding] // Vestnik Sankt- Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. No. 1. pp. 172–178. DOI: 10.35750/2071- 8284-2021-1-172-178. (In Russ.).

6. Korolkova A. V., Alekseeva M. I. Lingvisticheskaya ekspertiza tekstov, publichno opravdyvayushchikh terrorizm i/ili ekstremizm [Linguistic examination of texts publicly justifying terrorism and/or extremism] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. Vol. 16. No. 8. pp. 2488–2494. DOI: 10.30853/phil20230367. (In Russ.).

7. Davydov V. O. K voprosu o sushchnosti protsessa informatsionnogo obespecheniya predvaritel'nogo rassledovaniya po delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti, sovershaemykh s ispol'zovaniem kompyuternykh setey [On the issue of the essence of the process of information support for preliminary investigation in cases of extremist crimes committed using computer networks] // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2012. No. 3-2. (In Russ.).

8. Khodoeva E. D. Ponyatie i sposoby sokrytiya elektronnykh sledov prestupleniya [The concept and methods of concealing electronic traces of a crime] // Global and Regional Research. 2020. Vol. 2. No. 2. pp. 399–405. (In Russ.).

9. Grebenshchikov A. A. Nekotorye problemy rassledovaniya st. 205.2 UK RF [Some problems of investigation of Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation] // Vestnik nauki. 2024. No. 5 (74). (In Russ.).

10. Pershin A. N. Tsifrovye prava lits, osushchestvlyayushchikh predvaritel'noe rassledovanie [Digital rights of persons conducting preliminary investigation] // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021. No. 2 (78). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фомина Инна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fomina Inna Anatolyevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Legal and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 23.04.2026.

The article has been submitted for review (The article was received by the editorial office) 12.02.2026, approved after review 16.03.2026, accepted for publication 23.04.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 252–269.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 252–269.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.85

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шеков Анатолий Александрович¹, Дашко Леонид Васильевич²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, shek@inbox.ru,

²Экспертно-криминалистический центр МВД России, Москва, Российская Федерация, ldashko@mvd.ru

Введение. Статья посвящена исследованию роли экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в предупреждении преступлений. Рассматриваются особенности структуры преступности в современный период, отмеченный значительным увеличением числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Обосновывается важность комплексного подхода к предупреждению правонарушений, включающего криминалистический аспект.

Материалы и методы. В основу исследования положены диалектический метод познания, а также методы анализа, синтеза и обобщения; из совокупности частнонаучных методов использованы: сравнительно-правовой и формально-логический, статистический методы. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные о количестве зарегистрированных преступлений, нормы права в области профилактической деятельности судебных экспертов.

Результаты исследования. Уделено внимание существующему разрыву между уровнем научного обоснования профилактических мер и их практическим внедрением. Анализ опыта ведущих российских криминалистов показывает недостаточность текущего состояния криминалистического обеспечения предупредительных мероприятий. Предлагается систематизировать формы экспертно-криминалистической профилактики, разделяя их на процессуальные и непроцессуальные мероприятия. Подчеркивается особая роль непроцессуальных форм профилактики, таких как экспертное прогнозирование, консультативная помощь, организация занятий с представителями силовых структур и правовой пропаганды.

Выводы и заключения. Проведенный анализ показал, что имеются проблемы нормативно-правового регулирования профилактической деятельности судебных экспертов, вызванные недостаточной ясностью полномочий и процедур. Предложены направления повышения эффективности экспертно-криминалистической деятельности в области профилактики преступлений, в том числе путем увеличения вовлеченности экспертных подразделений в разработку превентивных мер, оптимизации взаимодействия с правоохранительными структурами и расширении правовых оснований для их деятельности.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическая деятельность, судебная экспертиза, профилактика преступлений, экспертная профилактика, экспертная практика

Для цитирования: Шеков А. А., Дашко Л. В. Судебно-экспертное обеспечение профилактики преступлений: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 3 (118). С. 252–269.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

FORENSIC SUPPORT FOR CRIME PREVENTION: STATUS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Anatoly A. Shekov¹, Leonid V. Dashko²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, shek@inbox.ru

²Expert Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ldashko@mvd.ru

Introduction. The article is devoted to the study of the role of the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in crime prevention. The article examines the features of the crime structure in the modern period, marked by a significant increase in the number of crimes committed using information and communication technologies. The importance of an integrated approach to crime prevention, including a criminalistic aspect, is substantiated.

Materials and Methods. The research is based on the dialectical method of cognition, as well as methods of analysis, synthesis and generalization; from a set of private scientific methods used: comparative legal and formal logical; statistical methods. The empirical basis of the study was statistical data on the number of registered crimes, the norms of law in the field of preventive activities of forensic experts.

The Results of the Study. Attention is paid to the existing gap between the level of scientific justification of preventive measures and their practical implementation. An analysis of the experience of leading Russian criminologists shows the insufficiency of the current state of forensic support for preventive measures. It is proposed to systematize the forms of forensic prevention, dividing them into procedural and non-procedural measures. The special role of non-procedural forms of prevention is emphasized, such as expert forecasting, advisory assistance, organization of classes with representatives of law enforcement agencies and legal propaganda.

Findings and Conclusions. The analysis has shown that there are problems with the regulatory and legal regulation of the preventive activities of forensic experts caused by insufficient clarity of powers and procedures. The directions of increasing the effectiveness

of forensic expertise in the field of crime prevention are proposed, including by strengthening the activity of expert units in developing preventive measures, optimizing interaction with law enforcement agencies and expanding the legal basis for their activities.

Keywords: forensic activity, forensic examination, crime prevention, expert prevention, expert practice

For citation: Shekov A. A., Dashko L. V. Sudebno-ekspertnoe obespechenie profilaktiki prestuplenij: sostoyanie, problemy i perspektivy [Forensic expert support for crime prevention: status, problems and Prospects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 118, no. 3, pp. 252–269. (In Russ.).

На фоне ежегодного снижения количества преступлений в Российской Федерации (рис. 1) на сегодняшний день произошли значительные изменения в структуре преступности.

Например, если в 2020 году было зарегистрировано 510 396 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, то в 2024 году их количество составило 765 365 (+50 %).

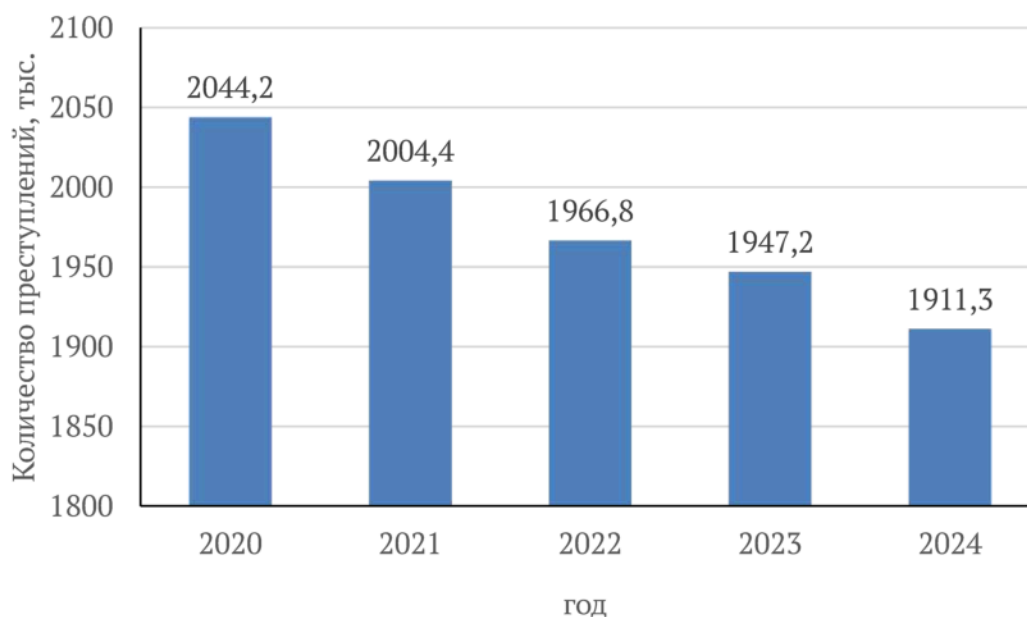

Рис. 1. Состояние преступности в Российской Федерации в 2020–2024 годах

В условиях специальной военной операции отдельные регионы сталкиваются с серьезными проблемами. Рост сепаратистских настроений сопровождается актами терроризма, попытками насильственного изменения Конституции Российской Федерации, а также ущемлением прав и свобод населения. Увеличился риск появления

организованной преступности, представляющей собой серьезные угрозы национальной безопасности.

Это создало острую потребность в формировании единой федеральной программы предупредительных мероприятий против правонарушений, гармонично интегрирующейся с механизмами выявления и расследования преступлений.

Необходимость научной обоснованности указанных мер была осознана давно и остается актуальной по сей день, тесно переплетаясь с прогрессом научных знаний и технических достижений. Отсюда формируется комплексный междисциплинарный подход к изучению и преодолению проблем профилактики противоправных деяний.

Однако научная база недостаточно развита именно в части криминалистического анализа профилактических мер. До недавнего времени данная область оставалась практически неизученной, создавая серьезный пробел в теории и практике борьбы с преступлениями, который требует устранения.

Исследование вопросов криминалистического и судебно-экспертного обеспечения предупреждения преступлений нашли отражение в работах ведущих криминалистов страны: Р. С. Белкина, А. И. Винберга, А. Н. Васильева, Г. Г. Зуйкова, В. П. Колмакова, В. П. Лаврова, С. П. Митричева, Н. А. Селиванова, М. П. Шаламова, Н. П. Яблокова и других ученых.

Первоначальные научные идеи об использовании криминалистических инструментов в профилактике преступлений не получили достаточного теоретического развития. Хотя были выделены некоторые ключевые концепции предупреждения преступлений посредством криминалистических приемов и методик, однако фундаментальная логика их развития осталась вне поля зрения ученых. Проблематика ограничивалась поверхностным обозначением вопросов без глубокого изучения внутренних механизмов и закономерностей.

Научный вакуум в области теоретического познания криминалистического аспекта предупреждения сохранялся длительное время. Теоретическая база оказывалась слабо развитой, особенно в ключевых положениях, определяющих сущность предмета, содержание (методы, приемы и средства) и роль криминалистического предупреждения в структуре криминалистики. Отсутствие целостной теоретической конструкции затрудняло эффективное применение практических рекомендаций.

Экспертная профилактика имеет нормативное закрепление. Согласно ч. 2 ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) эксперт в своем заключении вправе указать на выявленные им обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, хотя и не отраженные в рамках вопросов в постановлении о назначении судебной экспертизы. К таким обстоятельствам можно отнести условия, способствующие совершению преступления, установление которых является обязательным для разрешения уголовного дела по существу.

В п. 44 приказа МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» отмечается, что в случае выявления при производстве экспертиз условий, способствующих совершению преступлений

и административных правонарушений, руководитель организует подготовку предложений, направленных на их устранение, которые оформляются отдельным документом и направляются лицу (органу), назначившему экспертизу.

В контексте данного приказа видна некоторая неопределенность в представлении профилактических рекомендаций со стороны экспертно-криминалистического подразделения в лице ее руководителя. При этом роль эксперта, непосредственно проводящего экспертизу и лично несущего ответственность за ее результаты, остается за рамками этого регулирования. Можно только допустить, что такие предложения со стороны эксперта могут возникнуть в рамках проявленной им инициативы, предусмотренной ст. 57, 204 УПК РФ. Однако ее реализация предусмотрена в форме заключения в пределах компетенции эксперта, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования. Такие возможности рассматривались в 60-е годы прошлого столетия и не потеряли своей актуальности сегодня.

Самостоятельность профилактической рекомендации оправданна. Она связана с ограничением на разглашение данных предварительного расследования. Если эксперт по собственной инициативе поднимает вопросы, не входящие в план расследования, это может осложнить работу следователя по установлению фактических обстоятельств дела.

Таким образом, в результатах непосредственной деятельности эксперта, а именно в заключении эксперта, отражающем объективное проведение исследования на строго научной и практической основе в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме решение профилактических задач выносится за рамки производства экспертизы, что, на наш взгляд, требует отдельной проработки как с правовой, так и с организационно-методической стороны [1, с. 183].

Система профилактики правонарушений в современной России продолжает развиваться и совершенствоваться благодаря внесенным изменениям в законодательство и принятию новых нормативных актов. Так, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» устанавливает общие принципы и подходы к профилактике правонарушений, а новые приказы МВД России уточняют порядок действий сотрудников правоохранительных органов в сфере предотвращения противоправных деяний.

Приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» (далее – приказ МВД России № 619) подчеркивает особую значимость профилактики преступлений и административных правонарушений среди приоритетных направлений деятельности полиции. Среди ключевых мер выделяются:

- выявление и устранение факторов, способствующих нарушению закона;
- повышение эффективности оперативно-розыскных мероприятий;
- развитие межведомственного сотрудничества в области борьбы с преступностью.

Приказом МВД России № 619 определены основные направления обеспечительных мер в соответствии с компетенцией субъекта ведомственной системы профилактики. К ним относятся меры по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, административного, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного характера, в частности, формирование, ведение и использование банков данных криминалистической, экспертно-криминалистической и иной информации о лицах, предметах и фактах.

Эти изменения свидетельствуют о стремлении государства повысить уровень общественной безопасности и создать эффективные механизмы противодействия преступности. Тем не менее необходимость дальнейшей детализации порядка осуществления профилактических функций экспертно-криминалистическими подразделениями очевидна.

Согласно п. 4.8 приказа МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» (далее – приказ МВД России № 7) к основным функциям экспертно-криминалистических подразделений относится участие в деятельности по предупреждению преступлений. В соответствии с п. 26.3 приказа МВД России № 7 одной из основных форм взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел с другими подразделениями является выявление при осуществлении экспертно-криминалистической деятельности причин и условий, способствующих совершению преступлений, информация о которых приобщается к документам о результатах этой деятельности. Данное требование согласуется с нормами УПК РФ, приказов МВД России № 511 и № 619.

При этом п. 13 приказа МВД России № 7 экспертно-криминалистическая деятельность по предупреждению преступлений осуществляется только в двух формах:

1. Разработки и утверждения в соответствии с законодательством Российской Федерации об оружии, нормативными правовыми актами МВД России криминалистических требований Министерства внутренних дел Российской Федерации к оружию и к патронам к оружию.

2. Проведение исследований и экспертной оценки степени защищенности бланков ценных бумаг в соответствии с нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и МВД России.

Фактически, несмотря на законодательное право давать профилактические рекомендации, процессуальная независимость эксперта препятствует активному участию в формировании мероприятий по предотвращению повторных нарушений закона. Это связано с необходимостью соблюдения принципа конфиденциальности предварительных следственных действий, а также соблюдением строгих границ компетентности эксперта, установленных законом.

Кроме того, само определение круга обязанностей эксперта и руководителя подразделения, приведенное в приказах МВД России, существенно сужает круг возможных профилактических мероприятий, сводя их преимущественно к техническим мерам контроля качества оружия и защиты документов. Такая узкая

трактовка ставит под сомнение эффективность участия экспертно-криминалистических служб в комплексных мерах предупреждения преступности.

Тем не менее рассмотренные нормативные документы регламентируют прежде всего процессуальную форму экспертной профилактики, направленную на выявление экспертом причин и условий, способствующих совершению преступления. Очевидно, возможности экспертно-криминалистической деятельности в предупреждении (профилактике) преступлений гораздо шире с учетом мероприятий, проводимых в непроцессуальной форме.

Для непроцессуальной формы экспертной профилактики характерны следующие виды деятельности:

- обобщение и анализ экспертной практики;
- изучение и обобщение практики применения криминалистических средств и методов;
- экспертное прогнозирование;
- справочно-консультационная деятельность;
- участие в правовой пропаганде;
- проведение теоретических и экспериментальных исследований;
- участие в работе круглых столов, научно-практических конференций различного уровня по вопросам совершенствования экспертно-криминалистической деятельности;
- участие в профилактических мероприятиях;
- проведение занятий с должностными лицами следствия, дознания, а также иных министерств и ведомств [2, с. 195].

Рассмотрим более подробно обеспечение судебно-экспертной профилактики преступлений.

1. Обобщение и анализ экспертной практики.

Деятельность судебного эксперта в области профилактики преступлений и административных правонарушений не должна касаться вынесения профилактических предложений только по отдельному уголовному или административному делу. Эксперт, основываясь на тщательном анализе потупивших материалов, способен выявить закономерности и факторы, способствующие рецидивам правонарушений.

Помимо выработки профилактических рекомендаций по отдельным уголовным и административным делам, экспертно-криминалистическая деятельность направлена на общее совершенствование самой экспертной практики. Важным элементом профилактической работы является регулярное обобщение экспертной практики, которое позволяет оперативно реагировать на проблемы, вызванные использованием устаревших методик исследования либо недостаточной технической оснащенностью подразделений.

Особое внимание уделяется причинам субъективных ошибок, таких как профессиональная некомпетентность, неправильная оценка признаков объектов, поверхностность исследований [3, с. 185].

2. Изучение и обобщение практики применения криминалистических средств и методов.

Совершенствование криминалистических средств и методов, а также тактики их применения диктуется развитием технической сферы и необходимостью адаптации к новым вызовам, например к распространению цифровых следов и усложнению методов киберпреступности [4, с. 47].

Значительную часть методик и технологий, применяемых в уголовном судопроизводстве, разрабатывают и совершенствуют в рамках криминалистики и других смежных с ней отраслей знаний, в том числе судебной экспертизы.

Многие методы обнаружения, изъятия и исследования объектов, изымаемых с мест происшествий, доказали свою эффективность на протяжении длительного периода времени, однако требуют адаптации и улучшения в свете новейших научных открытий и технических инноваций [5, с. 14]. Некоторые же подходы находятся лишь на стадии формирования либо были разработаны сравнительно недавно и нуждаются в дальнейшей разработке и практической проверке [6, с. 70].

На сегодняшний день в ЭКЦ МВД России и образовательных организациях МВД России сложилась положительная практика подготовки аналитических обзоров о состоянии и перспективах развития технико-криминалистического обеспечения отдельных направлений экспертно-криминалистической деятельности. В качестве примера можно привести аналитический обзор научных публикаций отечественных и зарубежных авторов в области судебной пожарно-технической экспертизы, подготовленный авторским коллективом Восточно-Сибирского института МВД России по заявке ЭКЦ МВД России [7, с. 282].

3. Экспертное прогнозирование.

Экспертное прогнозирование позволяет судебным экспертам проводить глубокий анализ текущих угроз и потенциальных опасностей, обеспечивая повышение эффективности работы правоохранительных органов. Основные направления и методы экспертного прогнозирования включают как традиционные, так и инновационные инструменты оценки и анализа криминальных ситуаций.

Можно выделить основные компоненты экспертного прогнозирования, к которым относятся [8, с. 217, 218]:

1. Теоретико-методологическое обоснование: теория криминалистического прогнозирования возникла в конце прошлого столетия и быстро развивалась благодаря усилиям множества ученых-криминалистов. Она основана на научном подходе к изучению причин и условий возникновения преступлений, помогает формировать эффективные стратегии защиты общества.

2. Фундаментальные принципы прогнозирования:

- принцип логичности требует соответствия прогнозов основным законам формальной и диалектической логики;
- истинность означает способность прогнозов точно отражать реальные процессы и явления;
- точность предусматривает четкую фиксацию временных и пространственных характеристик прогнозируемых событий;

– реализуемость подразумевает наличие практических способов воплощения профилактических мер, основанных на прогнозах;

– конкретность требует учета социально-политических и экономических условий, в которых осуществляются прогнозы.

3. Практическое применение прогнозирования:

– прогнозирование служит инструментом эффективного управления ресурсами, позволяя заранее планировать работу судебно-экспертных служб и минимизировать расходы;

– оно помогает организовывать работу специалистов таким образом, чтобы каждый элемент экспертной деятельности имел цель и смысл.

4. Стадии экспертного прогнозирования:

– подготовительный этап включает выбор объекта исследования, сбор необходимой информации и подготовку плана дальнейших действий;

– основной прогнозирующий этап направлен на формирование самого прогноза, включая ретроспективный анализ, диагностику, перспективное проектирование и проверку правильности прогноза.

5. Правовые основы экспертного прогнозирования: несмотря на очевидную пользу экспертного прогнозирования, оно еще недостаточно интегрировано в правовые акты, определяющие деятельность экспертов. Отсутствие прямого закрепления таких процессов в законе снижает эффективность их практической реализации.

Необходимы дальнейшее развитие методологии экспертного прогнозирования, интеграция современных информационно-технологических средств и укрепление сотрудничества между экспертами и правоохранительными органами. Регулярное обновление базы данных и использование цифровых платформ позволят оперативно реагировать на изменения в структуре преступности и повышать качество прогнозов.

Таким образом, внедрение эффективных методов экспертного прогнозирования способно существенно усилить потенциал государственных институтов в борьбе с преступностью, улучшая безопасность населения и повышая доверие к правоохранительным органам.

4. Справочно-консультационная деятельность.

Судебные эксперты в судопроизводстве привлекаются в качестве специалистов для предоставления профессиональных пояснений, оказания помощи в изучении и анализе доказательной базы. Они выступают с объяснениями и проводят консультации непосредственно для следователей, суда и иных участников процесса. Стоит отметить, что обращение к специалистам возможно даже тогда, когда проведение глубокой научной экспертизы не требуется, а необходимы простая консультация или получение письменного заключения специалиста по какому-то конкретному вопросу, включая предварительные этапы досудебного производства [9, с. 28].

Потребность в справочно-консультационной поддержке судебных экспертов и специалистов для следствия, органов дознания либо суда, как правило, появляется при формулировке вопросов на этапе назначения судебной экспертизы, оценке заключения эксперта, несогласии сторон или суда с выводами судебного эксперта, наличии сомнений в обоснованности выводов эксперта либо разногласий в выводах

экспертов, участвовавших в производстве комиссионной или комплексной судебной экспертизы [10, с. 180, 181].

Получение такой консультации в свою очередь позволит суду дать оценку собранным по делу доказательствам в совокупности с консультацией специалиста, что также будет способствовать объективному и своевременному разрешению уголовного дела.

Справочно-консультационная деятельность эксперта тесно связана с правовой пропагандой, проводимой подразделениями МВД России.

5. Правовая пропаганда.

Правовая пропаганда в системе МВД России – это форма профилактической деятельности органов внутренних дел, направленная на распространение и разъяснение правовых норм и практики их применения в сфере внутренних дел. Она осуществляется всеми структурными подразделениями МВД России в пределах их компетенции с привлечением ведущих ученых и специалистов образовательных и научных организаций ведомства.

Правовая пропаганда в системе МВД России может осуществляться в форме издания и распространения печатной продукции, проведения информационно-пропагандистских акций правовой направленности, а именно мероприятий, направленных на распространение и разъяснение правовой информации среди различных групп населения, отражающей роль МВД России и меры в сфере поддержания законности и правопорядка, проведения лекций, семинаров, конференций, выступления в средствах массовой информации и иных формах [11, с. 38].

6. Проведение теоретических и экспериментальных исследований.

С изучением и обобщением практики применения криминалистических средств и методов неразрывно связано проведение теоретических и экспериментальных исследований сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений. В структуре ЭКЦ МВД России на сегодняшний день организована деятельность управления научных исследований, основными задачами которого является:

- организация и проведение прикладных научных исследований в области экспертно-криминалистической деятельности ОВД России с применением современных технико-криминалистических и аналитических методов и средств;
- разработка и совершенствование методик судебно-экспертных исследований;
- апробация экспертных методик и технических средств, которые рекомендуются к применению в экспертно-криминалистической деятельности;
- сопровождение внедрения результатов завершенных научно-исследовательских работ в оперативно-служебную деятельность ЭКЦ МВД России;
- организация издания сборников научных трудов, справочных и методических пособий, методических рекомендаций, информационных материалов, касающихся экспертно-криминалистической деятельности.

Результаты теоретических и экспериментальных исследований, выполненных сотрудниками ЭКЦ МВД России, проходят апробацию в рамках научно-представительских мероприятий различного уровня [12, с. 164].

7. Проведение занятий с должностными лицами.

Проведение занятий с должностными лицами следствия, дознания, а также иных министерств и ведомств осуществляется судебными экспертами с целью формирования у них компетенций, связанных с осмотром места происшествия, использования технико-криминалистических средств обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, назначения судебных экспертиз и с иными вопросами обеспечения качественного судопроизводства.

Таким образом, экспертно-криминалистическое предупреждение преступлений представляет собой специальный вид деятельности, осуществляемой экспертами с целью выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и разработки мер по их устранению. Данная деятельность проводится сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений с использованием специальных знаний и обеспечивает выявление факторов, увеличивающих вероятность преступлений, и разработку рекомендаций по их преодолению.

Методология предупреждения преступлений включает анализ экспертных данных, выявление криминогенных факторов и выработку рекомендаций по совершенствованию профилактической деятельности. Сложность метода обусловлена ограниченными возможностями интерпретации обстоятельств вне процессуального поля, а также отсутствием четкой нормативно-правовой регламентации.

Деятельность экспертно-криминалистических подразделений по предупреждению преступлений регулируется положениями УПК РФ и приказами МВД России, однако существующие нормы оставляют ряд пробелов, что затрудняет реализацию полноценной профилактической работы. В связи с этим требуется дальнейшая адаптация и детализация регламентирующих документов.

Выделены основные формы предупредительной деятельности экспертно-криминалистических подразделений:

- процессуальные: предполагают производство судебной экспертизы и предоставление рекомендаций в рамках уголовного дела;
- непроцессуальные: включают обобщение экспертной практики, проведение консультаций, экспертное прогнозирование, правовую пропаганду и другие.

Перспективы развития экспертно-криминалистической деятельности по предупреждению преступлений неразрывно связаны с необходимостью совершенствования правовой базы и повышения уровня взаимодействия между судебными экспертами и правоохранительными органами, а вместе с этим и повышением значимости экспертной инициативы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федорович В. Ю. Особенности компетенции судебного эксперта в профилактической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 181-185.
2. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник для вузов. М. : Юрайт-издат: Право и закон, 2002. 320 с.

3. Майлис Н. П. Профилактическая деятельность эксперта и следователя, способствующая предотвращению преступлений // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 183–185.

4. Находкин Н. Ю. Проблемы и перспективы развития технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений // Студенческий вестник. 2024. № 9–1 (295). С. 47–50.

5. Алдатов Ю. С., Крисанова В. Ю., Плотникова Г. В., Шеков А. А. Влияние способа прокладки медной электропроводки на определение условий протекания токовых перегрузок методом металлографического анализа // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2021. № 2 (21). С. 13–18.

6. Современные направления развития криминалистических методик и технологий в уголовном судопроизводстве : монография / под науч. ред. Д.В. Кима ; отв. ред. А. И. Баянов. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. 244 с.

7. Шеков А. А., Дашко Л. В. Взаимодействие Восточно-Сибирского института МВД России с экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России в области научно-методического обеспечения судебной пожарно-технической экспертизы // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 15–17 июня 2023 г.). Иркутск, 2023. С. 281–283.

8. Горошко Е. Ю., Ахраменко Т. В. Реализация непроцессуальных форм использования специальных знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2013. № 6. С. 216–219.

9. Дьяконова О. Г. Формы участия специалиста в судопроизводстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 15–31.

10. Кислицина И. Н. Консультационное участие специалиста-криминалиста в судебном производстве по уголовному делу // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 2 (173). С. 177–183.

11. Титова Е. А. Нормативно-правовое регулирование правовой пропаганды в органах внутренних дел // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2 (26). С. 35–39.

12. Яковлева Л. А. О развитии взаимодействия Восточно-Сибирского института МВД России и экспертно-криминалистического центра МВД России по вопросам подготовки кадров экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел российской федерации в 2023 году // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 105-летию Экспертно-криминалистической службы МВД России. Иркутск, 2024. С. 161–166.

REFERENCES

1. Fedorovich V. Y. Osobennosti kompetencii sudebnogo eksperta v profilakticheskoy deyatel'nosti [Features of the competence of a forensic expert in preventive activities]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. 100, no. 4, pp. 181–185. (In Russ.).

2. Zinin A. M., Mailis N. P. Sudebnaya ekspertiza: uchebnik dlya vuzov [Forensic examination: textbook for universities]. Moscow : Yurayt-izdat: Pravo i zakon, 2002, 320 p. (In Russ.).

3. Mailis N. P. Profilakticheskaya deyatel'nost' eksperta i sledovatelya, sposobstvuyushchaya predotvrashcheniyu prestuplenij [Preventive activity of an expert and investigator, contributing to the

prevention of crimes]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Bulletin of Economic Security. 2020, no. 2, pp. 183-185. (In Russ.).

4. Nakhodkin N. Y. Problemy i perspektivy razvitiya tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij [Problems and prospects of development of technical and criminalistic support of crime investigation]. Studencheskiy vestnik – Student Bulletin. 2024, vol. 295, no. 9-1, pp. 47-50. (In Russ.).

5. Aldatov Yu. S., Krisanova V. Yu., Plotnikova G. V., Shekov A. A. Vliyanie sposoba prokladki mednoj elektroprovodki na opredelenie uslovij protokaniya tokovykh peregruzok metodom metallograficheskogo analiza [Influence of the method of laying copper wiring on determining the conditions of current overloads by metallographic analysis]. Sibirskiy pozharo-spasatel'nyy vestnik – Siberian Fire and Rescue Bulletin. 2021, vol. 21, no. 2, pp. 13-18. (In Russ.).

6. Sovremennye napravleniya razvitiya kriminalisticheskikh metodik i tekhnologiy v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya [Modern trends in the development of forensic techniques and technologies in criminal proceedings: monograph]. Edited by D. V. Kim ; edited by A. I. Bayanov. Krasnoyarsk : Sib. feder. Univ., 2020. 244 p. (In Russ.).

7. Shekov A. A., Dashko L. V. Vzaimodejstvie Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii s ekspertno-kriminalisticheskimi podrazdeleniyami MVD Rossii v oblasti nauchno-metodicheskogo obespecheniya sudebnoj pozharo-tekhnicheskoy ekspertizy [Interaction of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of scientific and methodological support of forensic fire and technical expertise]. Deyatel'nost' pravoohranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh. Sbornik materialov XXVIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii – The activity of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXVIII International scientific and practical conference. 15–17 June 2023. Irkutsk. Irkutsk, 2023, pp. 281-283. (In Russ.).

8. Goroshko E. Yu., Akhramenko T. V. Realizatsiya neprocessual'nykh form ispol'zovaniya special'nykh znaniy v sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti [Implementation of non-procedural forms of using special knowledge in forensic expertise]. Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. 2013, no. 6, pp. 216-219. (In Russ.).

9. Dyakonova O. G. Formy uchastiya specialista v sudoproizvodstve [Forms of specialist participation in legal proceedings]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2016, vol. 24, no. 8, pp. 15-31. (In Russ.).

10. Kislitsina I. N. Konsul'tacionnoe uchastie specialista-kriminalista v sudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu [Consulting participation of a criminologist in the judicial proceedings in a criminal case]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo – Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2014, vol. 173, no. 2, pp. 177-183. (In Russ.).

11. Titova E. A. Normativno-pravovoe regulirovanie pravovoj propagandy v organakh vnutrennih del [Normative legal regulation of legal propaganda in law enforcement agencies]. Altaisky yuridicheskiy vestnik – Altai Law Bulletin. 2019, vol. 26, no. 2, pp. 35-39. (In Russ.).

12. Yakovleva L. A. O razvitii vzaimodeystviya Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii i ekspertno-kriminalisticheskogo centra MVD Rossii po voprosam podgotovki kadrov ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdelenij organov vnutrennih del rossijskoj federacii v 2023 godu [On the development of cooperation between the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia on personnel training for forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in 2023]. Aktual'nye problemy kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-

prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 105-letiyu Ekspertno-kriminalisticheskoy sluzhby MVD Rossii – Actual problems of criminalistics and forensic examination. Collection of materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 105th anniversary of the Forensic Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2024, pp. 161-166. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шеков Анатолий Александрович, кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Дашко Леонид Васильевич, кандидат химических наук, начальник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований. Экспертно-криминалистический центр МВД России. 125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shekov Anatoly Aleksandrovich, Candidate of Chemical, Associate Professor, head of the forensic science department of the federal state budgetary educational institution. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Dashko Leonid Vasilevich, Candidate of Chemical, Head of the Department of Scientific Research on Specialized Types of Expertise and Forensic Support for Combating Drug-Related Crime of the Scientific Research Directorate. Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 5 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125130.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 28.09.2026.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегия не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.
16. При поступлении научного материала заявки на опубликование лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта) редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале, о направлении рукописи автору на доработку, об отклонении.

25. О принятом решении об отклонении рукописи автор уведомляется посредством электронной почты или факсимильной связи.

26. В случае принятия решения о направлении рукописи автору на доработку к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – пять страниц печатного текста (не включая аннотации и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – пятнадцать страниц печатного текста (не включая аннотации и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: PT Astra Serif.

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не** представляются как сканированное изображение.

В тексте научного материала отсылки заключают в квадратные скобки с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46]). Список источников оформляется в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.5–2008** (обязательно **с указанием издающей организации (издательства) и полного количества страниц**). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.7–2021**. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (**нумерация сквозная**).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны быть отражены следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

Порядок направления рукописей и издания журнала

Для опубликования в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, согласие на обработку персональных данных, а также подписанный автором лицензионный договор.

Документы представляются в редакцию журнала в электронном виде (через личный кабинет на сайте журнала <https://vestnikesiirk.ru>).

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта <https://vestnikesiirk.ru>.

**ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ**

Научно-практический журнал
№ 3 (118) 2026

Редактор С. В. Капранова
Верстка: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

РИГ ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110